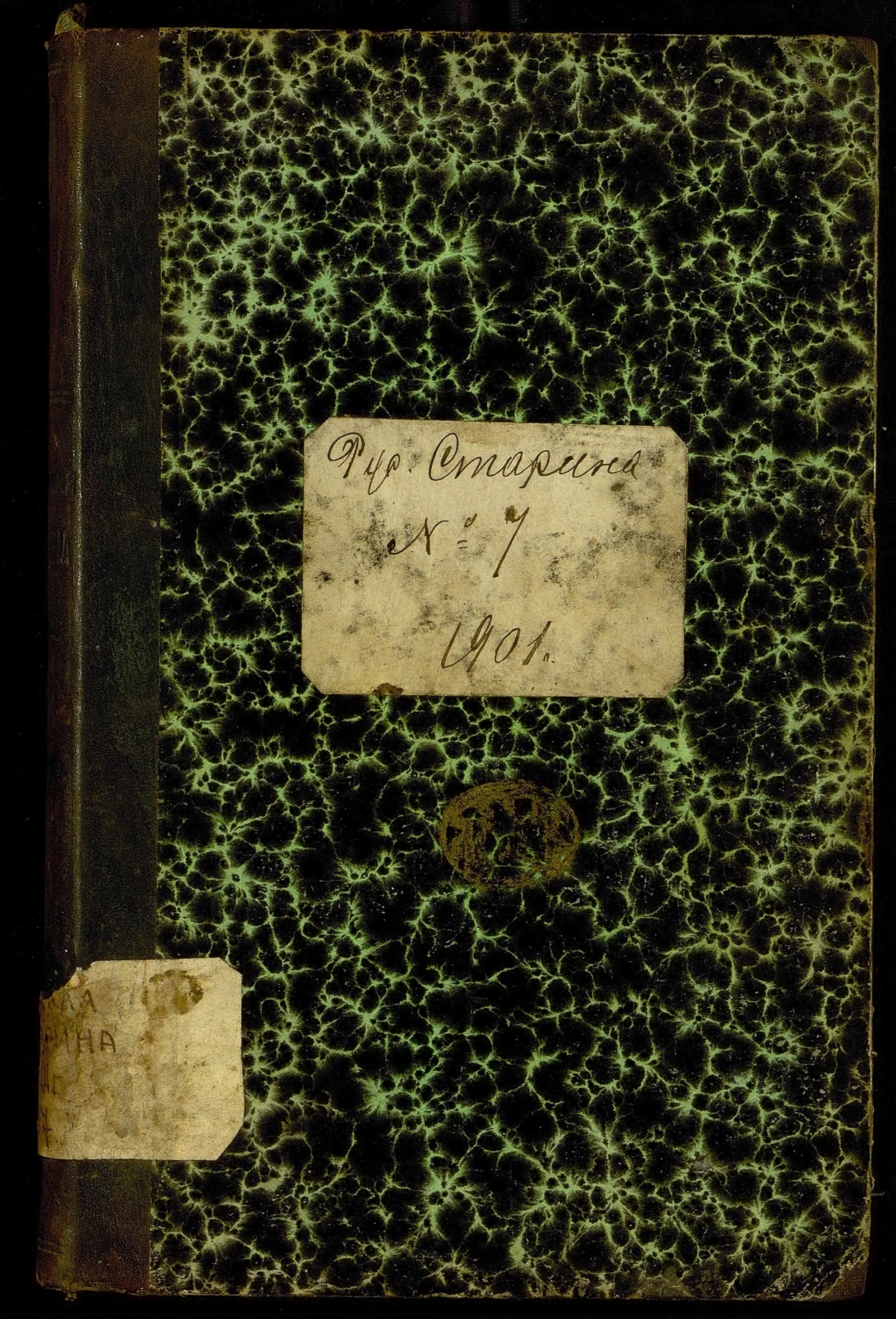
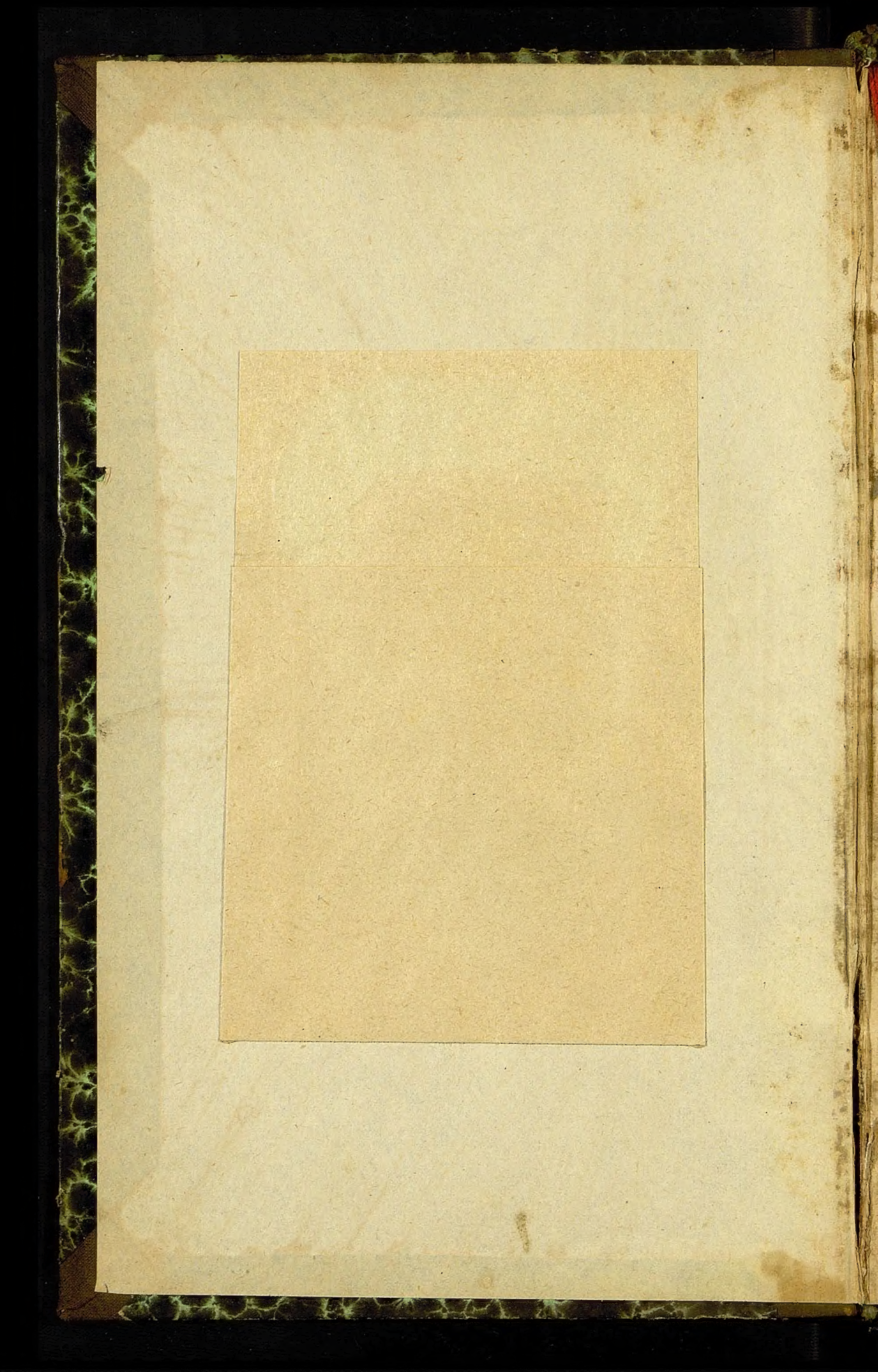

Рус. Старина
№ 7
1901.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXII-й. ІЮЛЬ. 1901 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.
1901.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1901 г.

Библiографическiй листокъ.

Викторъ Острогорскiй. Первое знакомство съ А. С. Пушкинымъ. СПБ. 1901. г. Ц. 1 р. 25 к., стр. 463.

Очень хорошую книгу для подростковъ составилъ и издалъ въ свѣтъ нашъ извѣстный педагогъ-словесникъ В. П. Острогорскiй. Избранныя стихотворенiя Пушкина и отрывки изъ его сказокъ, поэмъ, повѣстей и драмъ расположены въ книгѣ систематически, въ 8-ми отдѣлахъ, и снабжены обстоятельною, задушевно написанною составителемъ бiографiей поэта, вводною статьею, гдѣ выясняется значенiе писателя для страны вообще, и множествомъ историческихъ и историко-литературныхъ примѣчанiй. Полнотѣ изданiя много способствуютъ обильныя иллюстрацiи, состоящiя изъ снимковъ съ извѣстныхъ картинъ художниковъ Ге, Кондратенко и др. изъ жизни Пушкина, нѣсколькихъ портретовъ поэта, снимковъ съ его почерка, фотографiй съ выведенныхъ имъ въ его сочиненiяхъ историческихъ лицъ и пр. Такая книга, гдѣ приведено дѣйствительно все наиболѣе существенное изъ сочиненiй поэта, что можетъ быть доступно дѣтямъ лѣтъ 9—13-ти лѣтъ, и что для большей доступности такъ тщательно и дѣльно объяснено въ примѣчанiяхъ и иллюстрацiяхъ,—такая книга можетъ послужить лучшимъ подаркомъ, обстоятельно знакомящимъ дѣтей съ величайшимъ русскимъ поэтомъ. **Н. П.**

Д-ръ Ал. Тилле. Упадокъ политическаго и военнаго могущества Англiи. Переводъ и, отчасти, пересказъ А. Рѣдкина. СПБ. 1901 г. Цѣна 75 к.

Г-нъ А. Рѣдкинъ въ своей книгѣ, подъ выше приведеннымъ заглавiемъ, даетъ намъ очень хорошiй переводъ и, отчасти, пересказъ труда д-ра Ал. Тилле [1]), который въ теченiе 10 лѣтъ состоялъ доцентомъ Глазговскаго университета и своимъ личнымъ влiянiемъ и литературными трудами старался способствовать болѣе близкому взаимному ознакомленiю англичанъ съ нѣмцами. Въ 1900 г. д-ръ Тилле принужденъ былъ оставить каѳедру и вернуться на родину, въ Германiю. Поводомъ къ этому было то обстоятельство, что студенты Глазговскаго университета, усмотрѣвъ въ безпристрастныхъ сужденiяхъ своего доцента о бурахъ и дѣлахъ въ Южной Африкѣ поруганiе британскаго нацiональнаго чувства, устроили д-ру Тилле скандалъ, едва не завершившiйся физическимъ насилiемъ.

Вернувшись на родину, Ал. Тилле занялся приведенiемъ въ порядокъ матерiаловъ, накопившихся въ его рукахъ за десятилѣтнiй перiодъ внимательнаго изученiя разнообразныхъ сторонъ англiйскаго быта. Результатомъ этой работы и явилась книга, съ извлеченiями изъ которой, въ переводѣ г. А. Рѣдкина, мы и познакомимъ нашихъ читателей.

Въ продолженiе всей второй половины XIX столѣтiя Англiя, какъ извѣстно, пользовалась на континентѣ репутацiею самой богатой, могущественной и влiятельной державы, и репутацiю эту нельзя было бы назвать незаслуженной. Въ теченiе одного столѣтiя Соединенное королевство достигло такого экономическаго развитiя и прiобрѣло такое богатство, какими не могло похвалиться ни одно изъ континентальныхъ государствъ. Мiровая торговля, безспорно, находилась во власти британскаго флота. Колонiальныя владѣнiя Англiи представляли собою единственное колонiальное царство на земномъ шарѣ. Съ ея военнымъ флотомъ не могли бы вступить въ состязанiе даже совокупные флоты всѣхъ прочихъ великихъ державъ.

Наиболѣе интересными являются, въ настоящее время, сужденiя автора объ англо-бурской войнѣ, и потому мы остановимся на этомъ вопросѣ болѣе подробно.

Бурская война, по словамъ д-ра Тилле, является вѣнцомъ всѣхъ политическихъ дѣлъ, въ которыхъ участвовала Англiя. Война эта завершаетъ собою цѣлый перiодъ англiйской исторiи, служитъ поворотнымъ пунктомъ для мiровой роли Англiи и, по всей видимости, началомъ упадка этой обширной имперiи. Единственнымъ историческимъ основанiемъ для войны противъ буровъ служитъ, конечно, то, что этотъ маленькiй народъ мѣшалъ завоевательнымъ поползновенiямъ Англiи въ Южной Африкѣ; безъ его порабощенiя невозможно было создать едино-англiйскую Африку, а потому его надо было раздавить.

О началѣ этой войны говорится, между прочимъ, слѣдующее. Въ сентябрѣ 1899 г. англiйское правительство еще не думало о войнѣ и полагало, что обѣ южно-африканскiя республики можно запугать одними угрозами. 9-го октября 1899 г. обѣ республики, выведенныя изъ терпѣнiя непрерывными притѣсненiями и сосредоточенiемъ британскихъ войскъ, предъявили ультиматумъ, означавшiй для Англiи войну. Лишь по высылкѣ на театръ военныхъ дѣйствiй четверти милiона войскъ противъ 40.000 буровъ, Англiи удалось достигнуть нѣкоторыхъ военныхъ успѣховъ. Вскорѣ послѣ занятiя Кользберга пять большихъ округовъ Капской колонiи единодушно перешли на сторону буровъ.

Подобно тому, какъ 28-го мая 1900 года Англiя присоединила—на бумагѣ—Оранжевую республику, присоединила она, 1-го сентября, тоже на бумагѣ—и Трансвааль, не сообщивъ, однако, державамъ объ этой важной перемѣнѣ

[1]) „Aus Englands Flegeljahren". Von Dr Alexander Tille. Dresden und Leipzig. 1901 г.

ВСЕВОЛОДЪ ПОРФИРІЕВИЧЪ

КОХОВСКІЙ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1901.

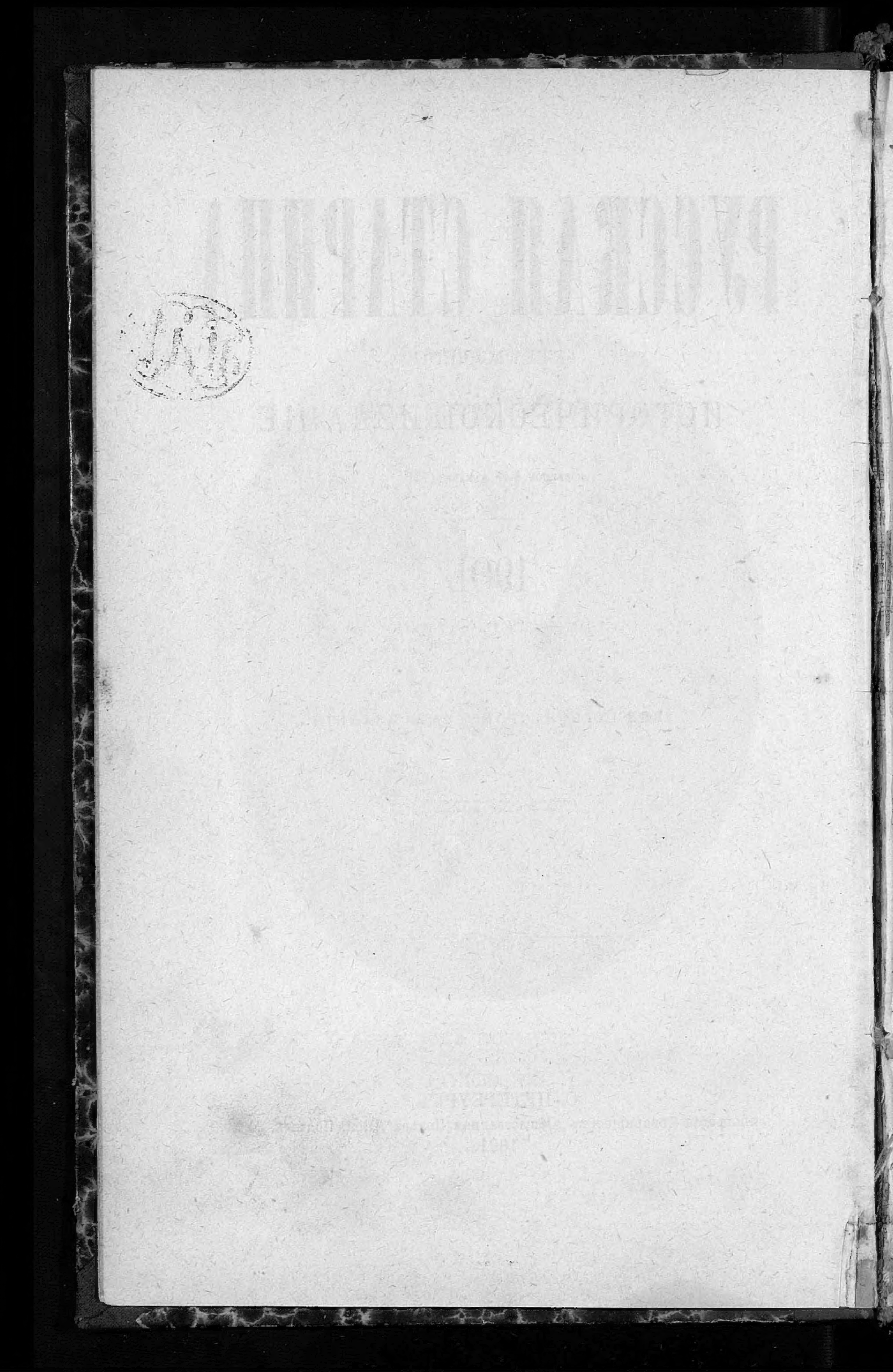
ІЮЛЬ.— АВГУСТЪ.— СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СЕДЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., № 39.
1901.

Великій князь Николай Павловичъ

съ 1814 по 1822 годъ.

III [1]).

Выѣхавъ изъ Павловска 13-го (25-го) сентября 1816 года, великій князь Николай Павловичъ безостановочно слѣдовалъ до Берлина, сгорая отъ нетерпѣнія поскорѣй увидѣться со своей невѣстой, принцессой Шарлоттой. Онъ пріѣхалъ въ Берлинъ 21-го сентября (3-го октября) и затѣмъ почти все время проводилъ въ Шарлоттенбургѣ, гдѣ находился дворъ.

Принцессу Шарлотту уже называли въ семьѣ Александрой. При первомъ же свиданіи ея съ Николаемъ Павловичемъ, между ними произошелъ, между прочимъ, слѣдующій разговоръ, свидѣтельствующій о находчивости великаго князя.

— Вы являетесь какъ разъ кстати, — обратилась она къ нему,— чтобы разрѣшить важный вопросъ, который мы, мои сестры и я, все рѣшали и никакъ не могли рѣшить: петербургскіе часы показываютъ на три четверти впередъ противъ берлинскихъ; развѣ у васъ время идетъ быстрѣе, чѣмъ у насъ?

— Я того мнѣнія,—отвѣчалъ великій князь, улыбаясь,—что нигдѣ время не идетъ такъ быстро, какъ возлѣ васъ.

Характеру принцессы была свойственна нѣкоторая туманная мечтательность, великій же князь, по выраженію Лакруа, не обнаруживалъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюнь 1901 г.

никакой наклонности къ неопредѣленнымъ идеямъ и нѣмецкому идеалу: онъ умѣлъ размышлять, но не мечтать.

Несмотря на такое несходство въ характерахъ и въ наклонностяхъ, симпатіи и чувства будущихъ супруговъ вполнѣ гармонировали между собою; они находили удовольствіе въ прогулкахъ по тѣнистымъ аллеямъ шарлоттенбургскаго парка и прекрасно понимали другъ друга, даже въ тѣ моменты краснорѣчиваго молчанія, которое вдругъ наступаетъ среди влюбленныхъ.

— Вотъ, я поймала васъ,—замѣтила ему принцесса, въ одинъ изъ подобныхъ моментовъ,—не пытайтесь защищаться: вы мечтаете, какъ и я.

— Я не мечтаю,—отвѣчалъ онъ, съ восторгомъ смотря на нее,—я думаю, я думаю о васъ [1]).

Часы и дни, проведенные Николаемъ Павловичемъ въ королевской семьѣ, пролетѣли быстро, и снова приближалось время разлуки съ тою, которой предназначено было идти съ нимъ рука объ руку по жизненному пути.

Послѣ большихъ осеннихъ маневровъ прусскихъ войскъ, на которыхъ присутствовалъ великій князь вмѣстѣ съ королемъ, Николай Павловичъ отправился 15-го (27-го) октября въ дальнѣйшій путь. Первой остановкою его былъ Веймаръ; здѣсь онъ провелъ два дня съ сестрою великою княгинею Маріею Павловною.

Свѣдѣнія о дальнѣйшихъ путешествіяхъ Николая Павловича довольно темны и сбивчивы. Спрашивается, какою дорогою направился великій князь въ Калэ, для переѣзда въ Англію?

Григорій Андреевичъ Глинка въ письмахъ къ своей женѣ пишетъ 21-го октября (2-го ноября) изъ Веймара: «завтра рано поутру отправляемся мы въ Кассель (Гессенскій), оттуда уже въ Брюссель». Дальнѣйшихъ же указаній по этому вопросу въ перепискѣ не встрѣчается [2]). Баронъ Николаи въ своихъ письмахъ также ничего не говоритъ, какимъ путемъ великій князь пріѣхалъ въ Калэ.

Между тѣмъ Лакруа въ своей исторіи утверждаетъ, будто передъ отплытіемъ въ Англію великій князь провелъ нѣсколько дней инкогнито Парижѣ, при чемъ сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя подробности о третьемъ посѣщеніи Николаемъ Павловичемъ французской столицы.

По разсказу Лакруа, великій князь не замедлилъ посѣтить въ Нельи герцога Орлеанскаго, давшаго ему еще въ 1814 году, какъ выражается Николай Павловичъ, первые уроки супружескаго счастія. Великій князь провелъ у герцога цѣлый день. По словамъ Лакруа, этотъ день оказалъ рѣшающее вліяніе на судьбу великаго князя: громадное впечатлѣніе,

---

[1]) Lacroix, „Histoire de la vie du règne de Nicolas I". T. I, p. 128.
[2]) „Русск. Стар". 1876 г., т. XVII.

произведенное на него видомъ домашняго счастія герцога Орлеанскаго, окончательно предрасположило его къ семейной жизни. Николай Павловичъ и герцогъ разстались въ восторгѣ другъ отъ друга; великій князь призналъ его идеаломъ мудраго и честнаго человѣка и просилъ позволенія на обратномъ пути изъ Англіи снова посѣтить его, чтобы почерпнуть въ его семейномъ быту уроки для устройства собственнаго своего домашняго очага, послѣ брака. Они разстались на всегда. Впослѣдствіи политика ихъ разлучила и сдѣлала изъ императора Николая Павловича послѣ 1830 года непримиримаго врага Людовика-Филиппа, короля французовъ.

Въ это же пребываніе въ Парижѣ, великій князь познакомился съ Шатобріаномъ, впавшимъ въ то время въ немилость у правительства Людовика XVIII.

Разговаривая съ нимъ объ этомъ, великій князь замѣтилъ между прочимъ:

— Я удивляюсь, виконтъ,—сказалъ онъ,—что вы, другъ Бурбоновъ, а дѣлаете имъ болѣе зла, чѣмъ это могли бы сдѣлать ихъ враги.

— Зачѣмъ же они не слушаютъ моихъ совѣтовъ,—съ живостью возразилъ Шатобріанъ,—если бы русскій подданный явилъ бы императору Александру сколько доказательствъ преданности....

Николай Павловичъ не далъ ему докончить фразы и оборвалъ его слѣдующимъ характернымъ для него отвѣтомъ:

— Его величество императоръ принимаетъ совѣты только тогда, когда самъ удостоитъ спрашивать ихъ.

Во время своего разговора съ великимъ княземъ Шатобріанъ старался доказать ему, что престолъ Людовика XVIII повисъ надъ бездной, въ которой кишатъ тайныя общества и заговоры, порожденные атеизмомъ, либерализмомъ и бонапартизмомъ.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—теперь всѣ государства въ такомъ положеніи: революція подводитъ подъ нихъ подкопы; и у васъ въ Россіи имѣются свои минеры; но когда настанетъ время зарядить мину и воспламенить зарядъ, Франція, будьте въ томъ увѣрены, надѣлитъ васъ своими пальниками.

Великій князь передалъ впослѣдствіи императору Александру зловѣщее предсказаніе Шатобріана.

Вечеромъ 5-го (17-го) ноября великій князь прибылъ въ Калэ и былъ крайне удивленъ ожидавшему его здѣсь оффиціальному пріему: Лудовикъ XVIII, уважая инкогнито великаго князя въ Парижѣ, приказалъ однако отдать ему всѣ почести при отплытіи его въ Англію.

Переѣздъ совершился на англійской яхтѣ «Royal Sovereign».

Хотя Николай Павловичъ по прибытіи въ Лондонъ былъ встрѣченъ съ большими почестями, но принцъ-регентъ былъ враждебно настроенъ

противъ Россіи и въ частности противъ императора Александра. Эта враждебность была вызвана двумя причинами: во-первыхъ отказомъ дочери принца-регента выйти замужъ за принца Оранскаго.

А такъ какъ вскорѣ принцъ Оранскій женился на великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ, то принцъ-регентъ перенесъ все свое неудовольствіе, по поводу разстройства брака, котораго онъ страстно желалъ, на принца Оранскаго и на его супругу.

Другая причина неудовольствія заключалась въ томъ, что принцъ-регентъ чувствовалъ большую слабость къ различнымъ орденскимъ знакамъ и былъ очень недоволенъ, что императоръ Александръ не жалуетъ ему русскихъ орденовъ, въ особенности ни «цѣпи, ни костюма» ордена Св. Андрея Первозваннаго. Обыкновенно онъ надѣвалъ на себя всѣ иностранные ордена, которые ему были поднесены, и очень гордился ими.

Принцъ-регентъ все свое неудовольствіе далъ почувствовать Николаю Павловичу. Назначивъ часъ для пріема великаго князя, онъ заставилъ его ждать своего выхода. Такъ прошло цѣлыхъ двадцать пять минутъ, пока, наконецъ, графъ Ливенъ не послалъ адъютанта напомнить принцу-регенту, что его ждетъ великій князь. Только тогда онъ вышелъ.

Чтобы отплатить за такую нелюбезность, великій князь, приглашенный на другой день къ принцу-регенту къ парадному обѣду, умышленно опоздалъ на пятнадцать минутъ. Принцъ-регентъ понялъ урокъ и сталъ вести себя въ отношеніи къ великому князю болѣе приличнымъ образомъ [1]).

Николай Павловичъ провелъ въ Англіи четыре мѣсяца, и пріемъ, оказанный ему, былъ, по свидѣтельству Г. А. Глинки, «дружелюбнѣйшій», и всѣми было проявлено «доброхотство угождать и предупреждать всѣ желанія и мысли высокаго посѣтителя». Изъ Лондона великій князь совершалъ поѣздки по Англіи и Шотландіи. Въ Эдинбургѣ Николай Павловичъ пробылъ шесть дней, но въ прочихъ городахъ остановки бывали крайне непродолжительны. Глинка обрисовываетъ, въ своей перепискѣ, характеръ этихъ поѣздокъ великаго князя слѣдующимъ образомъ: «Трудно подѣлиться тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на

---

[1]) Ф. Мартенсъ, „Трактаты съ Англіей, 1801—1831", С.-Петербургъ, 1885, стр. 260. Впослѣдствіи, въ январѣ 1817 года великій князь провелъ пять дней въ гостяхъ у принца-регента въ Брайтонѣ, и, какъ пишетъ Г. А. Глинка: „безъ малѣйшаго стѣсненія, пользуясь вниманіемъ и расположеніемъ принца; погода стояла прекрасная, устраивались прогулки и балы, на которыхъ являлись первѣйшія красавицы въ мірѣ, и гремѣла музыка; я думаю, что воображеніе представитъ мнѣ однажды это время какъ рядъ волшебныхъ явленій". „Русская Старина" т. 17-й, стр. 92.

меня видъ столькихъ городовъ, замковъ и живописныхъ мѣстностей, ибо мы ведемъ чисто кочевую жизнь, быстро переѣзжая съ мѣста на мѣсто. Такъ, напримѣръ, чѣмъ бы остановиться на нѣсколько дней для подробнаго осмотра Бристоля и Бата, двухъ большихъ городовъ, представляющихъ много интереснаго, мы проведемъ тамъ лишь по нѣсколько часовъ».

Во время своего пребыванія въ Лондонѣ, великому князю приходилось знакомиться съ самыми разнообразными политическими и государственными дѣятелями, которыми гордилась тогда Англія, но онъ лично предпочиталъ общество и бесѣды съ представителями британской арміи. Герцогъ Веллингтонъ, два раза уже встрѣчавшійся съ великимъ княземъ въ Парижѣ, въ 1814 и 1815 годахъ, считалъ своимъ долгомъ окружать брата императора Александра вниманіемъ и предупредительностью и нерѣдко служилъ ему руководителемъ и спутникомъ при обзорѣ замѣчательныхъ военныхъ и промышленныхъ учрежденій [1]).

Николай Павловичъ менѣе всего интересовался ораторскими преніями въ палатѣ лордовъ и въ палатѣ общинъ, а также разговорами объ этихъ явленіяхъ англійской общественной жизни.

По поводу же столь распространенныхъ въ Англіи клубовъ и митинговъ, Николай Павловичъ замѣтилъ однажды генералу Кутузову:

«Если бы, къ нашему несчастію, какой-нибудь злой геній перенесъ къ намъ эти клубы и митинги, дѣлающіе болѣе шума, чѣмъ дѣла, то я просилъ бы Бога повторить чудо смѣшенія языковъ, или, еще лучше, лишить дара слова всѣхъ тѣхъ, которые дѣлаютъ изъ него такое употребленіе».

Если бы графъ Нессельроде услыхалъ этотъ рѣзкій отзывъ, онъ остался бы, вѣроятно, доволенъ словами «наблюдателя» и окончательно успокоился бы на счетъ возможнаго увлеченія конституціонными порядками со стороны великаго князя.

Изъ Лондона великій князь ѣздилъ, между прочимъ, два раза въ Клармонъ, загородный дворецъ принцессы Шарлотты, дочери принца-регента, вышедшей замужъ за принца кобургскаго Леопольда, сдѣлавшагося впослѣдствіи бельгійскимъ королемъ. Во время посѣщенія великимъ княземъ Клaремонскаго замка, его видѣлъ лейбъ-медикъ принца Леопольда Штокмаръ, который оставилъ намъ описаніе наружности Николая Павловича въ то время. По его словамъ, это былъ необыкновенно красивый, плѣнительный молодой человѣкъ, прямой, какъ

---

[1]) Николай Павловичъ произвелъ вообще на англійское общество самое благопріятное впечатлѣніе. Когда великій князь проѣзжалъ верхомъ по улицамъ или по паркамъ, публика, любуясь его красивою и величавою осанкою, говорила: „взглянувъ на него, какъ не сказать, что это наслѣдникъ русскаго императора“.

сосна, съ правильными чертами лица, открытымъ лбомъ, красивыми бровями, необыкновенно красивымъ носомъ, красивымъ маленькимъ ртомъ, тонко очерченнымъ подбородкомъ; военный костюмъ его отличался простотою. «Его манера держать себя»,—прибавляетъ Штокмаръ,—полна оживленія, безъ натянутости, безъ смущенія и тѣмъ не менѣе очень прилична. Онъ много и прекрасно говоритъ по-французски, сопровождая слова недурными жестами. Если даже не все, что̀ онъ говорилъ, было очень остроумно, то, по крайней мѣрѣ, все было не лишено пріятности; повидимому, онъ обладаетъ рѣшительнымъ талантомъ ухаживать. Когда въ разговорѣ онъ хочетъ оттѣнить что-либо особенное, то поднимаетъ плечи къ верху и нѣсколько аффектированно возводитъ глаза къ небу. Во всемъ онъ проявляетъ большую увѣренность въ самомъ себѣ, повидимому, однако безъ всякой претензіи. Онъ ѣлъ очень умѣренно для человѣка его лѣтъ и пилъ лишь одну воду. Послѣ обѣда, когда графиня Ливенъ [1]) сыграла на роялѣ, онъ поцѣловалъ ей руку, что̀ показалось англійскимъ дамамъ крайне страннымъ, но въ то же время рѣшительно желательнымъ. Мистрисъ Кэмбель (статсъ-дама принцессы Шарлоты, отличавшаяся требовательностью и строгостью въ своихъ сужденіяхъ о мужчинахъ) была неизсякаема въ своихъ похвалахъ на счетъ великаго князя: «О какое очаровательное созданіе! Онъ дьявольски красивъ! Это будетъ самый красивый мужчина въ Европѣ!» Когда вечеромъ всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, для великаго князя былъ принесенъ кожанный мѣшокъ, набитый сѣномъ на конюшнѣ, его людьми, на которомъ онъ всегда спалъ». По словамъ Штокмара, англичане увидѣли въ этомъ со стороны великаго князя желаніе порисоваться! [2]).

5-го (17-го) марта, великій князь покинулъ Англію и переправился въ Калэ. По желанію императора Александра, Николаю Павловичу было предложено не заѣзжать въ Парижъ, на обратномъ пути въ Россію. Проѣздомъ въ Брюссель, великій князь остановился на нѣсколько часовъ въ Лиллѣ и Мобежѣ, гдѣ были расположены войска русскаго оккупаціоннаго отряда графа М. С. Воронцова. Какъ въ Лиллѣ, такъ и въ Мобежѣ великаго князя торжественно привѣтствовала французская національная гвардія и городскія власти. Въ Мобежѣ въ отвѣтъ на рѣчь подпрефекта, Николай Павловичъ тоже произнесъ рѣчь, первую и послѣднюю за время его путешествія:

— Его величество императоръ,—сказалъ онъ,—питаетъ къ Франціи

---

[1]) Это была Дарья Христофоровна, супруга русскаго посла графа Ливена и сестра генералъ-адъютанта Александра Христофоровича Бенкендорфа, будущаго шефа жандармовъ.

[2]) Denkwürdigkeiten aus den Papieren des Freiherrn Christian Friedrich v. Stockmar. Braunschweig. 1872, p. p. 97—99.

привязанность, которую вамъ угодно было признать, принявъ его солдатъ, какъ братьевъ по оружію. Развѣ вы, и тѣ и другіе, не являетесь защитниками отечества? Національная гвардія—прекрасное учрежденіе, пока она не мѣшается въ политику и остается и подчиняется военной дисциплинѣ. Національная гвардія, такою, какъ я ее понимаю, представляется мнѣ могучею силою страны. Вы замѣтите мнѣ, быть можетъ, что у насъ въ Россіи нѣтъ національной гвардіи? Да, но вскорѣ у насъ будутъ военныя поселенія, которыя ее замѣнятъ и которыя болѣе отвѣчаютъ нашей системѣ правленія. Если я буду имѣть удовольствіе снова увидѣть васъ, господа, я опять заговорю съ вами о нашихъ военныхъ поселеніяхъ, и вы не откажетесь дать мнѣ взамѣнъ свѣдѣнія на счетъ національной гвардіи. Сегодняшній пріемъ вашъ доказываетъ мнѣ, что, возвратясь къ вамъ, я буду вполнѣ увѣренъ найти здѣсь друзей.

Вечеромъ графъ Воронцовъ далъ въ честь Николая Павловича большой балъ, на который собралась вся аристократія родовая, промышленная и финансовая изъ окрестныхъ городовъ и замковъ.

Въ ту же ночь великій князь выѣхалъ въ Брюссель для свиданія съ великой княгиней Анной Павловною, а оттуда въ Штутгартъ для свиданія съ великой княгиней Екатериной Павловною. Въ заключеніе онъ остановился еще въ Веймарѣ и затѣмъ 3-го (15-го) апрѣля прибылъ въ Берлинъ. Здѣсь Николай Павловичъ провелъ двѣ недѣли въ обществѣ своей невѣсты. Пребываніе великаго князя въ Пруссіи сопровождалось этотъ разъ большою и неожиданною для него радостью: король назначилъ своего будущаго зятя шефомъ 3-го Бранденбургскаго кирасирскаго полка. 27-го апрѣля (9-го мая) 1817 года, великій князь возвратился въ Петербургъ.

IV.

Вернувшись изъ заграничнаго путешествія, великій князь Николай Павловичъ пробылъ въ Петербургѣ только около мѣсяца, а затѣмъ снова отправился въ путь къ прусской границѣ для встрѣчи своей невѣсты принцессы Шарлотты.

Принцесса Шарлотта выѣхала изъ Берлина въ Петербургъ 31-го мая (12-го іюня) 1817 года. Въ ея путешествіи въ Россію ее сопровождали ея братъ, принцъ Вильгельмъ, впослѣдствіи императоръ германскій Вильгельмъ I, и свита состояла изъ оберъ-гофмейстерины графини Гааке, флейлины графини Трихсесъ, ея воспитательницы Вильдерметъ, оберъ-гофмейстера барона Шильденъ, камергера графа

Лоттумъ, секретарей Шамбо и Шиллеръ, доктора Буссе, протоіерея Музовскаго и изъ необходимаго числа прислуги. При принцѣ Вильгельмѣ состоялъ, кромѣ того, генералъ Натцмеръ; военная же свита принца состояла изъ его личнаго адъютанта, поручика графа Шлифена и сверхъ того изъ полковника Градова, маіора Луказу и поручика Мутіусъ.

Теперь какъ-бы исполнялось пророческое слово о принцессѣ Шарлоттѣ, сказанное нѣкогда королевой Луизой:

«Наши дѣти—наши сокровища. Дочь моя Шарлотта замкнута въ себѣ, сосредоточена, но, какъ и у ея отца, подъ холодной, повидимому, внѣшностью бьется горячее сочувствующее сердце; вотъ причина, по которой въ ея обращеніи проглядываетъ нѣчто величественное. Если Господь сохранитъ ея жизнь, я предчувствую для нея блестящее будущее».

Передъ отъѣздомъ своей дочери Фридрихъ-Вильгельмъ снабдилъ генерала Натцмера особою письменною инструкціею, содержаніе которой наглядно доказываетъ отрицательныя выгоды, добытыя Россіею отъ политики, поставившей ее съ 1815 года во главѣ реакціи въ Европѣ. Въ каждой строчкѣ этой инструкціи проглядываетъ недовѣріе къ Россіи и высказывается полное сомнѣніе въ безкорыстіи политическихъ намѣреній императора Александра. Такъ продолжалось до 1854 года, а между тѣмъ сами же наши союзники открыто открещивались не разъ отъ дружескихъ услугъ, навязываемыхъ Европѣ творцомъ священнаго союза, а затѣмъ и его преемникомъ...

Инструкція, врученная королемъ Натцмеру, заключалась въ слѣдующемъ:

«Наши политики того мнѣнія, что слѣдуетъ употребить съ нашей стороны всевозможныя усилія, чтобы не допустить войны между Россіей и Портой и тѣмъ отклонить всеобщую войну.

«Относительно революціоннаго движенія въ Пруссіи, слѣдуетъ сказать, что нужно предоставить людямъ думать все, что имъ вздумается, лишь бы они повиновались и платили. Серьезнаго ничего нѣтъ. Есть основаніе предполагать, что императоръ дѣлаетъ столько шуму изъ этого революціоннаго духа лишь для того, чтобъ было чѣмъ оправдать громадный составъ своей арміи. Въ такомъ смыслѣ онъ высказался Пруссіи и Австріи.

«Относительно образованія ландвера — сказать правду. Убѣдить императора, что вся наша военная система основана на оборонительныхъ цѣляхъ. Для другихъ цѣлей наши силы не достаточны—у насъ подъ ружьемъ не болѣе 110.000 человѣкъ, но въ случаѣ нападенія мы можемъ располагать четырехъ-сотъ-тысячной арміей и даже больше...»

Истинная цѣль императора заключается, конечно, въ желаніи быть

посредникомъ въ Европѣ и черезъ это играть первую роль, а чтобы имѣть возможность угрожать, онъ намѣренъ сохранить свои многочисленныя арміи [1]). Но прусское правительство не довольствовалось всѣмъ этимъ. Генералъ Гральманъ, стоявшій во главѣ прусскаго генеральнаго штаба, снабдилъ Натцмера еще слѣдующими вопросными пунктами, которые, безъ всякаго сомнѣнія, приличнѣе было бы ставить Наполеону передъ нашествіемъ 1812 года, чѣмъ союзной намъ державѣ въ 1817 году, въ моментъ бракосочетанія дочери прусскаго короля съ вѣроятнымъ наслѣдникомъ престола:

«Можетъ быть,—пишетъ Гральманъ,—вамъ удастся узнать кое-что о слѣдующемъ:

1) Поддерживается ли еще у Риги предмостное укрѣпленіе?

2) Будутъ ли вновь отстроены рижскіе форштаты, окружающіе крѣпость, и въ какомъ отдаленіи отъ укрѣпленій?

3) Приступили ли дѣйствительно къ укрѣпленію Пскова и что именно сдѣлано въ этомъ отношеніи?

4) Въ какомъ положеніи находятся древнія укрѣпленія Новгорода?

5) Въ какомъ положеніи находятся Нарва и Ивангородъ [2])?

Путешествіе принцессы Шарлотты до самой русской границы было безпрерывнымъ рядомъ овацій и проявленія къ ней сочувствія со стороны ея соотечественниковъ.

---

[1]) Aus dem Leben des Generals Oldwig von Natzmer. Berlin 1876. T. I, p. 228.

[2]) Изъ выше поименованной біографіи генерала Натцмера, стр. 237.

Нацмеръ отвѣчалъ по поводу сдѣланныхъ ему вопросовъ:

„Рижская крѣпость поддерживается крайне дурно. Предмостное укрѣпленіе новое и потому содержится лучше прочихъ укрѣпленій. Но оно расположено неудовлетворительнымъ образомъ.

На русскомъ берегу предмѣстія вновь отстроены, но въ разстояніи лишь 800 шаговъ отъ крѣпостныхъ верковъ. На противоположномъ берегу воспрещено вновь возводить ихъ. У Зокгольма, около Риги, Двину можно перейти въ бродъ. Съ нѣмецкой стороны весьма легко бомбардировать городъ. Всѣ бруствера такъ низки, что на нихъ можно взобраться безъ помощи лѣстницъ.

„Цитадель не снабжена лучшими верками. Широкій водяной ровъ съ одной стороны и Двина съ другой стороны представляютъ собою лучшую защиту города.

„Одинъ французскій инженеръ, недавно посланный императоромъ въ Ригу для осмотра ея и изысканія способовъ для лучшей обороны города, какъ говорятъ, отвѣтилъ ему: „Sire, la nature y a tout fait, l'art a tout gaté“.

Король поблагодарилъ Натцмана за доставленныя имъ интересныя свѣдѣнія. И все это писалось въ то время, когда Натцмеръ собирался сказать императору: „Sire, nous amenons, ce que nous avons de plus cher et de plus precieux“.

Натцмеръ не позабылъ также о Новгородѣ и на поставленный ему четвертый вопросъ доносилъ въ Берлинъ уже впослѣдствіи, что тамъ не осталось и слѣдовъ прежнихъ укрѣпленій.

8-го (20-го) іюня принцесса Шарлотта и принцъ Вильгельмъ прибыли въ Мемель. Въ честь ихъ пріѣзда были устроены тріумфальныя ворота, суда расцвѣтились флагами, и появленіе путешественниковъ встрѣчено безконечнымъ «ура!» Почти одновременно съ ними въ Мемель пріѣхалъ полковникъ Адлербергъ, адъютантъ великаго князя Николая Павловича, съ извѣстіемъ о прибытіи великаго князя въ Полангенъ.

На другой день по прибытіи въ Мемель, принцъ Вильгельмъ, по совѣту Натцмера, рѣшилъ сдѣлать визитъ великому князю въ Полангенъ, но по дорогѣ туда встрѣтился съ Николаемъ Павловичемъ, желавшимъ прибытіемъ въ Мемель инкогнито доставить сюрпризъ принцу и принцессѣ. При встрѣчѣ они поспѣшили выйти изъ экипажей, сердечно поцѣловались и вмѣстѣ отправились въ Мемель.

Переѣздъ черезъ русскую границу совершился 9-го (21-го) іюня. Вдоль пограничной черты, со стороны Пруссіи и Россіи выстроились отряды войскъ русскихъ и прусскихъ. Въ семь часовъ утра великій князь въ формѣ своего Бранденбургскаго кирасирскаго полка, явился передъ строемъ пруссаковъ, гдѣ его встрѣтилъ принцъ Вильгельмъ съ обнаженною шпагою. Николай Павловичъ, поздоровавшись съ войсками, сказалъ имъ: «Мои друзья, помните, что я на половину вашъ соотечественникъ и, какъ вы, вхожу въ составъ арміи вашего короля».

Въ 9 часовъ подъѣхала придворная карета, изъ которой вышла принцесса Шарлотта, встрѣченная своимъ братомъ; она обошла ряды прусскихъ войскъ, чтобы съ ними проститься. Затѣмъ подъ руку съ принцемъ Вильгельмомъ принцесса направилась къ русской границѣ. Великій князь поспѣшилъ къ ней на встрѣчу и, протягивая руку, какъ бы желая помочь ей переступить пограничную черту, сказалъ шепотомъ:

— Наконецъ-то вы среди насъ, дорогая Александра, а затѣмъ произнесъ такъ, чтобы быть услышаннымъ окружающими: Добро пожаловать въ Россію, ваше королевское высочество.

Послѣ того, онъ провелъ принцессу по рядамъ русскихъ войскъ и сказалъ, обратясь къ офицерамъ:

— Это не чужая, господа; это дочь вѣрнѣйшаго союзника и лучшаго друга нашего государя.

Въ Полангенѣ, Николай Павловичъ представилъ своей невѣстѣ русскій придворный штатъ; онъ состоялъ изъ княгини Волконской (рожд. княжны Репниной), фрейлинъ графини Шуваловой и Ушаковой, оберъ-мундшенка графа Захара Чернышева, гофмейстера Альбедиля, камергера князя Долгорукова и камеръ-юнкера графа Соллогуба.

Дальнѣйшее путешествіе по Россіи было крайне утомительно, такъ какъ стояла страшная жара, а дорожная пыль дѣлала его еще болѣе тяжелымъ. Тѣмъ не менѣе на каждой станціи, великій князь показывалъ принцу Вильгельму войска и производилъ имъ ученіе. По этому

поводу Натцмеръ отмѣчаетъ у себя въ дневникѣ, что «нельзя повѣрить, чѣмъ этотъ господинъ способенъ заниматься по цѣлымъ днямъ».

Во время пути дѣлалось все, чтобы торжественностью встрѣчъ смягчить вполнѣ естественную грусть принцессы Шарлотты. Особенно блестящъ былъ въѣздъ въ Ригу, хотя проявленный при этомъ восторгъ показался Натцмеру нѣсколько искусственнымъ.

16-го (28-го) іюня, принцесса Шарлотта прибыла въ Дерптъ. На слѣдующій день праздновалось рожденіе ея брата, принца Карла, и это обстоятельство должно было особенно оживить ея грусть по покинутой родинѣ; поэтому неудивительно, что у нея на глазахъ часто навертывались слезы, и она казалась печальнѣе обыкновеннаго. Къ вполнѣ понятной тоскѣ о родинѣ у принцессы Шарлотты присоединялся еще страхъ при мысли о встрѣчѣ съ императрицей Маріей Ѳеодоровной, разсказы о которой напугали ее; страхъ этотъ былъ такъ силенъ, что наканунѣ встрѣчи она плакала отъ того, что ей предстояло познакомиться со вдовствующей императрицей.

18-го (30-го) іюня, принцесса Шарлотта прибыла въ Косково, гдѣ къ ней выѣхали на встрѣчу императоръ Александръ, императрица Марія Ѳеодоровна и великій князь Михаилъ Павловичъ. Страхъ принцессы оказался напраснымъ. Она въ воспоминаніяхъ пишетъ: «Я очутилась въ объятіяхъ моей будущей свекрови, которая отнеслась ко мнѣ такъ нѣжно и ласково, что сразу завоевала мою любовь. Императоръ привѣтствовалъ меня съ тою любезностью и съ такими сердечными и изысканными словами, которыя были ему одному свойственны». Вообще свиданіе было въ высшей степени трогательное и сердечное. Государь представилъ своей матери принца Вильгельма, пользовавшагося съ 1814 года особеннымъ его расположеніемъ, съ словами: «рекомендую вамъ моего новаго брата», на что́ императрица отвѣтила, обнявъ принца: «стало быть, и у меня теперь однимъ сыномъ болѣе».

Дальнѣйшій путь шелъ черезъ Гатчину и Царское Село. Въ Гатчинѣ осматривали дворецъ, въ которомъ воспитывались младшіе великіе князья. Дворецъ этотъ своимъ мрачнымъ видомъ произвелъ на иностранцевъ тяжелое впечатлѣніе.

19-го іюня (1-го іюля) принцесса прибыла въ Павловскъ, гдѣ собрался весь дворъ; тамъ же ее поджидала и императрица Елисавета Алексѣевна. Новизна впечатлѣній дотого поразила принцессу, что она растерялась и не замѣтила императрицы, какъ вдругъ ласковый голосъ произнесъ, обращаясь къ ней: «Не найдется ли у васъ и для меня взгляда?» Въ отвѣтъ принцесса бросилась въ объятія императрицы, тронувшей ее своимъ радушнымъ привѣтствіемъ, безъ всякихъ преувеличеній, безъ выраженія излишнихъ чувствъ.

Вдовствующая императрица была въ восторгѣ отъ невѣсты и ска-

зала, что идеалъ всѣхъ ея желаній исполнился, потому что небо послало ей такую дочь. Это расположеніе Маріи Θеодоровны къ принцессѣ возрастало, можно сказать, съ каждымъ днемъ, такъ что графиня Ливенъ имѣла полное основаніе сказать впослѣдствіи великой княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ: «Sie sind das Herzblatt der Kaiserin Mutter (вы—любимица императрицы матери)».

20-го іюня (2-го іюля) послѣдовалъ торжественный въѣздъ принцессы Шарлотты въ Петербургъ. Всѣ смотрѣли на нее съ нѣжнѣйшимъ участіемъ, вспоминая добродушіе, красоту и несчастіе ея матери. Что касается великаго князя Николая Павловича, то, какъ замѣчаетъ современникъ, русскіе тогда еще мало знали его [1]); «едва вышедъ изъ отрочества, два года провелъ онъ въ походахъ за границей, въ третьемъ проскакалъ онъ всю Европу и Россію и, возвратясь, началъ командовать Измайловскимъ полкомъ. Онъ былъ несообщителенъ и холоденъ, весь преданный чувству долга своего; въ исполненіи его онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ и къ другимъ. Въ правильныхъ чертахъ его бѣлаго блѣднаго лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которыя въ первой молодости облегли чело его, были какъ будто предвѣстіемъ всѣхъ напастей, которыя посѣтятъ Россію во дни его правленія. Не при немъ они накопились, не онъ навлекъ ихъ на Россію; но природа и люди при немъ ополчились. Ужаснѣйшія преступныя страсти въ его время должны были потрясти міръ, и гнѣвъ Божій справедливо карать ихъ. Увы! буря зашумѣла въ то самое мгновеніе, когда взялся онъ за кормило, и борьбою съ нею долженъ былъ онъ начать свое царственное плаваніе. Никто не зналъ, никто не думалъ о его предназначеніи; но многіе въ неблагосклонныхъ взорахъ его, какъ въ неясно писанныхъ страницахъ, какъ будто уже читали исторію будущихъ золъ. Сіе чувство не могло привлекать къ нему сердецъ. Скажемъ всю правду: онъ совсѣмъ не былъ любимъ. И даже въ этотъ день ликованія царской семьи, я почувствовалъ въ себѣ непонятное мнѣ самому уныніе».

Во время торжественнаго шествія, по правую руку императора Александра ѣхалъ великій князь Николай Павловичъ, а по лѣвую принцъ Вильгельмъ; великій князь Михаилъ Павловичъ находился рядомъ съ братомъ. Принцесса слѣдовала въ золоченомъ открытомъ ландо съ обѣими императрицами. Войска разставлены были по всему пути, начиная отъ Московской заставы. По прибытіи въ Зимній дворецъ, отслуженъ былъ молебенъ, послѣ котораго принцесса въ первый разъ приложилась ко кресту. Торжество заключилось прохожденіемъ войскъ церемоніальнымъ маршемъ; великіе князья находились во главѣ своихъ полковъ.

---

[1]) Записки Ф. Ф. Вигеля, часть 5-я, стр. 70.

Императрица, принцесса и дворъ находились на существовавшемъ тогда деревянномъ балконѣ. «Съ этого балкона меня показали народу», записала принцесса.

Въ тотъ же день Шильденъ и Натцмеръ передали государю — первый письмо короля, а второй рапортъ о состояніи полка его имени. Натцмеръ пишетъ объ этомъ свиданіи: «Императоръ много говорилъ со мною о военныхъ, о нашемъ корпусѣ офицеровъ, которые опередили русскій. На мои слова: «Sire, nous amenons ce que nous avons de plus cher», онъ отвѣтилъ, что онъ прекрасно знаетъ и чувствуетъ, какую жертву принесли ему король и нація, но что черезъ это узы дружбы и согласія будутъ еще болѣе скрѣплены, если только это представляется возможнымъ. Онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы принцесса была бы здѣсь счастлива.

Когда поздно вечеромъ, въ день своего въѣзда въ Петербургъ, послѣ всѣхъ пережитыхъ волненій, послѣ блеска торжественной встрѣчи въ столицѣ и ослѣпительной роскоши развернувшейся передъ нею придворной жизни, столь не походившей на все то, что ей приходилось видѣть съ дѣтства, принцесса Шарлотта очутилась наконецъ одна въ своей комнатѣ, она почувствовала, по словамъ ея біографа Гримма, — что она находится въ міровомъ царствѣ, гдѣ все представляется ей въ исполинскихъ формахъ [1]).

22-го іюня (4-го іюля) изъ Варшавы прибылъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. «Je le trouvai bien laid», пишетъ о немъ будущая императрица въ своихъ воспоминаніяхъ, прибавляя: «хотя я уже видѣла его ребенкомъ въ Берлинѣ въ 1805 году».

24-го іюня (6-го іюля) состоялось мνропомазаніе принцессы Шарлотты, нареченной великой княжною Александрой Ѳеодоровной. Событіе это оказало громадное вліяніе на ея нравственное состояніе. Мысль о перемѣнѣ религіи дотого угнетала ее, что съ самаго своего въѣзда въ Петербургъ вплоть до 24-го іюня она плакала, какъ только оставалась одна.

Въ своихъ воспоминаніяхъ императрица Александра Ѳеодоровна, упоминая о своемъ тогдашнемъ душевномъ настроеніи, впослѣдствіи писала:

«Протоіерей Музовскій, посвящавшій меня въ догматы греческой церкви и который долженъ былъ подготовить меня къ первому причастію св. таинъ, былъ человѣкъ прекрасный, но не особенно краснорѣчивый на нѣмецкомъ языкѣ. Не такого человѣка было мнѣ нужно для того, чтобы пролить миръ въ мою душу и успокоить ее въ подобную

---

[1]) Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland, von A. Th. von Grimm.— Leipzig 1878. T. 1, p. 77.

минуту; но я нашла въ молитвѣ то, что можетъ дать спокойствіе, я читала назидательныя книги, болѣе не думала о земныхъ вещахъ и была преисполнена счастіемъ пріобщиться въ первый разъ святыхъ Таинъ! 24-го іюня я отправилась въ церковь; меня повелъ императоръ. Съ грѣхомъ пополамъ я прочла символъ вѣры по-русски; рядомъ со мною стояла игуменья въ черной рясѣ, тогда какъ я была одѣта вся въ бѣлое, съ маленькимъ крестомъ на шеѣ; я имѣла видъ жертвы; такое впечатлѣніе произвела я на все наше прусское общество, которое съ состраданіемъ и со слезами на глазахъ видѣло появленіе бѣдной принцессы Шарлотты въ церковномъ обрядѣ, столь мистическомъ и странномъ въ глазахъ протестантовъ. Мѵропомазаніе моей невѣстки цесаревны совершилось при совершенно иныхъ условіяхъ: она нашла здѣсь прекраснаго священника, который объяснилъ ей слово за-слово догматы и обряды нашей церкви, къ которымъ она имѣла время привыкнуть въ теченіе двухъ-мѣсячнаго пребыванія въ Россіи. Но для меня все это случилось весьма быстро; все совершилось и окончилось въ теченіе шести дней. Съ той минуты, какъ я пріобщилась св. Таинъ, я почувствовала себя въ мирѣ съ самой собою и не проливала болѣе слезъ».

25-го іюня (7-го іюля) въ день рожденія великаго князя Николая Павловича, происходило обрученіе. 28-го іюня (10-го іюля) великая княжна Александра Ѳеодоровна подписала актъ отреченія отъ наслѣдственныхъ правъ въ Пруссіи въ присутствіи графа Нессельроде, прусскаго посланника Шёлера, своихъ дамъ и великаго князя Николая Павловича.

30-го іюня (12-го іюля) состоялся на Семеновскомъ плацу большой парадъ войскамъ гвардейскаго корпуса. Во время парада императоръ Александръ часто подзывалъ генерала Натцмера и давалъ ему различныя объясненія. Натцмеръ воспользовался случаемъ и сказалъ государю, какое счастіе для Европы, что всѣ эти войска принадлежатъ ему. Комплиментъ, повидимому, понравился, и Александръ замѣтилъ, что онъ никогда не употребитъ ихъ съ дурною цѣлью (malfaisant), но всегда будетъ стремиться поддерживать ими спокойствіе въ Европѣ.

1-го (13-го) іюля, въ день рожденія великой княжны Александры Ѳеодоровны, былъ совершенъ обрядъ бракосочетанія [1]).

---

[1]) Въ день бракосочетанія Николай Павловичъ получилъ отъ наслѣднаго принца прусскаго поздравительное письмо, въ которомъ тотъ ему писалъ между прочимъ: „Помните и ради самого неба никогда не забывайте, что только изъ любви къ вамъ Шарлотта оставила свою семью, свое отечество и свою вѣру! Оставайтесь моимъ другомъ изъ любви къ Шарлоттѣ и другомъ моего народа, потому что онъ заслуживаетъ этого". (Aus dem Leben des Generals Oldwig von Natzmer. T. 1, p. 249).

«Я чувствовала себя очень, очень счастливой, когда наши руки соединились; съ полнымъ довѣріемъ отдавала я свою жизнь въ руки моего Николая, и онъ никогда не обманулъ этой надежды», писала Александра Ѳеодоровна, вспоминая день 1-го іюля 1817 года.

Вѣнцы вовремя вѣнчанія держали надъ Николаемъ Павловичемъ великій князь Михаилъ Павловичъ, а принцъ Вильгельмъ — надъ Александрой Ѳеодоровной.

Послѣ торжественнаго обѣда и бала, новобрачные съ церемоніею поѣхали въ предназначенный для нихъ Аничковскій дворецъ. Императоръ Александръ и императрица Елисавета Алексѣевна отправились туда заранѣе и встрѣтили новобрачныхъ съ хлѣбомъ-солью. Затѣмъ, былъ фамильный ужинъ съ приглашеніемъ нѣкоторыхъ старыхъ приближенныхъ: Ламздорфа, графини Ливенъ и прусскихъ дамъ. Прочая свита ужинала за другимъ столомъ.

Императоръ Александръ подошелъ къ Натцмеру и сказалъ ему, что это счастливѣйшій день, до котораго онъ дожилъ; онъ только желалъ бы, чтобы король былъ свидѣтелемъ всего этого, однако онъ не теряетъ надежды, что король вскорѣ лично убѣдится въ счастіи своей дочери и, можетъ быть, найдетъ семейство умноженнымъ, что, можно надѣяться, и случится.

По случаю совершившагося бракосочетанія находившимся при Николаѣ Павловичѣ кавалерамъ назначены были награды. Генералъ Ламздорфъ также не былъ забытъ. Онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, а сверхъ того императоръ Александръ пожаловалъ ему перстень съ своимъ портретомъ и табакерку съ портретами своихъ родителей и алмазною надписью: «Богъ благословилъ ихъ выборъ». Императрица Марія Ѳеодоровна, съ своей стороны, вручила «Papa Lamsdorf» другую табакерку, осыпанную драгоцѣнными камнями, расположенными такимъ образомъ, что начальныя буквы ихъ французскихъ названій составляли слово: «Reconnaissance»[1].

Съ бракосочетаніемъ великаго князя Николая Павловича связано событіе, составившее важную эпоху въ исторіи инженернаго искусства въ Россіи. 3-го іюля 1817 года послѣдовало назначеніе его генералъ-инспекторомъ по инженерной части и шефомъ л.-гв. Cапернаго батальона.

Этимъ назначеніемъ Николаю Павловичу открывался наконецъ путь къ самостоятельной государственной дѣятельности, и къ тому же на по-

[1]) Въ теченіе семнадцати лѣтъ, проведенныхъ при великихъ князьяхъ, графъ Ламздорфъ получилъ слѣдующія награды: чинъ генерала-отъ-инфантеріи, ордена: св. Александра Невскаго, св. Владиміра первой степени и св. Андрея Первозваннаго. Затѣмъ, 31-го октября, 1821 года графъ Ламздорфъ назначенъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта.

*

прищѣ, вполнѣ соотвѣтствовавшемъ его всегдашней наклонности къ инженерному дѣлу, замѣченной у него еще въ отроческіе годы.

Послѣ цѣлаго ряда торжествъ, ознаменовавшихъ собою бракосочетаніе великаго князя Николая Павловича, императорская фамилія покинула Петербургъ. Императоръ Александръ съ императрицей Елисаветой Алексѣевной переѣхали въ Царское Село, а императрица Марія Θеодоровна въ сопровожденіи новобрачныхъ, великаго князя Михаила Павловича и принца Вильгельма отправилась въ свою любимую резиденцію—Павловскъ. Слѣдующіе затѣмъ два мѣсяца прошли для новобрачныхъ въ безпрерывныхъ переѣздахъ изъ одного загороднаго дворца въ другой, при чемъ главнымъ ихъ мѣстопребываніемъ оставался Павловскъ. Здѣсь этикетъ, поддерживаемый императрицей-матерью, нѣсколько ослабѣвалъ, и воцарялось самое неподдѣльное веселіе, поддерживавшееся прогулками цѣлымъ обществомъ, танцами и разными petits-jeux. Иногда же въ дурную погоду устраивалось литературное чтеніе, при чемъ читали: Жуковскій, Уваровъ и Плещеевъ.

Беззаботное теченіе жизни при Павловскомъ дворѣ было нарушено на время лишь слѣдующимъ прискорбнымъ случаемъ.

7-го (19-го) іюля принцъ Вильгельмъ отправился осматривать лошадей великаго князя Михаила Павловича и передъ конюшнями былъ укушенъ въ ногу собакою. Поднялась страшная тревога. Позвали Вилліе, и онъ для предупрежденія возможныхъ послѣдствій рѣшился вырѣзать рану и прижечь. Великій князь приказалъ тотчасъ убить собаку и, тѣмъ затруднивъ точное изслѣдованіе, возбудилъ среди врачей опасенія за будущее. Принцъ перенесъ операцію со стойкостью и хладнокровіемъ; ни одной жалобы не сорвалось у него съ языка. Къ счастію, все ограничилось для принца только нѣсколькими днями, проведенными въ постели.

Въ связи съ этимъ событіемъ въ воспоминаніяхъ перваго камеръ-пажа великой княгини Александры Θеодоровны, Дарагана, разсказанъ случай, живо характеризующій личность Николая Павловича [1]). На другой день послѣ несчастнаго приключенія съ принцемъ Вильгельмомъ, Александра Θеодоровна послала своего пажа узнать, какъ принцъ провелъ ночь. Возвратившись, онъ встрѣтилъ великую княгиню подъ руку съ великимъ княземъ, готовымъ уже сойти къ императрицѣ; они остановились, и пажъ началъ говорить впередъ приготовленную французскую фразу о спокойной ночи и хорошемъ состояніи здоровья принца и, желая блеснуть своимъ французскимъ выговоромъ, началъ картавить. При первыхъ же словахъ: «Votre Altesse Impériale», великій князь, смотря на него и придавъ своему лицу комически серіозное выраженіе,

---

[1]) «Воспоминанія перваго камеръ-пажа великой княгини Александры Θеодоровны. 1817—1819». «Русская Старина» 1875 года. Т. 12-й и 13-й.

началъ повторять за нимъ каждое слово, картавя еще болѣе, чѣмъ онъ. Великая княгиня захохотала, а бѣдный пажъ, краснѣя и конфузясь, старался скорѣе кончить. Къ его счастію, фраза не была длинна. Послѣ обѣда, проводя великую княгиню и великаго князя во флигель и ожидая приказаній, онъ стоялъ не веселый въ пріемной, когда великій князь, вышедши изъ комнаты великой княгини, подошелъ къ нему, поцѣловалъ и сказалъ:

— Зачѣмъ ты картавишь? Это физическій недостатокъ, а Богъ избавилъ тебя отъ него. За француза никто тебя не приметъ, благодари Бога, что ты русскій, а обезьянничать никуда не годится. Это позволительно только въ шутку.

Потомъ, поцѣловавъ его еще разъ, онъ отпустилъ его до веч ера «Этотъ урокъ»,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Дараганъ,—«остался мнѣ памятенъ на всю жизнь.»

Разсказъ о приведенномъ случаѣ дополняется въ тѣхъ же воспоминаніяхъ интересной характеристикой Николая Павловича въ бытность его великимъ княземъ.

«Выдающаяся черта характера великаго князя Николая»,—пишетъ Дараганъ,—«была любовь къ правдѣ и неодобреніе всего поддѣльнаго, напускнаго. Въ то время императоръ Александръ Павловичъ былъ въ апогеѣ своей славы, величія и красоты. Онъ былъ идеаломъ совершенства. Всѣ имъ гордились, и все въ немъ нравилось; даже нѣкоторая изысканная картинность его движеній, сутуловатость и держаніе плечъ впередъ, мѣрный твердый шагъ, картинное отставленіе правой ноги держаніе шляпы такъ, что всегда между двумя раздвинутыми пальцами приходилась пуговица отъ галуна кокарды, кокетливая манера подносить къ глазу лорнетку,—все это шло къ нему, всѣмъ этимъ любовались. Не только гвардейскіе генералы и офицеры старались перенять что-либо изъ манеръ императора, но даже великіе князья Константинъ и Михаилъ поддавались общей модѣ и подражали Александру въ походкѣ и манерахъ. Подражаніе это у Михаила Павловича выходило немного угловато, не натурально, а у Константина Павловича даже утрировано, каррикатурно. По врожденной самостоятельности характера, не увлекался этой модой только одинъ великій князь Николай Павловичъ. Въ то время великій князь Николай Павловичъ не походилъ еще на ту величественную, могучую, статную личность, которая теперь представляется всякому при имени императора Николая. Онъ былъ очень худощавъ и отъ того казался еще выше. Обликъ и черты лица его не имѣли еще той округлости, законченности, красоты, которая въ императорѣ невольно поражала каждаго и напоминала изображенія героевъ на античныхъ камняхъ. Осанка и манеры великаго князя были свободны, но безъ малѣйшей кокетливости или желанія нравиться, даже натуральная весе-

лость его, смѣхъ какъ-то не гармонировали со строго классическими, прекрасными чертами его лица, такъ что многіе находили великаго князя Михаила красивѣе. А веселость эта была увлекательна, это было проявленіе того счастія, которое, наполняя душу юноши, просится наружу. Въ павловскомъ придворномъ кружкѣ онъ былъ иногда веселъ до шалости».

Какъ примѣръ этой веселости Дараганъ разсказываетъ слѣдующій случай.

Въ одинъ лѣтній день императрица Марія Θеодоровна, великій князь съ супругою и камеръ-фрейлина Нелидова вышли на террасу павловскаго сада. Великій князь шутилъ съ Нелидовой; это была сухощавая небольшая старушка, весьма умная, добрая, веселая. Вдругъ великій князь беретъ ее на руки, какъ ребенка, несетъ въ караульную будку, оставляетъ ее въ ней и строгимъ голосомъ приказываетъ стоящему на часахъ гусару не выпускать арестантку. Нелидова проситъ о прощеніи, императрица и великая княгиня смѣются, а великій князь бросается снова къ будкѣ, выноситъ Нелидову и, опустивъ ее на то мѣсто, съ котораго взялъ, становится на колѣни и цѣлуетъ ея руки [1]).

Повидимому, подобная веселость, проявлявшаяся притомъ въ самомъ тѣсномъ кружкѣ, не удовлетворяла императрицу Марію Θеодоровну. Она находила своихъ младшихъ сыновей недостаточно изысканными и свѣтскими въ обществѣ и, сравнивая ихъ съ принцемъ Вильгельмомъ, выговаривала имъ, что они садятся въ углу съ вытянутыми и скучными лицами, точно медвѣди или марабу. По поводу этого замѣчанія Александра Θеодоровна записала въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее:

«Правда, что мой Николай, какъ только онъ находился въ обществѣ и, въ особенности, на балу, принималъ выраженіе крайне философское (bien philosophe) для его 21-го года. Мы, онъ, какъ и я, были поистинѣ счастливы и довольны только тогда, когда оставались наединѣ въ нашихъ комнатахъ».

Вдовствующая императрица дотого бывала иногда недовольна отсутствіемъ свѣтскаго лоска у великихъ князей Николая и Михаила, что, несмотря на свое пристрастіе къ этикету, дѣлала имъ замѣчаніе даже въ присутствіи постороннихъ лицъ. Такъ Натцмеръ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, что императрица Марія Θеодоровна при посѣщеніи принца Вильгельма во время его болѣзни 12-го (24-го) іюля, въ присут-

---

[1]) Это была Екатерина Ивановна Нелидова (р. 1758). Въ своихъ воспоминаніяхъ императрица Александра Θеодоровна упоминаетъ о Е. И. Нелидовой въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Mademoiselle Nelidoff me parut étonnante de laideur, de disgrace et de mauvaise odeur“.

Это впечатлѣніе вынесла принцесса Шарлотта, при первомъ представленіи ей Нелидовой, въ день пріѣзда въ Павловскъ, 19-го іюня 1817 года.

ствіи принца и Натцмера стала сильно выговаривать находившимся здѣсь великимъ князьямъ, что они слишкомъ натянуты и малолюбезны въ обществѣ дамъ. При этомъ она совершенно разсердилась и, въ концѣ концовъ, сказала, что они должны бы брать примѣръ съ принца Вильгельма.

Вообще Марія Θеодоровна строго держала своихъ младшихъ сыновей даже тогда, когда, казалось, они могли бы пользоваться относительной свободой дѣйствій. Для характеристики этихъ отношеній приведемъ слѣдующій случай, разсказанный въ воспоминаніяхъ Александры Θеодоровны. 11-го (23-го) іюля Николай Павловичъ съ великой княгиней отправились вдвоемъ изъ Павловска въ Царское Село къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Возвратясь оттуда, они встрѣтились со вдовствующей государыней, спросившей ихъ, гдѣ они катались. Услышавъ, что они были въ Царскомъ Селѣ, она замѣтила имъ, что прежде, чѣмъ отправиться туда, они должны были спросить у нея позволенія на это.

Однажды во время обѣдни великая княгиня Александра Θеодоровна почувствовала себя дурно и лишилась чувствъ. Николай Павловичъ почти на рукахъ вынесъ ее изъ церкви и привелъ во флигель, гдѣ находилось помѣщеніе, занимаемое великокняжескою четою. Когда затѣмъ великій князь вышелъ изъ внутреннихъ комнатъ, онъ подошелъ къ дежурному камеръ-пажу Дарагану и спросилъ его:

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Семнадцать, отвѣчалъ тотъ.

— Вотъ видишь,—продолжалъ весело великій князь,— я тебя старше четырьмя годами, а уже женатъ и скоро буду отецъ.

При этихъ словахъ онъ поцѣловалъ Дарагана, и его лицо засіяло счастіемъ.

Съ этого дня при дворѣ стали говорить о беременности великой княгини [1]).

---

[1]) Спрашивается, когда это случилось, въ какой день?

Въ запискахъ императрицы Александры Θеодоровны не сказано дня, а сказано только: „A une messe où je m'ifforcai de rester debout, je tombais évanouie comme raide morte. Nicolas m'emporta dans ses bras; je n'en savais rien, je jettai un cri lorsqu'on me donna des sels à respirer et je repris mes sens. Cet accident, qui au premier moment effraya les assistants, fut comme l'annonce de ma grocesse à laquelle moi même je croyais à peine et cette nouvelle rejouit tout le monde! On dit qu' à la place où j'etais tombée on trouva des feuilles de roses effeuillées apparamment de mon bouquet, ce qui parut très poétidue aux dames".

Дараганъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что это случилось въ концѣ августа.

Въ дневникѣ Натцмера сказано, что 8-го (20-го) іюля великая княгиня

20-го іюля (1-го августа) дворъ переселился въ Петергофъ, гдѣ 22-го іюля, въ день тезоименитства императрицы Маріи Ѳеодоровны, состоялась обычная великолѣпная иллюминація. Между тѣмъ принцъ Вильгельмъ уже настолько оправился отъ своей раны, что могъ 24-го іюля въ первый разъ выйти къ разводу.

Въ этотъ день дворъ совершилъ поѣздку въ Кронштадтъ, гдѣ императоръ Александръ произвелъ смотръ флоту. На обратномъ пути императоръ Александръ взялъ ружье, далъ по ружью братьямъ Николаю и Михаилу и велѣлъ Адлербергу командовать ружейные пріемы, къ общей забавѣ многочисленнаго общества [1]).

27-го іюля (8-го августа) начались подъ Петергофомъ маневры. Одной стороной командовалъ генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, а другой генералъ-адъютантъ баронъ Толь.

«О талантахъ обоихъ командовавшихъ генераловъ Дибича и Толя»,— пишетъ Натцмеръ,—«трудно судить по этимъ маневрамъ, потому что здѣсь они могли лишь проявить умѣніе въ точномъ исполненіи данной имъ задачи. Но по всему ясно видно, что у Толя при выполненіи имъ своихъ обязанностей проявляется болѣе спокойствія, чѣмъ у другаго. Его приказанія коротки и опредѣленны, а между тѣмъ у Дибича они большею частью противорѣчивы и обнаруживаютъ у него отсутствіе спокойнаго общаго взгляда [2]). Впрочемъ, оба генерала оставались вѣрны основному положенію: въ началѣ боя отдавать непріятелю безъ всякой надобности деревни и укрѣпленныя позиціи, а потомъ овладѣвать ими обратно цѣною громадныхъ усилій. Обыкновенно русскіе поступали такимъ образомъ въ прошлую войну и, повидимому, намѣрены придерживаться подобному образу дѣйствій и впредь. Лично императоръ дѣлалъ нѣкоторыя, большею частью, очень вѣрныя замѣчанія о ходѣ маневровъ, но такъ какъ предположенія къ нимъ были выработаны вели-

---

упала въ обморокъ во время обѣдни. Назначенный въ этотъ день балъ былъ отмѣненъ.

Затѣмъ 6-го (18-го) августа генералъ записалъ, что великая княгиня Александра Ѳеодоровна не присутствовала на церковномъ парадѣ Преображенскаго полка, потому что она вчера лишилась чувствъ, что̀ случается почти каждый разъ во время церковной службы.

[1]) Это оригинальное препровожденіе времени, въ гатчинскомъ вкусѣ подтверждается какъ собственноручными записками императрицы Александры Ѳеодоровны, такъ и дневникомъ Натцмера.

[2]) „Толь маневрировалъ довольно хорошо, но Дибичъ горячился и путалъ",—пишетъ генералъ Паскевичъ въ своихъ запискахъ. Оказывается такимъ образомъ, что отзывъ Паскевича близко сходится съ характеристикой, сдѣланной Натцмеромъ. Князь Щербатовъ, „Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ" т. 1-й.

чайшими геніями русской арміи, то онъ и не рѣшался открыто высказывать генераламъ свое неудовольствіе.

«Матеріалъ этой грозной арміи, какъ всѣмъ извѣстно, превосходенъ и не заставляетъ желать ничего лучшаго. Но, къ нашему счастію, всѣ безъ исключенія оберъ-офицеры никуда не годны, а большая часть офицеровъ въ высшихъ чинахъ также не многимъ ихъ лучше, лишь малое число генераловъ помышляютъ о своемъ истинномъ призваніи, а прочіе, наоборотъ, думаютъ, что достигли всего, если имъ удастся удовлетворительно провести свой полкъ церемоніальнымъ маршемъ передъ государемъ. Никто не думаетъ о высшемъ образованіи среди офицеровъ и о цѣлесообразныхъ упражненіяхъ войскъ. Императоръ, несмотря на свое пристрастіе къ мелочамъ, сознаетъ этотъ недостатокъ, свойственный всей арміи, но утѣшается мыслью, что въ настоящую пору нельзя измѣнить это положеніе дѣлъ вслѣдствіе недостатка подготовленныхъ къ тому офицеровъ. Но, на сколько мнѣ извѣстно, ничего не дѣлается, чтобы помочь бѣдѣ. Я не знаю ни одного образовательнаго заведенія для молодыхъ офицеровъ.

«Просто не понятны тѣ ошибки, которыя дѣлались генералами, противно всякому здравому смыслу. Мѣстность совершенно не принималась въ соображеніе, равно какъ родъ войска, который для нея годится. Въ артиллеріи замѣтно болѣе военной сноровки; вообще это лучшій родъ оружія въ русской арміи».

Нельзя не остановиться на этой рѣзкой, но правдивой характеристикѣ, сдѣланной Натцмеромъ. Остается только сожалѣть, что въ подобной военной школѣ возросъ великій князь Николай Павловичъ, благодаря указанному обстоятельству. Недостатки, отмѣченные наблюдательнымъ прусскимъ генераломъ, въ общихъ чертахъ сохранились, безъ существенныхъ измѣненій, болѣе тридцати лѣтъ и не утратили своего значенія и въ эпоху Крымской войны. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ прочесть краткую замѣтку, вписанную княземъ А. С. Меншиковымъ въ своемъ дневникѣ, незадолго до высадки союзныхъ войскъ въ Крыму. Послѣ небольшихъ маневровъ, произведенныхъ въ окрестностяхъ Севастополя, 24-го августа (5-го сентября), князь записалъ:

«Увы, какіе генералы и какіе штабъ-офицеры: ни малѣйшаго не замѣтно понятія о военныхъ дѣйствіяхъ и расположеніи войскъ на мѣстности, о употребленіи стрѣлковъ и артиллеріи. Не дай Богъ настоящаго дѣла въ полѣ» [1]).

---

[1]) Н. Шильдеръ, «Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность». С.-Петербургъ. 1885. Т. 1-й, стр. 289.

«24-го августа князь Меншиковъ произвелъ въ окрестностяхъ Севастополя маневры войскамъ, стоявшимъ въ лагерѣ. Тотлебенъ сопровождалъ свѣтлѣйшаго. Маневры были крайне неудачны, генералы Моллеръ и Кирь-

Но возвратимся къ 1817 году. Въ это время великій князь Михаилъ Павловичъ готовился предпринять образовательное путешествіе по Россіи, подобное тому, которое совершено было Николаемъ Павловичемъ въ 1816 году. Императрица Марія Ѳеодоровна избрала для сопровожденія великаго князя генералъ-лейтенанта Ивана Ѳедоровича Паскевича, который въ это время командовалъ 2-ю гренадерскою дивизіею. Вызванный изъ Смоленска въ Петербургъ, Паскевичъ явился къ государю во время маневровъ, производившихся подъ Петергофомъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, который дружески его привѣтствовалъ и сказалъ: «Ты знаешь, что назначенъ ѣхать съ братомъ».

«Я не могъ бы лучше быть принятъ государемъ, какъ тогда»,—отмѣтилъ Паскевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ. «Ты у меня лучшій генералъ въ арміи»,—сказалъ ему императоръ Александръ, «на все способенъ, на все годенъ. Я прошу тебя съ братомъ путешествовать. Это не только дѣло государственное, но дѣло моего къ тебѣ довѣрія, и ты сдѣлаешь мнѣ собственно одолженіе. Требую отъ тебя, чтобъ ты открылъ ему, что знаешь, надѣюсь, что ты на то способы найдешь». Повидимому, генералъ Паскевичъ не очень довѣрялъ искренности словъ, съ которыми къ нему обратился императоръ Александръ,—потому что сопровождаетъ лестныя слова государя замѣчаніемъ: «Мнѣ очень было больно, что система въ правительствѣ не перемѣняется: обольстить словами человѣка, когда онъ нуженъ, и въ той же пропорціи оказать неблагодарность и при малѣйшей кажущейся неисправности, безъ разбора, обижать и взыскивать во всякомъ случаѣ—черезъ-чуръ строго [1])».

яковъ напутали порядкомъ, такъ что и разобраться было трудно. Командующій войсками остался всѣмъ ходомъ дѣла крайне недовольнымъ. Возвращаясь въ Севастополь, князь Меншиковъ въ мрачномъ раздумьѣ ѣхалъ рядомъ съ Тотлебеномъ; дорогою онъ ему только сказалъ: „Что я буду дѣлать съ подобными генералами; что же меня ожидаетъ, если придется дѣйствовать съ ними противъ непріятеля».

[1]) Князь Щербатовъ, «Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ». Т. 1-й, стр. 309.

Замѣтимъ здѣсь, что во время обратнаго движенія русскихъ войскъ изъ Франціи въ Россію въ 1815 году произошло въ Крейцнахѣ столкновеніе между нѣсколькими солдатами Московскаго гренадерскаго полка изъ дивизіи Паскевича и жителями города. За этотъ безпорядокъ Паскевичу объявленъ былъ высочайшій выговоръ въ приказѣ. Императоръ Александръ сказалъ при этомъ случаѣ Барклаю-де-Толли, что онъ на Паскевичѣ хочетъ показать примѣръ и, если увидятъ, что онъ одного изъ лучшихъ генераловъ своей арміи не пожалѣлъ, то поймутъ, какъ другимъ за безпорядокъ можетъ достаться.

Паскевичъ былъ дотого огорченъ полученнымъ выговоромъ, что хотѣлъ подать въ отставку.

11-го (23-го) августа великій князь Михаилъ Павловичъ отправился въ путь въ сопровожденіи генерала Паскевича. Началась поѣздка по Россіи, совершенно курьерская, во время которой, по словамъ Паскевича, «много видишь, но мало пріобрѣтаешь основательныхъ о Россіи свѣдѣній».

Поручая попеченію Паскевича юнаго великаго князя, императрица Марія Ѳеодоровна не упустила случая просить избраннаго ею руководителя, чтобы Михаилъ Павловичъ «болѣе занимался гражданскою частью и елико возможно менѣе военною».

— Я знаю,—сказала императрица,—что у него есть особое расположеніе къ фронту, но ты старайся внушить ему, что это хорошо, но гораздо существеннѣе узнать бытъ государства.

Отсюда видно, что императрица Марія Ѳеодоровна не переставала бороться съ врожденными наклонностями своихъ сыновей; но настойчивыя требованія ея ни къ чему не привели; заботливой матери не удалось искоренить особое расположеніе къ фронтовымъ занятіямъ ни въ Николаѣ Павловичѣ, а еще менѣе въ Михаилѣ Павловичѣ.

Преслѣдуя эту цѣль, нужно замѣтить, что лучшаго выбора спутника великому князю трудно было сдѣлать; но и онъ оказался безсильнымъ въ борьбѣ съ экзерцирмейстерствомъ. Для характеристики господствовавшаго тогда въ военныхъ сферахъ направленія и предъявляемыхъ имъ требованій, по отношенію къ войскамъ, лучше всего привести слѣдующую замѣтку генерала Паскевича:

«Послѣ 1815 года, фельдмаршалъ Барклай-де-Толли, который зналъ войну, подчиняясь требованіямъ Аракчеева, сталъ требовать красоту фронта, доходящую до акробатства, преслѣдовалъ старыхъ солдатъ и офицеровъ, которые къ сему способны не были, забывъ, что они еще недавно оказывали чудеса храбрости, спасли и возвеличили Россію. Много генераловъ поддались этимъ требованіямъ; такъ напримѣръ, генералъ Ротъ, командующій 3-ю дивизіею, который въ одинъ годъ разогналъ всѣхъ бывшихъ на войнѣ офицеровъ, и наши георгіевскіе кресты пошли въ отставку и очутились винными приставами. Армія не выиграла оттого, что, потерявъ офицеровъ, остались съ одними экзерцирмейстерами. Я требовалъ строгую дисциплину и службу, я не потакалъ безпорядкамъ и распутству, но я не дозволялъ акробатства съ носками и колѣнками солдатъ. Я сильно преслѣдовалъ жестокость и самоуправство, и хорошихъ храбрыхъ офицеровъ я оберегалъ. Но, къ горю моему, фельдмаршалъ Барклай-де-Толли имъ заразился. Это экзерцирмейстерство мы переняли у Фридриха II, который отъ отца своего наслѣдовалъ эту выучку. Хотѣли видѣть въ томъ секретъ его побѣдъ; не понимая его генія, принимали наружное за существенное. Фридрихъ былъ радъ, что принимаютъ то, что лишнее, и, какъ всегда

случается, перенимая, еще болѣе портятъ. У насъ экзерцирмейстерство приняла въ свои руки бездарность, а какъ она въ большинствѣ, то изъ нея стали выходить сильные въ государствѣ, и послѣ того никакая война не въ состояніи придать ума въ обученіи войскъ. Что сказать намъ, генераламъ дивизій, когда фельдмаршалъ свою высокую фигуру нагибаетъ до земли, чтобы равнять носки гренадеръ? И какую потомъ глупость нельзя ожидать отъ армейскаго маіора? Фридрихъ II этого не дѣлалъ. Но кто же зналъ и помнилъ, что̀ Фридрихъ дѣлалъ? А Барклай-де-Толли былъ тутъ у всѣхъ на глазахъ. Въ годъ времени войну забыли, какъ будто ея никогда не было, и военныя качества замѣнились экзерцирмейстерской ловкостью».

Трудно представить болѣе грозную и правдивую критику военныхъ порядковъ, установившихся у насъ въ Россіи послѣ Наполеоновскихъ войнъ; они многое объясняютъ въ послѣдующихъ затѣмъ событіяхъ.

Къ этой правдивой оцѣнкѣ, сдѣланной будущимъ сподвижникомъ императора Николая и фельдмаршаломъ княземъ варшавскимъ, нужно присовокупить то, что пишетъ по тому же поводу Д. В. Давыдовъ:

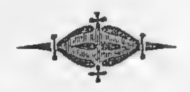
«Для лицъ, не одаренныхъ возвышеннымъ взглядомъ, любовью къ просвѣщенію, истиннымъ пониманіемъ дѣла, военное ремесло заключается лишь въ несносно-педантическомъ, убивающемъ всякую умственную дѣятельность парадированіи. Глубокое изученіе ремешковъ, правилъ вытягиванія носковъ, равненія шеренгъ и выдѣлыванія ружейныхъ пріемовъ, коими щеголяютъ всѣ наши фронтовые генералы и офицеры, признающіе уставъ верхомъ непогрѣшимости, служатъ для нихъ источникомъ самыхъ высокихъ поэтическихъ наслажденій. Потому и ряды арміи постепенно наполняются лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военнаго устава; лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе различными частями войскъ, что̀ приноситъ этимъ личностямъ значительныя, беззаконныя, матеріальныя выгоды, которыя правительство, повидимому, поощряетъ. Этотъ порядокъ вещей получилъ, къ сожалѣнію, полную силу и развитіе со времени вступленія на престолъ императора Николая; онъ и братъ его великій князь Михаилъ Павловичъ не щадитъ ни усилій, ни средствъ для доведенія этой отрасли военнаго искусства до самаго высокаго состоянія. И подлинно, относительно равненія шеренгъ и выдѣлыванія темповъ наша армія безспорно превосходитъ всѣ прочія. Но Боже мой! Каково большинство генераловъ и офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, вслѣдствіе чего они ненавидятъ всякую науку. Эти бездарные невѣжды, истые любители изящной ремешковой службы, полагаютъ, въ премудрости своей, что война, ослабляя пріобрѣтенныя войскомъ въ мирное время фронтовыя свѣдѣнія, вредна лишь для него. Какъ будто бы войско обучается не для войны, но

исключительно для мирныхъ экзерцицій на Марсовомъ полѣ. Прослуживъ не одну кампанію и сознавая по опыту пользу строеваго образованія солдатъ, я никогда не дозволю себѣ безусловно отвергать полезную сторону военныхъ уставовъ; изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ пользу системы, основанной лишь на обремененіи и притупленіи способностей изложеніемъ неимовѣрнаго количества мелочей, не поясняющихъ, но крайне затемняющихъ дѣло. Я полагаю, что надлежитъ весьма остерегаться того, чтобы начертаніемъ общихъ правилъ стѣснять частныхъ начальниковъ, отъ большаго или меньшаго умственнаго развитія коихъ должно вполнѣ зависѣть приложеніе къ дѣлу изложенныхъ въ уставѣ правилъ. Налагать оковы на даровитыя личности и тѣмъ затруднять имъ возможность выдвинуться изъ среды невѣжественной посредственности—это верхъ безсмыслія. Такимъ образомъ можно достигнуть лишь слѣдующаго: бездарные невѣжды, отличающіеся самымъ узкимъ пониманіемъ дѣла, окончательно изгоняютъ отовсюду способныхъ людей, которые, убитые безсмысленными требованіями, не будутъ имѣть возможности развиться для самостоятельнаго дѣйствія и безусловно подчинятся большинству. Грустно думать, что къ этому стремится правительство, не понимающее истинныхъ требованій вѣка, и какія заботы и огромныя матеріальныя средства посвящены имъ на гибельное развитіе системы, которая, если продлится на долго, лишитъ Россію полезныхъ и способныхъ слугъ. Не дай Боже убѣдиться намъ на опытѣ, что не въ одной механической формалистикѣ заключается залогъ всякаго успѣха. Это страшное зло не уступаетъ, конечно, по своимъ послѣдствіямъ татарскому игу!—Мнѣ, уже состарившемуся въ старыхъ, но несравненно болѣе свѣтлыхъ понятіяхъ, не удастся видѣть эпоху возрожденія Россіи. Горе ей, если къ тому времени, когда дѣятельность умныхъ и свѣдущихъ людей будетъ ей наиболѣе необходима, наше правительство будетъ окружено лишь толпою неспособныхъ и упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ людей. Усилія этихъ лицъ не допускать до него справедливыхъ требованій вѣка могутъ ввергнуть государство въ рядъ страшныхъ золъ» [1]).

Опасенія, высказанныя нашимъ славнымъ партизаномъ, къ несчастію, оправдались самымъ блистательнымъ образомъ въ 1853 году!

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

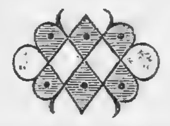
[1]) Записки Дениса Васильевича Давыдова. Лондонъ 1863, стр. 11.

О не именованіи князя А. В. Суворова титуломъ свѣтлости.

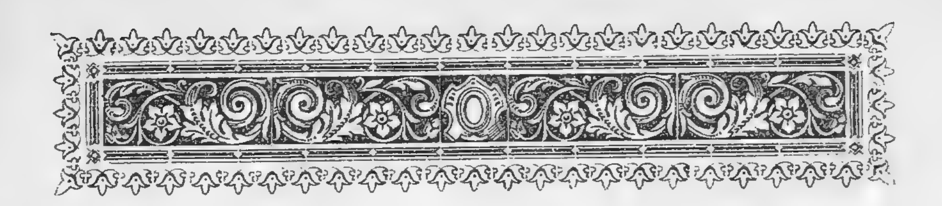
Предложеніе военнаго губернатора, главноначальствующаго гражданскою частью въ Москвѣ и Московской губерніи, фельдмаршала графа И. П. Салтыкова второму военному губернатору Архарову [1]).

6-го декабря 1799 г. № 2133.

По отношенію ко мнѣ господина генерала-отъ-инфантеріи генералъ-прокурора И. К. Беклешова, что его императорское величество, свѣдавъ, что отъ нѣкоторыхъ чиновниковъ въ письмахъ употребляется титулъ, не принадлежащій князю Италійскому графу Суворову-Рымникскому, его свѣтлости, высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы впредь сего указомъ неутвержденнаго титула не давалось, предписываю в. в—у для свѣдѣнія чрезъ кого слѣдуетъ о томъ здѣсь объявить.

[1]) Въ „Русской Старинѣ“ 1900 (№ 5 стр. 336) была напечатана записка графа Хвостова: „Исторія о свѣтлости князя Суворова“. Въ дополненіе къ ней печатаемъ настоящее „Предложеніе“. Ред.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XX [1]).

Постройка Николаевской желѣзной дороги.—Инженеръ-полковникъ Мельниковъ.—Объѣзды графомъ Клейнмихелемъ для осмотра работъ.—Подрядчики.—Кузьминъ и помѣщикъ Шарабановъ.—Направленіе линіи Николаевской дороги.—Положеніе землекоповъ.—Ускореніе работъ.—Проѣздъ императора Николая изъ Петербурга въ Москву.—Открытіе пути.—Столкновеніе поѣздовъ.—Неустроенность дороги.—Назначеніе В. А. Панаева начальникомъ изысканій для линіи желѣзной дороги по Донецкому бассейну.

Въ предъидущей главѣ я сказалъ, что, по окончаніи академическаго курса въ Институтѣ путей сообщенія, мы съ братомъ отправились на постройку Николаевской желѣзной дороги.

Дорога дѣлилась на двѣ дирекціи: Сѣверную и Южную; каждая дирекція дѣлилась на нѣсколько участковъ, а участокъ на нѣсколько дистанцій.

Начальникомъ Сѣверной дирекціи былъ инженеръ-полковникъ Мельниковъ, а Южной—инженеръ-полковникъ Крафтъ.

Сѣверная дирекція была раздѣлена на 6-ть участковъ и слишкомъ на 30 дистанцій, длиною отъ 12 до 16 верстъ. Центральное управленіе Сѣверной дирекціи Мельникова помѣщалось въ Чудовѣ на Московскомъ шоссе, гдѣ близко проходила линія желѣзной дороги. Личный составъ этого центральнаго управленія былъ у Мельникова до крайности ограниченъ, по собственному его желанію.

Кромѣ инженернаго начальства, было учреждено полицейское

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюнь 1901 г.

управленіе. На всю желѣзную дорогу было откомандировано два дивизіона конныхъ жандармовъ; начальникомъ этого управленія былъ назначенъ генералъ-адъютантъ князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій.

Пріѣхавши въ деревню Кузнецово, въ которой мы проживали за годъ предъ тѣмъ, во время изысканій, мы помѣстились съ начальникомъ участка Семичевымъ (впослѣдствіи строитель Московско-Курской желѣзной дороги) въ одной избѣ, разгороженной пополамъ. Когда же развилась работа составленія проектовъ, то, по тѣснотѣ мѣста, я перешелъ къ товарищу Поземковскому, жившему въ другой избѣ въ той же деревнѣ.

Мнѣ и брату поручено было составленіе проектовъ и постройка мостовъ на всемъ 6-мъ участкѣ.

Мельниковъ посѣщалъ работы довольно часто, непремѣнно разъ въ мѣсяцъ, а то и болѣе. Во время его пріѣздовъ, онъ останавливался съ нами въ одной избѣ. Простота его обращенія, его разсказы о путешествіяхъ, его широкіе человѣчные взгляды, его образованность, чистота и возвышенность его отношенія къ дѣлу приводили насъ въ восторгъ, подымали нашъ духъ и поддерживали въ насъ энергію въ глуши, гдѣ мы были отрѣзаны отъ бѣла-свѣта. Имѣть начальника съ такими качествами и свойствами, да при томъ перваго у насъ инженера по образованію, таланту и знаніямъ, было великое счастіе. Мы положительно влюбились въ него.

Гр. Клейнмихель, обыкновенно, объѣзжалъ работы въ теченіе лѣта и передъ закрытіемъ работъ, позднею осенью, когда бывала всегда распутица, и при этомъ онъ мирился со всѣми обстоятельствами такого путешествія. Ѣхалъ, пока было можно, въ своей коляскѣ; если же приходилось бросать коляску, то пересаживался въ чей-либо легонькій тарантасъ, а когда выпадалъ въ это время снѣгъ, то графа везли на саняхъ, приспособленныхъ, въ одну ночь, изъ дровней, придѣлывая къ нимъ спинку и бочки, обитые рогожей.

Однажды такое обстоятельство случилось во время ночлега графа у меня. День былъ холодный. Ѣхавъ по моей дистанціи и видя, что работы отстали, онъ нѣсколько разъ подзывалъ къ себѣ подрядчика Кузьмина и бранилъ его. Пріѣхавъ на границу нашего VI участка, гдѣ надо было мѣнять лошадей, графъ вышелъ изъ саней и вошелъ въ контору Кузьмина, чтобы обогрѣться и выпить чаю.

Выйдя изъ конторы, графъ жестоко накинулся на Кузьмина.

— Что ты думаешь—закричалъ онъ,—такъ продолжать дѣло?—ты обманщикъ, мошенникъ, забралъ казенныя деньги и не хочешь отработать ихъ. Да ты знай, что если я доложу государю, такъ тебя въ 24 часа отправятъ въ Сибирь.

Словомъ сказать, графъ ругалъ Кузьмина такъ, что хуже ругать было невозможно.

Все это происходило въ присутствіи насъ, сопровождавшихъ графа до этого пункта, инженеровъ и другихъ выѣхавшихъ встрѣтить его, а также въ присутствіи всей свиты, ѣхавшей съ нимъ, и разнаго конторскаго люда. Затѣмъ, графъ сѣлъ въ сани и укатилъ. Мы, не имѣвшіе обязанности сопровождать графа далѣе, вошли тоже въ контору обогрѣться и выпить чаю. Вслѣдъ за нами входитъ Кузьминъ. Мы удивились, такъ какъ ему слѣдовало сопровождать графа до Чудова.

— Что же вы не поѣхали?—спросилъ кто-то Кузьмина.

— Я дальше не поѣду. Не хочу больше такихъ ругательствъ слушать.

Кузьминъ имѣлъ замѣчательно выразительную наружность. При томъ, онъ былъ высокаго роста съ длинною бородою, совсѣмъ почти посеребрившеюся.

Пока мы пили чай, Кузьминъ сидѣлъ, насупившись, молча, и вдругъ сказалъ, не обращаясь ни къ кому.

— Ну, ваше сіятельство, обидѣлъ ты меня горько, посрамилъ при людяхъ, такъ знай, что за каждое твое ругательное слово ты заплатишь мнѣ по 100.000 рублей, а въ Сибирь меня не упрячешь.

Видя сильное раздраженіе Кузьмина, намъ долѣе оставаться было не удобно, и мы тотчасъ же уѣхали. И представьте себѣ, что Кузьминъ сдержалъ вырвавшееся у него въ обидѣ слово. Онъ дождался окончанія работъ, и тогда предъявилъ претензію на нѣсколько милліоновъ рублей, что составляло несравненно болѣе той суммы, которая считалась за нимъ вслѣдствіе неотработанныхъ имъ передовыхъ денегъ, ежегодно выдававшихся ему передъ наймомъ рабочихъ.

Вотъ тогда-то онъ открылъ карты, основавъ свои претензіи на той редакціи, которая заключалась въ контрактѣ, а именно,—что онъ взялъ работы по урочному положенію, а не по смѣтѣ, т. е. не по цѣнѣ, выведенной въ смѣтѣ на каждую кубическую сажень, и что смѣта составлена съ нарушеніемъ урочнаго положенія, т. е. будто бы не законно.

Когда мы окончили и представили проекты мостовъ, департаментъ желѣзныхъ дорогъ сталъ пріискивать подрядчика для постройки ихъ на нашемъ, 6-мъ участкѣ. Подрядчики, вообще, боялись гр. Клейнмихеля и избѣгали брать дѣла по вѣдомству путей сообщенія. Графъ зналъ это, знало объ этомъ, отчасти, и общество, и зналъ даже государь. Поэтому гр. Клейнмихель очень былъ доволенъ, когда появлялся на постройки капитальный подрядчикъ; во-первыхъ, потому, что такая личность представляла болѣе обезпеченія и, во-вторыхъ, потому, что это какъ бы парализовало и опровергало неблагопріятное для него мнѣніе, распространенное въ обществѣ.

По этимъ соображеніямъ, постарались привлечь богатаго московскаго купца Торлецкаго, занимавшагося подрядами. Графъ былъ этимъ очень доволенъ и приказалъ заключить съ Торлецкимъ контрактъ; всё условія подряда, простиравшагося на сумму 1.200.000 руб., были соглашены, дѣло казалось устроеннымъ, оставалось только подписать контрактъ. Но вдругъ, передъ самымъ подписаніемъ его, по неизвѣстной причинѣ, Торлецкій отказался взять на себя подрядъ. Графъ жестоко разсвирѣпѣлъ на Торлецкаго и на департаментъ, и приказалъ послѣднему, во что бы то ни стало, немедленно сыскать подрядчика, такъ какъ открылась уже весна.

Въ это самое время пріѣхалъ средняго состоянія помѣщикъ Вышневолоцкаго уѣзда, нѣкій Шарабановъ, взять небольшой подрядъ на поставку гравія на желѣзную дорогу, для чего и имѣлъ немного залоговъ. Когда онъ явился торговаться на поставку гравія, департаментъ, въ виду строжайшаго приказанія графа отыскать немедленно подрядчика, уцѣпился за Шарабанова, тѣмъ болѣе, что онъ былъ отставной инженеръ путей сообщенія.

Шарабановъ, конечно, сталъ отказываться, потому, что дѣло очень большое, а у него имѣется залоговъ не болѣе, какъ на $^{1}/_{10}$ того дѣла, которое ему предлагаютъ.

— Это можно уладить,—отвѣчали ему,—мы пустимъ на торги только одинъ мостъ, на который вашихъ залоговъ хватитъ, а вы, затѣмъ, достаньте залоги для другихъ мостовъ, тогда и заключимъ контрактъ на всю работу, по примѣру сданнаго вамъ перваго моста.

Такъ и было сдѣлано, и гр. Клейнмихель успокоился.

Шарабановъ досталъ залоги и, такимъ образомъ, внезапно и неожиданно явился большимъ подрядчикомъ на дѣло въ 1.200.000 руб. Онъ былъ человѣкъ толковый и, въ виду, нежданно и негаданно, свалившейся на него благодати, принялся за дѣло очень энергично. Къ концу года, пришлось ему получить квитанцій на 100.000 руб., и онъ поѣхалъ въ Петербургъ за полученіемъ денегъ.

Нѣсколько времени спустя, въ одинъ вечеръ, пришелъ къ намъ прикащикъ изъ конторы Шарабанова. Мы жили уже тогда съ братомъ въ казенномъ домикѣ, находившимся вблизи конторы Шарабанова.

— Что тебѣ нужно?—спросилъ я.

— Третьяго дня, въ ночь, пріѣхалъ нашъ баринъ, легъ сейчасъ же спать, да вотъ вторыя сутки и не просыпается; будили, будили, толкали, толкали—все спитъ.

Мы немедленно пошли въ контору. Видимъ, человѣкъ живъ, но спитъ. Стали толкать, все то же.

Въ это время доктора на желѣзной дороги не случилось; бывшій былъ уволенъ, а вновь назначенный изъ Петербурга еще не пріѣхалъ,

но ожидался со дня на день. Мы распорядились немедленно послать тройку въ уѣздный городъ Боровичи. Но едва уѣхала посланная тройка, какъ мы услышали колокольчикъ, и затѣмъ подъѣхала кибитка. Оказалось, что это былъ докторъ, присланный изъ Петербурга. Это былъ молодой человѣкъ, недавно окончившій курсъ въ Медицинской академіи. Только-что онъ снялъ шубу, его повели къ больному. Освидѣтельствовавъ и прослушавъ больнаго, онъ потребовалъ ножницы и бритву, чтобы остричь и обрить голову больнаго. Когда больнаго приподняли, чтобы держать его въ сидячемъ положеніи для обритія головы, лежавшая подъ нимъ подушка скатилась, а подъ ней оказался большой пакетъ, завернутый въ бумагу.

Развернули пакетъ, и тамъ оказалась груда сторублевыхъ бумажекъ; всего 100.000 руб.

Понятно, что деньги эти опечатали и сдали прикащику Шарабанова. Все это произошло, пока стригли и брили Шарабанова. Когда эта операція кончилась, докторъ приготовилъ мушку и наложилъ сплошь на всю голову. Черезъ нѣсколько часовъ больной очнулся. Докторъ нашелъ у него сильнѣйшее воспаленіе мозга. Пріѣзжай онъ нѣсколькими часами позже, вѣроятно, Шарабановъ отправился бы на тотъ свѣтъ. Фамилія этого энергическаго молодаго еще тогда доктора: Торопогрицкій.

Произошла болѣзнь его отъ того обстоятельства, что онъ неожиданно увидѣлъ себя обогащающимся и получилъ въ руки кушъ въ 100.000 руб. Онъ выздоровѣлъ, но въ немъ произошла какая-то перемѣна. Изъ человѣка дѣловаго и разсчетливаго онъ сдѣлался легкомысленнымъ, вѣтреннымъ, перестать пристально заниматься дѣломъ, поручилъ его роднымъ, а самъ жилъ преимущественно въ Петербургѣ и все свое время проводилъ въ цыганскомъ таборѣ, во времена дирижера Соколова. Вскорѣ онъ влюбился въ одну цыганку и всѣ свои заработки по подряду кидалъ въ таборъ безтолковымъ образомъ. Возьметъ, напримѣръ, 5—6 ложъ въ первомъ ярусѣ итальянской оперы и разсадитъ тамъ однѣхъ цыганокъ. Между тѣмъ, цыганка не сдавалась, или, лучше сказать, таборъ не выпускалъ ее. Но когда таборъ увидѣлъ, что вытянулъ изъ Шарабанова все и тянуть изъ него больше нечего, то, надо отдать ему справедливость, онъ выпустилъ цыганку, которая и поѣхала къ Шарабанову въ деревню. Съ чѣмъ началъ Шарабановъ дѣло, съ тѣмъ и остался, т. е. съ небольшимъ имѣніемъ около Волочка, Афимьино.

Не лишнимъ считаю теперь упомянуть о направленіи линіи Николаевской желѣзной дороги.

Начну съ того, чтобы объяснить нелѣпость легенды о томъ, что будто-бы императоръ Николай I, положивъ линейку на поданную ему карту и проведя прямую линію карандашемъ, приказалъ вести желѣзную дорогу по этой прямой линіи. Легенда эта повторялась безконечное

число разъ стоустою молвою, признавалась за неоспоримый фактъ въ образованныхъ кружкахъ и даже въ высшихъ сферахъ, и неоднократно подтверждалась серьезными органами печати. Въ распространеніи этой легенды играла не малую роль и умышленная тенденціозность, силившаяся представить черту характера императора Николая, конечно, съ невыгодной стороны, желая какъ бы набросить тѣнь на великій, безспорно, умъ императора.

Вопросъ о направленіи желѣзной дороги отъ Петербурга до Москвы долгое время обсуждался въ особомъ комитетѣ, называвшемся тогда комитетомъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ засѣдали министры и нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта. Огромное большинство означеннаго учрежденія полагало, что надо вести дорогу на Новгородъ. Между тѣмъ, государь не раздѣлялъ этого мнѣнія. Утомленный безконечными спорами по этому предмету, онъ призвалъ къ себѣ инженеръ-полковника Мельникова (впослѣдствіи министръ), который, вмѣстѣ съ другимъ инженеръ-полковникомъ Крафтомъ, былъ назначенъ для производства изысканій и постройки дороги. Мельниковъ считался особенно талантливымъ и блестяще-образованнымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, человѣкомъ, что̀ и было извѣстно государю.

Государь спросилъ Мельникова: какого онъ мнѣнія о направленіи дороги?

Мельниковъ, коротко и ясно, высказался такъ:

— Дорога должна соединять двѣ весьма населенныя столицы; все движеніе, какъ грузовое, такъ и пассажирское, будетъ сквозное. Въ непродолжительномъ времени должны примкнуть къ Москвѣ другія дороги со всѣхъ концовъ Россіи; такимъ образомъ, сквозное движеніе между Петербургомъ и Москвой разовьется въ нѣсколько десятковъ разъ противъ настоящаго. Было бы большою ошибкою и неисчислимою потерею въ общей государственной экономіи, если обречь дальнѣйшія поколѣнія на уплату 80-ти слишкомъ верстъ, въ продолженіе цѣлаго вѣка или болѣе, пока прямой разсчетъ не вынудилъ бы строить другую, болѣе кратчайшую дорогу отъ Петербурга до Москвы.

— Радъ, сказалъ государь, что ты одного со мной мнѣнія; веди дорогу прямо!

Слова «веди дорогу прямо» не означали вести по прямой линіи, а относились къ тому, чтобы не держаться направленія на Новгородъ.

Только исключительное невѣжество, по отношенію къ извѣстнымъ предметамъ, могло поддерживать означенную легенду. Множество разъ мнѣ случалось слышать повтореніе ея людьми образованными. Обыкновенно, въ подобномъ случаѣ, я спрашивалъ такого господина:

— Проѣзжалъ ли онъ по Николаевской дорогѣ.

— Какъ же, много разъ.

— Развѣ же вы не обратили вниманія на то, что во многихъ мѣстахъ поѣздъ идетъ по кривой, что для каждаго пассажира должно быть очевидно?

Тогда такой господинъ попадалъ въ положеніе Гоголевскаго почтмейстера; только воздерживался отъ удара себя въ лобъ ладонью и извѣстнаго возгласа.

Я началъ свою дѣятельность съ самаго возникновенія устройства Николаевской желѣзной дороги. Въ то время не было сколько-нибудь сносныхъ картъ на пространствѣ между Петербургомъ и Москвой, годныхъ для того, чтобы руководиться ими для начертанія наивыгоднѣйшей линіи въ техническомъ отношеніи.

Вслѣдствіе такого обстоятельства, было рѣшено пробить сперва прямую линію отъ Петербурга до Москвы. Для этого, на основаніи астромическихъ данныхъ о долготѣ и широтѣ означенныхъ пунктовъ, были разсчитаны углы прямой линіи съ меридіанами, и подъ этими углами приступили, одновременно, къ пробиванію линіи отъ Петербурга и отъ Москвы. Обѣ партіи встрѣтились около небольшой деревни Бологое (нынѣ населеніе этого мѣста превышаетъ, кажется, 10.000 жителей). Замѣчательно то, что линіи, пробитыя на основаніи вышесказаннаго разсчета, разошлись около Бологое около полуверсты [1]). Понятно, что такой результатъ можно было признать блестящимъ и, въ то же время, показавшимъ, съ какою аккуратностью и точностью велась пробивка обѣихъ линій.

Эти-то линіи, вслѣдствіе отсутствія надлежащихъ картъ, и послужили основаніемъ для производства подробныхъ изысканій.

Тверь и Клинъ попали почти на прямую линію отъ Москвы до Волочка; а на прямой отъ Петербурга до Волочка сдѣлано лишь незначительное отклоненіе къ Чудову, вслѣдствіе удобства мѣстности.

Затѣмъ, дальнѣйшія изысканія состояли въ томъ, чтобы, придерживаясь общихъ прямыхъ направленій между означенными пунктами, обходить особенно выдающіяся препятствія, какъ напримѣръ: озера, глубокія болота, конечно, подвергавшіяся предварительно зондировкѣ, неудобные переходы черезъ рѣки, слишкомъ выдающіяся возвышенности и проч.

При отсутствіи сколько-нибудь годныхъ картъ и при мѣстности, на $^{9}/_{10}$ покрытой сплошными лѣсами, не было никакой возможности, даже въ частностяхъ, оріентироваться обзоромъ мѣстности, хотя бы съ отдаленныхъ возвышенныхъ пунктовъ. При подобныхъ условіяхъ, ко-

---

[1]) Небезъинтересно упомянуть здѣсь, что, при пробивкѣ линіи отъ Петербурга напали на Петровскую просѣку, которою пользовались, отчасти, мѣстные жители по зимамъ.

нечно, не могли не быть промахи въ разныхъ частяхъ установленной наконецъ линіи. Напримѣръ, переходъ черезъ оврагъ и небольшую рѣчку Веребью обусловилъ віадукъ въ 25 саж. вышины и 275 саж. длины, громаднаго объема выемку, достигавшую, мѣстами, болѣе $7\frac{1}{2}$ саж. глубины на протяженіи 15 верстъ и безпрерывный по оной подъемъ съ уклономъ въ 0,008. На всѣ эти работы понадобилась громадная сумма. Будь карты, будь опредѣлены на ней высоты, хотя изрѣдка, промахъ, относительно перехода черезъ Веребью, былъ бы немыслимъ, и въ немъ никого и ни въ чемъ обвинить нельзя. Этотъ промахъ не есть слѣдствіе незнанія, невнимательности, лѣности, нерадѣнія или чего-либо подобнаго, тѣмъ болѣе, что всѣ, отъ мала до велика, работали въ то время восторженно, сознавая, что они піонеры въ великомъ дѣлѣ устройства первой желѣзной дороги въ своемъ отечествѣ, безъ всякаго иностраннаго элемента; что они должны быть учителями будущихъ дѣятелей, и сильно гордились выпавшимъ на ихъ долю положеніемъ. Оправдали ли себя эти піонеры? путь судитъ потомство.

И такъ, по совѣсти, никого нельзя укорять въ указанномъ крупномъ промахѣ. Можно было бы указать и другіе, менѣе крупные, въ которыхъ тоже никто не виноватъ, но это будетъ лишнимъ. Вина въ томъ, что не было картъ!

Понятно, что промахи относительно проведенія линіи обнаруживались уже во время самой постройки, по мѣрѣ развитія работъ. Тогда-то я и пришелъ къ твердому убѣжденію, что возможное сокращеніе милліоновъ зависитъ исключительно отъ наивыгоднѣйшаго начертанія линій. Всѣ же прочія обстоятельства не играютъ очень существенной роли въ дѣлѣ сокращенія расходовъ. Вслѣдствіе этого, у меня, еще съ того времени, затаилась мысль идти, по окончаніи постройки дороги, не на работы постройки, а на обширныя изысканія, если таковыя представятся.

Я упомянулъ уже выше, что полицейское управленіе, состоявшее изъ конныхъ жандармовъ, было ввѣрено генералъ-адъютанту, князю Бѣлосельскому-Бѣлозерскому; но онъ вскорѣ умеръ, и оно раздѣлилось на двѣ половины. На Сѣверную дирекцію назначенъ былъ жандармскій полковникъ Виландъ, а на Южную—полковникъ Тизенгаузенъ, и конная команда была спѣшена. Начальникомъ полицейскихъ порядковъ, на нашемъ 6-мъ участкѣ, былъ сначала жандармскій офицеръ изъ числа нѣсколько порядочныхъ, котораго вскорѣ смѣнилъ другой, тоже изъ числа сносныхъ; но затѣмъ появился бурбонъ, т. е. произведенный въ офицеры изъ солдатъ.

Не безъинтересно разсказать объ отношеніяхъ полицейскаго, непосредственнаго начальства къ рабочему люду, т. е. исключительно къ землекопамъ, составлявшимъ громадную массу.

Но прежде этого я сдѣлаю очеркъ организаціи подрядческаго упра-

вленія земляными работами, для которыхъ скоплялось ежегодно болѣе 40.000 человѣкъ. Всѣ земляныя работы на Николаевской дорогѣ попали въ руки одного подрядчика Кузьмина, такъ какъ его товарищъ, Шавринъ, имя котораго и было главной гарантіей для правительства, внезапно умеръ.

Я буду говорить объ означенной организаціи на нашемъ 6-мъ участкѣ, которая была совершенно одинакова и на прочихъ участкахъ.

Въ центрѣ участка, бывшемъ въ то время пустыремъ, а нынѣ Валдайская станція, находилась центральная контора, которой, на протяженіи 60 верстъ, подчинялись еще пять конторъ. Въ каждой конторѣ былъ прикащикъ и его помощникъ, бухгалтеръ и куча писарей, независимо, конечно, отъ десятниковъ и табельщиковъ, которые должны были присутствовать при работахъ. Одного конторскаго люда, на всемъ 60 верстномъ участкѣ, было, приблизительно, до 50 человѣкъ. При конторахъ содержалось большое количество лошадей, назначенныхъ для развозки по линіи провіанта, печенаго хлѣба, досокъ, тачекъ и проч.; но главнымъ употребленіемъ этихъ лошадей была развозка и катаніе служащихъ въ конторахъ, при чемъ однимъ изъ предлоговъ къ содержанію лошадей была наложенная на подрядчика обязанность держать по линіи почту для разъѣзда офицеровъ за установленные прогоны, что случалось, быть можетъ, не болѣе двухъ трехъ разъ въ недѣлю, такъ какъ большинство офицеровъ держало собственныхъ лошадей. При центральной конторѣ имѣлось, напримѣръ, не менѣе 40 лошадей, и можно было видѣть, что въ праздники выѣзжало оттуда по 4 или по 5 троекъ въ церковь или въ одинъ изъ ближайшихъ городовъ: Валдай или Боровичи.

При главной конторѣ имѣлся, въ буквальномъ смыслѣ, винный погребъ, и въ запасѣ было, конечно, всегда не менѣе ящика шампанскаго Клико или Редереръ, и не малое количество прочихъ винъ. Словомъ сказать, въ подрядческомъ управленіи господствовало разливное море. Въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ, когда я буду очерчивать постройку мною Курско-Кіевской желѣзной дороги, читатель увидитъ, что я имѣлъ личный составъ по всѣмъ отраслямъ работъ, на протяженія 230 верстъ, въ 3 или 4 раза менѣе, чѣмъ личный составъ одной Валдайской центральной конторы, завѣдывавшей, всего на 60 верстъ, однѣми земляными работами.

Теперь обращусь къ рабочему люду, т. е. къ землекопамъ. Въ то время, землекопы, преимущественно, нанимались въ Витебской и Виленской губерніяхъ изъ литовцевъ. Это былъ самый несчастный народъ на всей русской землѣ, который походилъ скорѣе не на людей, а на рабочій скотъ, отъ котораго требовали въ работѣ нечеловѣческихъ силъ, безъ всякаго, можно сказать, вознагражденія. Забитость и какъ бы идіотство этихъ людей, трудно описуемое, усугублялось еще почти не-

знаніемъ русскаго языка. Когда я увидалъ этихъ людей первый разъ на работахъ, то былъ пораженъ слѣдующимъ фактомъ: каждый человѣкъ, прежде нежели пройти мимо меня, сгибался такъ, что туловище приходило въ горизонтальное положеніе; затѣмъ мелкимъ шажкомъ онъ подбѣгалъ ко мнѣ, схватывалъ конецъ полы сюртука, цѣловалъ его при словахъ: «цѣлую, пане полковнику», и удалялся въ томъ же согнутомъ положеніи. Понятно, что впредь я вездѣ воспрещалъ подобныя сцены.

Подрядчики нанимали землекоповъ, заключая контракты съ волостными правленіями или съ помѣщиками. Но иногда помѣщики брались работать за задѣльную плату, т. е. являлись поставщиками, приводя на работы собственныхъ своихъ крѣпостныхъ людей или крѣпостныхъ отъ своихъ сосѣдей. Помню, что однажды явились у насъ такими поставщиками два помѣщика, которые сами жили при работахъ. Одинъ изъ этихъ помѣщиковъ, Клодтъ,—кажется съ титуломъ барона,—пригналъ артель въ 1.200 человѣкъ, а другой—Буйницкій,—въ 1.500 человѣкъ. Первый былъ довольно порядочный человѣкъ, а второй, хотя и вполнѣ свѣтски образованный богатый помѣщикъ, былъ въ полномъ смыслѣ слова эксплоататоръ негровъ.

Кузьминъ забралъ впередъ деньги и все время работъ оставался большимъ должникомъ казны, а потому осенью разсчеты съ рабочими дѣлались подъ правительственнымъ надзоромъ. Кузьминъ съинтриговалъ такъ, чтобы наблюденіе за этими разсчетами было поручено полицейскому управленію, а не намъ, инженерамъ. Вслѣдствіе этого, разсчеты,—за которыми наблюдали б у р б о н ы, готовые за даровые харчи и вино угождать подрядчику и допускать вопіющее зло—производились возмутительнымъ образомъ, а не такъ, какъ мы произвели разсчетъ людямъ въ первый годъ. Кромѣ того, б у р б о н ъ, о которомъ я упомянулъ, но фамиліи котораго не помню, появившійся во главѣ жандармской команды нашего 6-го участка, ежедневно занимался поркою людей по просьбамъ и жалобамъ прикащиковъ и десятниковъ. Эти экзекуціи совершались такъ, что я не могъ видѣть ихъ, живя въ верстѣ отъ конторы за возведенною уже высокою насыпью; но я зналъ, что подобныя экзекуціи совершались часто. Поэтому, рабочіе считали главнымъ своимъ начальствомъ полицію; но прикащики и прочій подрядческій людъ, зная, что участь ихъ зависитъ отъ насъ, можно сказать, трепетали передъ нами. Однажды я, возвращаясь съ работъ, долженъ былъ проѣхать мимо конторы и напалъ на экзекуцію. Два или три человѣка лежали подъ ударами розогъ; ихъ визги и крики взорвали мою душу. Я приподнялся въ тарантасѣ и громкимъ голосомъ заревѣлъ: — «Стой. . . . . ребята, вставайте!» Разумѣется, все стихло, никто не осмѣлился пикнуть; я дождался, пока

не убрали атрибуты экзекуціи, и бурбонъ, присутствовавшій тутъ, не ушелъ въ подрядческую контору, и тогда я уѣхалъ.

Сей бурбонъ подалъ по начальству рапортъ о моемъ поступкѣ, и, конечно, я былъ бы отданъ подъ судъ; но Виландъ, главный начальникъ полицейскаго управленія, будучи человѣкомъ образованнымъ, воспитанникомъ Института путей сообщенія, не далъ хода этому рапорту. Для характеристики означеннаго бурбона, я упомяну, что онъ былъ женатъ на помѣщицѣ, имѣвшей одну душу, а потому у нихъ была собственная крѣпостная прислуга, молодая дѣвушка. Мученія, которымъ ее подвергали, кромѣ безпрестанной порки, выше всякаго описанія: ее сажали на горячую плиту, запирали дня на два въ хлѣвъ, накормивъ предварительно селедкой, и не давали пить. Несчастная не смѣла никому пожаловаться; но кто-то сообщилъ намъ объ этихъ фактахъ, и мы позвали эту несчастную, разспросили ее и въ первый пріѣздъ Виланда сообщили ему обо всемъ. Бурбонъ былъ удаленъ, а что сдѣлалось съ несчастною дѣвушкой, я не знаю.

Черезъ 7 лѣтъ послѣ начала постройки Николаевской дороги, она не была еще окончена, чему воспрепятствовали политическія событія 1848 и 1849 годовъ, когда суммы, ассигнованныя на желѣзную дорогу, должны были быть употреблены на другія надобности. Но въ означенномъ 1850 году, во время пріѣзда государя въ Москву на коронаціонный день, 22-го августа, императоръ спросилъ Клейнмихеля за обѣденнымъ столомъ:

— Когда же ты провезешь меня въ Москву по желѣзной дорогѣ?

Клейнмихель отвѣтилъ моментально:

— На будущій годъ на коронацію, ваше величество!

За столомъ былъ директоръ работъ Мельниковъ; но Клейнмихель не спросилъ у него, въ этотъ моментъ, ничего, а послѣ обѣда позвалъ его въ кабинетъ и сказалъ:

— Вы слышали мой отвѣтъ государю?

— Слышалъ,—отвѣчалъ Мельниковъ,—но это немыслимо.

— Вы слышали, и это должно быть и будетъ!

Не зная еще ничего объ означенномъ эпизодѣ, бывшемъ въ Москвѣ, мы получаемъ въ половинѣ сентября предписаніе, гласящее, что дорога къ 1-му августа будущаго 1851 года должна быть приведена въ такой видъ, чтобы войска гвардейскаго корпуса могли быть доставлены въ Москву начиная съ 15-го августа, и чтобы императоръ могъ проѣхать въ Москву къ 22-му августа, и затѣмъ требовались немедленно соображенія о необходимыхъ средствахъ для достиженія этой цѣли.

По позднему времени никакія распоряженія, могущія подвинуть работы въ теченіе настоящаго рабочаго сезона, были немыслимы. Въ концѣ сентября нельзя нанимать рабочихъ, и если бы они и были на-

няты, то пришли бы на работы въ половинѣ октября, и могли бы проработать съ трудомъ не болѣе двухъ недѣль. Оставалось подумать о работѣ зимой. Въ песчаныхъ грунтахъ это еще дѣло возможное, но въ глинистыхъ земляная работа, въ сущности, почти невозможна.

Обыкновенно, на земляныхъ работахъ стараются прежде всего возводить насыпи, такъ какъ онѣ требуютъ осадки, а выемки оставляются до послѣдняго времени. На моей дистанціи были, по преимуществу, длинныя выемки, и потому эта дистанція была отставши отъ другихъ. Однако, на общемъ совѣтѣ, — между Мельниковымъ, начальникомъ участка, Семичевымъ, и мною, какъ начальникомъ дистанціи,—рѣшено было производить работы зимою, несмотря на то, что выемки состояли изъ крѣпко-глинистаго грунта, который, при морозѣ, обращался въ камень. Работы эти могли быть производимы только посредствомъ пороховыхъ взрывовъ. Оказалось, что взрывать порохомъ каменныя породы гораздо удобнѣе, чѣмъ взрывать замерзшую глину, которая не дѣлится на пласты.

За зиму успѣхъ былъ мало значительный, а между тѣмъ подошла весна. Гр. Клейнмихель, съ нетерпѣніемъ слѣдившій въ это время за ходомъ работъ вообще на Николаевской дорогѣ, пустился самой ранней весной самъ осматривать работы, по невообразимой распутицѣ. Обыкновенно, при проѣздѣ его по нашему 6-му участку, ночлегъ, или обѣдъ назначался въ домѣ, занимаемомъ мною, который былъ помѣстительнѣе другихъ. Пріѣхавъ этотъ разъ на ночлегъ, онъ тотчасъ позвалъ меня къ себѣ и заставилъ объяснить ему: надѣюсь ли я окончить работы къ сроку, и какія мнѣ нужны средства? Какъ опытный администраторъ, онъ понималъ, что въ данномъ случаѣ все будетъ зависѣть отъ дистанціонныхъ офицеровъ, производителей работъ.

Я объяснилъ ему, что наличныя рабочія силы совершенно недостаточны, что досокъ, тачекъ, польскихъ лопатъ и разнаго другаго инструмента слишкомъ мало, что можетъ пройти мѣсяцъ или болѣе прежде, нежели подрядчикъ укомплектуетъ все до нужнаго размѣра, и что остается единственное средство обязать подрядчика обратиться къ мѣстнымъ жителямъ, хотя и не землекопамъ, но которые, вмѣсто лопатъ, могутъ вооружиться, для рытья земли, сошниками, надѣтыми на толстыя палки, а вырытую землю выносить въ рогожахъ, мѣшкахъ и въ чемъ ни попало. Клейнмихель, выслушавъ меня, позвалъ Мельникова и Семичева и сказалъ имъ:

— Прошу васъ исполнять всѣ требованія производителя работъ, а тебѣ приказываю донести мнѣ немедленно, если твои требованія не будутъ исполняться!

На другой день, выѣзжая рано утромъ и садясь въ экипажъ, онъ повторилъ то же при всей свитѣ, добавивъ, обращаясь ко мнѣ:

— Если ты не донесешь мнѣ вò-время, въ случаѣ надобности, то жестоко отвѣтишь мнѣ!

Конечно, подобныя же приказанія Клейнмихель, вѣроятно, отдавалъ всѣмъ дистанціоннымъ офицерамъ, у которыхъ окончаніе вò-время работъ было подъ большимъ сомнѣніемъ.

Дѣйствительно, мы такъ и распорядились. Едва крестьяне засѣяли яровое поле, мы кликнули, какъ говорится, кличъ, по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, и къ намъ явились тысячи народа съ бабами. Мужики рыли землю сошниками, а бабы таскали ее,—кто въ мѣшкахъ, кто въ рогожахъ, кто въ фартукахъ и даже, просто, въ подолахъ. Въ одинъ мѣсяцъ выемки были пробиты на ширину одного пути безъ откосовъ, такъ какъ пробивки ихъ дѣлались въ крѣпкомъ глинистомъ грунтѣ,— и дѣло возможности открытія движенія вò-время было обезпечено. Въ этомъ фактѣ рисуется и энергія, и большой здравый смыслъ Клейнмихеля, какъ министра, понимавшаго, что когда нужно дѣло, то бюрократическій порядокъ непремѣнно сгубитъ его.

Такимъ образомъ, съ 15-го августа, началось движеніе войскъ изъ Петербурга въ Москву; 20-го мы провезли государя, а государыня осталась въ Петербургѣ. Послѣ того, ежедневно, съ конвертомъ къ императрицѣ посылался поѣздъ изъ Москвы, состоящій изъ пассажирскаго и багажнаго вагона, при чемъ обратный поѣздъ, для пущей предосторожности, не долженъ былъ выѣзжать изъ Петербурга ранѣе прибытія поѣзда изъ Москвы, потому, что былъ уложенъ лишь одинъ путь, что на многихъ станціяхъ не было разъѣздовъ, и телеграфъ не былъ еще тоже устроенъ.

Случилось, что одинъ изъ поѣздовъ, долженствовавшій придти въ Москву, не прибылъ вò-время. Государь встревожился, и Клейнмихель послалъ немедленно пакетъ, назначенный для государыни въ Петербургъ такъ, чтобы онъ доставлялся дистанціонными офицерами, отъ одного къ другому, на дрезинахъ. Отправленный изъ Москвы утромъ, этотъ пакетъ дошелъ до меня, въ 350 верстахъ отъ Москвы, часовъ въ семь вечера. Доѣхавъ до сосѣда, я не засталъ его дома и поѣхалъ до слѣдующаго офицера, но и того не засталъ дома. Тогда я, въ виду наступившей ночи, рѣшился ѣхать прямо до Петербурга на дрезинѣ, мѣняя людей. Между тѣмъ, я каждую минуту могъ встрѣтить поѣздъ, который не могъ ожидать встрѣтить ѣдущую дрезину на пути. Надо было ежесекундно глядѣть впередъ, а сонъ неудержимо клонилъ меня, такъ какъ продолжительная ѣзда на дрезинѣ необыкновенно сильно располагаетъ ко сну. Чувствуя, что, задремавши, я могу кувырнуться впередъ подъ дрезину, я приказалъ людямъ привязать меня къ спинкѣ дрезины, и прибылъ въ Петербургъ къ 7 часамъ утра, находясь въ ѣздѣ 11 часовъ и проѣхавъ 250 верстъ. Передавъ конвертъ надлежащему лицу, я вско-

чилъ на паровозъ и поѣхалъ обратно, такъ какъ домашніе не могли знать, что я покатилъ на дрезинѣ въ Петербургъ. На Угловской станціи я сошелъ съ паровоза, не думая, конечно, какая ужасная участь предстояла этому паровозу.

Въ Москвѣ прошло уже болѣе полутора сутокъ, что не было изъ Петербурга поѣзда и никакого еще извѣстія о причинѣ его задержки. Клейнмихель не вытерпѣлъ и приказалъ послать поѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ. Мельниковъ, понимая всю опасность такого распоряженія, рѣшился самъ ѣхать съ московскимъ поѣздомъ, и вотъ этотъ-то поѣздъ и столкнулся съ тѣмъ, съ котораго я сошелъ на Угловкѣ. Поѣзда встрѣтились около Клина на кривой въ выемкѣ такъ, что машинисты могли увидать передовые фонари только тогда, когда не было уже спасенія, но они успѣли открыть свистки. Вотъ что разсказывалъ Мельниковъ, какъ очевидецъ, объ этой катастрофѣ:

— Я сидѣлъ въ вагонѣ, какъ вдругъ послѣдовалъ такой сильный толчекъ, что я слетѣлъ съ сидѣнья и растянулся на полу; вагонъ не раздробило потому, что онъ былъ одинъ. Выйдя изъ него, первое, что я увидѣлъ,—это кондуктора, перерѣзаннаго тормозовымъ кругомъ; оба паровоза поднялись на дыбы, уперлись другъ въ друга передними колесами и ревѣли въ открытые свистки, какъ борящіеся львы. Машинистъ одного паровоза былъ убитъ, а кочегаръ выброшенъ, но остался живъ; но на другомъ паровозѣ тендеръ вскочилъ на паровозъ и придавилъ машиниста и кочегара на котлѣ паровоза. Не было никакой возможности высвободить ихъ оттуда, и они жарились въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ неслыханныхъ страданіяхъ и въ виду всѣхъ, на котлѣ паровоза.

Поэтому, невольно, рождается сравненіе между воиномъ, идущимъ на приступъ, или стоящимъ подъ ядрами и пулями, ожидая смерти, и машинистомъ паровоза, могущимъ ожидать ежесекундно смерти и ежесекундно напрягать свое вниманіе, чтобы не сгубить тысячи людей, жизнь которыхъ находится въ зависимости отъ него.

По отъѣздѣ государя изъ Москвы, движеніе по дорогѣ было прекращено, и только изрѣдка посылались поѣзда временнымъ управленіемъ, которое, за отсутствіемъ телеграфа, предваряло о томъ письменно за полсутки.

Въ непродолжительномъ времени послѣдовало предписаніе графа Клейнмихеля о приведеніи дороги къ 1-му октября въ такое положеніе, чтобы съ этого срока можно было открыть регулярное движеніе въ размѣрѣ одного почтоваго и двухъ или трехъ товарныхъ поѣздовъ съ каждаго конца.

Къ 1-му октября дорога была въ слѣдующемъ положеніи:

На нѣкоторыхъ большихъ станціяхъ паровозныя зданія не были готовы, и потому паровозы должны были стоять на открытомъ воздухѣ.

Зданій для водоснабженій, на многихъ промежуточныхъ станціяхъ и отчасти на большихъ, вовсе еще не было, а для этого настроены были на высокихъ сваяхъ деревянные баки, въ которыхъ вода могла мерзнуть.

Пассажирскія станціи не были тоже готовы. Напримѣръ, на Окуловской станціи не было въ окнахъ рамъ, отверстія ихъ были забиты досками, сдѣланъ былъ лишь одинъ черный полъ и то не по всему зданію; печей, конечно, тоже не было, а отапливалась лишь желѣзной печуркой, небольшая, съ временными рамами, комната, гдѣ помѣщена была касса.

Изъ большихъ станцій, приблизительно, окончены были: Любаньская, Бологовская, Спировская и Тверская. Другія же большія станціи находились, однако, въ болѣе сносномъ положеніи, чѣмъ Окуловская.

Несмотря, однако, на такія условія, 1-го октября 1851 года движеніе было открыто. Къ несчастью, наканунѣ и въ ночь на 1-е октября, выпалъ глубокій снѣгъ, до 5 вершковъ толщины, и надо замѣтить, пролежалъ всю зиму безъ значительныхъ оттепелей.

При сказанныхъ условіяхъ, бѣдствія начались съ первыхъ же дней движенія. Нечего и говорить, что поѣзда не приходили во-время; отъ господствовавшихъ въ это необычное время метелей и заносовъ поѣзда останавливались, не дойдя до той или другой станціи, и замерзали на полдорогѣ, оставаясь на мѣстѣ часовъ по 12 и болѣе. При отсутствіи телеграфа наѣзжалъ слѣдующій поѣздъ, который долженъ былъ тоже стоять или возвратиться на предшествующую станцію. Представьте себѣ положеніе пассажировъ: стоять многіе часы на морозѣ, въ неотоплявшихся еще тогда вагонахъ и безъ пищи. Случалось, что многіе уходили въ окрестныя деревни. Но и на нѣкоторыхъ станціяхъ немногимъ было лучше. Напримѣръ, случалось, что въ Окуловкѣ задерживали поѣздъ потому, что путь впереди былъ загражденъ. И вотъ многія сотни пассажировъ должны были оставаться иногда сутки въ холодномъ зданіи и обогрѣваться, поочередно, лишь въ одной небольшой комнатѣ. О буфетѣ, конечно, не могло быть и помина: вся наличность съѣдобнаго быстро пропадала, такъ какъ тогда въ Окуловкѣ не было почти жителей, и надо было посылать за хлѣбомъ въ деревни, которыя были за нѣсколько верстъ.

Когда поѣздъ останавливался на дорогѣ, то приходилось посылать на станцію сторожа пѣшкомъ съ требованіемъ помощи. Хорошо, если станція, гдѣ находились паровозы, была близка, а если нѣтъ, то сторожъ сообщалъ лишь ближайшей станціи, откуда надо было еще ѣхать съ извѣстіемъ на дрезинѣ, такъ какъ телеграфа не существовало, а между тѣмъ станціи, гдѣ были паровозы, отстояли другъ отъ друга на 70 верстъ. Потомъ, случалось, конечно, что дежурный и другой подготовленный паровозъ уже высланы на линію; стало-быть, надо растапливать паро-

возъ, а на это требовалось около трехъ часовъ, да и случалось, что подвезти паровозъ къ водоемному баку нечѣмъ, и приходилось подвигать его людьми. Коротко говоря, при счастливыхъ условіяхъ, помощь стоящему на пути, среди станцій, поѣзду могла быть подана никакъ не ранѣе 6-ти или 7-ми часовъ, а иногда и цѣлыхъ 12-ти. Затѣмъ, съ каждымъ днемъ уменьшалось количество годныхъ въ ѣзду паровозовъ, вслѣдствіе сгоранія трубокъ отъ грязной воды и дурной конструкціи паровозовъ, при которой не принимались въ соображеніе означенныя обстоятельства.

Многіе начальники станцій, присланные на мѣста, не только не имѣли никакого понятія о движеніи, но иные никогда и не видали желѣзной дороги: ихъ собрали, можно сказать, на толкучемъ рынкѣ (по поводу этого ниже будетъ приведенъ одинъ эпизодъ); машинисты, въ свою очередь, рѣшительно, выбивались изъ силъ, и, наконецъ, пассажиры стали, весьма натурально, возмущаться. Такимъ образомъ, въ первое время открытаго движенія явился такой сумбуръ, что невозможно его себѣ представить и описать.

Движеніемъ завѣдывалъ не Мельниковъ, а особое начальство, и мы, какъ производители работъ постройки дороги, не принимали въ этомъ движеніи участія. Вдругъ, внезапно, послѣдовало распоряженіе графа Клейнмихеля, которымъ приказывалось дистанціоннымъ офицерамъ сопровождать всѣ почтовые поѣзда по своей дистанціи.

Исполнить эти распоряженія не было возможности, во всякомъ случаѣ, для дистанцій, въ серединѣ дороги лежащихъ. Напримѣръ, на моей дистанціи петербургскій поѣздъ, по росписанію, проходилъ въ 11 часовъ вечера, а московскій—въ 2 часа ночи. Можно было сопровождать только одинъ изъ двухъ поѣздовъ. Поэтому, мы, между собою, порѣшили сопровождать ежедневно поѣздъ московскій, отъ Бологое до Петербурга, съ тѣмъ, чтобы по пріѣздѣ туда сейчасъ же ѣхать обратно съ поѣздомъ, ѣдущимъ въ Москву, и такимъ образомъ приходилось находиться въ пути цѣлыя сутки. Но наше сопровожденіе поѣздовъ не могло измѣнить отчаянныхъ условій движенія. Мы могли только проявлять болѣе или менѣе находчивости въ данныхъ затрудненіяхъ и принимать должныя мѣры, чтобы не заморозить пассажировъ отъ холода и не уморить ихъ отъ голода.

Въ первый же мой обратный путь изъ Петербурга, для сопровожденія почтоваго поѣзда, я узналъ въ Окуловкѣ, что на пути стоитъ замерзшій поѣздъ и дальше ѣхать нельзя. Распорядившись такъ, чтобы нѣсколько обезпечить пассажировъ отъ голода и холода, я взялъ паровозъ и поѣхалъ съ тѣмъ, чтобы помочь замерзшему поѣзду, пихая его сзади. Доѣхавъ туда, мы, общими усиліями двухъ паровозовъ, несмотря на метель, сдвинули поѣздъ и пошли впередъ. Вдругъ у моего паровоза

лопнулъ болтъ, соединяющій тендеръ съ паровозомъ, и потому послѣдній не могъ быть снабжаемъ водою. Я рѣшился оставить тендеръ, который, въ случаѣ остановки при движеніи, могъ причинить бѣду, наскочивъ на паровозъ. Забравъ, по возможности, больше дровъ на паровозъ, мы тронулись безъ тендера. Когда воды уменьшилось до предѣла возможности, а до предстоящей станціи мы еще не доѣхали, тогда я остановилъ поѣздъ, приказалъ отвинтить рычагъ съ предохранительнымъ клапаномъ и валить на это мѣсто кучи снѣга. Снѣгъ, разумѣется, таялъ съ такою быстротою, что едва успѣвали его подносить. Поднявъ, такимъ образомъ, уровень воды въ котлѣ, я могъ ѣхать далѣе и остановился лишь разъ для того, чтобы перетащить нѣсколько дровъ съ тендера передняго паровоза. Такимъ образомъ, я довелъ поѣздъ до первой станціи, поставилъ его на объѣздной путь и очистилъ дорогу для слѣдующаго поѣзда.

Изъ вышеизложеннаго читатель можетъ уже представить себѣ, отчасти, всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ было открыто движеніе по Николаевской желѣзной дорогѣ, и къ какимъ средствамъ приходилось прибѣгать, чтобы кое-какъ поддерживать движеніе и избѣгать основательнаго неудовольствія со стороны пассажировъ. Въ то время появилась, между прочимъ, карикатура, изображающая поѣздъ, стоящій въ сугробахъ снѣга, и пассажировъ, высунувшихся изъ оконъ вагона, съ открытыми ртами, кричащихъ, конечно, о помощи отъ холодной и голодной смерти, и рядомъ лихая тройка, летящая по шоссе.

По поводу временно порученнаго намъ, начальникамъ дистанцій. наблюденія за движеніемъ, я нахожу нужнымъ пояснить слѣдующій фактъ. Въ то время, когда у насъ не было желѣзныхъ дорогъ, то въ Институтѣ путей сообщенія была прочитана, буквально, лишь одна лекція о конструкціи паровозовъ въ общихъ чертахъ. Такимъ образомъ не было въ то время ни одного инженера въ корпусѣ, который былъ бы знакомъ съ этою отраслью знаній, за исключеніемъ лишь общей теоріи сопротивленія движенію по рельсамъ.

Чувствуя такой пробѣлъ въ существенномъ вопросѣ, до желѣзной дороги относящемся, въ чемъ никто не былъ виноватъ, такъ какъ въ началѣ сороковыхъ годовъ этотъ вопросъ ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, не былъ еще разработанъ, я тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ превосходнаго сочиненія: «Guide du mécanicien constructeur et conducteur de machines locomotives», составленнаго четырьмя знаменитыми французскими инженерами, принялся за изученіе означеннаго вопроса.

Вслѣдствіе этого ко времени открытія движенія по Николаевской желѣзной дорогѣ, я ознакомился съ теоретической стороной вопроса, а съ открытіемъ движенія сталъ знакомиться и съ практической стороной дѣла. Для этого я почти ежедневно ѣздилъ съ поѣздами на паровозѣ. Сначала, конечно, высматривалъ, а потомъ самъ сталъ водить поѣзда.

Здѣсь кстати упомяну объ одномъ курьезномъ эпизодѣ: однажды, при отходѣ поѣзда съ Окуловской станціи, я, по обыкновенію, всталъ на паровозъ. Надо сказать, что контрагентъ Уайненсъ, о которомъ будетъ мною сказано въ одной изъ послѣдующихъ главъ,—при заключеніи контракта съ правительствомъ, поставилъ въ условіе, чтобы никто, кромѣ машиниста, или его, Уайненса, агента, не имѣлъ права входить на паровозъ. Такой порядокъ былъ понятенъ, но, конечно, это правило не могло относиться до инженера, завѣдывающаго дистанціей и наблюдающаго за движеніемъ. Но въ интересы контрагента, и интересы слишкомъ существенные, входило то соображеніе, чтобы всѣми мѣрами не допускать инженеровъ до ознакомленія ихъ съ его дѣломъ, и онъ лихорадочно слѣдилъ за этимъ, зная, что они не подготовлены къ данному вопросу. Между тѣмъ, до него не могли не дойти слухи, что на линіи находится инженеръ, который, изучивъ вопросы теоретически, чуть не ежедневно ѣздитъ на паровозахъ и знакомится съ практической стороной дѣла. Вотъ одинъ изъ его агентовъ, находившійся въ Окуловкѣ, обратился къ начальнику станціи съ требованіемъ, чтобы онъ, на основаніи инструкціи, удалилъ меня, какъ посторонняго человѣка, съ паровоза. И вотъ, когда я всталъ на паровозъ, ко мнѣ подошелъ начальникъ станціи и сказалъ:

— Прошу васъ сойти съ паровоза.

Надо замѣтить, что начальникъ станціи былъ подвыпивши.

— Вы, кажется, рехнулись!—отвѣтилъ я,—развѣ вы не знаете, что я начальникъ дистанціи и наблюдаю за движеніемъ. Да развѣ вы въ первый разъ видите меня на паровозѣ?

— Инструкція этого не допускаетъ,—прошу васъ сойти.

— Я не сойду.

— Въ такомъ случаѣ, я позову жандарма,—и онъ привелъ его.

— Удали этого господина съ паровоза,—сказалъ начальникъ станціи

Тогда я сошелъ съ паровоза и внушительнымъ голосомъ сказалъ:

— Если вы осмѣлитесь повторить еще это слово, то не вы меня, а я васъ сейчасъ арестую.

Жандармъ зналъ, конечно, что я начальствующее лицо и въ чинѣ капитана, а начальникъ станціи неизвѣстная личность, только-что откуда-то присланная, а потому, безъ сомнѣнія, исполнилъ бы мое приказаніе. Понятно, что если бы дѣло дошло до этого, то я долженъ бы былъ вступить немедленно въ обязанности начальника станціи; но послѣдній, озадаченный моими словами, удалился, и я поѣхалъ.

Юридически, право было на сторонѣ начальника станціи, такъ какъ инструкція не дѣлала исключеній и гласила: не допускать никого на паровозъ; но если бы я вошелъ на паровозъ, отъѣхавшій хотя бы на 10 саженей отъ станціи, право было на моей сторонѣ.

Этотъ начальникъ станціи въ тотъ же день донесъ рапортомъ по начальству о томъ, что я, вопреки его приказанію и существующей инструкціи, поѣхалъ на паровозѣ. Мѣстное начальство послало этотъ рапортъ въ Петербургъ, и бывшій тогда начальникъ дороги, Крафтъ, который не зналъ меня потому, что онъ былъ до того начальникомъ Южной дирекціи и при томъ отчаянный бюрократъ,—хотѣлъ дать ходъ означенному рапорту; но помощникъ его, инженеръ-полковникъ Зуевъ, задержалъ рапортъ и вызвалъ меня въ Петербургъ. Когда я объяснилъ ему все дѣло, то Крафтъ оставилъ рапортъ безъ послѣдствій.

Вышло однако курьезное стеченіе обстоятельствъ. Вернувшись дня черезъ три изъ Петербурга, упомянутаго начальника не было уже на станціи. Въ это время пріѣхала полиція и арестовала его. Оказалось, что сей господинъ, бывшій гдѣ-то прежде, кажется, полицейскимъ чиновникомъ, скрывался отъ слѣдствія и суда по какому-то уголовному дѣлу о кражѣ. Поэтому читатель можетъ видѣть, что я имѣлъ право сказать выше, что, при началѣ движенія, начальниковъ станцій «набирали, можно сказать, на толкучемъ рынкѣ».

Прослуживъ года полтора на ремонтѣ, имѣя уже опытность въ постройкѣ и ознакомившись въ достаточной мѣрѣ съ механическою стороною подвижнаго состава, я не пожелалъ оставаться долѣе на ремонтѣ, который не могъ представлять никакого поприща для инженернаго дѣла. Поэтому, я обратился къ начальству съ просьбою о прикомандированіи меня къ Александровскому механическому заводу, разсчитывая образовать себя, такимъ образомъ, въ смыслѣ компетентнаго инженера для постройки паровозовъ и проч.

Между тѣмъ, Александровскій заводъ находился въ рукахъ контрагента Уайненса, который имѣлъ сильное вліяніе въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, и, по его интригѣ, просьба моя была отклонена. Тогда я, разсчитывая, для дальнѣйшаго образованія, отправиться за границу, подалъ рапортъ объ отставкѣ. Но представленіе о моей отставкѣ задержалъ у себя, умышленно, начальникъ отдѣленія, пославъ его по начальству лишь въ началѣ января. Это прошеніе и было возвращено назадъ за позднимъ его представленіемъ, такъ какъ въ то время существовало правило—подавать въ отставку не позже 25-го декабря. Получивъ обратно рапортъ, не имѣвшій дальнѣйшаго хода, я сдалъ дистанцію брату и рапортовался больнымъ. По существовавшему тоже правилу, офицеръ, проболѣвшій 4 мѣсяца, увольнялся отъ службы; между тѣмъ меня, безъ всякаго временнаго вступленія на службу и безъ подачи новаго медицинскаго свидѣтельства, отъ службы не увольняли, и я, оставаясь въ такомъ положеніи почти цѣлый годъ, дождался новаго срока и подалъ вторично рапортъ объ отставкѣ, и рапортъ мой дошелъ до гр. Клейнмихеля.

Надо замѣтить, что служба на Николаевской дорогѣ была самою видною въ вѣдомствѣ путей сообщенія. Бывшій тогда главноуправляющій, графъ Клейнмихель, всегда старался, всѣми мѣрами, не выпускать своихъ подчиненныхъ въ отставку безъ видимой причины, подозрѣвая, что уходящій изъ его вѣдомства чѣмъ-нибудь недоволенъ и намѣренъ перейти въ другое вѣдомство, гдѣ можетъ явиться малымъ или большимъ, враждебнымъ ему элементомъ. Кромѣ того, въ немъ была замѣтна черта самолюбія въ томъ, что онъ умѣетъ оцѣнивать людей лучше, чѣмъ другіе начальники.

Когда графу Клейнмихелю доложенъ былъ мой рапортъ объ отставкѣ, онъ призвалъ самое приближенное къ нему лицо, полковника Серебрякова, и сказалъ ему:

— Что онъ (т. е. я) затѣялъ, какое же онъ можетъ имѣть лучшее положеніе, чѣмъ то, которое онъ занимаетъ, и при томъ лично мнѣ извѣстенъ? Узнай, чего онъ хочетъ?

Когда Серебряковъ обратился ко мнѣ, то я сказалъ:

— Сообщите главноуправляющему, что я не имѣю другаго желанія, какъ примѣнить свою дѣятельность къ серьезному дѣлу, и что на ремонтѣ устроенной уже дороги я не вижу поприща для инженера.

Послѣ того не прошло и недѣли, какъ послѣдовалъ приказъ главноуправляющаго слѣдующаго содержанія:

«Инженеръ капитанъ Панаевъ 2-й назначается начальникомъ изысканій особой вѣтви для желѣзной дороги, имѣющей цѣлью развитіе каменноугольной промышленности въ Донецкомъ бассейнѣ».

Ни начальный, ни окончательный пункты въ приказѣ не были обозначены. Понятно, что эта вѣтвь должна была примкнуть къ предполагавшейся Черноморской дорогѣ въ какомъ-либо пунктѣ. Я несказанно обрадовался такому порученію, которое открывало мнѣ широкое поле для изученія вопроса, о которомъ я мечталъ. Передо мною явилась территорія слишкомъ въ 200 верстъ ширины и болѣе 500 верстъ длины.

Слѣдовательно, я и очутился въ особыхъ условіяхъ, которыя дали мнѣ возможность не только вообще выполнить съ успѣхомъ возложенное на меня порученіе, но и выяснить себѣ многія теоретическія основы для начертанія наивыгоднѣйшихъ линій съ технической стороны,—о чемъ будетъ говорено ниже.

Такимъ образомъ, я и удалился съ Николаевской желѣзной дороги и попалъ опять подъ начальство генерала Мельникова, столь много всѣми нами любимаго.

XXI.

Главные участники постройки Николаевской желѣзной дороги: графы Толь и Клейнмихель; генералы Мельниковъ и Крафтъ.

Теперь я долженъ посвятить нѣсколько страницъ главнымъ участникамъ постройки Николаевской желѣзной дороги.

Мысль объ ея постройкѣ зародилась, конечно, у императора Николая Павловича тогда, когда дана была концессія на устройство Царскосельской желѣзной дороги, въ видѣ опыта. Эту мысль и сталъ преслѣдовать бывшій тогда главноуправляющій путями сообщенія графъ Толь.

Графъ Толь, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ героевъ 1812 года и взятія Варшавы въ 1831 году. Это былъ одинъ изъ самыхъ образованнѣйшихъ людей своего времени, но, несмотря на это, сознавая, что онъ не спеціалистъ въ инженерномъ дѣлѣ, избралъ себѣ товарищемъ одного изъ самыхъ талантливыхъ инженеровъ, подходящаго къ такому званію по чину, инженеръ-генералъ-лейтенанта Девятина. Затѣмъ, онъ выбралъ двухъ лицъ, молодыхъ, и, убѣдившись въ ихъ познаніяхъ, талантѣ и рыцарской честности, Мельникова и Крафта, отправилъ ихъ за границу, въ Европу и Америку, для изученія желѣзныхъ дорогъ, дабы, по возвращеніи ихъ, поручить имъ устройство нынѣшней Николаевской дороги.

Я поступилъ въ Институтъ путей сообщенія при графѣ Толѣ и оставался тамъ еще при немъ до производства въ офицеры.

Графъ Толь обращалъ особое вниманіе на Институтъ путей сообщенія, т. е. на разсадникъ инженеровъ. Привлекая туда наилучшихъ профессоровъ по всѣмъ отраслямъ, Институтъ при немъ достигъ своего апогея и стоялъ не только не ниже Политехнической парижской школы, съ ея спеціальностями, давшей столько знаменитыхъ людей по всѣмъ отраслямъ, составляющихъ гордость Франціи, но даже—выше ея; ибо въ то время профессорами по математикѣ и соприкосновеннымъ съ нею наукамъ были: геніальный Остроградскій, Буняковскій, Чижовъ, Гессъ и Купферъ, академики разныхъ академій, словомъ сказать, европейскія знаменитости. А изъ инженеровъ профессорами были, какъ я уже упоминалъ: Мельниковъ, Кербедзъ, Севастьяновъ и прочія лица, которыя были перечислены выше. Съ такими силами Институтъ, въ полномъ смыслѣ слова, процвѣталъ; лучшимъ доказательствомъ замѣчательной подготовки инженеровъ въ это незабвенное для Института время—служитъ постройка Николаевской желѣзной дороги. Кромѣ Мельникова и Крафта, видѣвшихъ желѣзныя дороги за границею, ни одинъ инженеръ, изъ находившихся при постройкѣ Николаевской дороги, не видалъ до тѣхъ поръ ничего, кромѣ игрушки—Царскосельской желѣзной дороги.

*

При графѣ Толѣ продолжалась постройка Московскаго шоссе, строилось Варшавское шоссе, построено много шлюзовъ, въ томъ числѣ извѣстные шлюзы на Ладожскомъ каналѣ.

Въ это же время былъ построенъ замѣчательный мостъ на Московскомъ шоссе у Бронницъ черезъ рѣку Мсту. Впервые въ Россіи была употреблена арочная система для неслыханнаго до того времени большаго отверстія въ 25 саж.

О преемникѣ графа Толя графѣ Клейнмихелѣ существовали разныя мнѣнія, въ томъ числѣ его считали чрезвычайно суровымъ, какимъ-то звѣремъ, уподобляющемся графу Аракчееву, изъ школы котораго онъ и вышелъ. Въ дѣйствительности, Клейнмихель былъ до крайности горячъ, нетерпѣливъ, необыкновенно энергиченъ, быстръ въ рѣшеніяхъ и обладалъ характеромъ твердымъ и, въ особенности, независимымъ. Онъ не терпѣлъ ни малѣйшаго вмѣшательства, кого бы то ни было, въ дѣла, до него относящіяся, и потому, вскорѣ по вступленіи въ званіе главноуправляющаго путями сообщенія, достигъ de facto закрытія дѣятельности образованнаго до него Комитета желѣзныхъ дорогъ.

Приведу одинъ фактъ нетерпимости Клейнмихеля относительно вмѣшательства въ его дѣла. На третій годъ постройки дороги, въ концѣ сезона 1845 г., объѣхалъ работы герцогъ Лейхтенбергскій. Въ то время онъ стоялъ во главѣ корпуса горныхъ инженеровъ, а начальникомъ штаба былъ генералъ-лейтенантъ Чевкинъ, который и сопровождалъ герцога. Герцогъ имѣлъ порученіе, послѣ объѣзда горныхъ сибирскихъ округовъ, объѣхать и работы Николаевской желѣзной дороги. Послѣ этого объѣзда былъ составленъ всеподданнѣйшій докладъ, авторомъ котораго былъ, конечно, Чевкинъ. Послѣдствіемъ означеннаго доклада явилось: потеря Чевкинымъ мѣста начальника штаба и зачисленіе его въ званіе сенатора. Съ тѣхъ поръ и закатилась, на долгое время, звѣзда Чевкина.

Клейнмихель не былъ государственнымъ мужемъ въ широкомъ значеніи этого слова, но онъ былъ очень уменъ, талантливъ и обладалъ особенною опытностью въ вопросахъ административнаго свойства, и потому былъ всегда на мѣстѣ, что бы ни попадало въ кругъ его дѣятельности, а слѣдовательно, превосходнымъ министромъ врученной ему отрасли. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ его не жаловали. Но онъ пользовался такимъ исключительно-громаднымъ довѣріемъ императора Николая Павловича, какого едва-ли достигалъ кто-либо изъ другихъ министровъ. А потому, онъ рѣшительно не обращалъ вниманія ни на кого, смѣло вступалъ въ борьбу со всѣми и твердо шелъ, помимо всѣхъ возможныхъ препятствій и постороннихъ интригъ, къ цѣли, которую назначилъ себѣ. Не менѣе того, несмотря на свое могущество, мнѣ вспоминается разсказъ моего брата Ліодора, который былъ адъютантомъ штаба и долженъ былъ разъ или два въ недѣлю дежурить у Клейнми-

хеля. Вотъ, что разсказывалъ братъ. Когда Клейнмихель собирался ѣхать къ государю съ докладомъ, онъ множество разъ говаривалъ брату:

— Вѣдь ты знаешь, какимъ довѣріемъ я пользуюсь у государя и какъ онъ меня любитъ, но вѣришь ли ты, что всякій разъ, когда ѣду съ докладомъ, меня бьетъ лихорадка.

Иные и понынѣ характеризуютъ Клейнмихеля названіемъ—писаря, желая этимъ, неприличнымъ для него, названіемъ характеризовать его какъ исключительнаго бюрократа; между тѣмъ, въ дѣйствительности, графъ Клейнмихель представлялъ изъ себя олицетвореннаго врага бюрократическаго порядка. Извѣстно, какъ императоръ Николай презиралъ бюрократическій порядокъ, и уже это одно показываетъ, что исключительный бюрократъ никогда не могъ быть облеченъ тою силою, какою облекъ императоръ Николай I графа Клейнмихеля.

По обыкновенію, каждое лицо, вступающее во главу какого-либо управленія, относится къ прежнему управленію недовѣрчиво и съ предубѣжденіемъ. Такъ и Клейнмихель вступилъ въ новую свою должность съ видимымъ намѣреніемъ подтянуть, какъ говорится, вѣдомство, будто бы распущенное. Между тѣмъ, въ вѣдомствѣ путей сообщенія господствовалъ строгій и весьма раціональный порядокъ по работамъ, постоянно контролируемый особыми инспекторами, назначенными изъ высшихъ инженеровъ, никакого соотношенія къ работамъ не могущихъ имѣть.

Графъ Клейнмихель по своему горячему характеру, тотчасъ же началъ громить направо и налѣво. Въ первый годъ стали появляться его приказы, занимавшіе десятки страницъ, которые такъ заинтересовали публику, что многіе подписывались на эти приказы. Но онъ скоро увидалъ, что не такъ черенъ чортъ, какъ его малюютъ и, будучи въ душѣ человѣкомъ справедливымъ, употребилъ всѣ старанія, чтобы загладить слѣды обрушившагося грома на тѣхъ лицъ, которыя не заслуживали того. Въ самомъ непродолжительномъ времени, Клейнмихель полюбилъ вѣдомство путей сообщенія, значительно распространилъ сферу его дѣятельности и, оставаясь громовержцемъ во внутреннемъ управленіи вѣдомствомъ, явился самымъ энергическимъ защитникомъ его передъ другими, такимъ, какого не было ни прежде, ни послѣ. Клейнмихель каралъ, когда это было нужно, своихъ подчиненныхъ, и каралъ жестоко, но никого,—кто бы онъ ни былъ,—не допускалъ обижать или оскорблять ихъ; въ противномъ случаѣ обидчику, при могуществѣ Клейнмихеля, пришлось бы не по нутру.

Графъ Клейнмихель отличался умѣньемъ ставить людей на мѣста, сообразно ихъ способностямъ и знаніямъ и, въ особенности, любилъ въ нихъ энергію. Онъ никогда не удалялъ людей отъ дѣла по личной антипатіи. Напримѣръ, графъ Клеймихель не жаловалъ Мельникова,

директора работъ Николаевской дороги, по причинѣ сильной разнородности ихъ характеровъ: Клейнмихель былъ огонь и воплощенная энергія, Мельниковъ же былъ холоднаго и спокойнаго характера и не отличался энергіей. Во время постройки Николаевской дороги между ними были безпрерывныя столкновенія, и, несмотря на всевозможныя интриги противъ Мельникова, Клейнмихель, уважая въ немъ его познанія, его рыцарскую честность и вообще его достоинства, никогда и не подумалъ замѣнить его другимъ лицомъ. Вообще говоря, Клейнмихель былъ рѣдкій администраторъ; онъ сдѣлалъ многое для урегулированія и поднятія значенія вѣдомства путей сообщенія. Онъ ввелъ новое урочное положеніе, которое, хотя по нѣкоторымъ работамъ, и установило уроки неисполнимые, не менѣе того, по своей обстоятельности, и до сихъ поръ служитъ основой для составленія смѣтъ на работы.

Кромѣ того, Клейнмихель раздѣлилъ всю Россію на округа, подчинивъ вѣдомству всѣ губернскія строительныя коммиссіи, а, слѣдовательно, почтовые тракты, не говоря, конечно, о шоссе, каналахъ и общественныхъ зданіяхъ, которые состояли уже въ вѣдомствѣ; онъ же издалъ и правила для частныхъ построекъ въ городахъ и проч. Словомъ сказать, все, что только могло относиться къ строительному дѣлу въ государствѣ, все сосредоточивалось въ вѣдомствѣ путей сообщенія. И что же мы видимъ теперь—по прошествіи полустолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ почтовые тракты и нѣкоторыя шоссе перешли въ вѣдѣніе земствъ? Мы видимъ, что въ теченіе такого огромнаго періода времени, долженствовавшаго ознаменоваться прогрессомъ въ жизни государства, произошло не улучшеніе означенныхъ путей, а ухудшеніе, доходящее до своего предѣла.

Подчинивъ себѣ строительныя коммиссіи, предсѣдателями которыхъ были губернаторы, онъ, тѣмъ самымъ, подчинялъ ихъ себѣ. Не могу умолчать, чтобы не разсказать то, что творилось во время объѣздовъ Клейнмихеля по Россіи. Такъ какъ телеграфовъ не было, то губернаторъ выѣзжалъ заранѣе на границу своей губерніи и ожидалъ проѣзда по два, по три дня, согнавъ, на всякій случай, неизвѣстно зачѣмъ, до 100 и болѣе обывательскихъ лошадей, которыя должны были ожидать проѣзда и разъѣхаться затѣмъ по домамъ, не получивъ за это ни копѣйки вознагражденія. Я былъ не разъ свидѣтелемъ подобныхъ фактовъ, вытекавшихъ, конечно, не отъ распоряженій Клейнмихеля.

Клейнмихель объѣзжалъ работы Николаевской дороги два раза въ годъ, весною и осенью, большею частью въ самую распутицу. Объѣзжалъ не для того только, чтобы убѣдиться въ положеніи дѣла, но и для того, чтобы на мѣстѣ разрѣшать разные вопросы. Онъ дотого былъ мало взыскателенъ во время своихъ путешествій, что не разъ, въ распутицу,

когда съ колесной ѣзды надо было переходить на санную, приходилось возить его на дровняхъ, къ которымъ, за ночь, придѣлывали только отводы. Ночевалъ онъ по крестьянскимъ избамъ, пока не были построены казенные дома, у того офицера, гдѣ настигала его ночь. Къ пріѣзду Клейнмихеля часто приготовлялись проекты сооруженій и вообще доклады по разнымъ вопросамъ, требующимъ его утвержденія. Тутъ же, во время его остановокъ на ночлегъ или обѣдъ, онъ подписывалъ ихъ, зная, что если дѣло пойдетъ обыкновеннымъ порядкомъ, то до утвержденія пройдутъ многіе мѣсяцы, и подписывалъ ихъ не безсознательно, а требуя личнаго подробнаго объясненія. Надо замѣтить при этомъ, что Клейнмихель не былъ вполнѣ чуждъ нѣкоторыхъ техническихъ вопросовъ: извѣстно, что онъ былъ главнымъ дѣятелемъ у Аракчеева по постройкамъ въ военныхъ поселеніяхъ, гдѣ, кромѣ гражданскихъ сооруженій, устраивались шоссейныя дороги и небольшіе мосты. Не надо упускать тоже изъ виду, что Клейнмихель былъ главнымъ распорядителемъ по возобновленію Зимняго Дворца послѣ пожара, истребившаго его въ 1837 году. Дворецъ былъ возстановленъ въ теченіе менѣе одного года, т. е. въ такой срокъ, о которомъ никто не могъ бы и помыслить. Безъ энергіи Клейнмихеля это устройство никогда не было бы осуществлено въ означенный срокъ. Но такова была воля императора, и Клейнмихель привелъ эту волю въ исполненіе, за что и получилъ графское достоинство. Можно ли было повернуть такъ быстро дѣло при бюрократическомъ, писарскомъ порядкѣ?

Какъ опытный администраторъ, Клейнмихель зналъ, что въ описанномъ выше фактѣ [1]) все будетъ зависѣть отъ дистанціонныхъ офицеровъ, производителей работъ, и потому самъ, помимо департамента, директора работъ и начальниковъ участка, разсуждалъ, при первомъ же, послѣ означеннаго эпизода, проѣздѣ по работамъ, непосредственно съ дистанціонными офицерами, требовалъ отъ нихъ указанія средствъ для достиженія цѣли, и, затѣмъ, при нихъ объявлялъ начальствующимъ лицамъ, чтобы они исполняли немедленно всѣ требованія производителя работъ; а ему, тутъ же, приказывалъ доносить прямо ему, Клейнмихелю, о томъ, если требованія его, производителя работъ, не будутъ исполнены. Спрашивается теперь: былъ ли это бюрократъ, обзываемый писаремъ, или это былъ человѣкъ существа дѣла? Заботясь безустанно объ ограниченіи возможныхъ злоупотребленій, Клейнмихель брался за корень. Онъ преслѣдовалъ въ этихъ случаяхъ не только Фауста, но обрушался всею силою свойственной ему энергіи и на Мефистофеля.

Я приведу здѣсь одинъ случай, который, впрочемъ, былъ уже разсказанъ мною подробно въ одной изъ моихъ статей, напечатанной въ

[1]) Ускоренія постройки дороги для проѣзда императора Николая.

№ 85 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1883 годъ. Департаментъ желѣзныхъ дорогъ заключилъ контрактъ на поставку шпалъ и продольныхъ лежней на всю Николаевскую дорогу съ извѣстными европейскими торговцами лѣсомъ: Громовымъ и Скрябинымъ. По контракту, эти подрядчики обязывались сдать весь матеріалъ, до 2.000.000 штукъ, только въ 3-хъ пунктахъ на рѣкахъ Волгѣ, Мстѣ и Волховѣ. Клейнмихель былъ въ восторгѣ отъ пріобрѣтенія въ подрядчики такихъ капитальныхъ тузовъ лѣсной торговли, какими были Громовъ и Скрябинъ. Контрактъ съ ними былъ заключенъ по всѣмъ правиламъ юридическаго искусства, со внесеніемъ подрядчиками законныхъ залоговъ и т. д. Затѣмъ, контрактъ этотъ былъ разосланъ, чрезъ Мельникова и начальниковъ отдѣленій, дистанціоннымъ офицерамъ съ предписаніемъ составить смѣты, по урочному положенію, на развозку по линіи дороги матеріаловъ изъ упомянутыхъ пунктовъ, выбирая ближайшій къ мѣсту работъ.

Оказалось, что въ отдаленныхъ мѣстахъ работъ шпалы обходились бы отъ 4 до 5 руб. за штуку, тогда какъ дѣйствительная стоимость шпалы не превышала, въ то время, 30 коп.

Мельниковъ не замедлилъ донести Клейнмихелю о безобразномъ контрактѣ, заключенномъ департаментомъ. Клейнмихель, уразумѣвъ, конечно, подкладку дѣла, не задумался ни минуты; онъ призвалъ къ себѣ подрядчиковъ и предложилъ три условія: или прогуляться по владимíркѣ, или отказаться отъ контракта, или поставить всѣ шпалы и доски по всей линіи, а не въ 3-хъ пунктахъ, съ надбавкою нѣсколькихъ процентовъ къ той цѣнѣ, которая значится въ контрактѣ.

Графъ Клейнмихель шутить не любилъ и былъ человѣкъ энергическій, который не преклонялся, вообще, передъ принципомъ «свершившагося факта» потому только, что тотъ или другой фактъ совершался съ соблюденіемъ установленныхъ формъ и правилъ. Характеръ и воззрѣнія графа были всѣмъ не безызвѣстны, а потому подрядчики, конечно, въ виду приличнаго внушенія, имъ сдѣланнаго, предпочли послѣднее предложеніе, съ надбавкою, кажется 40 проц. или 50, т. е. обязались на означенныхъ условіяхъ ставить поперечины по всей линіи, а не въ трехъ пунктахъ. Такимъ образомъ, цѣна на поперечины была установлена болѣе умѣренная въ предѣлахъ отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 40 к., или 1 р. 50 к.,—точныхъ цифръ не помню. Переходъ отъ перспективы въ 5 р. къ 1 р. 50 к. былъ, конечно, громадною побѣдою. Какъ же, въ дѣйствительности, совершилась операція поставки поперечинъ? Громовъ и Скрябинъ, не шевелясь и не расходуя ни одной копѣйки, роздали поставку поперечинъ по линіи разнымъ другимъ подрядчикамъ. На самомъ невыгодномъ для нихъ участкѣ они сдали поставку поперечинъ одному подрядчику по 70 к. за штуку. Этотъ подрядчикъ роз-

далъ поставку мелкимъ поставщикамъ по 25 и 27 к. Съ тѣхъ поръ прошло 45 лѣтъ, и цѣна поставки въ тѣхъ мѣстахъ не превышаетъ, кажется еще и теперь, 70 к. за штуку.

Что̀ бы сказали современные юристы и юрисконсульты о поступкѣ Клейнмихеля? Насиліе! беззаконіе! произволъ! закричали бы они. Между тѣмъ, подрядчики не только не пострадали, а имѣли и при новыхъ условіяхъ огромный барышъ. Устроителямъ контракта, администраторамъ, конечно, дѣло это не прошло совершенно безнаказанно, но юридически всѣ были правы, и администраторы, и подрядчики. Клейнмихель былъ бичъ и наводилъ ужасъ на всякаго, кто стремился къ злоупотребленіямъ, и билъ его, какъ я уже сказалъ, въ корень.

Клейнмихеля упрекали въ грубой манерѣ обращенія съ людьми; между тѣмъ, онъ обладалъ особеннымъ тактомъ въ этомъ отношеніи, что̀ случалось мнѣ наблюдать много разъ, такъ какъ во время его объѣздовъ Николаевской дороги ему всего чаще приходилось ночевать или обѣдать у меня. Съ одними онъ былъ дѣйствительно грубоватъ, съ другими же былъ вполнѣ джентльменомъ; но на всѣхъ постоянно производилъ впечатлѣніе могущества, и это приносило большую пользу для всего, имъ управляемаго.

Клейнмихель, сознавая особенную горячность своего характера, нерѣдко допускалъ, чтобы доклады читалъ ему одинъ мелкій чиновникъ его канцеляріи, очень талантливый, но вышедшій, кажется, изъ писарей. Докладчикъ же, т. е. директоръ департамента или начальникъ отдѣленія, ожидалъ въ это время взгляда Клейнмихеля на представленный докладъ. Если Клейнмихель былъ недоволенъ докладомъ, то или рвалъ его тутъ же на клочки, или срывалъ свое сердце на чтецѣ доклада.

Въ послѣднія времена, разныя газеты, находясь въ полномъ невѣдѣніи, при всякомъ удобномъ случаѣ, глумятся надъ памятью Клейнмихеля. Опроверженія на разный, печатаемый ими вздоръ, которыя я дѣлалъ, газеты не помѣщаютъ на томъ основаніи, что законъ не ограждаетъ памяти умершихъ, и я являюсь въ этомъ случаѣ совершенно постороннимъ человѣкомъ.

Еще недавно, одна газета, для очерненія характера Клейнмихеля, привела фактъ, представляющій вопіющій вздоръ, который она выдала за истину. Я написалъ опроверженіе, котораго, конечно, газета не помѣстила, а цензурный комитетъ, а равно и главное управленіе по дѣламъ печати, не имѣя на подобные случаи твердаго закона, не сочли себя въ правѣ обязать газету къ напечатанію означеннаго опроверженія.

Мое опроверженіе заключалось въ слѣдующемъ, которое считаю не лишнимъ, вообще, привести здѣсь.

Въ одной газетѣ напечатана была статья, подъ заглавіемъ: «Изъ прошлаго», г. Александровымъ. Статья эта представляетъ такую вопіющую неправду, что каждый порядочный человѣкъ, имѣющій возможность опровергнуть ее, обязанъ исполнить это. Я находился на Николаевской ж. д. въ продолженіе 12 лѣтъ, съ самаго начала ея постройки, и былъ товарищемъ Журавскаго. Поэтому я и принимаю эту обязанность на себя. Изложенные въ статьѣ факты полная выдумка, неизвѣстно откуда заимствованная.

Статья повѣствуетъ, что главноуправляющій графъ Клейнмихель, сопровождая императора Николая Павловича, ѣхавшаго первый разъ по Николаевской ж. д., для осмотра ея работъ, не приказалъ назначить остановку поѣзда на Мстинскомъ мосту, строителемъ котораго былъ молодой инженеръ Журавскій, не пользовавшійся будто бы любовью Клейнмихеля за то, какъ намекаетъ г. Александровъ, что этотъ инженеръ обладалъ всестороннимъ образованіемъ, особеннымъ умомъ и энергіей, и что его-де держали въ вѣдомствѣ путей сообщенія по необходимости. Обиженный будто бы такимъ распоряженіемъ Клейнмихеля, Журавскій задумалъ насолить ему и рѣшился самопроизвольно и нагло остановить царскій поѣздъ на построенномъ имъ мосту.

Между тѣмъ, вотъ дѣйствительные факты:

1) Журавскій строилъ мостъ не черезъ Мсту, а черезъ Веребью.

2) Клейнмихель не только не недолюбливалъ Журавскаго, а гордился имъ, какъ гордился имъ и директоръ постройки инженеръ-генералъ Мельниковъ (впослѣдствіи министръ), и они оба относились къ Журавскому съ особеннымъ почетомъ.

3) Никакой, однако, необходимости въ Журавскомъ не было. Мосты, подобные тому, который строилъ Журавскій, возводились и на другихъ пунктахъ Николаевской ж. д., напримѣръ: на Мстѣ и Сходнѣ, а также на Волховѣ, Волгѣ и Тверцѣ. Слѣдовательно, въ способныхъ и дѣльныхъ инженерахъ-строителяхъ недостатка не было.

4) Самымъ выдающимся сооруженіемъ на Николаевской ж. д. былъ, конечно, мостъ черезъ Веребью, который имѣлъ 25 саженъ высоты и 275 саж. длины, построенный по особой, новой американской системѣ. Подобнаго сооруженія не было тогда ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ. Этимъ сооруженіемъ желали блеснуть графъ Клейнмихель и Мельниковъ, и потому, на этомъ мосту, была назначена остановка, особенно продолжительная, въ сравненіи съ другими пунктами. Чтобы видѣть всю грандіозность сооруженія, надо было спуститься въ долину рѣчки Веребьи; для этого и было все приготовлено для государя. Государь спустился внизъ, прошелъ поперекъ всю долину и, такимъ образомъ, увидѣлъ картину моста во всемъ блескѣ.

5) Въ то время, когда государь шелъ по долинѣ, съ одного берега

на другой, поѣздъ долженъ былъ переѣхать мостъ на противоположную сторону. Мостъ, только-что оконченный, былъ, конечно, превосходно окрашенъ, и все блестѣло; но не гармонировали съ этимъ блескомъ лишь ржавые рельсы, по которымъ не было еще ѣзды, шлифующей ихъ; главному десятнику, находившемуся при постройкѣ моста, показалось это некрасивымъ и, не будучи, конечно, знакомъ съ условіями движенія паровозовъ, онъ выкрасилъ рельсы, передъ самымъ проходомъ поѣзда, черной масляной краской. Само собою разумѣется, что какъ только поѣздъ въѣхалъ на мостъ, то колеса паровоза стали буксовать. Тогда немедленно бросились рабочіе стирать краску и посыпать рельсы пескомъ. Все это происходило тогда, когда государь переходилъ долину по низу. Такимъ образомъ, задержки въ остановкѣ противъ росписанія не было, и государь тутъ же поздравилъ Журавскаго съ чиномъ подполковника и крестомъ св. Владиміра.

Вотъ истина.

Между тѣмъ, газета приписала Клейнмихелю низкое, изъ какой-то злобы на молодаго подчиненнаго, намѣреніе не показать государю самое важное на Николаевской ж. д. сооруженіе, и что, въ довершеніе всего, Клейнмихель посадилъ Журавскаго на одинъ мѣсяцъ на гауптвахту, тогда какъ ничего подобнаго не было.

Еще при жизни Клейнмихеля кто-то пустилъ въ ходъ одинъ анекдотъ, который, послѣ его смерти, выдавался газетами за истину. Клейнмихель былъ необыкновенно аккуратенъ въ исполненіи назначаемыхъ имъ, для того или другаго, часовъ, и приказывалъ напоминать ему объ этомъ. Вотъ однажды, ночуя, кажется, въ Вышнемъ-Волочкѣ, ему доложили, что пора ѣхать туда, куда было назначено.

— Еще рано, — сказалъ Клейнмихель, посмотрѣвъ на свои часы, поставленные по Петербургскому времени.

— Нѣтъ, не рано, ваше сіятельство; по здѣшнему меридіану уже столько-то часовъ.

— Что за глупости, чтобы каждый городишко имѣлъ свой меридіанъ,—отвѣтилъ Клейнмихель и приказалъ переводить свои часы, во время его путешествія, по мѣстнымъ меридіанамъ.

И вотъ недоброжелатели Клейнмихеля вздумали цитировать его отвѣтъ, какъ фактъ будто бы вопіющаго его невѣжества.

По поводу нѣсколькихъ, высказанныхъ мною эпизодовъ, я вспоминаю одинъ фактъ, имѣющій связь съ усами, которыхъ до Клейнмихеля инженеры не имѣли права носить.

Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, бывшій репетиторомъ при Институтѣ путей сообщенія изъ какого-то второстепеннаго предмета, сталъ появляться на репетиція съ обвязанными платкомъ щеками, сильно не выбритыми.

Мы полагали, что у него болятъ щеки или зубы, и, наконецъ, долгое время, пересталъ показываться на репетиціи. Одинъ изъ посѣтившихъ этого офицера разсказалъ, что онъ засталъ его дома выбритымъ, но съ отросшими значительно усами, и что онъ объявленъ женихомъ молодой дѣвушки, баронессы Т..., дочери директрисы Патріотическаго института. Въ это время, случилось, что государь посѣтилъ Патріотическій институтъ, и молодая баронесса была представлена государю, какъ невѣста. Государь поздравилъ ее; но въ ту же минуту баронесса бросилась на колѣни, сказавъ, что она имѣетъ большую просьбу.

— Что такое?—спросилъ государь.

— Ваше величество, окажите милость, разрѣшите носить усы моему жениху.

Понятно, что государь разсмѣялся; но относительно его отвѣта версій было много, клонившихся не въ пользу молодой баронессы.

Однако, по прошествіи года, или нѣсколько болѣе, появился приказъ Клейнмихеля о разрѣшеніи инженерамъ носить усы.

И такъ, — уже изъ тѣхъ немногихъ приведенныхъ фактовъ сдѣланной мною правдивой характеристики графа Клейнмихеля, которую, конечно, подтвердятъ всѣ лица, служившія въ его время,—онъ былъ, какъ видно, въ высшей степени замѣчательный администраторъ.

Но графу Клейнмихелю можно сдѣлать одинъ весьма важный упрекъ: онъ реформировалъ Институтъ путей сообщенія и обусловилъ тѣмъ начало его паденія, въ чемъ помогало ему угодливое новое начальство Института, не нашедшее въ себѣ смѣлости и духа разъяснить Клейнмихелю прежнее высокое значеніе этого заведенія, которое, до того времени, пользовалось уставомъ, подобнымъ уставу Парижской политехнической школы, каковой уставъ послѣдней остается до сихъ поръ почти неприкосновеннымъ со временъ Наполеона I, а школа эта, конечно, можетъ считаться наилучшимъ образовательнымъ и воспитательнымъ заведеніемъ во всемъ мірѣ.

Обращаюсь теперь къ Мельникову. Блестящія способности, быстрота соображенія и вообще талантливость Мельникова были замѣчены еще тогда, когда онъ учился въ Институтѣ путей сообщенія. Тогдашній главноуправляющій, герцогъ Александръ Виртембергскій, посѣщавшій нерѣдко Институтъ, не разъ вызывалъ Мельникова послѣ окончанія лекціи и приказывалъ ему повторить сейчасъ же лекцію, только-что оконченную профессоромъ, по предметамъ высшей математики или механики. Герцогъ вообще гордился Мельниковымъ, и репутація послѣдняго была такъ громка, что имъ гордилось все вѣдомство путей сообщенія. Его служебный путь былъ, можно сказать, тріумфальнымъ шествіемъ. Мельниковъ былъ сначала репетиторомъ, впослѣдствіи бле-

стящимъ профессоромъ прикладной механики, и въ то же время исполнялъ разныя порученія. Такъ, напримѣръ, когда былъ снесенъ бурею верхній куполъ Троицкаго собора, то ему поручено было построить новый куполъ, который онъ выстроилъ по своей, очень остроумной, системѣ, и который до сихъ поръ, болѣе полустолѣтія, стоитъ цѣлъ и невредимъ. Модель этого купола можно видѣть въ музеѣ Института путей сообщенія.

Когда въ Европѣ начали строить желѣзныя дороги, то Мельникова отправили за границу для изученія ихъ. По возвращеніи, онъ продолжалъ быть профессоромъ въ Институтѣ; но когда императоръ Николай Павловичъ рѣшилъ уже строить желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Москву, Мельникова вновь отправили за границу, поручивъ ему, по его же предложенію, ознакомиться преимущественно съ дорогами въ Соединенныхъ Штатахъ.

По возвращеніи въ этотъ разъ Мельникова изъ Америки, неотлагательно былъ рѣшенъ вопросъ о постройкѣ дороги между Петербургомъ и Москвою, и онъ назначенъ былъ начальникомъ Сѣверной дирекціи, отъ Петербурга до Бологова, а начальникомъ Южной дирекціи былъ назначенъ Крафтъ.

Во время производства работъ, Мельниковъ, хотя и не былъ единственнымъ начальникомъ всей дороги, но, не менѣе того, онъ положительно былъ душою всего дѣла и учителемъ всего и всѣхъ по техническимъ вопросамъ, и учителемъ великимъ. Въ то время, какъ я уже упоминалъ выше, на Николаевской дорогѣ не было ни одного инженера, не только знакомаго съ постройками желѣзныхъ дорогъ, но и видавшаго ихъ кромѣ игрушки—Царкосельской дороги. А какъ построена Николаевская дорога,—извѣстно всему свѣту. Этотъ фактъ доказываетъ и силу учителя, а равно, какъ было уже сказано выше, основательное образованіе инженеровъ, дававшееся до того времени въ Институтѣ путей сообщенія.

Система управленія Мельниковымъ отличалась полнымъ отсутствіемъ формализма, бюрократизма и педантизма. Производители работъ были абсолютно избавлены отъ переписки, а потому могли вполнѣ отдаваться своему дѣлу. Единственная письменная обязанность производителя работъ заключалась въ написаніи, разъ въ мѣсяцъ, одного неизбѣжнаго рапорта: «деньги на жалованье», или «разъѣзды, присланныя при такомъ-то предписаніи, получены и на приходъ такою-то статьею въ книгу записаны». Мельниковъ очень часто объѣзжалъ работы, входилъ самъ во все и на мѣстѣ давалъ разрѣшенія. Но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ стѣснялъ инициативу производителей работъ; напротивъ, онъ всячески поощрялъ въ нихъ инициативу и радовался, когда они придумывали что-нибудь новенькое, или дѣлали въ проектахъ какое-либо

измѣненіе къ лучшему. Такимъ образомъ, онъ не только управлялъ работами, но и сознательно готовилъ людей къ самостоятельной дѣятельности.

Всѣ подчиненные не только любили и искренно уважали Мельникова, но, можно сказать, обожали его.—Долгое время инженеры жили по деревнямъ въ крестьянскихъ избахъ, въ глуши, нерѣдко среди лѣсовъ и болотъ и безвыѣздно проводили тамъ годы. Мельниковъ сильно вліялъ на поддержаніе духа и на поднятіе нравственной стороны своихъ подчиненныхъ. Его посѣщенія работъ были, въ полномъ смыслѣ слова, праздниками для инженеровъ. Онъ проводилъ по нѣсколько дней вмѣстѣ со всѣми въ избѣ. Зачастую всѣ спали въ повалку на полу, на сѣнѣ или соломѣ,—покрытыхъ чѣмъ Богъ послалъ. Нетребовательность Мельникова въ отношеніи собственнаго комфорта была, можно сказать, легендарною; напримѣръ, несмотря на свои годы и высокое занимаемое имъ въ то время положеніе, онъ не имѣлъ своего экипажа и разъѣзжалъ по работамъ на перекладныхъ тарантасикахъ. Будучи человѣкомъ высоко-образованнымъ, путешествовавшимъ за границей,—что въ то время была большая рѣдкость—и видѣвшимъ многое, онъ, во время своихъ посѣщеній, разсказывалъ такъ, что мы заслушивались. Его взгляды были возвышенны, глубоко нравственны и чисты. Вообще Мельниковъ дѣйствовалъ на своихъ подчиненныхъ обаятельно, и его принимали за образецъ, которому всякій хотѣлъ уподобиться.

По поводу системы управленія Мельниковымъ своею Сѣверною дирекціею, гдѣ онъ абсолютно изгналъ бюрократизмъ, я долженъ сказать, что на Южной дирекціи, которою управлялъ Крафтъ, характеръ управленія былъ діаметрально противоположный;—тамъ царилъ отчаянный бюрократизмъ, переходящій за предѣлы возможности.

Но прежде нежели характеризовать степень этого бюрократизма, я разскажу нѣчто объ отношеніяхъ, существовавшихъ между Мельниковымъ и Крафтомъ.

Мельниковъ и Крафтъ оба были выдающимися инженерами, имѣвшими громкую репутацію, и среди высшаго начальства, и среди корпуса инженеровъ, какъ людей свѣдущихъ, умныхъ, честныхъ и благородныхъ; вотъ ихъ-то и намѣтилъ гр. Толь для предполагавшейся постройки Николаевской ж. д., а потому и послалъ ихъ вмѣстѣ въ Америку. Однако, почти всѣмъ казалось, что Мельниковъ стоитъ нѣсколько выше по необыкновенно-блестящимъ своимъ способностямъ, ширинѣ взглядовъ и даже по образованію. Кромѣ того, онъ имѣлъ уже извѣстность практическаго строителя, пріобрѣтенную замѣчательной и имъ самимъ придуманной системою постройки Троицкаго купола, и затѣмъ былъ блестящимъ профессоромъ практической механики, о чемъ я уже упоминалъ въ своемъ мѣстѣ.

Мельниковъ и Крафтъ были совершенно противоположныхъ характеровъ. Мельниковъ былъ человѣкъ общительный, откровенный. Крафтъ, наоборотъ, былъ человѣкъ не экспансивный, сдержанный, скрытный и самый строгій формалистъ въ сношеніяхъ съ людьми.

Одинъ былъ вѣрнымъ представителемъ русскаго, веселаго характера и исключительнаго таланта; другой былъ представителемъ усидчиваго, неподвижнаго нѣмецкаго педанта. Оба отправились въ путешествіе вмѣстѣ и работали сначала обоюдно, но, въ концѣ концовъ, разладили и разъѣхались.

При исключительныхъ способностяхъ, Мельниковъ быстро научился англійскому языку и потому могъ легко входить въ сношенія съ американскими инженерами и вообще съ тамошними людьми, которыхъ привязывалъ къ себѣ простотой своего обращенія. А Крафту языкъ давался туго, и, по сдержанности своей, онъ не могъ привязывать людей.

Когда Мельниковъ и Крафтъ вернулись въ Петербургъ, то отталкивающія отношенія были настолько сильны, что они рѣшительно не видѣлись другъ съ другомъ, за исключеніемъ оффиціальныхъ встрѣчъ. Между тѣмъ постройку Николаевской ж. д. раздѣлили на двѣ половины и ввѣрили ихъ этимъ лицамъ.

Разладъ между ними былъ извѣстенъ гр. Толю при ихъ назначеніи, и, въ особенности, видѣлъ его гр. Клейнмихель. Когда онъ объѣзжалъ работы по Николаевскй ж. д., одинъ долженъ былъ откланиваться съ нимъ въ раздѣльномъ пункѣ, въ Бологомъ, а другой встрѣчалъ его. При этихъ неизбѣжныхъ встрѣчахъ Мельникова и Крафта, они никогда не подавали другъ другу руки. Клейнмихель менажировалъ означенныя отношенія и никогда не сводилъ ихъ у себя вмѣстѣ, несмотря на общность интересовъ двухъ дирекцій.

Мельниковъ, какъ я уже упоминалъ, объѣзжалъ работы каждый мѣсяцъ, а не рѣдко и чаще, оставаясь иногда въ томъ или другомъ пунктѣ по нѣсколько дней. Вслѣдствіе этого, упрощались всѣ распоряженія по работамъ. Крафтъ же объѣзжалъ разъ въ годъ и то не всегда. Сообразно этому и начальники участковъ и дистанцій сносились исключительно на бумагахъ.

На пути между Петербургомъ и Москвой назначены были къ постройкѣ три станціи 1-го класса: Вишерская, Бологовская и Тверская, а между ними назначены были станціи 2-го класса: Любаньская, Окуловская, Спировская и Клинская. Пассажирскія станціи, какъ 1-го, такъ и 2-го класса, были одинаковы повсюду. Разница состоитъ въ томъ, что станція 1-го класса гораздо длиннѣе станціи 2-го класса.

Передъ приступомъ къ постройкѣ зданія, начальникъ дистанціи въ Клину получилъ отъ начальника участка чертежъ для Клинской станціи

2-го класса. Между тѣмъ, канцелярія участка выслала ему чертежъ пассажирской станціи 1-го класса, а надпись на этомъ чертежѣ гласила: Клинская станція 2-го класса.

Начальникъ дистанціи приступилъ къ работамъ, возвелъ фундаментъ и часть перваго этажа зданія. Тогда только начальникъ участка, при объѣздѣ линіи, замѣтилъ огромную ошибку. Оставалось, конечно, сломать часть возведеннаго зданія, за каковую работу надо было заплатить подрядчику; но изъ какихъ суммъ? Пока размышляли, какъ помочь горю, вскорѣ наѣхалъ Клейнмихель, которому, въ виду не рѣшеннаго еще ничѣмъ вопроса, не доложили о случившемся обстоятельствѣ. Клейнмихель, осмотрѣвъ за нѣсколько часовъ работы по Тверской станціи 1-го класса, пріѣхалъ на Клинскую станцію и, обходя работы, вдругъ остановился и спросилъ: «Развѣ, здѣсь, въ Клину назначена станція 1-го класса?» — Послѣ того умалчивать о случившемся грѣхѣ было уже не возможно. Клейнмихель не приказалъ ломать излишне построеннаго, а разрѣшилъ продолжать строить пассажирское зданіе 1-го класса. Но начальникъ участка былъ удаленъ съ желѣзной дороги и получилъ другое назначеніе на Кавказѣ.

При посѣщеніи насъ Мельниковымъ, мы, дистанціоные офицеры, были въ полномъ курсѣ всего, что относилось до постройки дороги. И потому, если бы подобный канцелярскій промахъ случился на Сѣверной дирекціи, то начальникъ дистанціи тотчасъ увидалъ бы ошибку въ присланномъ чертежѣ и, конечно, до разъясненія дѣла, не приступилъ бы къ работамъ. Тамъ же, на Южной дирекціи, гдѣ господствовало бюрократическое отношеніе къ дѣлу, начальникъ дистанціи не былъ нисколько виноватъ: онъ исполнялъ полученное имъ предписаніе, въ полной увѣренности, что исполняетъ должное. Приведенный мною фактъ, кажется, довольно рельефно обрисовываетъ зло бюрократическихъ порядковъ.

Дорога была открыта въ концѣ 1851 года; она обошлась дорого, и невѣдающіе люди думали обвинять въ этомъ директоровъ работъ и вообще мѣстныхъ инженеровъ; между тѣмъ, тѣ и другіе были ни при чемъ: всѣ контракты заключались въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, т. е. въ учрежденіи бюрократическомъ и потому безотвѣтственномъ. Упрекали также директоровъ и инженеровъ въ медленности работъ; они и въ этой медленности ни при чемъ. Во-первыхъ, работы производились въ размѣрѣ, сообразномъ съ ассигнуемыми годовыми бюджетами, а въ теченіе 1848 и 1849 годовъ работы были почти совсѣмъ пріостановлены, ибо суммы, которыя были ассигнованы на желѣзную дорогу, были обращены на венгерскую кампанію и на другія военныя потребности; во-вторыхъ, неисправность многихъ подрядчиковъ,—что замедляло ходъ работъ,—нисколько не зависѣла ни отъ директоровъ работъ, ни во-

обще отъ мѣстныхъ инженеровъ, ибо хозяйственной системы работъ на Николаевской дорогѣ не было.

По окончаніи Николаевской дороги, Мельниковъ былъ назначенъ начальникомъ изысканій отъ Москвы въ Крымъ съ подлежащими развѣтвленіями. Затѣмъ, по назначеніи главноуправляющимъ Чевкина, преемникомъ котораго явился Мельниковъ лишь въ 1862 году, ему мало приходилось работать собственно по прямой служебной дѣятельности. Въ этотъ промежутокъ времени онъ обратилъ свое вниманіе на развитіе частнаго пароходства по Волгѣ и организовалъ Волго-Донское Общество, которое, подъ его главнымъ руководствомъ, построило дорогу между Волгой и Дономъ и положило начало пароходству по Дону. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старался своими трудами содѣйствовать учрежденію Общества пароходства и торговли въ Черномъ морѣ для плаванія по немъ и за границу.

Въ 1862 году Мельниковъ былъ назначенъ главноуправляющимъ путями сообщенія. Первою его заботою было достигнуть устройства желѣзныхъ дорогъ правительствомъ; съ большимъ трудомъ онъ достигъ этого и распорядился постройкою дороги отъ Москвы до Курска. Но сферы, симпатизирующія концессіонерамъ и враждебныя постройкѣ дорогъ правительствомъ, взяли верхъ. Мельниковъ былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ и былъ вынужденъ соглашаться на концессіи лицамъ, не представлявшимъ никакой гарантіи для правительства—ни матеріальной, ни нравственной. Наплывъ въ то время разныхъ учредителей, вылѣзшихъ изъ невѣдомыхъ щелей, можно считать не единицами, а многими десятками; сдѣлана была попытка къ ограниченію этихъ господъ, жаждавшихъ лакомаго кусочка, но и это ограниченіе было обойдено подъ прикрытіемъ земствъ.

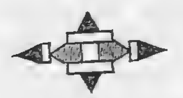
Я высказалъ большія достоинства и заслуги Мельникова, но справедливость требуетъ сказать, что онъ не былъ устойчиваго характера; онъ не жаловалъ борьбы и уступалъ большею частью натиску. Этой уступчивости и надо приписать раздачу желѣзныхъ дорогъ въ частныя руки, вопреки его взглядамъ; уничтоженіе извѣстныхъ правъ инженеровъ при ихъ выпускѣ и ограниченіе вообще сферы дѣятельности министерства путей сообщенія отдачею въ другія вѣдомства разныхъ отраслей вѣдѣнія сего министерства, которыя, къ сожалѣнію, по естественной причинѣ, и пришли нынѣ въ полный упадокъ

Мнѣ хорошо извѣстны разсужденія Мельникова въ то время: «Да! ничего не подѣлаешь, надо уступать; но я утѣшаюсь тѣмъ, что неурядица скоро должна исчезнуть, ошибки можно впослѣдствіи исправить, и потери со временемъ тоже вознаградятся; но дороги нужны обширной

Россіи, она покроется сѣтью, это главное, и каждая верста построенной желѣзной дороги есть благо».

Итакъ, Мельниковъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей, съ яснымъ и быстрымъ умомъ, былъ человѣкомъ, которымъ Россія можетъ гордиться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императоръ Николай I и Наполеонъ III.

(Изъ бумагъ генерала де-Кастельбажака, бывшаго посланникомъ въ Россіи) [1])

Получивъ извѣстіе объ іюльской революціи, императоръ Николай сказалъ г. Бургуену, повѣренному въ дѣлахъ Франціи въ Петербургѣ:

— Ну что же, получили ли вы извѣстія отъ вашего правительства, т. е. отъ г. генералъ-лейтенанта? [2]), ибо я не признаю, какъ вамъ извѣстно, инаго порядка вещей и его одного считаю законнымъ.

Этими презрительными словами объясняется образъ дѣйствій, котораго держалась Россія въ теченіе восемнадцати лѣтъ по отношенію къ правительству Людовика-Филиппа.

Императоръ Николай, самодержавный монархъ, не могъ признать того, что̀ онъ называлъ вѣроломствомъ герцога Орлеанскаго. Революціонные принципы, которые проповѣдывалъ сперва Филиппъ Эгалитэ, а затѣмъ Людовикъ-Филиппъ, возбуждали въ немъ живѣйшее отвращеніе.

Хотя въ сношеніяхъ между монархами и появилось, впрочемъ, довольно поздно, обращеніе «Monsieur mon frère», но Николай I никогда не относился къ французскому королю какъ равный къ равному.

Поэтому революція 1848 г. и манифестаціи демагоговъ хотя и вызвали въ Россіи опасенія, но не заставили ее пожалѣть о порядкѣ вещей, который былъ только терпимъ, но не признавался законнымъ.

---

[1]) Baron Durrieu. Nicolas I-er et l'avénement de Napoléon III. Papiers du général de Castelbajac, Ambassadeur en Russie. См. „Le Carnet historique et littéraire“, Paris. Avril 1901. № 4.

[2]) Карлъ X былъ назначенъ послѣ казни Людовика XVI генералъ-лейтенантомъ королевства.

*

Таково было положеніе дѣлъ, когда принцъ-президентъ назначилъ въ 1849 г. полномочнымъ посланникомъ и чрезвычайнымъ посломъ въ Россію генерала маркиза де-Кастельбажака [1]), коего рекомендовалъ его старый другъ и товарищъ по оружію, министръ иностранныхъ дѣлъ генералъ de la Hitte.

Генералъ Кастельбажакъ былъ, если можно такъ выразиться, провозвѣстникомъ франко-русскаго союза, который онъ всегда восхвалялъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ его депеши; всѣ авторы, писавшіе о военныхъ и дипломатическихъ событіяхъ того времени, какъ-то Тувенель, Сорель, de Saint-Amand, говорятъ единогласно, что онъ старался воздѣйствовать въ этомъ смыслѣ на свое правительство.

Поэтому не лишено интереса привести нѣкоторые отрывки изъ его переписки съ французскими и русскими дипломатами за 1850, 1851 и 1852 гг. и ноты, коими обмѣнялись между собою въ то время министры иностранныхъ дѣлъ той и другой державы. Эти письма сообщены намъ маркизомъ де-Кастельбажакъ, сыномъ генерала, который сопровождалъ своего отца въ Петербургъ въ качествѣ чиновника, состоявшаго при посольствѣ.

Въ донесеніи, посланномъ принцу-президенту, тотчасъ по пріѣздѣ въ Россію, генералъ де-Кастельбажакъ набросалъ великолѣпный портретъ императора Николая I.

«Императоръ, — пишетъ онъ,—человѣкъ несомнѣнно выдающійся какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи; это дѣйствительно тотъ набожный, человѣколюбивый, твердый и просвѣщенный самодержецъ, какой необходимъ для обширной Россійской имперіи при настоящихъ условіяхъ ея цивилизаціи и совершающагося въ ней соціальнаго движенія; онъ стоитъ также, насколько это возможно для человѣка въ переживаемое нами тревожное время, вполнѣ на высотѣ той роли, какую ему приходится волей неволей играть въ серьезныхъ революціонныхъ осложненіяхъ, волнующихъ Европу. Его физическая и нравственная дѣятельность изумительна: онъ посѣщаетъ учебныя заведенія, больницы, госпитали, канцеляріи министерствъ, мастерскія, ка-

---

[1]) Маркизъ Арманъ де-Кастельбажакъ родился въ замкѣ Рико (Ricau) въ департ. Верхнихъ Пиренеевъ, 12-го іюня 1787 г., скончался въ 1864 г.; онъ началъ карьеру блестящимъ образомъ, совершивъ во времена Имперіи всѣ кампаніи, служа въ легкой кавалеріи, и былъ назначенъ Карломъ X командиромъ л.-гв. драгунскаго полка. Выйдя въ отставку въ 1830 г., онъ вновь поступилъ на службу въ 1837 г., былъ послѣдовательно генералъ-инспекторомъ кавалеріи и командующимъ 11-й дивизіи въ Бордо. Смѣщенный въ 1848 г. временнымъ правительствомъ, онъ удалился въ свое имѣніе de Caumont, гдѣ онъ и получилъ указъ принца-президента о назначеніи его посланникомъ въ Россію.

зармы, гауптвахты, появляясь въ нихъ неожиданно во всякое время дня и ночи, то пѣшкомъ, то въ саняхъ или дрожкахъ, совершенно одинъ; и даже его камердинеръ зачастую не знаетъ, куда онъ ѣдетъ. Онъ гуляетъ также каждый день одинъ, по улицамъ въ толпѣ, и послѣднiй изъ его подданныхъ можетъ подойти къ нему и подать ему прошенiе, на которое, въ большинствѣ случаевъ, получается отвѣтъ черезъ сутки.

«Императоръ Николай держитъ себя съ благородствомъ, достоинствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ сердечной привѣтливостью; у него великодушное и доброе сердце, но онъ неумолимъ по отношенiю къ тѣмъ, кто его обманываетъ; онъ находилъ, что король Людовикъ-Филиппъ поступилъ относительно его не вполнѣ рыцарски, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ преданностью къ законной монархической власти, было причиною, что онъ относился къ Францiи, во все продолженiе этого царствованiя, скорѣе какъ рыцарь, нежели какъ политикъ и монархъ, принося въ жертву своему отвращенiю къ человѣку великiй принципъ — поддержанiя монархической власти».

Маркизъ де-Кастельбажакъ, какъ военный генералъ, имѣлъ гораздо чаще, нежели посланники прочихъ великихъ державъ, случай видѣть императора на парадахъ и кавалерiйскихъ ученiяхъ, на которые Николай всегда приглашалъ французскаго посланника. Этихъ двухъ людей сближала любовь къ военной службѣ, доходившая у нихъ до страсти, и серьезный интересъ, съ какимъ они относились къ вопросамъ, касающимся организацiи войска; это создало между ними взаимное довѣрiе, которое усугублялось возвышенностью ихъ характера и со временемъ значительно облегчило веденiе всегда щекотливыхъ дипломатическихъ переговоровъ.

Между тѣмъ какъ генералъ де-Кастельбажакъ упрочивалъ такимъ образомъ свое положенiе въ Петербургѣ, событiя приняли во Францiи серьезный оборотъ. Нелѣпая конституцiя, которая сдѣлала невозможными сношенiя между президентомъ республики и палатою, раздвоенiе верховной и исполнительной власти и въ особенности появившiйся на горизонтѣ призракъ соцiализма увеличивали затруднительное положенiе правительства, которое твердо рѣшило водворить въ странѣ порядокъ.

Дезорганизацiя, которую систематически поддерживали Луи Бланъ, Прудонъ, Консидеранъ, дѣйствовавшiе по камертону Мадзини, находила приверженцевъ въ рядахъ самой умѣренной партiи. То было время, когда виконтъ Гюго, нѣкогда пэръ Францiи, склонялся къ интернацiонализму, который былъ въ модѣ въ извѣстной средѣ.

Въ составѣ министерства произошла перемѣна, мѣсто генерала de la Hitte, личнаго друга генерала де-Кастельбажака, занялъ маркизъ Тюрго, который писалъ въ Петербургъ 1-го ноября 1851 г.:

«Благодаря Бога, новый кабинетъ состоитъ изъ людей, любящихъ порядокъ и чрезвычайно энергичныхъ, которые рѣшили не отступать передъ криками и запальчивостью, коими намъ угрожаетъ палата; мы будемъ бороться до конца, но если насъ низвергнутъ, то я опасаюсь, что послѣ насъ останутся только одни соціалисты».

1-го декабря 1851 г., наканунѣ государственнаго переворота, министръ иностранныхъ дѣлъ написалъ, въ самой палатѣ, нижеслѣдующія строки, смыслъ которыхъ понятенъ самъ собою:

«Это жалкое маленькое министерство, которымъ такъ пренебрегали, убѣдилось наконецъ въ томъ, что палаты безсильны сдѣлать что-либо полезное для страны.

«Продолжая еще существовать фактически, палата уже утратила всѣ свои законныя права. Общественное мнѣніе за насъ, и мы увѣрены, что никакія зажигательныя парламентскія рѣчи не могли бы вновь возжечь пламя. Около двухсотъ членовъ палаты уже явились къ намъ, чтобы увѣрить насъ въ своей готовности оказать намъ, въ случаѣ надобности, свое содѣйствіе; большинство будетъ на нашей сторонѣ, когда мы сочтемъ нужнымъ къ нему обратиться за его содѣйствіемъ. Чтобы ни случилось, разсчитывайте вполнѣ на твердость правительства и на осторожность, съ какою оно постарается распутать сильно затянутый узелъ, нить котораго мы держимъ въ своихъ рукахъ. Успокойте окружающихъ, если они тревожатся».

Случай, о которомъ онъ говорилъ, долженъ былъ вскорѣ представиться; Каваньякъ, Бедо, Лефло и Тьеръ, конечно, не ожидали сюрприза, который готовили имъ Морни, Мопа, Сентъ Арно и Персиньи.

Принцъ Людовикъ-Наполеонъ, вполнѣ увѣренный въ себѣ и рѣшившій идти до конца въ усовершенствованіи французской правительственной системы, хотѣлъ однако знать, какое впечатлѣніе произвели послѣднія событія на русское правительство.

Къ тому же, Киселевъ [1]), странное поведеніе котораго ставило нерѣдко въ неловкое положеніе маркиза Тюрго и Нессельроде, продлилъ болѣе, нежели было принято, свою чисто-дипломатическую болѣзнь.

Но чувства императора Николая были гораздо опредѣленнѣе взглядовъ его уполномоченнаго, и Тюрго писалъ де-Кастельбажаку 31-го декабря:

«Благодарю васъ за увѣреніе, что его императорское величество узналъ съ удовольствіемъ о событіи 2-го декабря, которое получило нынѣ одобреніе семи съ половиной милліоновъ голосовъ. Повѣрьте, любезный генералъ, и въ особенности постарайтесь, чтобы и

---

[1]) Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, тогдашній посолъ нашъ въ Парижѣ.

другіе повѣрили, что Франція, отрѣшившись отъ тѣхъ химеръ, которымъ она такъ долго предавалась, возвращается, вопреки всѣмъ стараніямъ партій, къ порядку и къ монархической власти, которая одна можетъ побѣдить анархію. Францію угнетаютъ съ 1848 года негодяи, которые, не имѣя болѣе возможности пускать въ ходъ обманчивыя въ ихъ устахъ слова общественное благо и свобода, ненавидятъ все честное и порядочное. Мы хотимъ мира, порядка, труда: вотъ въ чемъ мы полагаемъ наше самолюбіе, нашу славу, и мы этого достигнемъ, я въ томъ увѣренъ. Постарайтесь убѣдить въ этомъ его величество, и вы окажете этимъ большую услугу нашей странѣ. Я не прошу васъ жаловаться на г. Киселева [1]), не скрывайте, однако, что, по нашему мнѣнію, онъ относится къ Франціи несправедливо и что свѣдѣнія, доставляемыя имъ, несомнѣнно пристрастны, такъ какъ всѣ люди, съ которыми онъ находится въ личныхъ и дружескихъ отношеніяхъ, принадлежатъ къ тѣмъ партіямъ, отъ которыхъ мы отдѣлались съ помощью Божіей и нашей доблестной арміи».

Хотя императоръ Николай Павловичъ былъ доволенъ ударомъ, нанесеннымъ демагогіи принцемъ Людовикомъ-Наполеономъ, но все же онъ былъ сильно озабоченъ очевиднымъ стремленіемъ новаго правительства возстановить императорскую власть; онъ все еще былъ сторонникомъ идей священнаго союза.

Не подлежитъ сомнѣнію, что французскій темпераментъ не особенно мирится съ монархомъ in partibus, и страна, избравъ себѣ главу, коему она вручила управленіе, не придавала уже особеннаго значенія его титулу.

Тувенель, сообщая де Кастельбажаку объ одномъ разговорѣ своемъ съ Киселевымъ, писалъ:

«Онъ сказалъ мнѣ, что императоръ Николай и петербургскій кабинетъ опасаются, какъ бы принцъ не поддался соблазну и не пошелъ по стопамъ своего дяди и чтобы насильственное похищеніе власти не испортило съ одной стороны прекрасное его поприще, а съ другой не нарушило бы всеобщій миръ. Я тотчасъ съ живостью повторилъ слова «насильственное похищеніе власти» и спросилъ Киселева, считаетъ ли онъ преступнымъ тотъ фактъ, что принцъ уступилъ желанію народа, выраженному въ законной формѣ».

---

[1]) 29-го января 1852 г., Тувенель, бывшій въ то время директоромъ министерства иностранныхъ дѣлъ, писалъ о Киселевѣ: „Онъ отдаетъ справедливость качествамъ Людовика-Наполеона, его поступкамъ и издаваемымъ имъ декретамъ, но, связанный издавна съ политическими дѣятелями стараго закала, онъ не можетъ не раздѣлять ихъ довѣрія, освободиться отъ связи съ этими людьми, которыхъ привыкли считать оракулами общественнаго мнѣнія и которые такъ жестоко ошиблись относительно общественнаго мнѣнія всей Франціи“.

Послѣ трехъ лѣтъ треволненій и броженія умовъ, Франція нуждается прежде всего въ покоѣ; ей необходимо позаботиться о возмѣщеніи денежныхъ потерь, о заключеніи торговыхъ договоровъ и извлеченіи изъ нихъ всевозможныхъ выгодъ; ей необходимо добиться того, чтобы ея сношенія съ иностранными державами сдѣлались болѣе дружественны. Хотя принцъ Людовикъ-Наполеонъ приступилъ къ выполненію своихъ плановъ довольно круто, но огромное большинство населенія, т. е. масса ремесленниковъ, земледѣльцевъ и вообще всѣхъ тѣхъ, кто живетъ средствами страны, а не любители легкой наживы почувствовали значительное облегченіе и стали надѣяться на лучшее будущее.

Генералъ де-Кастельбажакъ, въ конфиденціальной депешѣ отъ 1-го января 1852 г., увѣрялъ Тюрго, что извѣстіе о государственномъ переворотѣ, совершившемся во Франціи, было встрѣчено въ Петербургѣ весьма сочувственно.

«Императоръ Николай, узнавъ о переворотѣ, громко высказалъ свое удовольствіе:—О, молодецъ!—воскликнулъ онъ, говоря о Людовикѣ-Наполеонѣ. Послѣ того, какъ было предложено отмѣнить законъ 31-го мая, въ «Journal de St. Pétérsbourg» помѣщались однѣ недоброжелательныя къ Франціи статьи, извлеченныя изъ «Times'а» и «la Correspondance Belge»; послѣ же переворота было достаточно замѣчанія, сдѣланнаго мною графу Нессельроде, чтобы въ томъ же журналѣ помѣщались только однѣ сочувственныя статьи къ Франціи и къ принцу-президенту. Если въ поведеніи г. Киселева замѣчается еще нѣкоторая сдержанность, обусловленная тѣми взглядами, какіе онъ предполагаетъ въ своемъ монархѣ, то я увѣренъ, что его собственные взгляды сильно измѣнятся послѣ полученія писемъ отъ канцлера [1])».

При своихъ строгихъ принципахъ и открытости своего характера, императоръ Николай допускалъ существованіе во Франціи только законной монархіи или республики, и ужъ, разумѣется, онъ былъ не республиканецъ.

Но его личная антипатія къ королю Людовику-Филиппу еще усиливала его предубѣжденіе противъ орлеанскихъ принцевъ, коихъ онъ считалъ, вслѣдствіе ихъ отказа подчиниться существующему порядку, болѣе чѣмъ когда-либо представителями революціонныхъ принциповъ и парламентскаго образа правленія.

Императоръ Николай, прежде всего христіанинъ и европеецъ, же-

---

[1]) „Я сообщу вамъ окончательно взглядъ графа Нессельроде, который, относясь вполнѣ довѣрчиво къ тѣмъ извѣстіямъ, которыя онъ получаетъ непосредственно отъ насъ, бываетъ повергнутъ иной разъ донесеніями Киселева въ недовѣріе, совершенно несвойственное съ его любовью къ спокойствію". (Письмо Тувенеля къ генералу де-Кастельбажаку, отъ 29-го февраля 1852 г.).

лалъ сохраненія христіанской цивилизаціи, но, несмотря на свое явное предпочтеніе къ старшей линіи Бурбоновъ, онъ долженъ былъ убѣдиться послѣ голосованія 20-го декабря въ безсиліи графа Шамбора въ данномъ случаѣ и въ популярности принца Людовика-Наполеона.

Эта популярность, или, лучше сказать, власть, пріобрѣтенная имъ, не внушала петербургскому кабинету тѣни подозрѣнія; но Николай I, съ юныхъ лѣтъ и даже съ дѣтства, былъ предубѣжденъ противъ имперіи; къ тому же оффиціальные и секретные договоры, заключенные союзными монархами, направляли его желанія въ другую сторону. Врожденное ему великодушіе и личное его благоволеніе къ президенту не могли пересилить его отвращенія къ слову и м п е р і я, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, положеніе, созданное государственнымъ переворотомъ 2-го декабря, было превосходно во всѣхъ отношеніяхъ, и французское правительство, никѣмъ не тревожимое въ то время, не имѣло никакой надобности принять форму правленія.

— Все, что будетъ вызвано необходимостью,—говорилъ онъ,—и что будетъ сдѣлано въ интересахъ соціальнаго порядка, будетъ законно и увѣнчается успѣхомъ; все то, что будетъ предпринято безъ этой настоятельной необходимости, будетъ безразсудно и пагубно.

Однако, взглядъ русскаго правительства мало-по-малу измѣнялся въ пользу поворота, совершавшагося въ общественномъ мнѣніи Франціи подъ вліяніемъ текущихъ событій, и всѣ возраженія императора Николая были направлены не противъ самой сущности, а противъ внѣшней стороны вопроса.

Графъ Нессельроде послалъ Друену-де-Люису длинную ноту, написанную съ безподобною ясностью и опредѣленностью; не безъинтересно будетъ привести изъ нея отдѣльныя мѣста:

«Мы не имѣемъ ни права, ни притязанія указывать французскому народу, какую именно форму правленія онъ долженъ избрать въ своихъ собственныхъ интересахъ. Это вопросъ, касающійся исключительно однихъ французовъ и до котораго намъ нѣтъ дѣла. Нельзя сказать того же о вопросѣ династическомъ и о цифрѣ, имъ принимаемой, которая будетъ свидѣтельствовать о возстановленіи во Франціи династіи; послѣднее касается событій, актовъ, обязательствъ, цѣлой совокупности международныхъ отношеній, къ коимъ Европа не относится и не можетъ относиться равнодушно и коими она не можетъ пренебрегать.

«Допустивъ, что наслѣдникъ Наполеона не приметъ цифру V, во всякомъ случаѣ и цифра III также затрогиваетъ исторію. Намъ говорятъ, что фактически и по праву императоръ Наполеонъ II царствовалъ, что отъ его имени издавались указы, акты и т. п.; это могутъ признавать во Франціи, но для Европы это совсѣмъ иное дѣло. Для Европы царствованіе Наполеона I прекратилось съ 1815 года; слѣдовательно,

онъ не могъ отречься отъ престола, въ 1815 г., въ пользу своего отсутствующаго сына, который въ силу этого не царствовалъ въ глазахъ остальнаго міра ни фактически, ни по праву....

«Итакъ, два историческихъ факта и два случая общественнаго права, смѣло и рѣшительно противопоставленные другъ другу. Франція въ правѣ желать Наполеона; ея правительство можетъ заявить намъ объ этомъ; но въ то же время пусть онъ не говоритъ, что въ новомъ положеніи нѣтъ ничего, что могло бы вызвать возраженіе со стороны Европы.

«Посланіе принца-президента къ сенату написано откровеннѣе; въ этомъ надобно отдать ему справедливость. Онъ говорилъ въ немъ ясно и опредѣленно, безъ всякихъ софизмовъ и словоизверженій, что, возстановляя императорскую династію, Франція возстановляла сознательно то, что Европа ниспровергла, и что она мститъ этимъ за 1815 годъ....

«Повторяю еще разъ, мы цѣнимъ благодѣтельное вліяніе, какое актъ 2-го декабря оказалъ на поддержаніе всеобщаго спокойствія; со своей стороны, мы требуемъ, чтобы французское правительство не преувеличивало чрезмѣрно опасности, намъ угрожающія, и наши обязательства по отношенію къ нему до такой степени, чтобы сдѣлать намъ уступки, не соотвѣтствующія нашему достоинству».

Какъ видимъ, русская дипломатія, вынужденная признать, что возстановленіе имперіи было естественнымъ событіемъ, проистекавшимъ изъ цѣлаго ряда благопріятныхъ обстоятельствъ, дошла до того, что ей приходилось придавать значеніе только формѣ или той или другой цифрѣ.

Впрочемъ, еще до полученія въ Парижѣ ноты Нессельроде, плебисцитъ высказался за имперію 7.800.000 голосовъ противъ 250.000. Поэтому Друенъ-де-Люисъ могъ насмѣшливо писать Киселеву въ отвѣтъ на ноту Нессельроде, сообщенную ему русскимъ посланникомъ:

«Благодарю васъ за сдѣланное вами сообщеніе, которое принято мною какъ сообщеніе чисто личное, дружеское и понято въ этомъ смыслѣ. Императоръ не читалъ его.

«Люди, желающіе придти къ соглашенію, должны объясниться между собою для предупрежденія въ будущемъ прискорбныхъ разногласій или ложныхъ толкованій. Всякое же объясненіе, если оно является послѣ совершившагося факта, бываетъ неумѣстно и можетъ породить еще бо̀льшее разногласіе и придать объясненію нежелательный смыслъ. Я не послѣдую въ этомъ случаѣ примѣру графа Нессельроде и скажу только, что я нахожу его ноту написанною весьма изящнымъ слогомъ».

Имперія была создана, но отношенія французскаго министерства къ иностраннымъ были въ теченіе нѣсколькихъ дней натянуты, не столько

въ смыслѣ признанія европейскими правительствами происшедшей перемѣны по существу, сколько по отношенію къ самой формѣ этого признанія. Нерѣшительность, выказанная тремя сѣверными дворами въ вопросѣ о признаніи за императоромъ французовъ титула «Наполеонъ III», задержала, сравнительно, довольно на долго посылку вѣрительныхъ граматъ французскимъ дипломатамъ.

Генералъ де-Кастельбажакъ совѣтовалъ даже порвать политическія сношенія съ Россіей въ случаѣ, ежели между нею и дворами прусскимъ и австрійскимъ состоялось бы болѣе тѣсное соглашеніе.

Императоръ Николай, поздравляя французскаго посланника чрезъ посредство своего канцлера «съ неподлежащей сомнѣнію кончиною республики и съ восшествіемъ на престолъ принца Людовика-Наполеона», очевидно хотѣлъ этимъ дать понять свое явное нежеланіе, чтобы новая династія носила имя Наполеона.

Съ другой стороны, читая депеши, посланныя русскому кабинету его посланниками въ Берлинѣ и Вѣнѣ, становится яснымъ, что духъ священнаго союза все еще одушевлялъ потомковъ тѣхъ людей, кои были побѣждены при Іенѣ, Аустерлицѣ и Ваграмѣ.

Англія, содѣйствіемъ которой державы старались заручиться въ этомъ случаѣ, отнеслась къ Франціи любезнѣе и выказала пожалуй болѣе политической дальновидности, отрѣшившись отъ нравственныхъ и дѣйствительно уже нѣсколько устарѣвшихъ узъ, кои соединяли ее съ европейскимъ концертомъ трактатами 1815 г. и Вѣнскимъ конгрессомъ.

Но дворы прусскій и австрійскій, находясь въ зависимости отъ Россіи, не рѣшились взять на себя отвѣтственность въ окончательномъ и безусловномъ признаніи императора Наполеона III; поэтому, этотъ вопросъ обсуждался во Франціи исключительно съ русской точки зрѣнія.

Хотя Николай I въ частномъ письмѣ къ императору отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ объ его личныхъ качествахъ и его умѣніи руководить событіями, но самая форма этого письма показывала, что русскій императоръ не признавалъ титула, принятаго Наполеономъ III.

Императоръ Наполеонъ не отвѣчалъ лично на это письмо или, лучше сказать, повременилъ отвѣтомъ; въ Парижѣ вскорѣ были получены вѣрительныя граматы, написанныя хотя и съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ не совсѣмъ обычныхъ подробностей во внѣшней формѣ, но коими, во всякомъ случаѣ, оффиціально былъ признанъ титулъ, избранный самимъ императоромъ французовъ.

Въ сущности, французское правительство въ значительной степени было обязано этимъ генералу де-Кастельбажаку, который велъ всѣ переговоры съ большимъ тактомъ и сдержанностью, не придавая особен-

наго значенія формальной сторонѣ дѣла. Наполеонъ III былъ чрезвычайно признателенъ ему за это.

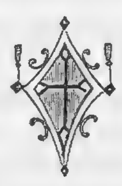
Знаменитыя вѣрительныя граматы, данныя Киселеву, въ коихъ императоръ Николай называлъ Наполеона III не братомъ, а своимъ добрымъ другомъ, были представлены Наполеону 5-го января 1853 г. Новый императоръ съумѣлъ скрыть непріятное впечатлѣніе, испытанное имъ, вѣроятно, по поводу отступленія отъ общепринятыхъ между монархами обычаевъ.

Онъ держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, что это заставило всѣхъ безпристрастныхъ людей признать, что въ этомъ случаѣ умѣніе держать себя и выдержка оказались на его сторонѣ.

Николай I сдѣлалъ крупную ошибку въ тотъ моментъ, когда союзъ съ Франціей могъ бы имѣть для Россіи весьма выгодныя послѣдствія.

Генералъ Кастельбажакъ оставался французскимъ посланникомъ вплоть до объявленія Крымской войны; онъ всѣми силами старался покончить вопросъ о Святыхъ мѣстахъ почетнымъ для обѣихъ сторонъ образомъ, но всѣ его усилія сломились о твердую волю русскаго императора.

Впрочемъ, Николай I высоко цѣнилъ качества французскаго посланника и—фактъ, неслыханный въ лѣтописяхъ дипломатіи,—послалъ ему, въ знакъ своего личнаго уваженія, орденъ св. Александра Невскаго 1 ст., въ тотъ самый день, когда произошелъ разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Франціей.

Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.

VIII [1]).

Прибытіе въ Карлсруэ великой княгини Ольги Өеодоровны.—Генералъ Константиновъ.—Пріѣздъ І. І. Базарова въ Петербургъ для помѣщенія сына въ семинарію.—Студенческія движенія 1860—1861 г.г.—Графъ Путятинъ министръ народнаго просвѣщенія.—Священникъ Гумилевскій.—Рецензія на книгу „Библейская исторія".—Возраженіе на нее І. Базарова.—Мысль объ изданіи заграничнаго духовнаго журнала.

Осенью 1860 года моя высочайшая ученица великая княгиня Ольга Өеодоровна прибыла на родину въ Карлсруэ, и какъ вскорѣ затѣмъ пришло извѣстіе о тяжкой болѣзни императрицы Александры Өеодоровны, а потомъ и ея кончинѣ, вслѣдствіе чего наша великая княгиня Ольга Николаевна поспѣшно отправилась въ Петербургъ, то насъ вызвали въ Карлсруэ для совершенія панихиды. Мнѣ было чрезвычайно интересно увидать прежнюю принцессу Цецилію послѣ двухлѣтняго пребыванія ея въ Россіи православною русскою великой княгиней. Хотя за это время у насъ не прекращалась съ нею усердная переписка, служившая какъ бы продолженіемъ моихъ религіозно-нравственныхъ наставленій, тѣмъ не менѣе мнѣ утѣшительно было увидать на опытѣ, что моя высочайшая ученица стала искренне православною, совершенно русскою, вполнѣ великою княгинею.

Въ эту зиму мнѣ удалось познакомиться въ Стутгартѣ съ однимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. То былъ нашъ артиллерійскій генералъ

[1]) См. „Русскую Старину" іюнь 1901 г.

Константиновъ, извѣстный своею ученостью и своею необычайною толщиною. Помню, какъ мы разъ съ нимъ были на Рейнѣ и поднимались къ замку Штольценфельсъ близъ Кобленца. Для подъема на эту крутую гору обыкновенно предлагаются туристамъ ослы. И мой спутникъ Константиновъ попробовалъ возсѣсть на одно изъ этихъ животныхъ. Но на котораго изъ нихъ онъ ни влѣзетъ, тотъ падаетъ подъ нимъ на всѣ четыре ноги. Наконецъ, привели ему мула, но и его должны были два проводника тащить за уздцы, а два другіе подталкивать сзади, чтобы втащить такую тяжесть на вершину горы. Въ другой разъ у меня съ нимъ случилось смѣшное приключеніе въ Стутгартѣ, тоже вслѣдствіе этой непомѣрной толщины его. Повелъ я его въ одинъ музей, въ которомъ входъ былъ устроенъ чрезъ турникетъ, обозначавшій число входящихъ посѣтителей. Константиновъ, хотя и видѣлъ, что ему трудно будетъ пролѣзть сквозь эту вертушку, однако попробовалъ и завязъ въ ней, но такъ, что ни взадъ, ни впередъ. Тогда онъ понатужился и со всей этой машиной ввалился въ музей, конечно, сломавъ весь проходъ, за что̀ долженъ былъ поплатиться, такъ какъ нѣмцы не соглашались принять въ разсчетъ его толщину, какъ смягчающее въ этомъ случаѣ обстоятельство. Изъ своей служебной и научной практики Константиновъ разсказывалъ мнѣ много интереснаго. Между прочимъ, онъ разсказывалъ, какъ ему не удался фейерверкъ на коронаціи въ Москвѣ. Ему было отпущено на это 200.000 рублей, и дана была цѣлая команда для приготовленія и сожженія фейерверка. Назначенъ былъ и день для этого въ ряду другихъ празднествъ. Но противъ этого Константиновъ сейчасъ же запротестовалъ, справедливо говоря, что назначенный задолго день можетъ оказаться неудобнымъ для такого зрѣлища, или дождь или туманъ могутъ помѣшать. Тогда ему назначили три дня, изъ которыхъ въ одинъ онъ непремѣнно долженъ былъ сжечь свой фейерверкъ. И дѣйствительно, первый изъ назначенныхъ дней былъ дождливый, второй—туманный. Насталъ послѣдній; дождя не было, не было и тумана, но зато былъ сильный вѣтеръ, дувшій какъ разъ въ сторону зрителей.

— И вотъ, говорилъ онъ, когда я зажегъ свой фейерверкъ, дымъ попалъ прямо на палатки высочайшихъ особъ, и онѣ изъ моего искусства не видали ничего, и данные мнѣ для этого 200.000 рублей пошли на воздухъ безъ цѣли.

Одинъ разъ приходитъ онъ ко мнѣ и говоритъ:

— Прощайте. Я ѣду въ Парижъ стрѣляться съ Брегетомъ!

Оказалось, что Константиновъ изобрѣлъ какой-то очень мудреный снарядъ для измѣренія скорости полета ядра и заказалъ для этого разныя машины у извѣстнаго фабриканта Брегета въ Парижѣ. Вдругъ онъ знаетъ, что такой же точно снарядъ приготовляется въ Лондонѣ какимъ-

то ученымъ. По мнѣнію Константинова, Брегетъ выдалъ или продалъ его секретъ и его изобрѣтеніе въ Англію, и если это такъ, то онъ вызоветъ его на дуэль. Отправился онъ туда и потомъ, вернувшись, разсказалъ мнѣ, что Брегетъ ничѣмъ не виноватъ, что англичанинъ по извѣстному совпаденію идей, когда два человѣка на двухъ противоположныхъ концахъ свѣта заняты бываютъ тою же мыслью, напалъ на ту же самую математическую формулу, какъ и Константиновъ. Но, дорожа честію этого изобрѣтенія, онъ отправился въ Лондонъ и предложилъ своему сопернику рѣшить третейскимъ судомъ, кто изъ нихъ двухъ раньше началъ думать и приводить въ исполненіе новоизобрѣтенный способъ. На основаніи представленныхъ съ обѣихъ сторонъ документовъ, третейскій судъ рѣшилъ, что честь первенства въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ русскому генералу. Протоколъ этого рѣшенія былъ опубликованъ въ газетахъ, и Константиновъ торжествовалъ, гордясь тѣмъ, что доставилъ славу русскому имени. Но каково же было его разочарованіе, когда онъ получилъ вслѣдъ за этимъ изъ Россіи строжайшій выговоръ отъ своего начальства, которое поставляло ему на видъ, что онъ не имѣлъ права предавать гласности дѣло, взятое правительствомъ въ свои руки, и что онъ самъ, Константиновъ, посланный за границу на казенный счетъ, не имѣлъ болѣе права собственности на это изобрѣтеніе и потому не въ правѣ былъ и защищать публично честь своего изобрѣтенія, не испросивъ напередъ на то разрѣшенія отъ правительства. Такъ смотрѣли у насъ въ то время на дѣятельность людей, состоявшихъ на службѣ, приравнивая ихъ личность къ слѣпымъ орудіямъ правительственной машины.

Въ 1861 году мнѣ предстояла забота объ опредѣленіи старшаго сына моего, которому теперь исполнилось 16 лѣтъ, въ семинарію. Судя по его серьезному не по лѣтамъ характеру, я очень надѣялся на расположеніе его къ духовному званію. Напрасно меня отговаривали отъ этого мои родные и знакомые, выставляя на видъ, что мой сынъ не такъ воспитанъ, чтобы отдавать его въ семинарію и посвящать въ духовное званіе. Послѣднее особенно возмущало меня.

— Напротивъ, говорилъ я всѣмъ, я хотѣлъ бы дать сыну моему самое блестящее воспитаніе, чтобы онъ могъ посвятить его на свою дѣятельность въ духовномъ званіи. И какъ бы хорошо и полезно было привлекать въ наше званіе побольше людей съ хорошимъ воспитаніемъ.

И я рѣшилъ осенью везти сына моего въ Петербургскую семинарію.

Такъ какъ мой сынъ былъ заранѣе записанъ въ семинарію и приготовлялся дома къ поступленію въ среднее отдѣленіе, по тогдашнему въ философскій классъ, то онъ былъ принятъ безъ экзамена изъ личнаго, какъ мнѣ сказали, довѣрія ко мнѣ. Чтобы семинарская жизнь не показалась ему, воспитанному въ родительскомъ домѣ за границею, слишкомъ

дикою, я помѣстилъ его въ семьѣ моего товарища по академіи, священника такъ называемой надворотной церкви, П. А. Горизонтова, у котораго былъ сынъ почти однихъ лѣтъ съ моимъ.

Но я попалъ съ нимъ въ Петербургъ въ самое смутное время студенческаго движенія, какъ и вообще начинавшагося броженія умовъ въ нашей молодежи. Я давно уже опасался этого и былъ доволенъ, что мои подроставшіе сыновья находились при мнѣ внѣ Россіи, вдали отъ тѣхъ тлетворныхъ вліяній, которыя въ это время заражали наше юношество. Помню, какъ за годъ передъ тѣмъ къ намъ явился въ Стутгартъ одинъ изъ представителей этого новаго у насъ направленія, студентъ Харьковскаго университета, пріѣхавшій гувернеромъ въ одно русское семейство, проживавшее въ Стутгартѣ. Здѣсь, кромѣ молодыхъ мальчиковъ, ввѣренныхъ его воспитанію, онъ встрѣтилъ нѣсколько юношей русскихъ, обучавшихся въ здѣшнихъ гимназіяхъ, отъ 16 до 19 лѣтъ. И вотъ онъ принялся, по тогдашнему выраженію, развивать эту молодежь. Разъ,—это было у меня въ одно изъ воскресеній, когда ко мнѣ собирались всѣ русскіе,—онъ собралъ вокругъ себя эту молодежь и началъ просвѣщать ее. Я со стороны наблюдалъ за этимъ и къ немалому удовольствію замѣтилъ, какую неблагодарную для себя почву нашелъ этотъ носитель новыхъ идей въ моихъ молодыхъ людяхъ. Они слушали его, или ничего не понимая, или страшно скучая слышаннымъ. Дѣло въ томъ, что въ нѣмецкихъ школахъ воспитывается только трудолюбіе и интересъ къ ученію, которые дѣлаютъ юношей недоступными ни къ какимъ другимъ общественнымъ, а еще менѣе политическимъ вопросамъ. Даже среди университетской молодежи въ статутахъ ихъ корпорацій на первомъ планѣ стоитъ запрещеніе заниматься политикою. Къ этому ведетъ отчасти самый образъ жизни въ Германіи, гдѣ такъ благоразумно дѣти и вообще учащаяся молодежь удаляются отъ участія въ общественныхъ увеселеніяхъ, вслѣдствіе чего здѣшніе гимназисты даже старшаго возраста остаются долго еще дѣтьми, предаваясь съ бо̀льшимъ увлеченіемъ какой-нибудь игрѣ въ мячъ, чѣмъ танцованію въ обществѣ молодыхъ дамъ. Оттого здѣсь молодые люди не только мужскаго, но и женскаго пола такъ долго сохраняютъ свою дѣтскую невинность и даже наивность. Меня всегда поражало это явленіе, которое можно наблюдать каждодневно въ Стутгартѣ, когда въ полдень оканчиваются классы, и съ одной стороны выходятъ изъ политехнической школы студенты, а съ другой высыпаютъ изъ екатерининскаго института толпы дѣвочекъ и дѣвицъ отъ 8-ми до 17-ти лѣтъ съ тетрадками и книжками въ мѣшкахъ. Эти юноши и дѣвицы встрѣчаются, сталкиваются, не обращая другъ на друга никакого вниманія, видимо занятые одними только своими школьными интересами. Когда при этомъ подумаешь, какія у насъ происходятъ исторіи между гимназистами и

гимназистками, когда читаешь въ газетахъ, что тамъ-то одинъ гимназистъ застрѣлился отъ любви, а другой лишилъ себя жизни отъ того, что не выдержалъ экзамена, невольно приходишь къ заключенію, въ какой здоровой атмосферѣ ростетъ молодежь въ Германіи, и какая гнилая должна быть эта атмосфера у насъ въ Россіи. Да и немудрено, когда у насъ дѣтей, еще маленькихъ, пріучаютъ на такъ называемыхъ дѣтскихъ балахъ къ тщеславію, разсѣянности и почти разврату, а въ возрастѣ отъ 12 до 16 лѣтъ не только воспитывающіеся въ семействахъ, но даже воспитанники учебныхъ заведеній, кадеты и пажи, танцуютъ на балахъ и принимаютъ дѣятельное участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ. На нашъ взглядъ и вкусъ нѣмцы—прескучный народъ, а между тѣмъ какъ многому мы могли бы поучиться у этого порядочнаго и солиднаго народа. Нѣмецкій характеръ—совершенный антиподъ русскаго, и потому русскій человѣкъ никогда не въ состояніи сдѣлаться нѣмцемъ, хотя бы онъ всю жизнь провелъ между нѣмцами; но зато, позаимствовавъ много хорошаго отъ нѣмца и вмѣстѣ утративъ многіе изъ своихъ національныхъ недостатковъ, онъ дѣлается не космополитомъ, но вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ, безъ славянской распущенности, но и безъ нѣмецкой угловатости. Вообще изъ всѣхъ сліяній различныхъ національностей самый лучшій результатъ даетъ сліяніе нѣмецкой съ русскою.

Студенческое движеніе 60-го года началось, какъ извѣстно, изъ-за матрикулъ, которыя вздумалъ ввести вновь назначенный министромъ просвѣщенія адмиралъ графъ Путятинъ. Только-что пріѣхавши изъ-за границы, я еще ничего не зналъ объ этомъ движеніи и потому очень былъ удивленъ, когда, отправляясь съ сыномъ въ семинарію, я увидалъ на Невскомъ проспектѣ слѣдующую картину. По троттуару, обращенному къ Гостиному двору, тянулась безконечная процессія студентовъ по два въ рядъ; по сторонамъ ея двигались въ извѣстномъ разстояніи полицейскіе. На мой вопросъ везшему насъ извозчику, что это такое? тотъ простодушно отвѣчалъ:

— А Богъ его знаетъ! Надо полагать, похороны какія.

Но то было, какъ я послѣ узналъ, шествіе in corpore всего университета въ Колокольную улицу къ попечителю Филипсону съ протестомъ противъ матрикулъ, положившее начало дальнѣйшимъ безпорядкамъ въ зданіи университета и окончившееся закрытіемъ университета. Мнѣ случилось въ это самое время познакомиться лично съ графомъ Е. В. Путятинымъ. Имѣвъ порученіе отъ нашей великой княгини просить его за одного стутгартскаго нѣмца, пожелавшаго служить въ Россіи по учебной части, я явился къ министру въ моментъ его упорной борьбы съ профессорами университета за придуманную имъ мѣру, поведшую къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Я засталъ его съ воспаленными отъ слезъ глазами, съ дрожавшими губами и руками. Стараясь спокойно

выслушать мою просьбу, гр. Путятинъ нервно теребилъ свои бакенбарды, произнося смиренно одну только фразу:

— Что же-съ! я готовъ сдѣлать, что можно-съ!

Это первое впечатлѣніе личности министра, а болѣе извѣстнаго моряка и даже дипломата, было мнѣ крайне загадочно и даже непріятно. Видѣть лицо, столь высоко поставленное, и при томъ въ такую трудную минуту совсѣмъ какъ будто растерявшимся—было крайне и жалко и досадно. Послѣ, когда я ближе познакомился съ графомъ, я могъ лучше уяснить себѣ его характеръ. Не одаренный отъ природы блестящими способностями, онъ былъ закаленнымъ слугою долга. Про него, какъ моряка, извѣстно было, что онъ былъ строгъ до жестокости съ своими подчиненными. Помню, какъ извѣстный нашъ синологъ, архимандритъ Аввакумъ, не могъ безъ слезъ разсказывать объ одномъ происшествіи на кораблѣ, случившемся на его глазахъ во время плаванія въ японскихъ водахъ. Одинъ матросъ провинился чѣмъ-то, и Ефимъ Васильевичъ Путятинъ, тогда еще не графъ, послалъ его на верхъ мачты. Бѣдный матросикъ полетѣлъ далеко въ море.

— И что же вы думаете,—прибавлялъ со слезами о. Аввакумъ,— нашъ Путятинъ только махнулъ рукой со словами: «туда и дорога!»

А между тѣмъ, Путятинъ вовсе не былъ жестокимъ по сердцу. Какъ семьянинъ, онъ былъ любящимъ отцомъ, какъ христіанинъ— самый смиренный исполнитель предписаній церкви. Въ послѣднемъ отношеніи онъ проводилъ свою обычную строгость дисциплины до крайнихъ предѣловъ и потому былъ поклонникомъ папской системы, не переставая быть искренно православнымъ. Мнѣ случалось видѣть его въ такомъ раздраженіи, при чемъ у него тряслись губы и на глазахъ выступали слезы, когда рѣчь заходила о деспотизмѣ въ католической церкви. Тутъ онъ не могъ удержать себя, защищая верховный авторитетъ въ церкви, безъ котораго, по его убѣжденію, не можетъ существовать церковь. А между тѣмъ онъ былъ смиреннымъ почитателемъ православныхъ обрядовъ и особенно іерархіи. Со многими изъ нашихъ и восточныхъ владыкъ онъ былъ знакомъ лично, и всѣ его уважали и почитали, какъ ревнителя православія. До назначенія министромъ народнаго просвѣщенія, графъ Путятинъ находился въ Лондонѣ въ качествѣ нашего повѣреннаго по дѣламъ морскаго вѣдомства. Женатый на англичанкѣ, онъ пользовался тамъ большою симпатіей и съ своей стороны сочувствовалъ многому хорошему въ англійскихъ учрежденіяхъ. Но его симпатіи были направлены не на либеральную сторону этихъ учрежденій, а туда, гдѣ царила строгая и даже суровая дисциплина. Поэтому онъ впослѣдствіи опредѣлилъ своего старшаго сына въ Оксфордскій университетъ, плѣнившись строгою замкнутостью и почти монастырскою дисциплиною въ этомъ

высшемъ палладіумѣ науки въ Англіи. Подъ этими-то впечатлѣніями онъ хотѣлъ ввести строгую дисциплину и въ русскіе университеты. Къ несчастію, онъ попалъ на постъ министра въ такую эпоху, когда у насъ, послѣ строгаго режима предшествовавшаго царствованія, все стремилось вздохнуть свободно, и Путятинъ съ своею энергіею въ проведеніи своихъ принциповъ долженъ былъ пасть предъ всеобщею расшатанностью общества тогдашняго времени.

Въ это время и на церковной почвѣ стали появляться энергическіе дѣятели, старавшіеся провести въ жизнь новыя начала. Съ однимъ изъ такихъ дѣятелей мнѣ пришлось познакомиться въ Петербургѣ. То былъ, повидимому, одинъ изъ заурядныхъ приходскихъ священниковъ на Пескахъ о. Гумилевскій. При тогдашней безжизненности нашей церкви онъ сразу обратилъ на себя всеобщее вниманіе своею смѣлою дѣятельностью сначала только въ своемъ приходѣ. Онъ началъ съ того, что обратилъ вниманіе на нищенство на паперти своей церкви и разъ, идя на службу, онъ взялъ одного изъ такихъ нищихъ за руку, возвелъ его съ собою на церковную каѳедру и тутъ же обратился къ своимъ прихожанамъ съ сильною рѣчью о томъ, какъ непростительно богатымъ и достаточнымъ проходить въ храмъ мимо нищей братіи, не думая помочь бѣднякамъ такъ, чтобы они не принуждены были на паперти протягивать руку къ мимоходящимъ прихожанамъ за милостынею, и въ заключеніе предложилъ устроить церковное попечительство о бѣдныхъ. Предложеніе это было охотно принято, и при церкви на Пескахъ образовалось первое церковное попечительство съ домовъ призрѣнія, церковною школою и затѣмъ больницею. Дѣло это было тогда такъ ново, что обратило на себя всеобщее вниманіе и сочувствіе. Но именно по своей новости оно не понравилось духовному начальству, не понравилось особенно потому, что иниціативу въ такомъ общественномъ дѣлѣ взялъ на себя простой приходскій священникъ, не испросивъ напередъ ни разрѣшенія, ни благословенія церковной власти. А между тѣмъ въ это время стали появляться и другіе храбрецы самостоятельной пастырской дѣятельности. Такъ, между прочимъ, разсказывалъ мнѣ о себѣ В. П. Полисадовъ, бывшій тогда протоіереемъ Петропавловскаго собора.

— Иду я,—говорилъ онъ,—разъ въ соборъ къ обѣднѣ. Былъ воскресный день. У Троицкаго моста вижу я цѣлую толпу рабочихъ, починивающихъ мостовую. Это возмутило меня. Я остановился, подозвалъ рабочихъ къ себѣ и началъ говорить имъ, какъ они смѣютъ нарушать праздникъ работою во вредъ себѣ и на соблазнъ другимъ? На ихъ оправданіе, что ихъ заставляетъ начальство работать, я отвѣтилъ, что въ дѣлѣ Божьемъ начальство тутъ—я. Сейчасъ же бросайте работу и за мной въ церковь. Приведя эту толпу за собой въ соборъ, я прямо вошелъ

на каѳедру и произнесъ проповѣдь о святости воскреснаго дня, не пощадивъ словъ обличенія противъ тѣхъ, кто заставляетъ людей работать въ праздники.

За эту храбрость отцу Полисадову пришлось отвѣчать передъ консисторіею по жалобѣ полиціи за его уличное самоуправство. Но за него былъ законъ, предписывающій блюсти воскресные дни, и онъ былъ оправданъ. Но не такъ было съ о. Гумилевскимъ. На него пошли разнаго рода гоненія, можетъ быть вызывавшія и съ его стороны извѣстнаго рода раздражительность, кончившіяся тѣмъ, что его сослали изъ Петербурга въ Шлиссельбургъ, откуда, впрочемъ, его послѣ возвратили по настоятельной просьбѣ прихожанъ; но уже было поздно. Надломленныя силы и прибавившееся къ этому отчаяніе, выразившееся, какъ говорятъ, въ свойственномъ въ такихъ случаяхъ русскому человѣку утѣшеніи выпиванія рюмочки, скоро свели этого преждевременнаго борца за правду жизни въ могилу. О. Гумилевскій вмѣстѣ съ пастырскою дѣятельностью предпринялъ было и литературную, начавъ издавать духовный журналъ «Духъ христіанина», въ которомъ онъ думалъ проводить свѣтлыя понятія въ жизнь церкви. Я хотѣлъ было сотрудничать ему въ этомъ дѣлѣ и послалъ въ его журналъ статью подъ заглавіемъ: «Духъ христіанства въ церковной жизни православнаго народа», въ которой я старался освѣтить въ сознаніи простыхъ людей всѣ ихъ религіозные обычаи и привычки, начиная съ крестнаго знаменія, полагаемаго крестьяниномъ даже на рту, при зѣваніи, и до самыхъ важныхъ отправленій религіознаго культа. Но статья эта была возвращена мнѣ редакціею съ помѣткою цензора: «статью эту, какъ заключающую въ себѣ много мыслей темныхъ, неточныхъ и невѣрныхъ, печатать въ этомъ видѣ не позволяется».

Впослѣдствіи въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ о. Гумилевскій писалъ: «Я все тружусь такъ же, какъ и прежде. Изъ-за епархіальнаго листка на меня воздвиглось гоненіе, но я не падаю духомъ о укрѣпляющемъ меня Іисусѣ. Слово—сѣмя, посѣешь—выростетъ. Вѣдь и вы не остаетесь безъ гоненій. Въ Москвѣ сдѣлали тяжелый отзывъ по поводу вашего протеста. Таковы-то эти высокоумные мудрецы наши. Имъ все бы системы списывать, да другихъ чернить. О, Богъ имъ судья и будетъ надъ ними судъ. Какъ-то они выдержатъ, если ужъ такъ испугались слабаго пера какого-нибудь приходскаго священника въ родѣ меня. Не оставьте нашъ журналъ вашимъ теплымъ сочувствіемъ и пришлите что-нибудь—особенно по благотворительной части, которая такъ мало извѣстна еще у насъ. Враговъ у нашего журнала очень много, но зато много и друзей. Уже дважды оберъ-прокуроръ требовалъ въ Синодѣ запрещенія нашего журнала все изъ-за меня, лѣтописца, да владыка еще поддержалъ. Что будетъ, не знаю, но буду честно трудиться до

конца. Попросите вашего умнаго о. діакона (Репловскаго) еще подарить насъ статейкою въ родѣ критики на Чельцова. Не оставляйте вашей доброй мысли о заграничномъ русскомъ духовномъ журналѣ. Вѣрьте,—дѣло пойдетъ не такъ, какъ у парижскаго Уніона (L'Union chretienne). Въ иностранныхъ языкахъ мы не сильны, а русскій знаемъ и любимъ. Если состоится дѣло ваше, во мнѣ найдете честнаго петербургскаго корреспондента. Что бы еще написать вамъ? Дѣлъ такъ много, что голова кругомъ идетъ. Помолитесь обо мнѣ, чтобы Господь помогъ мнѣ въ моихъ трудахъ и начинаніяхъ. Духовное братство затѣваю, а сейчасъ берусь за новую затѣю о діакониссахъ. Не хочу, чтобы умерло дѣло, которое уже болѣе полугода совершается у меня въ приходѣ. Все готово,—лица есть,—остановка въ средствахъ. Уповаю не на людей, а на Господа, потому что люди только препятствуютъ. Да и не можетъ быть иначе. Мы такъ погрязли въ эгоизмѣ, что все намъ кажется эгоистическимъ. Вѣрно, вѣкъ ужъ таковъ. Такъ надобно идти наперекоръ вѣку!»

Гоненіе на меня, о которомъ упоминаетъ о. Гумилевскій въ этомъ письмѣ, состояло въ слѣдующемъ. Послѣ того, какъ мою книжку «Библейскую Исторію» премировали въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, я обратился въ Св. Синодъ съ просьбою ввести ее въ употребленіе и въ духовныхъ училищахъ. Синодъ предварительно поручилъ С.-Петербургской духовной академіи разсмотрѣть ее и представить о ней отзывъ конференціи; академія поручила это своему профессору церковной исторіи Чельцову, а тотъ, узнавъ, что моя книжка составлена по образцу нѣмецкой, такъ называемой «Calwer 52 biblische Geschichten», составленной моимъ пріятелемъ докторомъ Бартомъ въ Кальвѣ, извѣстнымъ миссіонеромъ и піетистомъ, по просьбѣ котораго я и сдѣлалъ этотъ переводъ на русскій языкъ,—узнавъ обо всемъ этомъ и заподозривъ въ этомъ замѣчательномъ фактѣ злонамѣренную пропаганду протестантизма, вооружился всею силою своей профессорской учености противъ мнимой тенденціи оригинала и также безпощадно напалъ и на переводчика, обвиняя его не только въ сочувствіи къ этой тенденціи, но прямо въ раціонализмѣ и невѣріи. По счастію, онъ такъ зарвался и заврался, въ своей рецензіи, что мнѣ нетрудно было не только опровергать его, но даже обличить его самого въ невѣжествѣ и даже въ погрѣшности противъ евангельскаго текста. Когда мнѣ сообщенъ былъ текстъ этой рецензіи, я пришелъ въ негодованіе и подалъ отъ себя протестъ въ конференцію академіи, прося ее заставить профессора Чельцова отказаться отъ многихъ словъ и выраженій въ его рецензіи, оскорбительныхъ для моего сана, моей личности и моего званія магистра богословія. У меня сохранилась черновая этого протеста, и я тѣмъ охотнѣе, даже теперь, по прошествіи почти 30-ти лѣтъ, выписываю здѣсь нѣкоторыя

особенно сильныя мѣста, что, подавая этотъ протестъ, я дѣйствительно рисковалъ воздвигнуть противъ себя гоненіе, отъ котораго нѣкогда не освободился въ подобномъ случаѣ и такой человѣкъ, какимъ былъ Г. П. Павскій, бывшій законоучителемъ наслѣдника всероссійскаго престола. Во введеніи къ этому протесту я писалъ: «Я предпринимаю это состязаніе съ г. рецензентомъ не столько для того, чтобы защищать свой трудъ, который, конечно, дорогъ каждому по праву собственности. сколько для того, чтобы обратить вниманіе конференціи академіи на несправедливость многихъ изъ тѣхъ обвиненій, которыя взводятся рецензіею какъ на самую книжку вообще, такъ и на издателя оной. Г. рецензентъ, отдавъ надлежащую справедливость нѣмецкому оригиналу, подавшему мнѣ поводъ издать подобную книжку и на русскомъ языкѣ, вооружается противъ духа протестантства, который, по его мысли, чувствуется уже и въ разбираемомъ (нѣмецкомъ) руководствѣ для дѣтей. Онъ говоритъ, что этотъ духъ книжки составляетъ существенный недостатокъ ея въ глазахъ каждаго безпристрастнаго христіанина. Такимъ образомъ г. рецензентъ съ самаго начала заподозриваетъ нѣмецкую книжку въ извѣстной тенденціи, а автора оной въ раціонализмѣ или, какъ онъ выражается, въ миѳическомъ богословіи. Не желая и не имѣя нужды ни защищать, ни оправдывать моего оригинала, я долженъ, однако, сказать, что предположенія рецензента касательно направленія протестантства въ настоящее время (въ 60-хъ годахъ) очень ошибочны, потому что не оправдываются дѣйствительностью. То, что рецензентъ называетъ «миѳическимъ богословіемъ», было явленіемъ преходящимъ въ нѣмецкой богословской школѣ, обнаружившимся въ 30-хъ годахъ въ Штраусѣ, и съ тѣхъ поръ загнаннымъ въ стѣны Тюбингенскаго университета, но вовсе не проникшимъ въ жизнь народа. Начиная съ 1848 и 1849 годовъ, раціонализмъ въ Германіи почти совсѣмъ подавленъ и мало-по-малу беретъ перевѣсъ піетизмъ, который не только не допускаетъ никакихъ миѳовъ въ библіи, но напротивъ такъ вѣруетъ въ букву оной, что нашъ соотечественникъ Хомяковъ въ своей знаменитой брошюрѣ «Quelques mots par un chretien orthodoxe aux communions occidentales» справедливо укоряетъ современныхъ протестантовъ въ фетишизмѣ, смѣясь надъ ихъ рабскимъ поклоненіемъ буквѣ писанія. Если бы г. рецензентъ зналъ ближе о настоящемъ направленіи протестантства, онъ не сталъ бы напрасно подозрѣвать и автора книжки «Biblische Geschichten» въ томъ, будто для него исторія Іова или Товита были сказки, повѣсти или литературные вымыслы, на томъ одномъ основаніи, что эти разсказы не вошли въ собраніе его библейскихъ исторій. Правда, рецензентъ смягчилъ свой строгій приговоръ, вставивъ при этомъ слово вѣроятно. Но на основаніи вѣроятностей мы могли бы осуждать людей во многомъ и возводить ихъ

на костры, чему такой печальный примѣръ мы имѣемъ въ исторіи инквизиціи. Мнѣ же, близко знакомому съ авторомъ этой книжки, было больно выслушать такой несправедливый и обидный приговоръ о человѣкѣ почтенномъ, посвятившемъ всю свою жизнь на полезную дѣятельность по части христіанскихъ миссій, на распространеніе полезныхъ книгъ въ народѣ, и недаромъ украшеннаго знаками отличій почти всѣхъ европейскихъ государствъ и даже Анною 2-й степени и отъ нашего государя. Зная отъ самого автора, что эта книжка съ тѣмъ и была издана, чтобы противодѣйствовать духу раціонализма, прокравшемуся въ школы, я безбоязненно взялся по его настоятельной просьбѣ за изданіе ея и на русскомъ языкѣ. Но г. рецензентъ, задавшись мыслью, что авторъ нѣмецкой книжки, какъ протестантъ, долженъ быть зараженъ миѳическимъ богословіемъ, становится въ обвиненіяхъ противъ него все сильнѣе и сильнѣе, пока, наконецъ, не доходитъ до вопіющей несправедливости. А какъ рецензентъ замѣтилъ, что всѣ недостатки оригинала остались безъ исправленія въ переводѣ на русскій языкъ, то, очевидно, всѣ обвиненія противъ оригинала косвенно падаютъ и на мою книжку. Поэтому я и считаю священнымъ для себя долгомъ защищаться противъ этихъ обвиненій.

«Первое, что заставляетъ рецензента заподозрѣвать оригиналъ (слѣдовательно, и переводъ) въ духѣ новѣйшаго направленія протестантства, есть то обстоятельство, что изъ среды ветхозавѣтныхъ исторій выпущены разсказы объ Іовѣ, Юдифи и т. п. (?). Но самъ же рецензентъ призналъ за этою книжкою «искусство въ наборѣ историческихъ свѣдѣній», а въ концѣ рецензіи нашелъ приличнымъ данное ей названіе: «Дважды 52 библейскія исторіи», слѣдовательно, если это не исторія, а исторіи, то нельзя и требовать, чтобы въ ней была полная исторія. Почему же рецензентъ не обвиняетъ автора въ миѳическомъ богословіи за то, что онъ изъ числа судей разсказалъ объ одномъ только Гедеонѣ? Почему ему не показалось при этомъ, что исторіи Іевфая, Сампсона и подобныхъ въ глазахъ автора вѣроятно однѣ сказки, повѣсти, литературные вымыслы? Если нужно объясненіе особенно со стороны издателя русской книжки, почему въ нее не вошли исторіи Іова, Товита и Юдифи, то это оправдывается, во 1-хъ, тѣмъ, что изданная книжка дѣйствительно не есть полная исторія, а во-вторыхъ тѣмъ, что въ ней излагается непрерывная исторія народа Божія, въ которую Іовъ и Товитъ вошли бы какъ эпизоды, а Юдифь—какъ мелкая подробность. Замѣчу при этомъ, что исторіи Юдифи напрасно искалъ я и въ полной исторіи протоіерея Богословскаго, доставившей однако автору оной степень доктора богословія.

«Второе обвиненіе оригинала, а слѣдовательно и перевода состоитъ въ слѣдующемъ: «Притчи занимаютъ едва-ли не половину мѣста (?);

бывъ перемѣшаны съ разсказами о дѣйствительныхъ событіяхъ, онѣ наводятъ на всю исторію какой-то призрачный колоритъ». Это обвиненіе—совершенная клевета. Во 1-хъ, половину мѣста сказано очень неопредѣленно. Въ нѣмецкой книжкѣ притчи занимаютъ три параграфа изъ 52 новозавѣтныхъ разсказовъ; въ русскомъ изданіи притчи составляютъ только одну статью на 48 другихъ и занимаютъ только 6 страницъ на 210 всей книжки. Зачѣмъ же рецензентомъ сказано въ оффиціальномъ донесеніи конференціи академіи: «половину мѣста»? и какого мѣста? развѣ между разсказами о дѣйствительныхъ событіяхъ? Но и это неправда. Во 2-хъ, говорится, что, притчи перемѣшаны съ разсказами о дѣйствительныхъ событіяхъ. Что разумѣть подъ словомъ перемѣшаны? То ли, что рядомъ съ притчею поставлено дѣйствительное событіе? Но этого не находится въ книжкѣ. Или слово перемѣшаны разумѣть такъ, что нѣкоторыя дѣйствительныя событія приняты за притчи и наоборотъ? Перваго рецензентъ утверждать не можетъ потому, что въ статьѣ о притчахъ онъ не найдетъ ни одного разсказа, котораго самъ Іисусъ Христосъ или евангелисты не назвали бы притчею. Вѣроятнѣе всего послѣднее, т. е. что г. рецензентъ самъ принялъ нѣкоторыя изъ дѣйствительныхъ событій за притчи и потому укоряетъ автора нѣмецкой и русской книжки, будто они перемѣшали притчи съ дѣйствительными событіями. Это предположеніе совершенно подтверждается замѣчаніемъ рецензента по поводу картинокъ къ разсказамъ о богатомъ и Лазарѣ и сострадательномъ Самарянинѣ, которые онъ называетъ притчами. Но я здѣсь имѣю случай доказать г. рецензенту справедливость моихъ словъ касательно направленія протестантства «въ наше время» вопреки его предположенію о какомъ-то «миѳическомъ богословіи», существующемъ только въ книгахъ, да, можетъ быть, въ головахъ какихъ-нибудь Professoren, какъ ихъ въ насмѣшку называютъ здѣсь сами же нѣмцы. Протестантъ «нашего времени», т. е. представитель большинства вѣрующихъ христіанъ въ Германіи, не возьметъ на свою совѣсть назвать притчею ни разсказа о богатомъ и Лазарѣ, ни повѣствованія о милосердномъ Самарянинѣ, и почему? Потому что въ евангеліи не сказано, чтобы это были притчи. И авторъ русской книжки въ свою очередь не берется назвать этихъ повѣствованій притчами,—тѣмъ болѣе, что многіе изъ православныхъ толковниковъ признаютъ ихъ за дѣйствительныя событія. Поэтому-то обѣ эти статьи не вошли въ параграфъ подъ именемъ: притчи Іисуса Христа, а поставлены отдѣльно.

«Но какъ назвать тѣ подозрѣнія, которыя рождаются въ умѣ рецензента при разсматриваніи картинокъ въ моей книжкѣ? Надо было имѣть большое искусство критика, чтобы изъ недостатка картинки въ разсказѣ о Преображеніи вывести заключеніе, что поэтому это—притча,

а притча, имѣющая картинку,—исторія. Дѣтскому же уму, какъ ни «представляйте себѣ свойства первыхъ его впечатлѣній», трудно и подумать что-нибудь подобное, да и не всякому взрослому удастся додуматься до того, будто такое изложеніе исторіи мѣстами съ картинками, а мѣстами безъ картинокъ «только и хорошо для приготовленія будущихъ (?) послѣдователей миѳическаго богословія (!!!).

«Далѣе, говоритъ рецензентъ,—но за это, что слѣдуетъ далѣе, я готовъ принести формальную жалобу конференціи С.-Петербургской духовной академіи на г. экстраординарнаго профессора Чельцова съ покорнѣйшею просьбою заставить его или отказаться отъ своихъ словъ или просить извиненія у конференціи академіи за свой недосмотръ и за неумѣстную горячность выраженій. Вотъ эти слова г. рецензента, какъ они находятся въ подлинномъ его представленіи въ конференцію С.-Петербургской духовной академіи отъ 22-го января 1860 года, за подписью г. Чельцова:

«Далѣе, пишетъ онъ, поспѣшность (?) и легкость (!) протестантской критики извѣстны всякому безпристрастному христіанину; но страннѣе всего, что духъ этого лукавства вѣетъ уже въ первоначальномъ руководствѣ для дѣтей. Я не спрашиваю, продолжаетъ профессоръ Чельцовъ, почему опущена исторія Сусанны (!), тогда какъ можно было изложить исторію Вирсавіи, но не могу не обратить вниманія на эту злонамѣренную и по дерзости достойную Порфирія насмѣшку надъ Спасителемъ нашимъ І. Христомъ, или надъ боговдохновенностью евангелія, будто Спаситель искалъ на смоковницѣ плода въ такую пору, когда еще не время было смоквамъ,—изъ чего слѣдуетъ, что Онъ или проклялъ и осудилъ ее на вѣчное безплодіе совершенно несправедливо (потому что виновато ли дерево, разсуждаетъ рецензентъ, если оно не даетъ того, чего по природѣ не можетъ дать?) и своимъ проклятіемъ обнаружилъ въ себѣ безразсудное движеніе, если только все это было на самомъ дѣлѣ (!!) или вся эта исторія неразумно выдумана (!!!!) евангелистомъ и служитъ доказательствомъ и поясненіемъ, какъ должно понимать боговдохновенность евангелія. Подобныя несправедливыя критическія замѣтки я считаю неумѣстными не только въ руководствѣ для дѣтей, но ни въ какой христіанской книгѣ.

«Если бы эта филиппика относилась и къ одной только нѣмецкой книжкѣ, и тогда чувство правды заставило бы меня съ негодованіемъ возстать противъ такой капитальной погрѣшности профессора академіи, граничащей съ грѣхомъ. Но г. рецензентъ, раскритиковавъ оригиналъ со всею строгостью на основаніи придуманныхъ имъ самимъ предположеній, въ своемъ представленіи академической конференціи прибавилъ: «къ сожалѣнію, всѣ эти недостатки остались безъ исправленія въ пере-

водѣ на русскій языкъ». И дѣйствительно, слова, приведшія въ такое негодованіе рецензента, «ибо еще не время было быть смоквамъ», находятся и въ моей книжкѣ. Но пусть г. профессоръ Чельцовъ раскроетъ евангеліе отъ Марка и посмотритъ въ гл. XI стихъ 13-й, и онъ, конечно, съ ужасомъ увидитъ, что то, въ чемъ онъ видѣлъ «вѣющій духъ лукавства», что̀ онъ называлъ «злонамѣренною и по дерзости достойною Порфирія насмѣшкою надъ Спасителемъ» (!), въ чемъ онъ предполагалъ намекъ на «безразсудную выдумку евангелиста», что все это не что иное, какъ подлинныя слова евангелиста Марка: не убо бѣ время смоквамъ, переведенныя по-русски: ибо еще не время было быть смоквамъ. Если это со стороны профессора церковной исторіи только недосмотръ, то какъ же онъ можетъ такъ смѣло пускаться въ подобныя разсужденія, что изъ этого (т. е. теперь уже изъ этихъ словъ евангелиста) слѣдуетъ, что или Онъ (т. е. І. Христосъ) проклялъ и осудилъ смоковницу на вѣчное безплодіе совершенно несправедливо (въ скобкахъ прибавляются подробныя соображенія, почему это несправедливо) и своимъ проклятіемъ обнаружилъ въ себѣ безразсудное движеніе!! Какъ назвать подобныя разсужденія? Это грѣхъ, оскорбляющій и вѣрующее сердце и самую евангельскую истину. Но мнѣ не хочется вѣрить, чтобы профессоръ академіи могъ сдѣлать такую ошибку, назвавъ слова евангелиста насмѣшкою надъ Спасителемъ. Невозможно, чтобы онъ такъ неподробно зналъ евангельскія сказанія. Я стараюсь во всемъ этомъ обвиненіи отыскать другой смыслъ и, взявъ на себя часть вины, оправдаться въ такомъ капитальномъ преступленіи предъ своею совѣстію, предъ ученою конференціею С.-Петербургской духовной академіи, наконецъ передъ церковію, передъ Богомъ. Рецензентъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «подобнаго рода (т. е. какъ эти слова, взятыя изъ XI главы евангелиста Марка) несправедливыя критическія замѣтки я считаю неумѣстными не только въ учебномъ руководствѣ для дѣтей, но ни въ какой христіанской книгѣ». Въ этомъ приговорѣ я стараюсь доискаться такого смысла, что не слѣдовало бы этихъ словъ евангелиста вставлять при разсказѣ о смоковницѣ въ видѣ критической замѣтки потому, что въ этомъ видѣ она похожа «на злонамѣренную и по дерзости достойную Порфирія насмѣшку надъ Спасителемъ нашимъ І. Христомъ». Если я выразумѣлъ эти слова такъ, то, принимая на себя обвиненіе даже въ этомъ видѣ, какъ на переводчика, оставившаго безъ исправленія всѣ недостатки оригинала,—я приношу жалобу на автора такого обвиненія ему же самому, приношу ее во имя духовнаго сана, лежащаго на мнѣ, который никто не смѣетъ заподозрѣвать въ такихъ антихристіанскихъ, порфирьевскихъ злонамѣренныхъ замыслахъ, приношу ее во имя истины, которая не должна быть такъ дерзко оскорбляема предъ ученымъ трибуналомъ высшаго духовнаго учили-

ща,—и во имя всего этого прошу покорнѣйше г. профессора Чельцова отказаться предъ академическою конференціею отъ своихъ словъ, высказанныхъ имъ оффиціально по поводу или непонятныхъ имъ словъ евангелиста или перетолкованныхъ въ христіански-обидную сторону для автора книжки, въ которой они вставлены съ чистою совѣстью, какъ истинныя слова евангелиста, и какъ бы въ предупрежденіе взведеннаго обвиненія поясненныя въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ символическимъ значеніемъ этой дѣйствительно безплодной въ то время смоковницы».

Продолжая далѣе защищаться противъ рецензіи моей книжки, я не могъ вынести личной обиды въ слѣдующемъ замѣчаніи Чельцова на слова: «нерѣдко народъ израильскій не зналъ, къ кому обратиться, чтобы искать суда и защиты». На это мѣсто рецензентъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: «Не зналъ этого только переводчикъ». На это я отвѣчалъ въ своемъ протестѣ слѣдующимъ образомъ: «Итакъ, здѣсь уже не рецензія, а личность. Этими словами рецензентъ предполагаетъ въ переводчикѣ такое невѣжество, что не усумнился прибавить: только переводчикъ. Что̀ можно прибавить на подобную неучтивость, особенно когда она произносится человѣкомъ оффиціальнымъ и при томъ предъ ученымъ трибуналомъ? Но отвращая глаза отъ личности, я обращаюсь къ разсматриваемой книжкѣ и ищу секрета въ этомъ замѣчаніи рецензента. Чтобы пояснить свою мысль, онъ прибавляетъ: «народъ зналъ» и, какъ бы недовольный еще этимъ, добавляетъ: «даже и составитель нѣмецкаго оригинала зналъ». Послѣ этого, конечно, становится очевиднымъ, что сила этого замѣчанія рецензента состоитъ только въ томъ, чтобы донести конференціи академіи, что переводчикъ не знаетъ, къ кому слѣдовало обратиться народу израильскому за судомъ и защитою. Переводчикъ не считаетъ своимъ долгомъ извиняться передъ г. рецензентомъ въ своемъ невѣжествѣ, а въ защиту критикуемаго текста укажетъ на слова Книги Судей гл. XVII, ст. 6, XXI, 25.

«Въ заключеніе своей рецензіи г. Чельцовъ говоритъ, что «все это (?) большею частію неважныя погрѣшности». Но если бы все это были дѣйствительно погрѣшности, то, напротивъ того, онѣ были бы очень важны. А я считаю себя въ правѣ оспаривать именно это сужденіе рецензента, будто все это—погрѣшности. Я съ своей стороны не думаю, чтобы при изданіи библейской исторіи въ какихъ бы то ни было малыхъ книжкахъ, не могло быть и рѣчи о достоинствахъ научныхъ. Напротивъ, изъ настоящаго отзыва на замѣчанія рецензіи можно уже видѣть, какъ много надобно имѣть науки или навыка въ св. писаніи, чтобы передать правильно то или другое евангельское слово, а тѣмъ болѣе, чтобы не ошибиться, принявъ слово Божіе за какое-либо замѣчаніе человѣческое. Ребенку еще простительно «вѣрить всему без-

условно», но непростительно взрослымъ навязывать ему вѣру слѣпую во что бы то ни было своимъ личнымъ авторитетомъ, а потому гораздо спасительнѣе давать ему по возможности самое слово Божіе, какъ авторитетъ непререкаемый, — о чемъ и старался издатель русской книжки, выписывая большею частію буквально выраженія и слова изъ евангелія по русскому переводу, узаконенному опредѣленіемъ Св. Синода. Къ крайнему изумленію авторъ рецензіи, поданной на эту книжку въ конференцію С.-Петербургской духовной академіи, или не догадался или не хотѣлъ понять этого. Поэтому-то, выписывая, напримѣръ, цѣлую тираду изъ моей книжки въ образецъ «оборотовъ рѣчи, нигдѣ не терпимыхъ», онъ не потрудился справиться съ русскимъ переводомъ евангелія, иначе онъ могъ бы увидать, что эти «обороты рѣчи» списаны слово въ слово со стиховъ евангелія отъ Матѳея. По выпискѣ этихъ словъ авторъ рецензіи прибавляетъ: «ни одна европейская грамматика не допускаетъ такого словосочетанія». Надобно имѣть всю самоувѣренность автора этихъ словъ, чтобы произнести такой судъ противъ перевода, сдѣланнаго Св. Синодомъ, въ предисловіи къ которому три митрополита говорятъ ко всѣмъ христолюбивымъ читателямъ слѣдующее: «О трудящихся же въ семъ дѣлѣ молите Бога Слова, да дастъ и умножитъ имъ свѣтъ и силу къ вѣрному и неукоснительному продолженію и совершенію начатаго».—Я готовъ болѣе слѣдовать этому увѣщанію, нежели грамматическимъ замѣчаніямъ г. рецензента.

«Въ заключеніе всего, покорнѣйше прошу какъ конференцію академіи, такъ и г. профессора Чельцова принять благосклонно настоящій мой отзывъ и видѣть въ немъ не самооправданіе авторскаго самолюбія, а ученое состязаніе въ пользу истины. При нашихъ закрытыхъ судахъ обвиняемому нѣтъ другаго пути къ защитѣ себя, кромѣ аппелляціи къ высшему авторитету. Полезно было бы возводить подобные случаи въ публичные диспуты. Тогда по крайней мѣрѣ предъ судомъ общественнымъ можно было бы и краснѣть за свои ошибки и торжествовать за правду».

Этотъ протестъ мой былъ представленъ въ Св. Синодъ, и тамъ рѣшено было перенести споръ нашъ на судъ Московской духовной академіи, а самую книжку представить на разсмотрѣніе митрополита Филарета. Бывшій тогда ректоромъ Московской духовной академіи протоіерей Горскій, которому поручено было Св. Синодомъ рѣшить нашъ споръ съ Чельцовымъ, далъ отъ себя такого рода отзывъ: «Библейская исторія протоіерея Базарова не представляетъ сомнѣнія со стороны православія. Замѣчанія профессора Чельцова мѣстами слишкомъ рѣзки, особенно въ первоначальномъ своемъ видѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и не совсѣмъ основательны, какъ напримѣръ, о неблаговременности плодовъ на смоковницѣ; однако же многія нельзя не признать справедливыми. Поэтому

неудовлетвореніе, оставляемое въ душѣ невѣрностію и привязчивостью нѣкоторыхъ замѣчаній, вознаграждается представленіемъ очевидной пользы многихъ другихъ для исправленія мѣстъ, явно погрѣшительныхъ».

Митрополитъ же Филаретъ, не входя въ разборъ рецензіи Чельцова, сдѣлалъ отъ себя замѣчанія на мою книжку, изъ которыхъ нѣкоторыя очень характеристичны по своей манерѣ, бывшей столь свойственною этому архипастырю. Такъ, замѣтивъ вообще о необходимости просмотра и исправленія книжки, онъ дѣлаетъ такого рода замѣчанія: «Богъ былъ вѣчно. Здѣсь несообразность. Былъ—означаетъ только прошедшее время; а вѣчно—всѣ времена». Далѣе: «Міръ явился по одному Его слову. Въ каждый изъ шести дней творенія Господь изрекалъ слово и не одно». Еще: «Это было не то небо, какое мы видимъ. Читающій естественно спроситъ: какое же? гдѣ же оно дѣлось? откуда же взялось нынѣшнее?»—Не понравилось митрополиту выраженіе: «твердь небесная», «Если хотѣли писать ясно, замѣчаетъ онъ, ясно ли это для отрока?» А противъ описанія райскихъ деревьевъ, о которыхъ у меня было сказано, что на нихъ было весело смотрѣть, а тѣмъ пріятнѣе ѣсть плоды съ нихъ, митрополитъ Филаретъ замѣтилъ: «Это не описаніе красоты рая, а выраженіе чувства лакомаго человѣка». А на слова изъ проклятія Каина: «на землѣ, которая отверзла челюсти свои», онъ положительно разсердился, поставивъ противъ этой фразы: «неупотребительно, грубо, неестественно». Хотя вся вина моя въ этомъ мѣстѣ состояла въ томъ, что я употребилъ здѣсь слово челюсти вмѣсто уста, находящееся въ русскомъ переводѣ библіи. Далѣе есть нѣсколько саркастическихъ замѣтокъ въ родѣ слѣдующихъ: «Не будетъ тебѣ ни мѣста на земли. Гдѣ же будетъ послѣ сего Каинъ? на воздухѣ? или подъ землею?» или: «На стр. 81—послѣднимъ изъ судей былъ Сампсонъ, а на стр. 88—сдѣлался судіею первосвященникъ Илій. Итакъ, послѣ послѣдняго судіи былъ еще судія, видно, очень послѣдній?» Въ заключеніе всѣхъ этихъ и подобныхъ замѣтокъ высокопреосвященный Филаретъ прибавляетъ: «указываю только примѣры и повторяю, что пересмотра требуетъ многое».

Св. Синодъ, сообщивъ мнѣ въ копіи какъ отзывъ протоіерея Горскаго, такъ и замѣчанія митрополита Филарета, предоставилъ мнѣ «если я пожелаю, воспользоваться этими замѣчаніями, исправить по нимъ мою книжку и снова войти съ представленіемъ о принятіи ея въ руководство въ духовныхъ училищахъ».

Представляя затѣмъ вновь исправленную книжку въ духовно-учебное управленіе при Св. Синодѣ, я хотя и оговорился, что замѣчанія высокопреосвященнѣйшаго митрополита московскаго принялъ безпрекословно, однако противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ долженъ былъ дать свои объясненія. Такъ, по поводу замѣчанія на слова: «это было не то небо, какое мы видимъ»,—я далъ такое объясненіе: «Авторъ позволяетъ себѣ

думать, что объясненіе на эти слова лежитъ въ послѣдующей затѣмъ фразѣ: то была неустроенная смѣсь всего. А «откуда взялось нынѣшнее небо», видно изъ творенія втораго дня. Поэтому это замѣчаніе осталось безъ исправленія въ текстѣ моей книжки и въ новомъ ея изданіи. Также точно авторъ не умѣлъ воспользоваться и замѣчаніемъ на счетъ тверди небесной,—тѣмъ болѣе, что онъ ни въ одной исторіи для дѣтей не нашелъ болѣе яснаго опредѣленія того, что въ бытописаніи Моисея названо твердью. Выраженіе «на которыя было весело смотрѣть, а тѣмъ болѣе пріятно ѣсть плоды съ нихъ» оставлено авторомъ безъ перемѣны, несмотря на замѣчаніе, сдѣланное по поводу этихъ словъ, потому что автору казалось, что эти слова очень близко передаютъ библейское выраженіе о древахъ райскихъ: всякое древо красное въ видѣніи и доброе въ снѣдь. (Б. II, 9.) Указаніе несообразности въ наименованіи послѣднимъ судіею Сампсона, между тѣмъ какъ затѣмъ слѣдуетъ названіе судіею первосвященника Иліи, собственно не касается исторической точности. Что же касается до правильности выраженія, которое какъ будто наводитъ на мысль, что «послѣ послѣдняго судіи былъ еще судія, видно, очень послѣдній», то изъ историческаго хода событій и самаго образа выраженія автора можно уразумѣть, что послѣ многихъ судей-вождей званіе это перешло сначала къ первосвященнику Иліи и потомъ къ пророку Самуилу. Имѣя это въ виду, авторъ и выразился такимъ образомъ: «послѣ многихъ вождей, судившихъ во Израилѣ, сдѣлался судіею первосвященникъ Илій».

На это объясненіе не послѣдовало болѣе возраженія, и такимъ образомъ авторъ вышелъ цѣлъ и невредимъ изъ борьбы съ своими рецензентами и судьями, и книжка его допущена была къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ, а потомъ принята была въ число руководствъ для приготовительныхъ классовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ.

Какъ эпизодъ къ этой длинной и—можетъ быть—уже скучной исторіи о моей книжкѣ, нельзя не упомянуть о подвигѣ бывшаго у меня дьякономъ Репловскаго. Какъ разъ среди моей борьбы съ Чельцовымъ изъ-за его безцеремонной рецензіи на мою книжку, не меньше меня возмутившей и Репловскаго, появился первый томъ церковной исторіи самого профессора Чельцова, предпринятой съ претензіей на ученую постановку этой науки. Репловскій, обладавшій ученостью гораздо большею, чѣмъ профессоръ академіи, напалъ съ такою силою на этотъ первый у насъ опытъ постановки исторической науки, что совершенно уничтожилъ автора онаго, уличивъ его не только въ ложномъ взглядѣ на исторію вообще, но даже въ относительномъ невѣжествѣ по части исторической критики, такъ что бѣдный Чельцовъ не осмѣлился болѣе продолжать своего труда, который ограничился выпускомъ только этого перваго тома. Критика Репловскаго была помѣщена въ «Духѣ Христіа-

нина», издававшемся подъ редакціею о. Гумилевскаго, и появленіе этой статьи напрасно приписывалось моему вліянію, какъ бы въ отместку за рецензію Чельцова. Здѣсь я былъ совсѣмъ ни при чемъ.

Но въ то время, какъ оффиціальная іерархія такъ нападала на мою книжку, мнѣ тѣмъ утѣшительнѣе было слышать сочувственные отзывы о ней людей слова и дѣла. Такъ, между прочимъ, мнѣ писалъ о ней мой московскій корреспондентъ, тогдашній издатель «Душеполезнаго Чтенія», священникъ Ключаревъ, впослѣдствіи преосвященный Амвросій «Вслѣдъ за вашимъ письмомъ,—писалъ онъ отъ 17-го августа 1861 года,—я получилъ экземпляръ вашей священной исторіи. Благодарю васъ за него. Книжка написана мастерски. Читая ее, я думалъ, отчего бы ея умному автору, ревнующему о духовномъ просвѣщеніи нашего народа, не написать статейки для «Душеполезнаго Чтенія», издаваемаго тоже для народа? Теперь эту думу я обращаю въ просьбу. Изъ всего необозримаго поля исторіи церкви Божіей выберите эпизодъ или монографію по сердцу, напишите, какъ написана ваша исторія, и это будетъ прекрасный подарокъ нашимъ читателямъ. Я прошу васъ искренно, и вы примите мою просьбу къ сердцу».

Но сотрудничать въ духовномъ журналѣ въ зиму 1861—2 года мнѣ не пришлось, такъ какъ въ это время мы вздумали-было издавать свой журналъ за границею. Первую мысль объ этомъ возымѣлъ нашъ дьяконъ Репловскій; первое сочувствіе этому предпріятію оказалъ о. Янышевъ въ Висбаденѣ, а самое дѣятельное участіе принялъ о. Толмачевъ, бывшій тогда въ Карлсруэ. Мысль этого заграничнаго журнала состояла въ томъ, что всѣ заграничные наши священники, живя въ различныхъ иностранныхъ земляхъ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ и даже въ Америкѣ, имѣли бы сообщать много любопытнаго каждый изъ своего мѣстопребыванія касательно церковной жизни христіанскихъ народовъ и ученобогословской дѣятельности болѣе просвѣщенныхъ изъ нихъ. О. Толмачевъ, который взялъ на себя составить программу этого духовнаго учено-литературнаго журнала, хотѣлъ дать ему названіе: «Церковный стражъ», выбравъ для сего эпиграфомъ слова св. писанія: «Стража дахъ тя дому Израилеву» (Ис. III, 17), «Шедъ постави себѣ стража, и еже аще узриши возвѣсти» (Исх. XXI, 6), «вся искушающе, добрая держите (I Солун. V, 20)». Такимъ образомъ, самымъ названіемъ и эпиграфомъ задуманнаго изданія опредѣлялся уже и характеръ его. «Церковный стражъ,—писалъ онъ въ своей программѣ,—будетъ зорко слѣдить за чистотою вселенской истины и возвѣщать все, еже аще узритъ поучительное для православнаго христіанина въ религіозномъ отношеніи внѣ предѣловъ нашего отечества».

«Вообще,—говорится далѣе въ этой программѣ.—«Церковный стражъ» поставляетъ своею цѣлію не только подстерегать то или другое замѣчательное явленіе въ области иноземной духовной жизни и науки, но и

остерегать истину православія отъ наплыва разныхъ иноземныхъ идей, заносимыхъ къ намъ отвнѣ». Сообразно съ этою задачею, о. Толмачевъ предлагалъ раздѣлить журналъ на 4 отдѣла: 1) учено-литературный, 2) церковно-педагогическій, 3) критико-библіографическій и 4) современную хронику и смѣсь. Журналъ долженъ бы выходить ежемѣсячно до 10 печатныхъ листовъ, цѣною не менѣе 6 рублей безъ пересылки. Мѣстомъ изданія назначался Карлсруэ, гдѣ имѣлась русская типографія. Отвѣтственнымъ редакторомъ долженъ былъ быть я при соредакціи о. Янышева и Толмачева. Но главную дѣятельность по журналу общимъ согласіемъ возлагали на Репловскаго, какъ на ходячую библіотеку и всесторонняго книгоѣда.

Противъ этой программы возсталъ о. Янышевъ. Самое названіе журнала «Церковный стражъ» не понравилась какъ ему, такъ и намъ. Кромѣ возлагаемаго этимъ названіемъ на заграничныхъ священниковъ какого-то шпіонничанья въ видѣ подстерегательства и остерегательства, самый звукъ названія подвергался опасности въ устахъ недоброжелателей обратиться изъ Стража въ церковнаго сторожа. Поэтому о. Янышевъ предложилъ издавать «Заграничное церковное обозрѣніе» и притомъ не въ видѣ ежемѣсячнаго журнала, а выпусками отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ, ограничивъ программу изданія двумя отдѣлами: 1) обозрѣніемъ современнаго состоянія инославныхъ церковнымъ общинъ и 2) отчетомъ о современномъ теченіи университетской богословской науки. Но какъ въ этомъ видѣ задуманное нами изданіе теряло главный характеръ разнообразія всевозможныхъ свѣдѣній изъ разныхъ концовъ свѣта, гдѣ только находились наши заграничныя церкви, то мы, принявъ только вновь предложенное названіе для нашего журнала: «Заграничное православное обозрѣніе», рѣшились напередъ обратиться ко всѣмъ нашимъ сослуживцамъ за границею, спрашивая мнѣнія каждаго изъ нихъ о нашемъ предпріятіи и прося ихъ содѣйствія. По отдаленности различныхъ нашихъ миссій, переписка эта затянулась на цѣлые годы, и только очень немногіе отозвались съ сочувствіемъ къ нашему предпріятію, а другіе совсѣмъ ничего не отвѣчали. Между тѣмъ послѣдовала разсказанная уже катастрофа съ несчастнымъ Репловскимъ, а безъ него, какъ фактотума нашей редакціи, мы убоялись взяться за дѣло, и такъ это предпріятіе кануло въ воду, хотя по задуманному плану обѣщало большой интересъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поправка:

Въ іюньской книжкѣ журнала, въ запискахъ І. І. Базарова (стр. 513, строка 6 и 7) П. А. Валуевъ названъ министромъ государственныхъ имуществъ. Онъ былъ въ то время директоромъ департамента министерства государственныхъ имуществъ.

Изъ неизданныхъ писемъ В. А. Жуковскаго.

I.

Къ Антону Антоновичу Прокоповичу-Антонскому [1]).

12 апрѣля (1837).

Милостивый государь Антонъ Антоновичъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ надѣюсь имѣть счастіе васъ наконецъ увидѣть [2]). Дай Богъ! Пора намъ свидѣться. Въ задатокъ посылаю вамъ весь мой скарбъ поэтическій и прозаическій [3]), твоя отъ твоихъ [4]). Желаю васъ найти здоровымъ и въ этой надеждѣ обнимаю васъ сердечно съ искреннимъ къ вамъ почтеніемъ, которое всегда во мнѣ живо было и будетъ.

Всѣмъ сердцемъ вашъ по старому Жуковскій.

---

[1]) Нѣсколько писемъ Жуковскаго къ А. А. Прокоповичу-Антонскому напечатано въ „Русскомъ Архивѣ" 1883 г., книга первая, стр. 324—332.

[2]) Въ 1837 году Жуковскій сопровождалъ цесаревича Александра Николаевича въ его путешествіи по Россіи. Цесаревичъ выѣхалъ изъ Царскаго Села 2-го мая и направился черезъ Новгородъ, Тверь, Ярославль, Кострому, Вятку, Пермь и Екатеринбургъ въ Тобольскъ. Въ Москву цесаревичъ прибылъ 24-го іюля 1837 года.

[3]) Экземпляръ четвертаго изданія Сочиненій Жуковскаго, вышедшаго въ свѣтъ въ 1835—1837 гг.

[4]) А. А. Прокоповичъ-Антонскій стоялъ во главѣ университетскаго благороднаго пансіона, когда въ немъ воспитывался Жуковскій, который всегда питалъ чувства признательности къ своему наставнику.

II.

Къ Степану Петровичу Шевыреву.

1.

9 марта 1838.

Посылаю вамъ это письмо съ Евгеніемъ Лукичемъ Милькѣевымъ, котораго я узналъ въ Тоболь(с)кѣ и который далъ мнѣ прочитать нѣсколько своихъ стихотвореній, означающихъ много таланта [1]). Нигдѣ и ничему не учась, онъ пріобрѣлъ замѣчательное искусство писать. Онъ жаждетъ учиться. Я его рекомендовалъ графу Строганову [2]), который хочетъ ему помочь въ достиженіи къ его цѣли. Рекомендую его и вамъ. Вы будете умѣть узнать ему цѣну, поможете ему добрымъ совѣтомъ и облегчите для него трудное его дѣло. Познакомьте его съ Погодинымъ [3]) и Баратынскимъ [4]). Чтобы лучше съ нимъ васъ познакомить, прилагаю записку, имъ о себѣ по просьбѣ моей написанную. Вспомните, читая ее, что онъ совершенно ничему не учился и ничего порядочнаго не читалъ. Много ли у насъ такъ хорошо, правильно, просто и пріятно напишутъ? Прошу передать эту записку для возвращенія мнѣ Александру Михайловичу Тургеневу [5]), живущему у Дмитрія Солунскаго близъ Тверскаго, въ домѣ Новосильцевой.

Простите. Не забывайте искренно преданнаго вамъ Жуковскаго.

2.

1 сентября 1849, Варшава [6]).

Не могу не написать къ вамъ нѣсколько строкъ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ. Ну ужъ полакомили вы меня вашими статьями объ

---

[1]) Стихотворенія Милькѣева были изданы отдѣльною книжкою въ Москвѣ въ 1843 году. Съ Милькѣевымъ Жуковскій познакомился въ Тобольскѣ во время путешествія по Россіи цесаревича Александра Николаевича.

[2]) Графу Сергѣю Григорьевичу, тогдашнему попечителю Московскаго учебнаго округа.

[3]) Михаиломъ Петровичемъ.

[4]) Поэтомъ Евгеніемъ Абрамовичемъ.

[5]) А. М. Тургеневу (р. 1772†1863), автору извѣстныхъ Записокъ, изданныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1885 и слѣд. годовъ.

[6]) Отвѣтное письмо Шевырева, отъ 17-го сентября 1849 г., напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875 года, книга третья, стр. 374—375. Въ Варшаву Жуковскій пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ августѣ мѣсяцѣ, чтобы представиться императору Николаю Павловичу и получить разрѣшеніе на дальнѣйшее пребываніе за границею для лѣченія жены.

Одиссеѣ [1])! Мнѣ до пріѣзда моего въ Варшаву не было извѣстно, сказалъ ли кто хоть слово о моей новорожденной дочкѣ и о ея вступленіи въ свѣтъ. Вы приняли ее, какъ добрый другъ, отецъ и покровитель, и она съ хорошею репутаціею покажется передъ людьми. Рекомендую въ вашу милость вторую часть Одиссеи: эту часть я переводилъ con amore и я люблю ее болѣе первой. Трудъ совершился неимовѣрно скоро, въ 94 или 96 дней [2]); но поправка была совѣстная; переводъ шелъ рядомъ съ печатаніемъ; но по близости Карлсру (гдѣ типографія) отъ Бадена (гдѣ я жилъ) я могъ имѣть до шести корректуръ одного и того же листа и поправлялъ до тѣхъ поръ, пока не былъ самъ доволенъ: въ корректурѣ гораздо лучше видятся ошибки, нежели въ рукописи. Остались однако нѣкоторыя мѣста, которыя надлежало бы поправить; да я ихъ и поправилъ, но этихъ поправокъ не могъ уже напечатать [3]). Бунтъ выгналъ меня изъ Бадена; корректуру послѣдняго листа я уже послалъ изъ Страсбурга въ Карлсру [4]). Вотъ вамъ мой отчетъ. Желалъ бы доставить вамъ эти варіанты для «Москвитянина»; но здѣсь въ Варшавѣ не успѣлъ этого сдѣлать. Сейчасъ уѣзжаю опять въ Баденъ, гдѣ оставилъ жену больную. Во время же пребыванія здѣсь я не имѣлъ минуты свободнаго времени. Нынѣшнюю зиму еще я принужденъ провести за границею. Авось на слѣдующую весну Богъ освободитъ меня изъ этого заключенія [5]). А вы потѣшьте меня, сказавъ мнѣ два слова о моей второй части [6]): вѣроятно, вы напишете объ ней статью въ дополненіе къ написаннымъ; былъ бы для меня самый пріятный отъ васъ подарокъ получить всѣ статьи вмѣстѣ. Можете послать черезъ

---

[1]) Рядъ статей Шевырева о переведенной Жуковскимъ первой части Одиссеи, въ которыхъ онъ по достоинству оцѣнилъ этотъ поэтическій трудъ Жуковскаго, напечатанъ въ „Москвитянинѣ“ 1849 г., Критика и библіографія, № 1, стр. 41—48; № 2, стр. 49—53; № 3, стр. 91—117.

[2]) Вторая часть Одиссеи (пѣсни XIII—XXIV) была переведена Жуковскимъ въ 97 дней (въ періодъ съ 1-го мая 1848 по 23-е апрѣля 1849), какъ это видно изъ составленной имъ самимъ таблицы хода его работы по переводу Одиссеи (см. Стихотворенія Жуковскаго, изд. 9-е, т. IV, стр. 479).

[3]) Эти поправки сохранились въ бумагахъ Жуковскаго (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 113), и ими воспользовался П. А. Ефремовъ при печатаніи Одиссеи въ 9-мъ изданіи „Стихотвореній В. А. Жуковскаго“ (Спб. 1895 г.)

[4]) Корректура послѣдняго листа Одиссеи была отправлена Жуковскимъ изъ Страсбурга въ Карлсруэ 12-го (24-го) мая 1849 г. (см. письмо Жуковскаго къ Д. П. Сѣверину отъ этого числа, напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 г., сентябрь, стр. 48).

[5]) Надежда Жуковскаго вернуться въ Россію, какъ извѣстно, не осуществилась.

[6]) Статей Шевырева о переводѣ второй части Одиссеи въ печати не появлялось.

Булгакова [1]). Напишите же ко мнѣ; мой адресъ: à Bade-Bade, maison Kleinmann. Сердечно васъ обнимаю. Дружескій поклонъ отъ меня Хомякову [2]), Кирѣевскимъ [3]), Дмитріеву [4]), Свербеевымъ [5]), нашему поэту Павловой и ея мужу [6]) и Чадаеву [7]).

Вашъ Жуковскій.

III.

Къ графу Владиміру Александровичу Сологубу.

14 (26) ноября (1844), Франкфуртъ н(а) М(айнѣ).

Вотъ вамъ отвѣтъ дѣломъ на письмо ваше, любезный графъ. Я очень радъ, что не былъ принужденъ отвѣчать вамъ отрицательно на ваше требованіе. Нашлась піеса [8]), которую я хотѣлъ послать Плетневу [9]) и все не посылалъ, потому что лѣнился переписать. При полученіи же письма вашего явился мнѣ и писарь, русскій человѣкъ, разсудившій поселиться въ Европѣ, поссорясь съ своимъ господиномъ. Его явленіе вмѣстѣ съ письмомъ вашимъ было мнѣ знаменіемъ, что піеса должна принадлежать вамъ—вотъ она переписана, и я ее вамъ посылаю. Если же бы ея не случилось въ запасѣ, изъ Одиссеи не послалъ бы ничего. Она не иначе явится въ свѣтъ, какъ вся цѣликомъ. Нынѣшнимъ утромъ я кончилъ одиннадцатую пѣснь; но еще надобно будетъ долго поправлять ее. Посылаемая мною піеса удивитъ васъ своимъ содержаніемъ. Многіе, прочитавъ ее, скажутъ, что я ударился въ піетизмъ, въ мистику. Воля всякому говорить что хочетъ. Я прочиталъ эту повѣсть въ прозѣ и захотѣлъ попробовать разсказать ее со всею простотою прозы, не сдѣлавшись прозаическимъ. Удалось ли—пусть судятъ читатели. Содержаніе этой повѣсти мнѣ весьма по сердцу. Я

---

[1]) Александра Яковлевича, московскаго почтдиректора, пріятеля Жуковскаго.

[2]) Алексѣю Степановичу.

[3]) Ивану и Петру Васильевичамъ.

[4]) Михаилу Александровичу.

[5]) Дмитрію Николаевичу („Записки“ котораго изданы въ Москвѣ въ 1899 году) и его женѣ Екатеринѣ Александровнѣ, рожд. княжнѣ Щербатовой.

[6]) Каролинѣ Карловнѣ Павловой (р. Янишъ) и ея мужу, Николаю Филипповичу Павлову.

[7]) Петру Яковлевичу.

[8]) „Капитанъ Боппъ“, написанная Жуковскимъ въ 1843 году.

[9]) Петру Александровичу.

назначаю ее для дѣтей. Свѣжему, молодому сердцу такого рода впечатлѣнія могутъ быть благотворны. Чѣмъ раньше въ душу войдетъ христіанство, тѣмъ вѣрнѣе и здѣшняя и будущая жизнь. Безъ христіанства же жизнь кажется мнѣ уродливою загадкою, заданною злымъ духомъ человѣческому заносчивому уму для того, чтобы хорошенько его помучить и потомъ посмѣяться надъ его самонадѣянностью—ибо загадка безъ отгадки. Но дѣло не объ томъ; если Боппъ вамъ не покажется слишкомъ неблагопристойнымъ для вашего фешіонабельнаго альманаха [1]), примите его. Гоголь не далъ ничего, ибо нѣтъ ничего. И дѣйствительно его литературная мошна пуста; все еще на станкѣ; ничто не кончено. Прощайте. Пришлите вашъ альманахъ, когда выйдетъ. Прошу отъ меня обнять тетю, дядю, Аполлину съ мужемъ [2]). Особенный поцѣлуй отъ меня и отъ жены нашей прелестной Софьѣ [3]), которую мы любимъ всѣмъ сердцемъ. Дочка моя [4]) кланяется вашей дочкѣ [5]).

Вашъ Жуковскій.

IV.

Къ Сергѣю Семеновичу Уварову [6]).

(Вѣроятно, вторая половина 1830-хъ годовъ).

Вотъ вамъ двѣ просьбы, любезнѣйшій Сергѣй Семеновичъ, о исполненіи которыхъ или коихъ прошу васъ убѣдительно.

Первая о Глинкѣ [7]). Прилагаю письмо его. Прошу васъ не отвергать его просьбы. Чего онъ желаетъ? Своими трудами поддерживать семью свою. Въ этомъ выгода правительства, чтобы люди находили сами средства жить, а не оставались на рукахъ его. Глинка совершенно почти нищій; на рукахъ у него жена и дочь. Если воспретить ему ра-

---

[1]) Для альманаха графа В. А. Сологуба (р. 1813†1882) „Вчера и сегодня“ на 1845 годъ. „Капитанъ Боппъ“ и былъ напечатанъ въ этомъ альманахѣ.

[2]) Свояченицу графа Сологуба, Аполлинарію Михайловну Веневитинову (рожд. графиню Віельгорскую, р. 1818†1884) и ея мужа, Алексѣя Владиміровича Веневитинова (р. 1806†1872).

[3]) Женѣ графа Сологуба, графинѣ Софьѣ Михайловнѣ, дочери графа М. Ю. Віельгорскаго.

[4]) Александра Васильевна (р. 1842†1899), бывшая впослѣдствіи замужемъ за барономъ Верманомъ.

[5]) Графинѣ Софьѣ Владиміровнѣ Сологубъ (р. 1841†1849).

[6]) Три письма Жуковскаго къ С. С. Уварову изъ болѣе ранняго времени (1811 и 1815 гг.) напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 г., сентябрь, стр. 10—15.

[7]) О Сергѣѣ Николаевичѣ Глинкѣ († 1847).

ботать перомъ, или продать право на изданіе журнала его [1]) другому, то надобно указать или дать средства, чѣмъ жить. Я убѣдилъ его, что онъ не имѣетъ права продавать право на изданіе журнала, который давно не существуетъ. Но было бы несправедливо отказать ему въ правѣ возобновить этотъ журналъ, тѣмъ болѣ, что, какъ онъ ни плохъ, его направленіе извѣстно и безвредно.

Однимъ словомъ, потѣшьте меня вашимъ покровительствомъ бѣдному Глинкѣ; онъ чудакъ, часто досадный, но истинно честный и добрый человѣкъ.

Другая просьба о Эртелѣ. Прилагаю записку его и прошу васъ обратить на нее благосклонное вниманіе.

Третья экстренная просьба о кашѣ. Когда будутъ приняты всѣ мѣры, чтобъ она была только съ хорошимъ чухонскимъ масломъ, а не съ кирпичами, то благоволите назначить день торжественнаго переселенія каши въ наши желудки (послѣ будущаго вторника); я буду готовъ оказать вамъ дѣятельную помощь въ такомъ истинно русскомъ подвигѣ.

Жуковскій.

V.

Къ князю Петру Андреевичу Вяземскому.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ.

Увѣдомленіе вашего сіятельства о помѣщеніи моего родственника Жуковскаго управляющимъ въ какую-то таможню [2]), которой имя, благодаря пакостному почерку почтеннаго вашего писаря, осталось для меня непроницаемою тайною, я получилъ и приношу вашему сіятельству князю Петру Андреевичу мою искреннюю благодарность. Мнѣ пріятно было изъ вашей подписи, сдѣланной въ знакъ вашей неизмѣнной ко мнѣ дружбы съ какими-то особенными закорючками, увидѣть, что вы благоволите состоять въ живыхъ, почему и прошу ваше сіятельство князя Петра Андреевича быть увѣреннымъ, что я пребываю съ извѣстнымъ вамъ искреннимъ почтеніемъ къ вашей персонѣ относительно вашего ума и сердца и прочихъ различныхъ качествъ вашей натуры вашего сіятельства князя Петра Андреевича покорный слуга В. Жуковскій.

Сего 1844 сентября 3 (15), Франкфуртъ н(а) М(айнѣ).

---

[1]) Глинка издавалъ „Русскій Вѣстникъ“ въ 1808—1824 годахъ.

[2]) Въ 1844 году нѣкто Павелъ Андреевичъ Жуковскій былъ назначенъ управляющимъ Нурецкою таможнею.

VI.

Къ Леонтію Васильевичу Дубельту.

10 (22) октября 1848.

Здравствуйте, любезнѣйшій дядюшка Леонтій Васильевичъ. Я надѣялся самъ нынѣшнею осенью обнять васъ; анъ нѣтъ, живи не такъ, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велитъ. Жена больна, и я принужденъ переселиться въ Баденъ, отдать ее на руки Гуггерта [1]) и между тѣмъ жить, скрѣпя сердце, посреди бунта, всякаго рода пакостей, и завидовать тѣмъ, которые ушли отъ этого волкана въ покойное, пристанище нашей святой Руси. Прошу васъ переслать приложенное письмецо фонъ деръ Бриггену [2]). Прошу также обо мнѣ помнить съ вашею прежнею благосклонностію; а чтобы вѣрнѣе остаться въ вашей памяти, я поручилъ передать вамъ отпечатанные томы новаго изданія моихъ сочиненій [3]); въ нихъ найдете многіе вамъ неизвѣстные стихотворные грѣхи мои; между прочимъ и Одиссею. Вы получите вашъ экземпляръ отъ Родіонова [4]); онъ же доставитъ вамъ послѣ и слѣдующіе томы. Благоволите взять отъ него еще экземпляръ и переслать его ф(онъ) д(еръ) Бриггену отъ меня.

Простите, дядюшка; будьте здоровы и помните преданнаго вамъ Жуковскаго.

Мой адресъ: à Bade-Bade; maison Kleinmann.

VII.

Къ Андрею Александровичу Краевскому.

1.

Суббота.

Не можете ли побывать у меня завтра поутру въ десять часовъ вмѣстѣ съ Язвинскимъ [5]). Весьма обяжете. Извините, что на адресѣ

---

[1]) Баденскаго доктора.

[2]) Декабристу Александру Өедоровичу фонъ-деръ-Бриггену. Это письмо Жуковскаго къ Бриггену, тоже отъ 10-го (22-го) октября 1848 года, напечатано въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 626. Письма Жуковскаго къ Бриггену и Бриггена къ Жуковскому посылались чрезъ Л. В. Дубельта, тогдашняго начальника III Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи.

[3]) Послѣдняго, сдѣланнаго самимъ Жуковскимъ и печатавшагося въ Карлсруэ.

[4]) Ростислава Родіоновича Родіонова, служившаго старшимъ чиновникомъ въ собственной канцеляріи императрицы Александры Өеодоровны. Р. Р. Родіоновъ исполнялъ порученія Жуковскаго по высылкѣ ему жалованья и разсылкѣ разнымъ лицамъ экземпляровъ новаго изданія его сочиненій.

[5]) Вѣроятно, съ Александромъ Феликсовичемъ Язвинскимъ, писателемъ-

только ваша фамилія. Вѣдь мнѣ извѣстна только та часть вашего имени, которая принадлежитъ потомству [1]. Вашъ Жуковскій.

2.

(Вѣроятно 1837 г.).

Благодарю васъ за доставленіе книгъ. Увѣдомьте, какъ здоровье Шевырева [2]). Мнѣ надобно послать къ нему экземпляръ сочиненій [3]). Какъ зовутъ Вельтмана [4])?

3.

Я былъ у Фуса [5]), и онъ обѣщалъ мнѣ свое ходатайство и согласіе. Пускай Плюшаръ [6]) побываетъ теперь у Фуса. Жуковскій.

4.

(Въ первыхъ числахъ февраля 1838 г.).

Я слышалъ отъ Вяземскаго [7]), что нѣкоторыя мѣста въ моей рѣчи [8])

педагогомъ, изобрѣтателемъ мнемонической методы изученія исторіи. Имъ было издано нѣсколько трудовъ (Метода преподаванія хронологіи (Спб. 1837) и др.).

[1]) Записка имѣетъ такой адресъ: Его высокоблагородію Краевскому. Она относится къ тридцатымъ годамъ, къ началу знакомства Жуковскаго съ Краевскимъ. Въ остальныхъ запискахъ Жуковскаго къ Краевскому послѣдній называется уже по имени и отчеству (въ текстѣ или на адресахъ).

[2]) Степана Петровича.

[3]) Вѣроятно, 4-го изданія Сочиненій Жуковскаго, вышедшаго въ свѣтъ въ 1835 году, въ семи томахъ (томъ 6-й вышелъ въ 1836 г.); въ 1837 г. къ этому изданію напечатанъ 8-й томъ, а въ 1844 году девятый.

[4]) Рѣчь идетъ объ Александрѣ Ѳомичѣ Вельтманѣ.

[5]) Вѣроятно, съ академикомъ Павломъ Николаевичемъ Фусомъ (р. 1798† 1855).

[6]) Издатель „Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду", которыхъ Краевскій былъ редакторомъ.

[7]) Князя Петра Андреевича.

[8]) Въ привѣтственной рѣчи Жуковскаго на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ И. А. Крылова, происходившемъ 2-го февраля 1838 г. Эта рѣчь Жуковскаго была напечатана въ № 32 „Русскаго Инвалида" за 1838 годъ. Въ № 6 „Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду" 1838 г., отъ 5-го февраля, была напечатана статья „Пятидесятилѣтній юбилей И. А. Крылова", но въ ней рѣчь Жуковскаго не помѣщена. Министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ былъ недоволенъ упоминаніемъ въ этой рѣчи о Пушкинѣ. Въ „Сочиненіяхъ" Жуковскаго эта рѣчь не была помѣщаема до 8-го изданія (Спб. 1885), гдѣ она перепечатана (т. VI, стр. 34—35) изъ „Журнала министерства народнаго просвѣщенія" 1838 года.

должны быть вымараны. Если это правда, то прошу совсѣмъ не помѣщать моей рѣчи. Я никакъ не могу согласиться на такое обрѣзаніе [1]).

Жуковскій.

Покажите намъ статью, когда она къ вамъ возвратится отъ министра [2]).

5.

Пятница. (Вѣроятно 1839 г.).

Я уже лично говорилъ съ вами, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, о госпожѣ Вейдемейеръ [3]) и сообщилъ ей вашъ отзывъ. Она весьма рада работать для «Отечественныхъ Записокъ» [4]) и согласна на тѣ условія, кои вы мнѣ назначили. Теперь дѣло состоитъ въ томъ, чтобы вы на это ваше согласіе выразили опредѣленнѣе. Вмѣсто всякаго письменнаго условія будетъ ваша записка ко мнѣ, въ которой означьте, чего желаете отъ г-жи Вейдемейеръ и на что въ пользу ея согласны. Ея требованія умѣренны; 50 рублей въ мѣсяцъ или 600 въ годъ. Если вы захотите платить ей, какъ сказали мнѣ, 300 рублей въ началѣ года и 300 въ концѣ, то дѣло въ шляпѣ. Прошу васъ дать мнѣ отвѣтъ категорическій. И я весьма былъ бы радъ лично съ вами переговорить объ этомъ дѣлѣ; но для этого надобно намъ свидѣться. Это хорошо было въ старыя времена; а теперь вы какъ-то глядите на меня косо; и путь къ дверямъ моимъ для васъ заросъ травою. Всему виною журнализмъ. На всякой случай скажу вамъ, что я всякой день до 10 часовъ дома; а живу уже поближе къ землѣ [5]), въ домѣ доктора Фольборта, бывшемъ Толя, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской.

Преданный вамъ Жуковскій.

---

[1]) По этому же поводу князь П. А. Вяземскій писалъ 4-го февраля 1838 года А. А. Краевскому слѣдующее: „Мое посредничество тутъ ничего не подѣйствуетъ. Надобно Жуковскому переговорить съ министромъ, тѣмъ болѣе, что о немъ идетъ дѣло. Мое мнѣніе печатать статью, какова есть, чтобы не терять времени, а тамъ увидимъ, что будетъ" (см. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1895 годъ, приложенія, стр. 68).

[2]) С. С. Уварова.

[3]) Татьяна Васильевна Вейдемейеръ, рож. княжна Херхеулидаева. Замѣтку о ней см. въ Словарѣ русскихъ писателей, изд. С. Венгеровымъ, т. V (Спб. 1897), стр. 297.

[4]) „Отечественныя Записки" Краевскій сталъ издавать съ 1839 года.

[5]) Ранѣе Жуковскій жилъ въ верхнемъ этажѣ Зимняго Дворца.

VII.

Къ князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому [1]).

1 [2]).

(1837).

Жду васъ въ вечеру въ 9 часовъ со всею ватагою, съ Краевскимъ, Враскимъ [3]) и Плетневымъ. Надобно непремѣнно съѣхаться. Ж.

2.

(Записка князя Одоевскаго къ Жуковскому):

Понедѣльникъ (1837 г.).

Не хотите ли билетъ на сегодняшній концертъ Штейна—импровизатора? У меня есть къ вашимъ услугамъ. Одоевскій.

(Отвѣтъ Жуковскаго на этой же запискѣ):

Не Штейнъ, а наша сходка. Нынче мы условились быть всѣ у меня.

3.

(17 апрѣля 1837).

Приходите нынче въ вечеру въ 9-ть часовъ или хоть въ $1/2$ 9-го. Если не найдете, подождите. Если вамъ надобно будетъ во дворецъ, одѣнетесь у меня; или уѣдете отъ меня къ заутренѣ [4]). Кончимъ все вмѣстѣ для «Современника». Вы будете поправлять одно, я другое, такъ все и будетъ въ шляпѣ.

4.

(1837).

Я вчера писалъ о стихахъ Пушкина къ Уварову [5]). Что онъ скажетъ, не знаю. Статью мою о Пушкинѣ [6]) печатайте, какъ велитъ цен-

---

[1]) Пять записокъ Жуковскаго къ князю В. Ѳ. Одоевскому были мною напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 г. сентябрь, стр. 53—54.

[2]) Первыя четыре записки относятся къ 1837 году; касаются онѣ изданія „Современника“, которое, послѣ смерти Пушкина, приняли на себя князь Вяземскій, Жуковскій, князь Одоевскій, Плетневъ и А. А. Краевскій.

[3]) Борисъ Алексѣевичъ Враскій, который былъ женатъ на свояченицѣ князя В. Ѳ. Одоевскаго, Зинаидѣ Степановнѣ Ланской, служилъ въ то время экспедиторомъ III Отдѣленія собственной его величества канцеляріи.

[4]) Въ 1837 году Пасха приходилась 18-го апрѣля.

[5]) Сергѣю Семеновичу, министру народнаго просвѣщенія.

[6]) Статья „Послѣднія минуты Пушкина“, помѣщенная въ V томѣ „Совре-

сор; и вы же и раздайте ее нашимъ пріятелямъ. А мнѣ пришлите экземпляровъ двадцать. Титулъ послѣ первой піесы... Это такъ безобразно, что и сказать не умѣю. Нельзя ли это перемѣнить какъ-нибудь? Право, такъ будетъ стыдно. Отыщите «Литературную Газету» Дельвига; тамъ, кажется, напечатано что-то изъ Арапа [1]), да и другія статьи еще есть въ прозѣ Пушкина. Пожалоста поскорѣе отыщите. Не напечатать ли заглавіе такъ: Современникъ, журналъ Александра Пушкина [2])? А простѣе только Современникъ. Книжка V. VI. VII. VIII.

5.

Князь Одоевскій, прошу васъ нынче на вечеръ ко мнѣ и съ супругою [3]). Мои уѣзжаютъ завтра. Нельзя ли притащить Глинку [4])? Жду васъ непремѣнно. Ж.

VIII.

Къ Өедору Ивановичу Герману.

Любезнѣйшій Өедоръ Ивановичъ. Возвращаю вамъ ваши бумаги, Что дѣлать. Не удалось, ни у императрицы, ни у великихъ княженъ. Подождемъ до будущаго года. Авось будемъ счастливѣе. Вы между тѣмъ не дремлите, и если узнаете о какой ваканціи, то дайте знать немедленно. Теперь же рѣшительно нѣтъ ваканціи [5]). Жуковскій.

менника“ за 1837 годъ, въ началѣ тома, съ особою постраничною помѣтою римскими цифрами (I—XVIII).

[1]) Въ „Литературной Газетѣ“ 1830 года, № 13, былъ напечатанъ Пушкинымъ отрывокъ изъ его повѣсти „Арапъ Петра Великаго“ (изъ третьей главы) подъ заглавіемъ: „Ассамблея при Петрѣ I“.

[2]) „Современникъ“ въ 1837 г. выходилъ подъ такимъ заглавіемъ: „Современникъ. Литературный журналъ А. С. Пушкина, издаваемый по смерти его княземъ П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, княземъ В. Ө. Одоевскимъ, П. А. Плетневымъ и А. А. Краевскимъ“.

[3]) Княгинею Ольгою Степановною, рожденною Ланскою.

[4]) Михаила Ивановича, знаменитаго композитора.

[5]) На оборотѣ этой записки рукою библіографа В. И. Межова сдѣлана слѣдующая замѣтка: „Собственноручное письмо В. А. Жуковскаго къ Ф. И. Герману объ опредѣленіи Е. И. и В. И. Межовыхъ на казенный счетъ въ одно изъ учебныхъ заведеній. Впослѣдствіи Межовы были опредѣлены по ходатайству В. А. Жуковскаго, одинъ пансіонеромъ наслѣдника цесаревича, нынѣ царствующаго государя императора, въ Гатчинскій сиротскій институтъ, другая же пансіонеркою наслѣдницы цесаревны, нынѣ царствующей государыни императрицы въ С.-Петербургскій Воспитательный домъ.—В. Межовъ. 19 февр. 1868 года“.

IX.

Къ Өедору Петровичу Опочинину [1]).

11 ноября 1835.

Милостивый государь Өедоръ Петровичъ.

Посылаю вамъ того бѣдняка, о коемъ имѣлъ честь просить васъ лично. Вы меня истинно обяжете, оказавъ ему покровительство. Позвольте ему объясниться съ вашимъ превосходительствомъ. Не прошу васъ принять участіе въ жалкомъ его положеніи, ибо васъ не нужно просить быть добрымъ: вы это сами умѣете наилучшимъ образомъ.

Душевно преданный вамъ Жуковскій.

X.

Къ Ивану Михайловичу Снегиреву.

Четвергъ (7-го сентября 1839) [2]).

Я не могъ пріѣхать къ вамъ по обѣщанію, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ, ибо вмѣсто того, чтобъ гулять, занемогъ и вчера принималъ лекарства. Теперь опять здоровъ. Завтра, если что опять не помѣшаетъ и если погода будетъ благопріятная, пріѣду къ вамъ часовъ въ десять утра. Увѣдомьте, будете ли вы дома.

Преданный вамъ Жуковскій.

XI.

Къ неизвѣстнымъ лицамъ.

1.

Мая 15, 1820.

Милостивый государь Александръ Васильевичъ.

Пользуюсь вашимъ благосклоннымъ ко мнѣ расположеніемъ и честь имѣю представить вамъ самого Тимофея Ивановича Ляхова, о коемъ

[1]) Өедоръ Петровичъ Опочининъ (р. 1778†1852) былъ въ 1835 г. шталмейстеромъ высочайшаго двора и предсѣдателемъ частнаго собранія попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Петербургѣ. Впослѣдствіи онъ былъ оберъ-гофмейстеромъ и членомъ Государственнаго Совѣта.

[2]) На письмѣ рукою И. М. Снегирева сдѣлана помѣта: Сент. 7, 1839 г.

я просилъ васъ и которому вамъ угодно было обѣщать свое покровительство. Я бы непремѣнно самъ лично пріѣхалъ повторить вамъ свою просьбу, когда бы хлопоты отъѣзда не отняли у меня времени; по возвращеніи изъ Павловска буду имѣть честь явиться къ вамъ съ своею благодарностію, которую изъявляю здѣсь заранѣе, прося васъ вѣрить тому почтенію и той совершенной преданности, съ коими честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Василій Жуковскій.

P. S. Я не счелъ за нужное повторять въ письмѣ моемъ то, о чемъ я уже имѣлъ честь вамъ говорить. Ляховъ налицо, и онъ самъ объяснитъ вамъ все то, что до него касается.

2.

(1822 г.)

Никакъ не умѣю сказать вашему превосходительству, что стоитъ нѣмецкая ученая проказа; мой берлинскій корреспондентъ разсудилъ сохранить эту тайну про себя: вѣроятно не болѣе трехъ рублей 6 гривенъ, то есть одного талера; но такъ какъ удовольствіе услужить вамъ цѣню я въ 100.000 рублей, то не вы мой должникъ, а я еще остаюсь вамъ долженъ 99.996 рублей и 40 копеекъ, которые постараюсь заплатить, какъ скоро выиграю большой лотъ въ лотерею. Благодарю васъ за ваши дружескія заботы о моемъ Узникѣ [1]): ему нужно ваше покровительство, чтобы съ нѣкоторою благопристойностію выйти на свѣтъ изъ печальнаго заключенія. Ж.

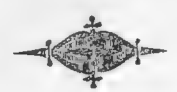
3.

Постараюсь исполнить ваше желаніе, но какъ скоро, не знаю, и ничего не могу обѣщать. Дождусь минуты вдохновенія. Ж.

4.

Доску вашу получилъ и постараюсь что-нибудь и какъ-нибудь на ней нацарапать. Важное NB: Дурнаго, то есть весьма дурнаго, не дамъ; полудурное съ Богомъ. Вамъ преданный Жуковскій.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

[1]) Переводъ „Шильонскаго узника“ вышелъ въ свѣтъ отдѣльною брошюрою въ 1822 году; цензурное дозволеніе помѣчено 14-мъ апрѣля.

Къ заботамъ администраціи Юго-Западнаго края о помѣщичьихъ крестьянахъ.

16-го ноября 1846 года главный начальникъ края пишетъ конфиденціально гг. начальникамъ губерній:

«Въ управляемыхъ мною губерніяхъ нерѣдко происходятъ несчастные случаи отъ наказанія помѣщичьихъ крестьянъ, въ особенности беременныхъ женщинъ.

«Какъ на подобные случаи постоянно обращено вниманіе государя императора, то я и вмѣняю себѣ въ обязанность покорнѣйше просить ваше превосходительство принять за правило, чтобы лица, кои будутъ изобличены слѣдствіемъ въ наказаніи крестьянъ, заболѣвшихъ или умершихъ послѣ того, немедленно были вызываемы изъ имѣній, коими они завѣдываютъ, въ уѣздный городъ, и содержались бы тамъ подъ арестомъ и подъ надзоромъ полиціи, смотря по важности павшихъ на нихъ обвиненій, впредь до окончанія производящихся о нихъ дѣлъ».

Сообщилъ **Алексѣй Мердеръ**.

Россія и папскій престолъ.

II [1]).

Побѣдоносное шествіе на Москву. 1605 г.

Соотношеніе военныхъ силъ.—Двѣ арміи Годунова.—Неумѣніе Мстиславскаго воспользоваться обстоятельствами.—Несвоевременное мщеніе.—Положеніе дѣлъ въ Рыльскѣ.—Приказъ Годунова.—Искусство Корелы.—Отзывъ Маржерета.—Впечатлѣніе, произведенное событіями въ Путивлѣ.—Монахи—убійцы. Обнаруженный заговоръ.—Возвращеніе къ первоначальному плану.—Димитрій ищетъ нравственной поддержки, въ Польшѣ.—Призывъ къ оружію казаковъ и татаръ.—Грандіозный планъ.—Ногайскіе татары принимаютъ сторону Димитрія.—Крымскіе татары.—Скрытая сила.—Смерть Годунова.—Различныя версіи лѣтописцевъ.—Слухи, переданные Мышковскимъ.—Присяга Ѳедору Годунову и его матери.—Басмановъ принимаетъ начальство надъ войскомъ.—Посланный въ лагерь подъ Кромы.—Раздоръ, вызванный присягой.—Военная хитрость поляковъ.—Басмановъ признаетъ Димитрія.—Армія Годунова слѣдуетъ его примѣру.—Депутація, прибывшая въ Путивль.—Хозяинъ положенія.—Аркудіусъ въ Краковѣ.—Свѣдѣнія, сообщенныя имъ Павлу V.—Откровенное признаніе виленскаго епископа.—Переговоры, веденные Димитріемъ.—Условія, предложенныя боярами.—Отъѣздъ изъ Путивля.—Восторгъ населенія.—Кромы.—Остановка полковыхъ священниковъ въ Орлѣ.—Тула.—Волненіе народа въ Москвѣ.—Посланцы Димитрія.—Его воззваніе.—Паденіе Годуновыхъ.—Гнусныя сцены.—Успѣхъ Димитрія.—Депутація, посланная въ Тулу.—Игнатій, архіепископъ рязанскій.—Смерть правительницы и царя Ѳеодора.—Различные разсказы объ этомъ событіи.—Ссылка патріарха Іова и двухъ архимандритовъ.—Свидѣтельство Арсенія.—Димитрій въ Серпуховѣ.—Въѣздъ въ Москву.—Остановка на Лобномъ мѣстѣ.—Посѣщеніе св. храмовъ.—Осужденіе и помилованіе Шуйскаго.

После пораженія при Добрыничахъ походъ на Москву былъ, собственно говоря, оконченъ; послѣ этого уже не было болѣе большихъ сраженій, происходили только отдѣльныя стычки и осады городовъ, не имѣвшія никакого значенія.

Соотношеніе силъ обѣихъ армій было таково: Димитрія окружали только остатки польскихъ эскадроновъ, небольшое число казаковъ и вновь испеченные солдаты изъ русскихъ

---

[1]) См. „Русск. Старину“ іюнь 1901 г.

крестьянъ. Несравненно значительнѣе были силы, коими располагалъ Годуновъ: къ его услугамъ были двѣ большія арміи, находившіяся на театрѣ военныхъ дѣйствій и готовыя вступить въ бой. Одна изъ нихъ, одержавшая побѣду при Добрыничахъ, оставалась подъ командою Мстиславскаго и Шуйскаго. Во главѣ другой находился Шереметевъ; она стояла лагеремъ въ окрестностяхъ Кромъ, готовясь къ осадѣ этой крѣпости. Несмотря на эти несомнѣнныя преимущества, положеніе Годунова сдѣлалось вскорѣ критическимъ: онъ побѣждалъ враговъ изъ плоти и крови, но душа народа ускользала отъ него.

Вначалѣ, царевичу пришлось только пользоваться промахами своихъ противниковъ. Князь Мстиславскій, вмѣсто того, чтобы нанести Димитрію рѣшительный ударъ, промедлилъ, занявшись осадою Рыльска. Эта крѣпость, одна изъ первыхъ перешедшая на сторону претендента, осталась вѣрна Димитрію, несмотря на испытанныя имъ неудачи; ея упорное сопротивленіе было равносильно громогласному признанію правъ новаго монарха. Другая, не менѣе крупная ошибка Годунова состояла въ томъ, что вся Комарницкая волость, помогавшая Димитрію, была предана огню и мечу и отдана на разграбленіе голоднымъ и разсвирѣпѣвшимъ солдатамъ; это жестокое возмедіе было на руку Димитрію; всѣ несчастные, коихъ преслѣдовали какъ дикихъ звѣрей, бѣжали, не надѣясь на прощеніе, и искали спасенія въ Путивлѣ, гдѣ ихъ ожидалъ радушный пріемъ. Съ другой стороны, казаки, шедшіе на Москву, убѣдили многіе города перейти открыто на сторону претендента. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, семь крѣпостей, предавшихся царевичу, отослали къ нему своихъ воеводъ, не хотѣвшихъ ему покориться, закованныхъ въ ручные кандалы. Одна изъ этихъ крѣпостей носила ненавистное для Димитрія названіе Борисгородъ и была съ царственной самоувѣренностью переименована въ Царьгородъ [1]).

Между тѣмъ какъ число приверженцевъ претендента возростало, армія Мстиславскаго понемногу таяла и распадалась. Эта тайна обнаружилась изъ перехваченныхъ писемъ къ Борису Годунову, которыя дышали глубокимъ уныніемъ. Подъ Рыльскомъ дѣла шли все хуже и хуже: не возможно было бороться противъ дезертирства, принявшаго эпидемическій характеръ; тѣхъ же, которые оставались подъ знаменами, нечѣмъ было кормить; продовольствіе войска было сопряжено съ неимовѣрными затрудненіями. Военное начальство, не находя средствъ помочь бѣдѣ, поговаривало о необходимости распустить армію. Послѣднее пораженіе, не предвѣщавшее ничего хорошаго, какъ бы оправдывало

[1]) Архивъ папскаго престола, IV, f. 58, 1605 г. 14-го апрѣля, письмо Димитрія къ Рангони.—Семь крѣпостей, упомянутыхъ въ этомъ письмѣ, суть: Воронежъ, Осколъ, Бѣлгородъ, Валуйки, Борисгородъ, Елецъ, Ливны.

этотъ совѣтъ. Мстиславскій пытался взять крѣпость приступомъ, но князь Долгорукій осыпалъ осаждающихъ такимъ градомъ ядеръ, что побѣдитель при Добрыничахъ счелъ нужнымъ отступить къ сѣверу и даже далѣе, дабы «не проливать христіанской крови» [1]), говоритъ лѣтопись.

Но Мстиславскому не долго пришлось отдыхать. Борисъ Годуновъ былъ выведенъ изъ терпѣнія неблагопріятными извѣстіями, доходившими до него со всѣхъ сторонъ; отступленіе Мстиславскаго привело его въ негодованіе; въ виду угрожавшей опасности, онъ не хотѣлъ дать отдыха войскамъ. Мстиславскому было послано приказаніе соединиться съ Шереметевымъ, который уже осаждалъ нѣкоторое время Кромы. Эта крѣпостца, съ деревянными стѣнами и башнями, окруженная болотами и тростниками, перешла на сторону Димитрія. Такъ какъ она имѣла весьма важное стратегическое значеніе, находясь на полупути отъ столицы и театра военныхъ дѣйствій, то Борису Годунову хотѣлось взять ее какъ можно скорѣе. До тѣхъ поръ пока она находилась въ рукахъ непріятеля, московская армія не могла идти на югъ и угрожать претенденту, такъ какъ она была бы разобщена съ центральными губерніями. Будучи въ рукахъ Годунова, она преградила бы претенденту путь къ Москвѣ чрезъ Калугу и вынудила бы его отступить на правый берегъ Оки, усѣянный крѣпостями. Такимъ образомъ противники самою силою вещей были вынуждены встрѣтиться подъ Кромами.

На сторонѣ осаждающихъ, послѣ соединенія обѣихъ армій, было преимущество ихъ численнаго превосходства. Кромѣ того въ ихъ распоряженіи находилось семьдесятъ орудій. Въ Кремлѣ придавали значеніе только цифрамъ и возлагали всѣ надежды на численность войска, забывая о томъ, что гарнизономъ Кромъ командовалъ атаманъ Корела, народный герой Донскаго войска; въ этомъ худощавомъ, на видъ невзрачномъ человѣкѣ было такъ много ума и отваги, что онъ пользовался среди казаковъ славою колдуна. Ему удалось пробраться въ крѣпость съ сильнымъ отрядомъ и, хотя онъ не располагалъ особыми средствами, но успѣлъ, съ помощью казаковъ и стрѣльцовъ, превратить Кромы въ короткое время въ неприступную крѣпость. Земля доставляла ему все необходимое: онъ извлекалъ изъ нея матеріалъ, изъ котораго возводились прикрытія, валы, траншеи, были вырыты рвы и подземныя галлереи. Подъ землею выросъ цѣлый городъ; хотя онъ былъ мраченъ и лишенъ свѣжаго воздуха, но представлялъ собою надежное убѣжище для осажденныхъ. Дикія дѣти степей вели въ немъ веселую жизнь,

---

[1]) Наше собраніе. Письмо ксендзовъ къ Стриверп отъ 17-го марта 1605 г.— Rome et Démétrius, стр. 204, № 4. — Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 62. — Платоновъ, Очерки, стр. 268 и сл.

обсуждали свои планы, не боясь быть застигнутыми врасплохъ непріятелемъ, который не посмѣлъ бы проникнуть въ эти подземелья, имѣвшія всего одинъ выходъ. Казаки, превосходные стрѣлки, часто дѣлали вылазки и всегда съ успѣхомъ.

Осаждающіе разъ десять или двѣнадцать рѣшались идти на приступъ, но всякій разъ были отбиты съ значительнымъ урономъ. Зрѣлище было въ высокой степени интересное: горсть храбрецовъ стѣсняла дѣйствія двухъ большихъ армій. Остроумный капитанъ Маржеретъ, осуждая бездѣйствіе московскихъ войскъ, говоритъ: они стояли подъ Кромами, «не дѣлая ничего другаго, какъ только заставляя смѣяться надъ собою».

Эта злополучная осада нигдѣ не произвела такого сильнаго впечатлѣнія, какъ въ мѣстѣ временнаго пребыванія претендента — въ Путивлѣ. Несмотря на понесенное имъ пораженіе, Сѣверское княжество было въ его рукахъ, Кромы были его аванъ-постомъ; жители Путивля оберегали его съ такою преданностію, что московская армія не могла не только напасть на него врасплохъ, но даже потревожить его спокойствіе, а между тѣмъ всѣ помыслы Годунова были направлены именно противъ личности претендента. Повелитель Кремля чувствовалъ, что существовавшая противъ него оппозиція воплотилась въ таинственной личности царевича, которому слѣдовало поэтому нанести рѣшительный ударъ. Годуновъ говорилъ это во всеуслышаніе, не скрывая своихъ желаній.

Но все же мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія говорить, будто покушеніе на жизнь Димитрія было произведено съ его вѣдома, какъ то утверждали поляки. Это случилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ половинѣ марта въ Путивлѣ появились три старыхъ монаха; они пріѣхали изъ Москвы и держали себя такъ странно, что были арестованы и заключены въ тюрьму. При обыскѣ у нихъ оказались зажигательнаго свойства письма, подписанныя Борисомъ Годуновымъ и патріархомъ Іовомъ. Царь обѣщалъ жителямъ Путивля полное и безусловное прощеніе, если они выдадутъ ему Димитрія живымъ или мертвымъ и перебьютъ поляковъ. Патріархъ изрекалъ противъ мнимаго царевича и его сторонниковъ грозныя проклятія. Монахамъ велѣно было распространить эти письма въ народѣ и составить въ тайнѣ заговоръ. Они были во-время арестованы, и одинъ изъ нихъ, будучи подвергнутъ пыткѣ, во всемъ сознался. Неудача этого плана принесла Димитрію косвеннымъ образомъ пользу; при обыскѣ, полицейскіе нашли у монаховъ въ сапогахъ конфиденціальныя письма, писанныя ими къ своимъ довѣрителямъ. Димитрій, говорилось въ этихъ письмахъ съ полной откровенностью, «есть истинный сынъ Іоанна IV; напрасно было бы вести борьбу

противъ его праваго дѣла». Это свидѣтельство, признанное нелицепріятнымъ, еще болѣе увеличило обаяніе царевича [1]).

Къ тому же, Димитрій съумѣлъ воспользоваться тѣмъ сравнительнымъ спокойствіемъ, какимъ онъ наслаждался въ Путивлѣ. Переживъ первый моментъ отчаянія, онъ ободрился и устремилъ вновь свои взоры на позолоченные куполы Кремля, имѣвшіе для него особую притягательную силу. Онъ занялся съ удвоенной энергіей военными приготовленіями и развитіемъ своихъ политическихъ плановъ. Его старанія не пропали даромъ; всѣ его дальнѣйшія дѣйствія отмѣчены единствомъ; видно, что они были направлены твердою рукою. Хотя Димитрій руководствовался указаніями, сдѣланными ему Сигизмундомъ, но въ первоначальномъ планѣ, составленномъ въ Брагинѣ [2]) и изложенномъ претендентомъ князю Вишневецкому, произошла весьма существенная перемѣна.

Живя въ Путивлѣ, царевичъ усердно поддерживалъ сношенія съ Польшей, писалъ письма воеводѣ Сендомірскому, членамъ семейства Мнишекъ, кардиналу Маціевскому, нунцію Рангони [3]); сообщалъ имъ о себѣ извѣстія, описывалъ свои успѣхи и неудачи и обращался къ нимъ съ просьбами о помощи. Бывшій черниговскій воевода, князь Татьевъ даже былъ посланъ въ Варшаву въ качествѣ представителя будущаго московскаго царя, но его благоразумно не допустили на сеймъ, и онъ не слышалъ брани, которой осыпали его монарха. Въ Польшѣ Димитрій искалъ главнымъ образомъ нравственной поддержки. Онъ убѣдился во время пребыванія въ Краковѣ, что для него было весьма важно поддержать добрыя отношенія съ польскимъ дворомъ и магнатами. Что касалось войска, то онъ понималъ, что онъ могъ найти солдатъ и въ иномъ мѣстѣ, при томъ за болѣе дешевую плату и болѣе сговорчивыхъ.

Сигизмундъ смотрѣлъ на дѣло иначе. Идти на Москву съ одними казаками и татарами было, какъ припомнимъ, по его словамъ, безумной, несбыточной мечтою; поэтому, находясь въ предѣлахъ польской республики, Димитрій заботился все время о томъ, чтобы имѣть въ рядахъ своего войска поляковъ. Но во время похода, большая часть этихъ буйныхъ волонтеровъ, обманутыхъ въ своихъ надеждахъ на легкую наживу, покинули его; было слишкомъ смѣло разсчитывать на то, что

---

[1]) Наше собраніе. Письмо ксендзовъ къ Стриверн отъ 17-го марта 1605 г. Rome et Démétrius, стр. 204, № 4.

[2]) Въ ст. Пирлинга кн. апрѣль, стр. 108 и 113, вмѣсто Брагинъ напечатано по ошибкѣ Брашмѣ.

[3]) Собр. гос. грам., т. II, стр. 196, № 87; стр. 198, № 88. Нѣмцевичъ, т. II, стр. 355. Архивъ папскаго престола IV, f. 58, 59, 64.

имъ на смѣну явятся другія лица. Слѣдовательно, Димитрію силою вещей пришлось вернуться къ той программѣ, которая подверглась столь строгой критикѣ въ Краковѣ; онъ развилъ ее до колоссальныхъ размѣровъ. Отъ степей Днѣпра и Дона до Уральскихъ горъ на востокѣ и до береговъ Чернаго моря на югѣ всѣ казаки и татары призывались имъ къ оружію; имъ было назначено собраться въ извѣстный, заранѣе намѣченный пунктъ. Организовавъ эту массу наемнаго войска, жаждавшаго добычи, Димитрій предполагалъ двинуть его на Москву, оставляя по пути гарнизоны и увеличивая свои силы волонтерами. Такимъ образомъ столица была бы окружена огромными силами и не имѣла бы возможности получить подкрѣпленій изъ провинціи. Таковъ былъ грандіозный и смѣлый планъ, составленный Димитріемъ; это выясняется изъ уцѣлѣвшихъ его писемъ и изъ хода дальнѣйшихъ событій [1]).

23-го марта были посланы тайные агенты въ бассейны Дона, Волги, Терека и Урала, и уже 30-го апрѣля Димитрію донесли о скоромъ прибытіи новыхъ войскъ.

Донскіе казаки не только сами отозвались на призывъ Димитрія, они оказали ему весьма существенную услугу, успѣвъ привлечь на его сторону ногайскихъ татаръ, могущественную орду, которую въ Кремлѣ считали преданной царю. Годуновъ хотѣлъ, чтобы эти татары кочевали между Чернымъ и Каспійскимъ морями и были подчинены одному главѣ, который былъ бы вассаломъ московскаго царя. Но онъ дѣйствовалъ неумѣло; лукавые кочевники перехитрили его. Димитрій и русскіе лѣтописцы обвиняютъ Годунова въ томъ, что онъ поддерживалъ раздоръ между татарами [2]).

Въ началѣ Борисъ имѣлъ виды на Истерека (Isterek), коего онъ хотѣлъ сдѣлать своимъ ленникомъ; онъ послалъ ему драгоцѣнную саблю и велѣлъ сказать, что это оружіе поразитъ враговъ Россіи или тѣхъ, кто не съумѣетъ имъ воспользоваться, но въ то же время, чтобы лучше обезпечить себя, онъ оказывалъ милости сопернику Истерека. Послѣдній, заподозрѣвъ измѣну и предчувствуя опасность, рѣшилъ упредить ее. Онъ перешелъ вмѣстѣ съ семьюдесятью другими князьями на сторону Димитрія, сблизился съ донскими казаками, пріѣхавшими къ нему для переговоровъ по этому поводу, присягнулъ Димитрію на вѣрную службу и предложилъ въ заложники своихъ собственныхъ дѣтей. Это было весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ для царевича, онъ велѣлъ передать Истереку свою живѣйшую благодарность и приказалъ ему выступить въ походъ въ началѣ весны.

---

[1]) Нижеслѣдующія подробности заимствованы изъ двухъ писемъ Димитрія къ Рангони отъ 14-го апрѣля и 13-го мая 1605 г. Архивъ папскаго престола, IV, f. 58, 59.

[2]) Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 40.

3-го мая насталъ чередъ крымскихъ татаръ; этому наемному войску были присланы подарки, коихъ оно, разумѣется, не ожидало изъ Путивля; это было прекрасное средство заручиться его содѣйствіемъ и заставить его признать права Димитрія на московскій престолъ.

Видя изумительную дѣятельность претендента, которая распространялась на столь отдаленныя мѣстности, видя, какое множество людей дѣйствовало въ его пользу, какими онъ располагалъ обширными средствами и какъ легко одерживалъ побѣды, испытываешь весьма понятное изумленіе и невольно задаешь себѣ рядъ вопросовъ, на которые нѣтъ возможности отвѣтить удовлетворительно. Во-первыхъ, кѣмъ былъ составленъ этотъ обширный, стройный, чисто русскій планъ, въ цѣломъ несомнѣнно выработанный человѣкомъ, который былъ посвященъ въ тайны кремлевской политики и зналъ основательно страну? Кто доставлялъ необходимыя деньги для содержанія всѣхъ этихъ людей, снаряженія посольствъ и организаціи войска? Какимъ образомъ, Димитрій, понеся пораженіе, могъ такъ быстро поправить свои дѣла? Откуда почерпнулъ онъ столь твердую увѣренность въ томъ, что онъ будетъ вскорѣ въ состояніи выступить въ походъ? Что дѣлала московская партія, нетерпѣніемъ которой съумѣли воспользоваться въ Краковѣ? Несомнѣнно, что, тотчасъ послѣ понесеннаго пораженія, пребываніе претендента въ Путивлѣ сдѣлалось началомъ его дальнѣйшихъ побѣдъ. Конечно, его противники сдѣлали рядъ ошибокъ, кои послужили ему на пользу; казаки, увлеченные общимъ водоворотомъ, завербовали ему приверженцевъ; но это еще не объясняетъ ни быстроты совершившейся перемѣны, ни единства, коимъ отмѣчены всѣ дальнѣйшія дѣйствія Димитрія. Не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ какой-то тайной силою, о которой мы только можемъ догадываться по достигнутымъ ею результатамъ.

Въ то время какъ Димитрій былъ окрыленъ надеждами, а его войска стягивались въ Ливны, Кремль понесъ невознаградимую утрату. 5-го мая въ Путивль прискакалъ изъ Москвы Аврамъ Бахметевъ съ предложеніемъ своихъ услугъ и съ извѣстіемъ о кончинѣ Годунова. Событіе это было чревато послѣдствіями. Въ этомъ никто не сомнѣвался. Претендентъ былъ внѣ себя отъ радости: его главнѣйшій врагъ исчезъ въ самый критическій для него моментъ, наканунѣ выступленія въ походъ [1]). Это было лучше всякой побѣды; Димитрій боялся только, какъ бы это извѣстіе не оказалось ложнымъ. Но это опасеніе вскорѣ разсѣялось: прибывшіе гонцы и плѣнные подтвердили вѣсть о кончинѣ Бориса; письма, полученныя изъ Ливенъ, отъ 9-го мая, разсѣяли послѣд-

[1]) Письмо Димитрія къ Рангони отъ 13-го мая 1605 г. Архивъ папскаго престола, IV, f. 59.

нее сомнѣніе. Ливенскій воевода описывалъ даже подробности печальнаго событія: 29-го апрѣля, во время аудіенціи, данной Борисомъ иностраннымъ посламъ, у него сдѣлалось сильное кровотеченіе; кровь полилась у него изъ рта, изъ носа, глазъ, ушей изо всѣхъ поръ; царь упалъ съ престола навзничь и нѣсколько часовъ спустя скончался. Едва успѣлъ пріѣхать патріархъ Іовъ и постричь умирающаго, по обычаю, въ монахи.

Скоропостижная кончина царя, само собою разумѣется, должна была вызвать подозрѣнія. Избавивъ Годунова отъ безвыходнаго и крайне тревожнаго положенія, она послужила на пользу Димитрію. Поэтому ее объясняли двояко: одни приписывали смерть Бориса яду, присланному изъ Путивля, другіе объясняли ее самоубійствомъ. Оффиціальный разсказъ объ этомъ событіи, который повторяли Димитрій, поляки, всѣ окружающіе претендента и всѣ русскіе лѣтописцы, вполнѣ согласуется съ сообщеніемъ ливенскаго воеводы; это было самое безобидное изо всѣхъ объясненій [1]).

Въ Краковѣ ожидали этой развязки. Объ этомъ свидѣтельствуетъ великій маршалъ польскаго двора, Сигизмундъ Мышковскій, присвоившій себѣ иностранный титулъ маркиза Мирова, который велъ дѣятельную переписку съ итальянскими князьями. За годъ передъ тѣмъ, именно 6-го января 1604 г., онъ писалъ кардиналу Альдобрандини и герцогу Мантуйскому, сообщая о смерти Годунова, какъ о событіи вполнѣ достовѣрномъ; и что удивительнѣе, онъ описывалъ даже подробности этого событія. По его словамъ, бояре учинили допросъ Димитрію, который находился тогда еще въ Польшѣ, и убѣдились въ томъ, что онъ былъ истинный сынъ Іоанна IV. Тогда въ Кремлѣ разыгралась трагическая сцена, бояре сообщили Борису Годунову о появленіи царевича; онъ отвѣчалъ имъ высокомѣрно и раздражительно: бояре не выдержали, выхватили сабли изъ ноженъ и умертвили того, кто въ ихъ глазахъ уже былъ не болѣе какъ бездѣльникъ и похититель престола [2]). Разумѣется, всѣ росказни, передаваемыя маркизомъ, были сущимъ вымысломъ, но для насъ имѣетъ значеніе источникъ, изъ котораго онѣ исходили, и дата, когда онѣ были сообщены. Если придворный сановникъ, имѣвшій доступъ въ интимный кругъ короля польскаго и принимавшій участіе въ политическихъ интригахъ, запомнилъ эти разсказы и передалъ ихъ своимъ иностраннымъ корреспондентамъ, значитъ, эти слухи дѣйствительно ходили въ Польшѣ и имѣли долю вѣроятія.

Какъ бы то ни было, теперь уже нѣтъ возможности согласовать эти

---

[1]) Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 64.

[2]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 112 f. 113. Мантуа, архивъ Gonzaga, Busta 559.

разнорѣчивые разсказы, но несомнѣнно, что внезапная кончина Бориса повергла его семейство и его приверженцевъ въ страшную тревогу и уныніе.

Послѣ него осталось двое несовершеннолѣтнихъ дѣтей, Ѳедоръ и Ксенія, изъ коихъ первому было всего шестнадцать лѣтъ.

Руководящая роль принадлежала ихъ матери, которая была объявлена правительницей. Ея имя вызывало въ народѣ рядъ прискорбныхъ воспоминаній. Марія Григорьевна была дочерью Малюты Скуратова, героя опричины и тѣлохранителя Іоанна Грознаго. Въ присягѣ, которая была принесена народомъ, имя правительницы упоминалось рядомъ съ именами ея дѣтей [1]). Такимъ образомъ самое сокровенное желаніе Годунова исполнилось: престолъ перешелъ къ его потомству. Суждено ли ему было сдѣлаться основателемъ династіи или только быть отцомъ прославленной жертвы? Могла ли эта наскоро созданная монархія устоять противъ бури и вынести борьбу съ путивльскимъ претендентомъ? Единственной защитницею престола была въ то время армія, стоявшая подъ Кромами; для того чтобы удержать эту армію въ повиновеніи, можно было разсчитывать только на одного человѣка. И этотъ человѣкъ измѣнилъ ей.

Первыя же мѣры, принятыя новымъ правительствомъ, показываютъ, что онѣ принимались съ полною надеждою на Петра Басманова, на его преданность, умѣніе вести войну и счастье. Онъ не поддался обольщенію претендента, спасъ Новгородъ-Сѣверскъ, праздновалъ побѣду въ Москвѣ и имѣлъ вліяніе на войско. Все это давало ему полное право на званіе главнокомандующаго арміей, коимъ онъ и былъ назначенъ. Ему и никому иному была ввѣрена честь знамени и участь династіи, ибо хотя онъ былъ подчиненъ князю Ростовскому, но это объяснялось только старшинствомъ послѣдняго въ чинѣ. Три воеводы: Мстиславскій, Василій и Дмитрій Шуйскіе, терявшіе попусту время подъ Кромами и позорившіе свою славу, были отозваны въ Москву въ первыхъ числахъ мая, на ихъ мѣсто отправились вновь назначенные предводители войска, въ сопровожденіи новгородскаго митрополита Исидора. Имъ было повелѣно прежде всего привести войско къ присягѣ, а затѣмъ предоставлялось дѣйствовать по ихъ собственному усмотрѣнію.

Прибывъ къ мѣсту своего назначенія, Басмановъ убѣдился, что выполнить возложенное на него порученіе было чрезвычайно трудно. Духъ войска былъ сильно поколебленъ. Его ряды порѣдѣли, вслѣдствіе дезертирства солдатъ, коихъ замѣнили неотесанными мужиками. Между осажденными и осаждающими установились тайныя сношенія. Они выполняли по предварительному уговору примѣрныя атаки и отступленія,

[1]) Собр. гос. грам., т. II, стр. 191, № 85.

при чемъ нѣкоторой опасности подвергались только тѣ, которые не были посвящены въ тайну. Невольно являлся вопросъ, не потворствовали ли этому въ тайнѣ сами воеводы, или по крайней мѣрѣ не относились ли они къ исполненію важнѣйшихъ своихъ обязанностей съ большимъ нерадѣніемъ.

Это вызвало раздоры среди войска. Подобно огню, тлѣющему подъ пепломъ, въ немъ давно уже таился духъ мятежа, который вспыхнулъ, по словамъ Ивана Голицына, во время принесенія присяги. Форма присяги, предложенная Басмановымъ, показалась солдатамъ подозрительною. До тѣхъ поръ Борисъ Гудуновъ и патріархъ Іовъ отождествляли Димитрія съ разстригою Гришкою Отрепьевымъ; теперь же, когда надобно было цѣловать крестъ, имя Гришки не было упомянуто; говорилось только о разбойникѣ, именующемъ себя Димитріемъ, царевичемъ Углицкимъ. Весьма вѣроятно, что въ Москвѣ этимъ хотѣли только избѣжать недоразумѣній, но подъ Кромами это умолчаніе, сдѣланное очевидно съ умысломъ, было принято за ловушку: «Такъ, претендентъ, говорили въ войскѣ, не Гришка Отрепьевъ; его не смѣютъ назвать этимъ именемъ или какъ-нибудь иначе; почему же ему не быть истиннымъ сыномъ Іоанна IV, спасшимся чудеснымъ образомъ отъ козней Годунова?» Это предположеніе казалось правдоподобнымъ; возбужденные умы охотно вѣрили ему, и когда дѣло дошло до присяги, то всѣ стали колебаться [1]).

Въ то же время военная хитрость, придуманная Запорскимъ, была причиною, что осаждающіе совершенно упали духомъ. Онъ подошелъ къ Кромамъ во главѣ сильнаго отряда поляковъ и казаковъ и съ самой Троицы старался найти удобный моментъ, чтобы ворваться въ крѣпость и присоединиться къ осажденнымъ. Не желая дѣйствовать силою, онъ прибѣгнулъ къ хитрости, пославъ по дорогѣ въ Кромы гонца съ письмами, въ коихъ осажденныхъ ободряли надеждою на скорую побѣду вслѣдствіе прибытія къ нимъ многочисленнаго подкрѣпленія. Гонцу было приказано доскакать какъ бы нечаянно до аванпостовъ осаждающей арміи и отдаться въ плѣнъ. Онъ ловко исполнилъ это опасное порученіе; его схватили, обыскали, прочли найденныя при немъ письма и подвергли пыткѣ; во время пытки онъ подтвердилъ тревожныя вѣсти. Тогда въ лагерѣ распространилась настоящая паника: хитрость удалась.

17-го мая разрѣшились наконецъ всѣ недоумѣнія. Въ этотъ день произошло нѣчто въ родѣ сраженія. Самъ Басмановъ, командовавшій

---

[1]) Архивъ папскаго престола, IV, f. 64, письмо Димитрія Мнишеку отъ 25-го мая 1605 г. То же письмо, на польскомъ языкѣ, отъ 24-го мая у Нѣмцевича, т. II, стр. 356. Формула присяги въ Собр. гос. грам., т. II, стр. 191, № 85.

арміей Годунова, погубилъ ее. Передъ началомъ сраженія или какъ только оно началось, онъ торжественно перешелъ на сторону Димитрія, провозгласилъ его законнымъ наслѣдникомъ престола, истиннымъ потомкомъ московскихъ царей и въ знакъ своей преданности цѣловалъ ему крестъ [1]). Было ли это условлено заранѣе или же эта сцена была разыграна неожиданно для Димитрія? Современники объ этомъ молчатъ. Они не обмолвились ни словомъ о переговорахъ, которые происходили вѣроятно между командующими обѣихъ армій. Несомнѣнно одно, что этотъ мирный исходъ вполнѣ соотвѣтствовалъ желаніямъ солдатъ. Всѣ были глубоко взволнованы. Бывшіе противники пожимали другъ другу руки: можно было подумать, что всѣ давно уже были на сторонѣ Димитрія и ожидали только условленнаго знака, чтобы заявить открыто свои чувства. Съ этой минуты въ Кромахъ было одно войско, и оно было всецѣло предано царевичу. Противъ этой поголовной измѣны протестовали только нѣсколько воеводъ, но и они были скоро образумлены. Одни изъ нихъ бѣжали, поспѣшивъ въ Москву съ извѣстіемъ о постигшемъ несчастіи, другіе были арестованы, связаны и отвезены въ Путивль, какъ преступники. Въ томъ числѣ былъ Иванъ Годуновъ, близкій родственникъ покойнаго Бориса. Онъ не унизился и въ несчастіи и, въ то время какъ иные пресмыкались у ногъ Димитрія, онъ не хотѣлъ преклониться передъ нимъ и въ наказаніе за это былъ заключенъ въ тюрьму.

Побратавшись подъ стѣнами Кромъ съ приверженцами Димитрія, армія Годунова хотѣла выразить свою преданность и покорность самому царевичу. Съ этою цѣлью, 22-го мая была послана въ Путивль многочисленная депутація съ княземъ Иваномъ Голицынымъ во главѣ [2]). Этотъ услужливый бояринъ держалъ себя въ этомъ случаѣ удивительно двулично; заявивъ себя преданнымъ слугою претендента, онъ не находилъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы поносить Бориса: по его увѣренію, армія, стоявшая подъ Кромами, была жертвою ошибки, ее нельзя было считать виновною, она была жестоко обманута и если бы не двусмысленная формула присяги, то войско все еще было бы слѣпо предано Годуновымъ. Но теперь все объяснилось, всѣ признали истиннаго царевича и будутъ на вѣки ему преданы. Не поскупившись на извиненія и обѣщанія и присягнувъ Димитрію, князь Голицынъ заявилъ о своемъ намѣреніи послать въ Москву довѣренныхъ людей, чтобы подготовить народъ, и умолялъ Димитрія немедленно отправиться въ Кремль и возложить на свою главу корону предковъ. Въ день своего

---

[1]) Наше собраніе, письмо Лавицкаго къ Стривери, отъ 15-го іюня 1605 г.
[2]) Наше собраніе, письмо Чижовскаго къ Стривери отъ 23-го мая 1605 г. Архивъ папскаго престола, IV, f. 64.

отреченія отъ православія Димитрій мечталъ въ будущемъ о коронѣ, теперь же московскій бояринъ предлагалъ ему эту корону отъ имени народа. Можно себѣ представить, что предложеніе было принято съ радостью.

Начиная съ мая мѣсяца, Димитрій былъ уже хозяиномъ положенія. Побѣда за побѣдою слѣдовали съ изумительною быстротою. Напрасно было бы доискиваться въ русскихъ лѣтописяхъ причины столь быстрыхъ успѣховъ: онѣ даютъ на это одинъ отвѣтъ. По ихъ словамъ, единственнымъ орудіемъ всего этого былъ Басмановъ: онъ предчувствовалъ неизбѣжную побѣду Димитрія, его поразило неосторожное слово, сказанное Семеномъ Годуновымъ, и онъ поспѣшилъ перейти на сторону болѣе сильнаго. Напрасно искать какого-либо объясненія въ письмахъ самого Димитрія: онъ разглагольствуетъ въ нихъ о казакахъ и татарахъ, но что касается его сношеній съ москвитянами, то объ этомъ онъ умалчивалъ. Всѣ предположенія и догадки имѣли бы смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы мы могли сослаться на какой-либо подлинный документъ. Изъ таковыхъ сохранился, насколько намъ извѣстно, всего одинъ документъ, да и тотъ не имѣетъ значенія первоисточника и служитъ только отголоскомъ взглядовъ нѣкоторыхъ именитыхъ бояръ.

Въ то время въ Польшѣ путешествовалъ нѣкто Петръ Аркудіусъ, бывшій воспитанникъ коллегіи св. Аѳанасія, уроженецъ острова Корфу. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ сопровождалъ въ Москву Льва Сапѣгу, съ цѣлью разыскать какія-то греческія рукописи, что впрочемъ ему не удалось. Аркудіусъ былъ у папы довѣреннымъ лицомъ по дѣламъ Восточной церкви. По пріѣздѣ въ Краковъ, онъ велъ продолжительныя бесѣды съ кардиналомъ Маціевскимъ и съ воеводою Мнишекъ, которые интересовались вопросомъ о возсоединеніи православныхъ христіанъ съ Римомъ. Рѣчь шла главнымъ образомъ о «русинахъ», но также и о москвитянахъ. Было упомянуто имя Димитрія; будущее церкви рисовалось въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ. Аркудіусъ предавался радужнымъ надеждамъ; онъ утверждалъ, что москвитяне легко могутъ возсоединиться съ латинской церковью, лишь бы имъ не навязывали латинскихъ обрядовъ, и что ихъ возсоединеніе будетъ прочнѣе, нежели у русиновъ; въ своемъ рвеніи онъ торопилъ папу Павла V подготовить многочисленныхъ работниковъ, чтобы собрать на нивѣ Господней эту жатву [1]). Съ этихъ поръ Аркудіусъ заинтересовался царевичемъ. Онъ собиралъ о немъ всевозможныя свѣдѣнія; документъ,

[1]) Римъ, архивъ Доріа, рукоп. Альдобрандини, письмо Аркудіуса папѣ Павлу V отъ 14-го августа 1605 г. и его же письмо къ кардиналу San Giorgio.

о которомъ мы упоминали выше, былъ сообщенъ ему епископомъ виленскимъ, Венедиктомъ Войною. Если вѣрить этому документу, то между царевичемъ и боярами происходили настоящіе переговоры и обѣими сторонами былъ заключенъ какъ бы настоящій договоръ: претенденту предлагали корону, но съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, сущность которыхъ сводилась къ слѣдующимъ пунктамъ:

Религія остается неприкосновенною. Димитрій будетъ пользоваться такою же неограниченною самодержавною властью, какою пользовался его отецъ.

Желательно однако, чтобы онъ даровалъ московитамъ права на подобіе тѣхъ, какими пользуются поляки.

Званіе сенатора (sic) не можетъ быть даваемо иностранцамъ, но имъ могутъ жаловаться движимыя и недвижимыя имущества.

Димитрій можетъ имѣть при дворѣ людей любой національности.

Иностранцы, которые будутъ служить ему, получаютъ право сооружать свои церкви, чтобы соблюдать правила своей вѣры.

Димитрій, занятый вопросомъ о магометанской вѣрѣ, со своей стороны, выговорилъ себѣ право заключать по своему благоусмотрѣнію союзы для борьбы противъ турокъ, но онъ не далъ никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній относительно правъ, какія хотѣли выговорить себѣ москвитяте, ограничившись обѣщаніемъ обратить серьезное вниманіе на этотъ вопросъ.

Все, что Аркудіусъ узналъ отъ Войны, было передано имъ кардиналу San Giorgio въ Римъ. Собирая эти свѣдѣнія, Петръ Аркудіусъ предпослалъ имъ свои замѣчанія, въ которыхъ говорилъ, что допущеніе ко двору иностранцевъ и разрѣшеніе строить церкви было условіе весьма благопріятное для католиковъ, коимъ открывался такимъ образомъ доступъ въ Московію, а разъ они туда проникнутъ, ихъ уже трудно будетъ выпроводить. Царевичу приписывались самыя благія намѣренія, отъ коихъ онъ впрочемъ не отказывался. По существу этотъ обоюдный договоръ, если только онъ былъ когда-либо заключенъ, былъ очень опасенъ для Димитрія, ибо хотя онъ и не отказывался отъ свободы дѣйствій, но онъ давалъ этимъ боярамъ въ руки оружіе противъ себя: послѣдніе со временемъ могли потребовать отъ него награды за свое усердіе.

Какую бы силу ни имѣли эти переговоры, во всякомъ случаѣ они происходили втайнѣ и не могли оказать непосредственнаго вліянія на народъ. Иное дѣло—торжественныя манифестаціи, происходившія подъ Кромами. Онѣ открыли претенденту путь въ Москву, передъ нимъ рисовалась картина погруженной въ отчаяніе столицы, обезумѣвшіе отъ ужаса соперники и ревностные защитники его дѣла. Отъѣздъ изъ Путивля былъ назначенъ на 25-е мая; между тѣмъ какъ Димитрій ѣхалъ

не спѣша, небольшими переходами, бояре приготовляли почву для его пріема въ столицѣ.

Эта военная прогулка продолжалась съ мѣсяцъ. Она служила для полковыхъ священниковъ неистощимымъ источникомъ удивленія [1]). Бывъ такъ недавно свидѣтелями прискорбной измѣны поляковъ, они не могли придти въ себя отъ изумленія при видѣ москвитянъ, приходившихъ въ неописанный восторгъ при одномъ извѣстіи о приближеніи Димитрія. Въ главныхъ пунктахъ его остановокъ воздвигались, какъ бы по волшебству, роскошныя палатки; горожане и крестьяне толпились на его пути, воеводы спѣшили ему на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью; у всѣхъ вырывался изъ глубины души восторженный кликъ въ честь возлюбленнаго царя, краснаго солнышка, истиннаго сына Іоанна IV. Казалось, будто чувство, долго сдерживаемое силою, сломивъ всѣ преграды, излилось, наконецъ, наружу. И природа участвовала во всеобщемъ ликованіи; яркое майское солнце проливало свои горячіе лучи на волнующуюся разодѣтую по-праздничному толпу татаръ, казаковъ, польскихъ всадниковъ, московскихъ дворянъ, которые торжественно везли въ Кремль послѣдняго отпрыска Рюрика.

Въ Кромахъ Димитрій распустилъ часть осаднаго войска, пославъ остальную часть подъ Орелъ, куда онъ отправился и самъ. Присмотрѣвшись ближе къ укрѣпленіямъ, возведеннымъ наскоро Корелою, полковые священники восторгались умомъ и изобрѣтательностью казацкаго атамана. Осаждающіе также имѣли все необходимое: прекрасно укрѣпленный лагерь, множество просторныхъ палатокъ, обиліе военныхъ орудій и снарядовъ. Можно было только удивляться, что они испытывали одни пораженія.

Дальнѣйшій походъ арміи пришлось совершить въ тропическую жару; земля пересохла, войско вздымало на своемъ пути цѣлыя облака пыли, къ этому присоединилось чрезвычайное утомленіе, такъ что оба іезуита заболѣли въ Орлѣ лихорадкою. Извѣщенный объ этомъ Димитрій выказалъ заболѣвшимъ нѣжную заботливость. Онъ поручилъ ихъ попеченію мѣстныхъ властей и щедро позаботился о неизбѣжныхъ при ихъ болѣзни расходахъ. По прошествіи четырехъ дней больные оправились отъ лихорадки и догнали главныя силы арміи въ Тулѣ, довольно значительномъ и хорошо укрѣпленномъ городѣ, всегда переполненномъ войскомъ, которое содержалось тамъ наготовѣ, чтобы идти въ походъ противъ татаръ. Въ числѣ жителей Тулы насчитывали до 700 поляковъ, взятыхъ въ плѣнъ во время войны и бывшихъ участниковъ походовъ Баторія. Они соревновали съ русскими въ желаніи оказать но-

[1]) Наше собраніе, дневникъ о. Лавицкаго, f. 25 v°; письмо Чижовскаго къ Стривери отъ 15-го іюня 1605 г. и письмо Лавицкаго къ нему же.

вому монарху восторженный пріемъ. Димитрій не уклонялся отъ оваціи, не запрещалъ привѣтствовать и провозглашать себя, разсылалъ всюду грамоты съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на престолъ, послалъ гонцовъ даже въ Сибирь съ присяжными листами, въ которыхъ говорилось, что священныя узы связуютъ страну съ царицею Мареою Θеодоровною и съ царемъ Димитріемъ Ивановичемъ [1]). Сочувствіе, которое выказывалъ ему народъ въ Москвѣ, оправдывало эту смѣлость.

Слухъ о побѣдахъ, такъ легко одержанныхъ Димитріемъ, проникъ въ столицу и повергъ правительство въ ужасъ и смятеніе. Пославъ Басманова въ Кромы, Годуновы лишились самой надежной своей поддержки; съ измѣною Басманова, они потеряли всю армію. Ихъ покинули неожиданно всѣ ихъ защитники, а когда мятежъ охватилъ провинцію, то имъ пришлось возложить всѣ надежды на Москву, или, лучше сказать, на одинъ Кремль, такъ какъ народъ не былъ на сторонѣ партіи, сгруппировавшейся вокругъ тогдашнихъ представителей власти. Очевидно, агенты, посланные княземъ Голицынымъ изъ Кромъ, не теряли времени даромъ. Обаяніе Димитрія возрастало по мѣрѣ того, какъ въ городѣ появлялись бѣглецы, которые были готовы признать его своимъ законнымъ царемъ.

Новое правительство дѣйствовало въ духѣ Бориса Годунова: виновные въ смутѣ были наказаны, нѣкоторые были осуждены даже на смертную казнь. Это показываетъ, что Годуновы не понимали всей опасности своего положенія и не съумѣли воспользоваться тѣми средствами, какія оно нредоставляло имъ. Но поколебленное правительство, которому угрожали со всѣхъ сторонъ опасность и измѣна, не могло уже заглушить голосъ народа потоками крови. Въ сущности, было только одно средство произвести поворотъ въ общественномъ мнѣніи: вдова Іоанна IV пережила драму, разыгравшуюся въ Угличѣ, ея показаніе могло имѣть неоспоримый вѣсъ; вопль матери могъ убѣдить народъ и упрочить власть Годуновыхъ. Потеряли ли они окончательно голову подъ вліяніемъ страха или ей не довѣряли, какъ бы то ни было, Годуновы не обратились за помощью къ этой женщинѣ, насильственно заключенной въ монастырь, и старались подавить мятежъ силою.

Въ то время какъ эти событія разыгрывались въ Москвѣ и къ оборонѣ города готовились довольно вяло, въ окрестностяхъ столицы, въ Красномъ Селѣ, появились 10-го іюня, двое посланныхъ Димитрія, Гаврило Пушкинъ и Наумъ Плещеевъ [2]). Они пріѣхали съ намѣреніемъ, на глазахъ у правительства, возмутить народъ, склонить его въ пользу претендента и распространить его грамату. Народъ, очевидно,

---

[1]) Собр. гос. грам., т. II, стр. 200—203, № 89, 90, 91.
[2]) Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 66.

подготовленный и подкупленный заблаговременно, принялъ ихъ радостно, торжественно сопровождалъ въ городъ, на лобное мѣсто, гдѣ быстро собралась огромная толпа, привлеченная звуками набата. Сторонники Годунова были уже безсильны, ихъ противодѣйствіе не имѣло значенія; несмотря на всѣ ихъ старанія, грамата Димитрія была тутъ же прочитана всенародно.

Составленная съ безподобнымъ искусствомъ, отмѣченная истинно царской умѣренностью, грамата была написана на имя трехъ бояръ: князя Ѳедора Мстиславскаго, Василія и Димитрія Шуйскихъ, т. е. тѣхъ трехъ воеводъ, которые скорѣе оберегали, нежели осаждали Кромы, и всѣхъ другихъ бояръ, дворянъ, чиновныхъ людей, купцовъ и гражданъ московскихъ. Главнымъ пунктомъ было обращеніе къ совѣсти народа, который присягалъ передъ Богомъ въ вѣрности Іоанну IV и его потомству, и Димитрій, именемъ Бога и этой клятвы, требовалъ возстановленія своихъ правъ, какъ прирожденный монархъ. Онъ не унизился до того, чтобы доказывать несомнѣнность своего происхожденія; народу было достаточно его слова; онъ былъ обязанъ своимъ чудеснымъ спасеніемъ Провидѣнію. Зато въ граматѣ не былъ пощаженъ Годуновъ, названный измѣнникомъ, тираномъ, похитителемъ престола. Что касалось остальнаго, то Димитрій готовъ былъ предать забвенію все случившееся въ предъидущее царствованіе и приписать все легковѣрію и невѣдѣнію народа; всѣмъ было обѣщано полное и безусловное прощеніе. У него была одна цѣль: возвратить престолъ своихъ предковъ, избѣгнувъ кровопролитія. Многіе города уже изъявили ему свою покорность, почему бы и остальнымъ не послѣдовать ихъ примѣру? Чтобы этотъ совѣтъ произвелъ большее впечатлѣніе, Димитрій заявлялъ, что онъ располагаетъ грозными силами, въ рядахъ его войска находятся русскіе, поляки, татары, къ нему со всѣхъ сторонъ подходятъ подкрѣпленія, которыя сосредоточиваются въ Воронежѣ, и это войско, подобно неудержимому потоку, наводнитъ страну; онъ не допуститъ въ Москву только нагайскихъ татаръ, чтобы они не разграбили городъ. Не такъ поступалъ Годуновъ, повелѣвшій предать сѣверскую землю разграбленію и перебить безъ разбора всѣхъ заподозрѣнныхъ въ мятежѣ. Въ заключеніе въ граматѣ говорилось, что въ царствованіе Димитрія будутъ процвѣтать миръ, благоденствіе и обиліе плодовъ земныхъ, сулились награды и милости каждому сословію въ отдѣльности, гнѣвъ Божій и царскій—въ случаѣ сопротивленія.

Слушая это посланіе, толпа заволновалась и стала неистовствовать.

Словно повинуясь какому-то тайному приказанію, она устремилась къ царскому дворцу и стала громко требовать низложенія Годуновыхъ. Молодой Ѳеодоръ, съ его матерью и сестрою, были самымъ грубымъ образомъ схвачены въ царственномъ жилищѣ и водворены въ ихъ

прежнемъ домѣ, къ которому была приставлена стража. Съ ихъ родственниками Вельяминовыми и Сабуровыми обошлись еще суровѣе: они были заключены въ темницы.

За уличными безпорядками послѣдовали оргіи и грабежи. Въ царскихъ погребахъ хранилось большое количество меда и разнаго рода винъ; герои дня были не прочь отпраздновать въ нихъ свою побѣду. Едва удалось спасти неприкосновенное казенное имущество; чернь удовлетворилась тѣмъ, что ею были разграблены дома нѣкоторыхъ бояръ и иностранцевъ. При этомъ происходили омерзительныя сцены: грабители выламывали двери, опустошали комнаты, забирали лошадей и скотъ, и устраивали разливное море изъ спиртныхъ напитковъ. Вышибленное дно бочки вызвало всеобщій восторгъ; спокойствіе водворилось въ городѣ только тогда, когда всѣ окончательно перепились [1]).

Этотъ день имѣлъ для Димитрія рѣшающее значеніе. Начало было сдѣлано; дальнѣйшія событія слѣдовали въ томъ же духѣ. Димитрій еще не тронулся изъ Тулы, его войско еще не двинулось съ мѣста, а жители Москвы уже присягали ему, посылали ему депутаціи; умоляли его пріѣхать въ свой добрый городъ Москву. Не менѣе усердія выказывали бояре и сановники. Всѣ соревновали другъ передъ другомъ въ желаніи выказать свое усердіе новому царю. Клялись всѣми святыми, что Димитрій есть прирожденный сынъ Іоанна IV.

Эти манифестаціи, казавшіяся вполнѣ добровольными, какъ нельзя лучше соотвѣтствовали планамъ Димитрія. Онъ имѣлъ возможность вступить въ столицу, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла; при такихъ обстоятельствахъ его возвращеніе было равносильно признанію его царственнаго происхожденія.

Вѣрный своему слову, предавъ забвенію прошлое, царевичъ никого не обвинялъ и принималъ всѣхъ пріѣзжавшихъ къ нему одинаково благосклонно. При немъ находился рязанскій архіепископъ Игнатій, который давалъ его новымъ подданнымъ «для цѣлованія крестъ» [2]). Родомъ грекъ, бывшій архіепископомъ въ Кипрѣ, онъ пріѣхалъ нѣкогда вмѣстѣ со своими соотечественниками, искать счастія въ Россіи; Борисъ Годуновъ наградилъ его епархіей. Когда въ Тулѣ его паства приняла сторону претендента, онъ поспѣшилъ послѣдовать ея примѣру, предложивъ Димитрію Ивановичу свои услуги и засвидѣтельствовавъ ему свое почтеніе.

Путь въ Москву для Димитрія отнынѣ былъ открытъ. Городъ былъ готовъ принять своего монарха. Если у него и были еще враги, то они скрывались, не смѣя показаться. Только нѣкоторыя лица внушали ему

[1]) Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 67.
[2]) Дмитріевскій, стр. 103.

безпокойство. Прежде всего являлся вопросъ о Годуновыхъ: что дѣлать со сверженной правительницей и съ царемъ, лишеннымъ престола? Оставить ихъ живыми было опасно, отправить на тотъ свѣтъ не было причины. Вдова Бориса, всѣми покинутая, пришла въ отчаяніе, приняла яду, дала яду своему сыну, и, 20-го іюня, они оба скончались, предоставивъ бѣдную Ксенію ея горькой участи.

Таковъ былъ, по словамъ приверженцевъ Димитрія, конецъ Годуновыхъ. Въ лѣтописяхъ это событіе описано иначе. Онѣ утверждаютъ, что изъ Тулы были посланы въ Москву оба князя Голицына и Масальскій, чтобы покончить съ Годуновыми. Они сослали родственниковъ Годунова и приказали задушить юнаго Θеодора и его мать. Что касается Ксеніи, то ее пощадили; какъ увидимъ, не къ счастію для нея [1]). Безъ сомнѣнія, внезапное исчезновеніе Годуновыхъ было весьма кстати для Димитрія; но съ его ли вѣдома были совершены эти убійства? Сдѣлано ли это по его приказанію, или онъ только не препятствовалъ совершить это другимъ? Далъ ли онъ кому-либо опредѣленныя приказанія или только намекомъ выразилъ свое желаніе? Надобно сознаться, что мы не имѣемъ данныхъ утверждать то или другое, хотя насильственная смерть этихъ жертвъ не подлежитъ сомнѣнію.

Личное участіе Димитрія болѣе замѣтно въ суровыхъ карахъ, постигшихъ нѣкоторыхъ лицъ изъ высшаго духовенства. Быть можетъ, имъ руководило при этомъ злопамятство бывшаго чернеца, но несомнѣнно, что при этомъ также играли роль политическія соображенія, необходимость быть осторожнымъ и желаніе охранить свое царское достоинство.

Патріархъ, всецѣло преданный Годунову, такъ недавно предававшій Димитрія проклятію, не могъ появляться при дворѣ монарха, котораго онъ много разъ проклиналъ и которому угрожалъ муками ада; разумѣется, Димитрій не могъ терпѣть его подлѣ себя. Лица, посланныя къ патріарху Іову Димитріемъ, объявили ему о лишеніи его патріаршаго сана; съ него сняли патріаршее облаченіе, одѣли на него грубую власяницу и заточили въ Старицкій монастырь. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ всѣми современниками; побужденіе, руководившее при этомъ Димитріемъ, вполнѣ понятно. Болѣе загадочна была кара, постигшая въ то же время архимандритовъ Варлаама и Василія. Они были смѣщены и должны были отправиться въ ссылку. Въ чемъ же ихъ обвиняли? Почему они не могли оставаться во главѣ своихъ монастырей? Арсеній, архіепископъ элассунскій, у котораго мы заимствуемъ

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 499, письмо Чижовскаго Савицкому отъ 17-го августа 1605 г. Дмитріевскій, стр. 99. Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 69.

вышеупомянутое свѣдѣніе, не объясняетъ этого; но его свидѣтельству нельзя не довѣрять. По занимаемому имъ положенію онъ могъ быть хорошо освѣдомленъ. Уроженецъ Ѳессаліи, онъ сопровождалъ нѣкогда Іеремію II въ Москву; при немъ былъ утвержденъ въ Кремлѣ патріаршій престолъ, и онъ поселился навсегда среди гостепріимныхъ русскихъ людей, въ чемъ ему не пришлось впрочемъ раскаяться. Онъ былъ назначенъ настоятелемъ Архангельскаго собора; занимая эту высокую должность, онъ находился постоянно въ сношеніи съ дворомъ и съ высшими сферами. Онъ говоритъ обо всемъ, какъ очевидецъ, и мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія заподозрить его въ неискренности [1]).

Въ то время какъ принимались всѣ эти мѣры, армія выступила 24-го іюня изъ Тулы и двинулась къ столицѣ; мѣстное населеніе встрѣчало ее повсюду съ восторгомъ, который возросталъ по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ. Въ Серпуховѣ палатки, разбитыя для царя, возбудили особенное удивленіе поляковъ. Обширныя, роскошно убранныя, украшенныя башнями, снабженныя массивными дверями, онѣ походили на маленькія крѣпостцы. Внутри стѣны были покрыты обоями. Особенно изящнымъ убранствомъ отличалась столовая. Димитрій могъ угощать за своимъ столомъ многочисленныхъ приглашенныхъ. Бояре позаботились объ этомъ, пославъ ему поваровъ, кухонную прислугу и съѣстные припасы въ изобиліи.

Торжественный въѣздъ въ Москву состоялся 30-го іюня; погода была великолѣпная, чисто лѣтняя. Древняя столица русскихъ царей радостно встрѣчала царевича; о Годуновыхъ никто не сожалѣлъ, всѣ симпатіи народа были на сторонѣ героя дня. Загудѣли церковные колокола; ихъ радостный звонъ возвѣстилъ о приближеніи царскаго поѣзда. Какая смѣсь одеждъ, какое разнообразіе лицъ и типовъ! Подъ звуки военной музыки, шествіе открывали семьсотъ поляковъ, съ воинственнымъ видомъ, въ блестящихъ доспѣхахъ; это были остатки арміи, сформированной для похода въ Москву. За ними шли стрѣльцы въ красныхъ съ золотомъ кафтанахъ, московская конница съ барабанами и трубами. Ихъ сомкнутые ряды прерывались запряженными шестеркою парадными каретами и иноходцами въ роскошныхъ попонахъ. Далѣе потянулась длинная вереница духовенства: архіепископы, епископы, священники, архимандриты шли въ полномъ облаченіи, каждый неся въ рукахъ икону или евангеліе. Почетное мѣсто занималъ архіепископъ рязанскій Игнатій, окруженный четырьмя священниками. Но всеобщее вниманіе было сосредоточено на Димитріи; его появленіе

---

[1]) Дмитріевскій, стр. 100. Среди поляковъ ходилъ слухъ, будто Іовъ призналъ Димитрія. Наше собраніе, письмо Лавицкаго къ Стривери, отъ 15-го іюня 1605 г. Дневникъ о. Лавицкаго, f. 25 v⁰. Боржа, 397.

вызвало у толпы восторженные клики и потоки слезъ. Кто посмѣлъ бы въ этотъ моментъ назвать его искателемъ приключеній? Страна привѣтствовала его единогласно, принесла ему повинную и считала его своимъ монархомъ. Всѣ признали въ немъ царевича, истиннаго потомка св. Владиміра, сосланнаго нѣкогда въ Угличъ и чудесно спасшагося отъ смерти. Развѣ это не былъ дѣйствительно царь всея Россіи, этотъ человѣкъ, ѣхавшій во дворецъ своихъ предковъ, подъ эгидою православнаго духовенства, окруженный любовью народа?

Остановившись на короткое время, по обычаю, на лобномъ мѣстѣ, съ котораго нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были провозглашены его права на престолъ, царевичъ долженъ былъ по принятому обычаю посѣтить прежде всего три главныя Кремлевскія святыни. Набожный православный народъ видѣлъ, какъ царь благоговѣйно преклонилъ колѣна передъ иконами въ Успенскомъ соборѣ, какъ онъ оросилъ слезами въ Архангельскомъ соборѣ могилы Іоанна IV и Ѳеодора Іоанновича. Тѣло Бориса Годунова покоилось въ томъ же священномъ мѣстѣ. Движимый нѣжнымъ, сыновнимъ чувствомъ, Димитрій повелѣлъ вынести его изъ усыпальницы царей и предать землѣ внѣ Кремлевскихъ стѣнъ. Въ Успенскомъ соборѣ протопопъ Терентій привѣтствовалъ «самодержца всея Россіи» витіеватою рѣчью; этотъ даровитый проповѣдникъ превзошелъ этотъ разъ самого себя, превознося Димитрія. Его устами говорила вся Москва, въ его рѣчи вылилось радостное чувство, одушевлявшее въ тотъ день всѣхъ и каждаго. Отправляясь во дворецъ, Димитрій не хотѣлъ проѣхать мимо дома Годуновыхъ, который онъ приказалъ немедленно разрушить. Такимъ образомъ исчезли послѣдніе слѣды ихъ кратковременнаго величія [1]). Но можно ли было положиться на чувства народа; могъ ли новый обитатель Кремлевскихъ палатъ чувствовать себя въ нихъ въ полной безопасности?

Едва не на слѣдующій день послѣ торжественнаго въѣзда въ Москву, былъ обнаруженъ заговоръ, напомнившій Димитрію столь несвоевременно о суровой дѣйствительности. Никто не посмѣлъ бы открыто идти противъ восторженной толпы; измѣнникъ дѣйствовалъ въ тайнѣ, но онъ былъ вскорѣ обнаруженъ. Это событіе представляется въ высшей степени таинственнымъ. Главное дѣйствующее въ немъ лицо—Василій Шуйскій, настоящій сфинксъ древней Москвы. Онъ служилъ Годунову, призналъ Димитрія и, будучи помилованъ имъ, тотчасъ принялся снова за происки. Отецъ Андрей, въ письмѣ отъ 14-го іюля, обвиняетъ его довольно туманно въ томъ, что онъ распространялъ противъ царя

[1]) Дмитріевскій, стр. 100. Кіампи, т. I, стр. 227. Наше собраніе, дневникъ о. Лавицкаго, т. 26; письмо Лавицкаго къ Аквавивѣ, отъ 21-го сентября 1605 г.; Акты арх. эксп., т. II, стр. 383, № 224.

злонамѣренно клевету, говорилъ, будто Димитрій былъ только орудіемъ въ рукахъ поляковъ и іезуитовъ, что онъ врагъ православной вѣры и намѣренъ уничтожить православныя церкви. Другія лица высказывали опредѣленнѣе, въ чемъ именно заключалось преступленіе Шуйскаго: по ихъ словамъ, онъ говорилъ прямо, что Димитрій не сынъ Іоанна IV, а разстрига Гришка Отрепьевъ. Во всякомъ случаѣ, вопросы, затронутые княземъ Василіемъ, несомнѣнно, были первостепенной важности, такъ какъ Димитрій счелъ необходимымъ предложить ихъ немедленно на обсужденіе сановитыхъ бояръ.

Это происходило въ первыхъ числахъ іюля, тотчасъ послѣ его торжественнаго въѣзда въ Москву и наканунѣ коронованія. Слѣдовательно, Шуйскій старался помѣшать утвержденію на престолѣ новаго монарха; какъ знать, кѣмъ мечталъ замѣнить его будущій кандидатъ на московскій престолъ? 9-го іюля (н. ст.) епископы и бояре были созваны въ чрезвычайное засѣданіе для разсмотрѣнія вины Шуйскаго. Царь самъ обратился къ собору съ замѣчательною рѣчью, въ которой всѣ обвиненія Шуйскаго были разбиты въ пухъ и прахъ; приговоръ судей былъ такъ единодушенъ, что виновный былъ приговоренъ къ смертной казни. Димитрій утвердилъ этотъ приговоръ, отложивъ его исполненіе до слѣдующаго дня.

10-го іюля все было приготовлено для казни; безчисленная толпа собралась взглянуть на печальное зрѣлище. Шуйскій готовился уже положить голову на плаху, и палачъ взмахнулъ уже топоромъ, какъ вдругъ осужденному было объявлено отъ имени царя помилованіе. Чѣмъ была вызвана эта неожиданная перемѣна? Было ли это помилованіе слѣдствіемъ внезапнаго, великодушнаго порыва, или же оно было вызвано политической необходимостью или простымъ разсчетомъ? Это трудно рѣшить. Но если царь разсчитывалъ на признательность Шуйскаго, то онъ жестоко ошибся; измѣна дѣлала свое дѣло [1]).

Проявивъ милосердіе, Димитрій хотѣлъ какъ можно скорѣе ознаменовать начало своего царствованія знакомъ своей сыновней преданности, мνропомазаться и короноваться царскою короною. Москва ожидала этихъ празднествъ.

---

[1]) Наше собраніе, письмо Лавицкаго къ Стриверн, отъ 14-го іюля 1605 г. Сокращенный итальянскій переводъ у Кіампи, т. I, стр. 227. Русск. ист. библ., т. XIII, собр. 51. Нѣмоевскій, стр. 115. Платоновъ, очерки, стр. 287.

*

КНИГА III.

АПОГЕЙ СЛАВЫ.

I.

Коронованіе Димитрія 1605 г. 31-го іюля.

Высшая точка эпопеи. — Мать Димитрія.— Онъ требуетъ, чтобы она засвидѣтельствовала о немъ. — Встрѣча съ сыномъ. — Всѣ растроганы ихъ свиданіемъ.— Въѣздъ въ Москву.—Возвращеніе ссыльныхъ.—Нагіе и Романовы.— Приготовленія къ коронованію.—Умалчиваніе объ исповѣди. — Via sacra. — Рѣчь Димитрія.—Верхъ апоѳеоза.—Въ Архангельскомъ соборѣ. — Лучъ древней славы. — Литургія въ Успенскомъ соборѣ. — Критическій моментъ. — Пріемъ въ Кремлѣ.—Рѣчь о. Николая.—Откровенность Димитрія. — Посланіе патріарха Игнатія.

Торжественный въѣздъ въ Москву былъ кульминаціоннымъ пунктомъ въ эпопеѣ Димитрія; онъ могъ послѣ этого въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ предаваться упоенію успѣха своего фантастичнаго приключенія.

Непріятный случай съ Шуйскимъ былъ вскорѣ позабытъ; толпу волновало другое событіе: въ Москву ожидали царицу. Она была пострижена въ Никольскомъ монастырѣ и приняла въ монашествѣ имя Мароы; объ ея дальнѣйшемъ пребываніи въ монастырѣ, который былъ такъ же безмолвенъ, какъ могила, не было ничего извѣстно. Долголѣтняя жизнь въ монастырскихъ стѣнахъ не изгладила изъ ея памяти воспоминаній прошлаго. Драма, разыгравшаяся въ Угличѣ, произошла на ея глазахъ; она сжимала въ своихъ рукахъ окровавленную жертву; могло ли материнское чувство обмануть ее? До тѣхъ поръ она хранила упорное молчаніе, затаивъ чувства глубоко въ своемъ сердцѣ. Говорили, будто Борисъ Годуновъ велъ съ нею какіе-то таинственные переговоры въ то время, какъ народъ былъ взволнованъ появленіемъ претендента; но въ глазахъ толпы ея авторитетъ былъ неприкосновененъ: ее никто ни о чемъ не спрашивалъ, и она еще не высказалась. Димитрій смѣло обратился къ Мароѣ съ просьбою сказать свое рѣшающее слово, онъ хотѣлъ, чтобы ее слышала вся Москва.

Рѣчь была за матерью. Но могла ли эта несчастная женщина сказать правду? Хватило ли бы у нея смѣлости сказать то, что она думала? Признать Димитрія истиннымъ сыномъ Іоанна IV — значило открыть себѣ путь къ благополучію и счастію; отвергнуть его, какъ презрѣннаго лгуна и обманщика, было равносильно подвергнуть себя страшной мести. Если только Мароа не впала въ полную апатію, то она не могла быть безпристрастной. Ея враги утверждаютъ, что для того, чтобы за-

ручиться ея содѣйствіемъ, были пущены въ ходъ угрозы и обѣщанія. Ставка, за которую шла борьба, вполнѣ стоила этого. Но если по этому поводу совѣщались заранѣе, то объ этихъ переговорахъ не сохранилось ни малѣйшаго слѣда.

Намъ извѣстна только внѣшняя обстановка этого событія и нѣкоторыя подробности. Толпа не вдавалась въ тонкія соображенія. Она видѣла въ Мароѣ только мать, и приговоръ матери имѣлъ для нея рѣшающее значеніе.

Все было обставлено такъ, чтобы возбудить умиленіе и восторгъ народа. Въ концѣ іюля, Димитрій отправился въ с. Тайнинское на встрѣчу Мароѣ, ѣхавшей въ Москву. По словамъ Лавицкаго, ихъ встрѣча произошла въ полѣ. Свидѣтелями этой сцены были русскіе и поляки, стекшіеся со всѣхъ сторонъ. Встрѣча произошла просто и умилительно, въ ней не было ничего неестественнаго. Встрѣтившись, Мароа и Димитрій заплакали, сынъ бросился къ ногамъ матери, мать обняла сына; казалось, они оба возродились къ новой жизни. Впечатлѣніе, произведенное ими на всѣхъ, было самое благопріятное. Если это была только комедія, то надобно сознаться, что ея участники въ совершенствѣ разыграли свою роль. Толпа была растрогана, увидавъ Димитрія, шедшаго съ непокрытой головою возлѣ кареты, въ которой ѣхала его мать. Сыновняя любовь проявлялась, говорили очевидцы, помимо его воли; только она и могла внушить такое нѣжное вниманіе. Настала ночь; пришлось сдѣлать остановку. Димитрій долго бесѣдовалъ съ матерью. Ихъ слезы, слезы радости, были краснорѣчивѣе всѣхъ словъ.

Въѣздъ въ Москву совершился на слѣдующій день, 28-го іюля, при звонѣ колоколовъ и несмѣтномъ стеченіи народа. Димитрій ѣхалъ верхомъ возлѣ кареты царицы Мароы. Когда онъ появился въ Кремлѣ, въ народѣ пронесся шепотъ одобренія. Восторгъ народа усилился, когда царь прослѣдовалъ съ матерью въ Успенскій соборъ поклониться св. иконамъ и принести благодареніе Богу. Жители Москвы были умилены этимъ зрѣлищемъ. Никто изъ царей не выказывалъ своей матери такого почтенія; тутъ заговорилъ, очевидно, голосъ крови, природа предъявила свои права, въ этомъ не могло быть сомнѣнія. Димитрій поддерживалъ умы въ этомъ настроеніи, окружая все время царицу самой почтительной нѣжностью. Въ Вознесенскомъ монастырѣ было приготовлено для нея роскошно обставленное помѣщеніе; ей прислуживало множество слугъ. Къ великому назиданію набожныхъ православныхъ христіанъ, Димитрій посѣщалъ свою мать чуть не ежедневно [1]).

---

[1]) Наше собраніе, Дневникъ о. Лавицкаго, f. 27. — Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 499, письмо Чижовскаго къ Савицкому отъ 17-го августа 1605 г. и Лавицкаго къ Аквавивѣ отъ 21-го сентября.—Рус. Лѣт. т. VIII, стр. 71.

Съ возвращеніемъ царицы Марѳы участь многихъ лицъ должна была измѣниться. Прежде всего это отразилось, разумѣется, на Нагихъ. Въ Москвѣ появились дяди и три брата царицы, возвращенные изъ ссылки. Послѣдніе увидѣли въ царскомъ дворцѣ здравымъ и невредимымъ племянника, убіеніе котораго въ Угличѣ они засвидѣтельствовали по крайней мѣрѣ оффиціально, и ничто не указываетъ, что они были этимъ сколько-нибудь смущены. Романовы возвратились въ Кремль, какъ побѣдители, и были осыпаны знаками вниманія и предупредительности. Въ столицу былъ привезенъ даже прахъ тѣхъ лицъ, кои скончались въ ссылкѣ. Самый выдающійся членъ этой семьи, бояринъ Ѳедоръ Никитичъ, въ монашествѣ Филаретъ, какъ видно, ожидалъ уже съ нѣкоторыхъ поръ перемѣны своей судьбы [1]).

Живя подъ строгимъ надзоромъ въ монастырѣ, въ которомъ былъ заточенъ, онъ сталъ держать себя вдругъ совершенно иначе: монахъ сталъ интересоваться исключительно свѣтскими дѣлами, бесѣдовалъ о соколиной охотѣ, о собакахъ, лошадяхъ, говорилъ объ отомщеніи и вмѣсто того, чтобы благочестиво распѣвать псалмы, весело болталъ о разныхъ мірскихъ предметахъ. Какъ разъ въ это время появился на горизонтѣ Димитрій; этимъ совпаденіемъ объяснилась впослѣдствіи перемѣна, происшедшая въ Филаретѣ. Нѣкоторыя другія боярскія фамиліи, подвергшіяся преслѣдованію Годунова, заняли свои прежнія мѣста въ Кремлѣ и были возстановлены въ своихъ правахъ. Великому торжеству предшествовала реакція, послужившая многимъ ко благу.

31-го іюля, три дня спустя послѣ пріѣзда царицы, совершилось коронованіе и мѵропомазаніе Димитрія, увѣнчавшее его сокровенныя желанія и придавшее ему въ глазахъ народа ни съ чѣмъ не сравнимое обаяніе. Было весьма важно, чтобы Москва вошла, какъ можно скорѣе, въ свое обычное состояніе, чтобы потомокъ св. Владиміра былъ законнымъ образомъ признанъ церковью. Московскій царь призывалъ образъ византійскаго базилевса, окруженный сверхъестественнымъ сіяніемъ. Подобно восточному цезарю, онъ получилъ свою власть отъ Вседержителя вселенной, поэтому передача этой власти должна была быть обставлена ослѣпительнымъ блескомъ. Такимъ образомъ между царемъ и его подданными, между избранникомъ свыше и православными христіанами, могли возникнуть священныя узы.

Накануне великаго дня коронованія, новообращенный католикъ долженъ былъ приготовиться къ предстоящему таинству. Въ то время, когда ему приходилось преодолѣвать трудности военнаго времени, онъ обѣщалъ полковымъ священникамъ, въ порывѣ искренняго благочестія, исповѣдаться у нихъ наканунѣ коронованія. Отецъ Андрей ставитъ ему

---

[1]) Акты ист., стр. 64, № 54.

это желаніе въ заслугу, но, къ сожалѣнію, не распространяется по поводу этого обстоятельства [1]).

Исповѣдываться — еще куда ни шло, это можно было сдѣлать въ тайнѣ, но какъ было поступить относительно св. Причастія? Это таинство входило въ церемоніалъ коронованія; это ставило царя, принявшаго въ тайнѣ католическою вѣру, въ весьма затруднительное положеніе. Рѣшится ли онъ принять Причастіе изъ рукъ православнаго патріарха? Посмѣетъ ли онъ уклониться отъ этого исконнаго обычая? Димитрій высказалъ свои сомнѣнія Рангони на другой же день послѣ своего отреченія отъ православія; Рангони писалъ объ этомъ въ Римъ, но изъ Рима не спѣшили отвѣтомъ, хотя съ тѣхъ поръ прошелъ уже цѣлый годъ. Это молчаніе видимо не смущало Димитрія. Сколько намъ извѣстно, онъ не возобновлялъ своей просьбы и не настаивалъ на скорѣйшемъ разрѣшеніи его недоумѣнія. Увѣренность не измѣняла ему.

Успенскій соборъ пользовался въ Москвѣ тѣмъ же преимуществомъ, какъ Реймскій соборъ во Франціи. Въ немъ должно было совершиться, по установленному издревле обряду, священное коронованіе царя. Всѣ знатнѣйшіе бояре должны были исполнять во время этого обряда извѣстныя обязанности; для того чтобы придать церемоніалу болѣе торжественный характеръ, поспѣшили избраніемъ новаго патріарха. Въ этотъ санъ былъ возведенъ архіепископъ рязанскій Игнатій. Димитрій рѣшилъ извлечь всевозможную для себя пользу изъ этого историческаго дня.

Онъ шелъ въ соборъ во главѣ процессіи, облаченный въ порфиру, сверкавшую драгоцѣнными камнями, попирая ногами малиноваго цвѣта бархатный коверъ, затканный золотомъ. Впереди царя шелъ священникъ, крестообразно кропившій святою водою эту via sacra. Приблизившись къ алтарю, Димитрій позволилъ себѣ отступить отъ установленнаго обряда. Онъ произнесъ рѣчь, разсказалъ всю свою исторію, свое происхожденіе, испытанныя имъ несчастія и свое чудесное спасеніе... Его рѣчь, выслушанная присутствующими въ безмолвномъ молчаніи, звучала все болѣе и болѣе правдиво. По словамъ полковыхъ священниковъ, въ храмѣ было пролито не мало слезъ; хотя, быть можетъ, онѣ текли не такъ обильно, какъ говорятъ, но не подлежитъ однако же сомнѣнію, что рѣчь, произнесенная Димитріемъ, не вызвала никакого возраженія: его считали достойнымъ короны.

Настала очередь патріарха Игнатія. Онъ произнесъ установленныя молитвы, мνропомазалъ Димитрія, подалъ ему знаки царскаго достоинства, корону Іоанна IV, скипетръ, державу и возвелъ его на престолъ Іоанна, Василія и Владиміра. Тогда высшіе сановники государства,

---

[1]) Наше собраніе, дневникъ о. Лавицкаго, f. 29.

и въ числѣ ихъ патріархъ, прошли одинъ за другимъ передъ царемъ и, склонивъ голову, цѣловали его руку, помазанную священнымъ елеемъ. Выше этого не могло быть почестей. Цвѣтъ русскаго народа добровольно склонялъ главу передъ Димитріемъ и провозгласилъ его передъ Богомъ и людьми, въ самомъ сердцѣ Россіи, подъ сводами высоко чтимаго храма по своему собственному желанію царемъ и великимъ княземъ всея Руси. Можно ли было болѣе блистательнымъ образомъ опровергнуть клеветниковъ? Противъ этого всенароднаго рѣшенія нельзя было ничего возразить, иначе пришлось бы признать, что вся Россія заблуждалась, и что она всѣхъ обманула, предложивъ корону искателю приключеній. Димитрію было важно упрочить свою связь съ прошлымъ, призвать великія тѣни своихъ предковъ и поручить себя ихъ покровительству. Подобнаго рода манифестаціи были умѣстнѣе всего въ усыпальницѣ царей. Вѣрный древнему обычаю, Димитрій, тотчасъ послѣ коронованія, отправился въ Архангельскій соборъ и палъ ницъ передъ гробницами великихъ князей, царей Іоанна IV и Ѳеодора Іоанновича. Послѣ коронованія всѣ цари имѣли обыкновеніе поклоняться праху своихъ предковъ; Димитрій исполнилъ сверхъ этого еще одинъ маленькій обрядъ. У алтаря, въ придѣлѣ св. Іоанна Климакскаго, его ожидалъ архіепископъ Арсеній; Димитрій преклонилъ передъ нимъ колѣна. Архіепископъ возложилъ на его голову шапку Мономаха и запѣлъ «аксіосъ»; клиръ повторилъ этотъ напѣвъ; монарха осѣнилъ лучъ древней славы [1]).

Церемонія закончилась обѣднею въ Успенскомъ соборѣ, отслуженною въ присутствіи царя патріархомъ Игнатіемъ въ сослуженіи многочисленнаго духовенства со всей пышностью и великолѣпіемъ восточной церкви. Въ то время, какъ дымъ кадилъ возносился къ небу, какъ символъ священническихъ молитвъ, для Димитрія приближалась роковая минута. Передъ нимъ возставала грозная дилемма: либо пріобщиться св. тайнъ по православному обряду, либо отказаться отъ причастія, вызвавъ этимъ скандалъ; инаго выбора не было. Такъ какъ скандала не произошло, то надобно полагать, что Димитрій пріобщился св. тайнъ. Но объ этомъ никто не говоритъ опредѣленно. Русскіе и поляки упоминаютъ объ этомъ обстоятельствѣ весьма туманно. Полковые священники, которые внимательно слѣдили за всѣмъ, также ничего не говорятъ объ этомъ: по ихъ словамъ, большое число собравшихся мѣшало имъ видѣть то, что происходило у алтаря [2]). Однако, самъ Димитрій выдалъ себя, быть можетъ, невольно. Вскорѣ послѣ коронаціи онъ энергично сталъ хлопотать о Маринѣ и доказывалъ, что она не можетъ быть коронована,

---

[1]) Дмитріевскій, 103, 124.

[2]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 499, письмо Лавицкаго къ Аквавивѣ отъ 21-го сентября 1605 г.

если она не пріобщится по православному обряду. Онъ говорилъ это какъ бы на основаніи опыта, требуя отъ своей невѣсты выполненія обряда, коему онъ подчинился самъ.

За священнымъ обрядомъ короновапія слѣдовало свѣтское празднество и придворный церемоніалъ. Изъ собора высшіе сановники Имперіи, бояре и прочія лица отправились во дворецъ принести поздравленіе царю и выразить ему свою преданность. Туда же прибыли и начальники маленькой польской арміи. Ихъ сопровождали, по желанію Димитрія, оба полковые священника. Самые знатные люди Московскаго государства и спѣсивые поляки цѣловали вторично руку царя; они видимо были счастливы выказать ему свою вѣрноподданническую преданность и готовы были служить ему вѣрою и правдою. Зрѣлище было умилительное, но довольно однообразное; эта трогательная сцена была нѣсколько оживлена о. Николаемъ, который обратился къ Димитрію съ нѣсколькими теплыми, прочувствованными словами.

Іезуитъ въ Кремлѣ, говорящій царю рѣчь на польскомъ языкѣ, было явленіемъ невиданнымъ, неслыханнымъ; оно возбудило всеобщее любопытство. Импровизированная имъ рѣчь была, вѣроятно, самая обыденная; это были, конечно, подходящія къ случаю пожеланія, высказанныя въ общепринятыхъ выраженіяхъ, но Димитрій выслушалъ ихъ съ видимымъ удовольствіемъ, перевелъ нѣкоторыя мѣста этой рѣчи на русскій языкъ и сказалъ въ отвѣтъ нѣсколько любезныхъ словъ.

Во время пиршества, слѣдовавшаго за этимъ пріемомъ, одинъ изъ поляковъ подошелъ къ ксендзамъ и сказалъ имъ по порученію Димитрія на ухо, что царь относится къ нимъ все съ тѣмъ же благоволеніемъ, помнитъ свои обѣщанія, по-прежнему сожалѣетъ о томъ, что ихъ нельзя привести въ исполненіе немедленно, и одушевленъ желаніемъ основать коллегіи и церкви. Деликатное вниманіе царя этимъ не ограничилось: онъ выразилъ удовольствіе по поводу того, что онъ короновался 31-го іюля, въ тотъ именно день, когда празднуется память Игнатія Лойолы, и велѣлъ передать іезуитамъ, что онъ считаетъ это совпаденіе счастливымъ предзнаменованіемъ и что онъ отправитъ вскорѣ посольство въ Римъ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ ласковыхъ словъ, при видѣ всеобщей радости и веселья, будущее казалось іезуитамъ полнымъ самыхъ успокоительныхъ, радужныхъ надеждъ. Открывалось обширное поле для распространенія евангельскаго ученія; Московія распахнула двери на Востокъ; открывался широкій путь вплоть до азіатскихъ плоскогорій; являлась возможность проникнуть въ эти таинственныя страны, къ полудикимъ народамъ, и низвергнуть ихъ идоловъ. Смѣлый, чуть не призрачный планъ Поссевина былъ близокъ къ осуществленію; кремлевскіе гости упивались этой надеждою.

Въ то время, какъ Москва радостно встрѣчала своего монарха,

въ самые отдаленные города были посланы гонцы съ извѣщеніемъ о вступленіи Димитрія Ивановича на престолъ его предковъ и съ требованіемъ учинить ему присягу. Патріархъ Игнатій не щадилъ своихъ трудовъ. Онъ разослалъ гонцовъ даже въ Сибирь, приказывая имъ созывать вездѣ народъ и духовенство, объявлять имъ о вступленіи на престолъ новаго царя, звонить въ колокола и молиться за здравіе царицы Марѳы и ея сына Димитрія [1]). Вскорѣ слухи объ этомъ удивительномъ событіи распространились за границею.

II.

Краковъ служитъ центромъ, куда стекаются всѣ извѣстія о Димитріи. — Письма полковыхъ священниковъ.—Дневникъ Лавицкаго.—Рангони, посредникъ между іезуитами и папскимъ престоломъ.—Отецъ Аквавива.—Антоній Поссевинъ.—Письмо къ новому Соломону. — Книжечка Бареццо - Барецци. — Маркизъ Мирова.—Флорентинскіе агенты.—Капитанъ Иванъ-ла-Бланкъ, прообразъ репортера.—Его наилучшій кліентъ, французскій посланникъ въ Венеціи.—Депеши Канэ, представляемыя Генриху IV.—Мечты о кардинальской шапкѣ для Поссевина.—Франческо Соранцо.—Ѳома Ронкароли.—Брачные планы австрійскаго правительства. — Дружескіе голоса. — Оптическій обманъ.

Облетѣвъ всю Россію, имя царя Димитрія Іоановича стало произноситься и во всей Европѣ. Хотя извѣстія передавались въ то время не по электрическому проводу, тѣмъ не менѣе, они проникали всюду хотя не такъ быстро, какъ теперь, но зато въ болѣе пространныхъ документахъ. Не безъинтересно прослѣдить, откуда шли извѣстія о московскомъ царѣ, и какимъ образомъ они проникали за границу, доходили до Рима, Венеціи, Флоренціи, ко двору Генриха IV и Рудольфа II.

Центромъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ извѣстія, получавшіяся изъ Московіи, былъ г. Краковъ, Вавельскій замокъ, домъ нунція, монастырь св. Варвары. Главныя свѣдѣнія получались отъ полковыхъ священниковъ, состоявшихъ при арміи Димитрія. Король польскій, вѣроятно, получалъ также свѣдѣнія отъ своихъ личныхъ агентовъ, но ихъ донесенія не дѣлались общимъ достояніемъ, между тѣмъ какъ письма о. Николая и Андрея переходили изъ рукъ въ руки. Корреспонденція обоихъ іезуитовъ носитъ интимный характеръ. Они писали своимъ настоятелямъ съ полной откровенностью, руководимые желаніемъ высказаться какъ другу. Они были всецѣло поглощены возложенной на нихъ миссіей, охотно распространялись о своемъ духовномъ общеніи съ поль-

---

[1]) Собр. гос. грам., т. II, стр., 204 № 92.

скими солдатами, высказывали свои затрудненія, надежды, писали о своихъ занятіяхъ, словомъ, обо всемъ, что ихъ занимало; въ письмахъ встрѣчается много интереснаго. Въ силу занимаемой ими должности и въ силу вещей они касались также событій, волновавшихъ въ то время Москву. Герою этихъ событій было отведено въ ихъ письмахъ не послѣднее мѣсто. Ихъ интересовала его физіономія, его способности, его планы. Они считали Димитрія, какъ мы уже сказали, прирожденнымъ сыномъ Іоанна IV. Голосъ народа разсѣялъ всѣ ихъ сомнѣнія. Въ фантастическомъ походѣ на Москву все казалось имъ предопредѣленнымъ свыше; невидимыя силы играли въ немъ болѣе значительную роль, нежели стратегія. Зато надежда не покидала ихъ, даже въ тѣ минуты, когда ихъ постигали неудачи, когда имъ приходилось переносить разныя превратности судьбы. Устроившись въ Москвѣ, Лавицкій составилъ дневникъ, который начинается съ появленія Димитрія въ Польшѣ и прерывается 31-го іюля 1605 г. Этимъ дневникомъ онъ руководствовался при своей перепискѣ, въ которой встрѣчаются по сравненію съ нимъ пробѣлы, сокращенія и дополненія [1]).

Въ монастырѣ св. Варвары ожидали писемъ отъ ксендзовъ съ нетерпѣніемъ: и не мудрено, они получались такъ издалека и въ нихъ сообщалось такъ много новаго. Ихъ читали съ жадностью, давали читать друзьямъ, быть можетъ, передавали ихъ содержаніе королю. Весьма вѣроятно, эти письма препровождались въ подлинникѣ и къ нунцію. Они были пріятною находкою для Рангони; онъ считалъ долгомъ снимать съ нихъ копіи, оставлялъ у себя иной разъ самые оригиналы и посылалъ ихъ въ Римъ. Такимъ образомъ, нѣкоторыя изъ писемъ, посланныхъ въ Краковъ, попали въ хранилище Боргезе, въ Ватиканъ. Обыкновенно Рангони пользовался ими, какъ матеріаломъ при составленіи своихъ депешъ, и дополнялъ ими тѣ свѣдѣнія, которыя онъ получалъ при дворѣ или отъ самого Димитрія. Онъ сдѣлался такимъ образомъ довѣреннымъ лицомъ и посредникомъ между іезуитами и папскимъ престоломъ.

Извѣстія изъ Москвы получались въ Италіи еще другимъ путемъ и разносились оттуда по бѣлу-свѣту. Во-первыхъ, ксендзы писали время отъ времени своему генералу, отцу Клавдію Аквавивѣ; но эти служебныя письма не выходили изъ сферы іезуитскаго ордена и Ватикана. Центромъ, куда стекались всѣ сообщенія пропаганды, было другое лицо—Антоній Поссевинъ, съ которымъ обмѣнивались письмами Децій Стривери, провинціалъ польскихъ іезуитовъ, Гаспаръ Савицкій, духовникъ Димитрія, и изрѣдка оба полковые священника. Поссевинъ, пре-

[1]) О. Савицкій также велъ дневникъ. Извлеченія изъ него напечатаны у Велевицкаго.

старѣлый борецъ за католическую вѣру, писатель и человѣкъ въ высшей степени дѣятельный, полный воспоминаніями объ Іоаннѣ IV и о Баторіи, воспылалъ юношеской страстью къ московскому царю. Онъ проживалъ въ то время въ Венеціи, печаталъ свою Bibliotheca у Бареццо-Бареццп и поддерживалъ постоянныя сношенія съ итальянскими принцами и съ французскими дипломатами. Переходъ Генриха IV въ католическую вѣру сблизилъ его съ этимъ королемъ, участіе Поссевина въ этомъ дѣлѣ было оцѣнено по заслугамъ.

Появленіе Димитрія подало ему надежду на осуществленіе въ будущемъ его давнишнихъ плановъ относительно славянскихъ земель и Востока. Московскій царевичъ высказалъ о. Николаю, во время своихъ продолжительныхъ бесѣдъ съ нимъ въ Путивлѣ, желаніе получить отъ Поссевина славянскую библію. Ему было извѣстно, вѣроятно, о порученіи, съ какимъ этотъ іезуитъ былъ посланъ нѣкогда къ Іоанну IV; просьба о присылкѣ Библіи была продиктована, вѣроятно, простою любезностью. Но чаша была полна, эта послѣдняя капля переполнила ее.

Поссевинъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые стали бы скрывать интересныя новости, получаемыя имъ изъ Москвы, и не попытался бы воспользоваться благопріятнымъ настроеніемъ новообращеннаго католика.

Библія весьма кстати дала ему возможность вступить въ сношеніе съ Димитріемъ. Онъ могъ бы послать ему библію, напечатанную въ Острожскѣ. У него сохранился экземпляръ, подаренный ему княземъ Константиномъ Острожскимъ, но это роскошное изданіе имѣло одинъ недостатокъ: оно было напечатано въ православной типографіи; поэтому Поссевинъ предпочелъ послать царевичу нѣкоторыя другія книги духовнаго содержанія, въ коихъ онъ былъ совершенно увѣренъ; къ посылкѣ было приложено письмо, въ которомъ говорилось о дружбѣ и союзѣ съ Польшею, объ отомщеніи Швеціи, о крестовомъ походѣ противъ турокъ и о проповѣди евангелія въ Казани, Астрахани и въ странахъ Азіи.

«Димитрію, какъ второму Соломону,—говорилъ Поссевинъ,—суждено воздвигнуть храмъ, который превзойдетъ своимъ великолѣпіемъ храмъ іерусалимскій,—это будетъ духовный храмъ душъ, возвращенныхъ въ лоно истинной церкви».

Эта программа должна была примѣняться въ Россіи, но было весьма важно, чтобы объ ней знали и чтобы къ ней отнеслись съ сочувствіемъ за границею. Поссевинъ писалъ по этому поводу разнымъ лицамъ, между прочимъ герцогу Урбинскому Франческо, съ цѣлью разсказать ему исторію Димитрія и обратить его благосклонное вниманіе на царевича. Въ особенности ему хотѣлось сообщить эти извѣстія во Флоренцію и Парижъ. Въ письмахъ къ великому герцогу То-

сканскому Фердинанду, онъ обсуждалъ вопросъ объ основаніи «русинской» типографіи въ Тосканѣ. Распространеніе полезныхъ книгъ на народномъ языкѣ было всегдашнею заботою Поссевина; онъ видѣлъ съ грустью, что въ Россіи это дѣло было въ зачаткѣ; какая прекрасная задача для принца изъ дома Медичи,—говорилъ онъ,—покровительствовать народу, которому принадлежитъ будущее, открыть ему широкіе горизонты!

Относительно Генриха IV онъ предавался еще болѣе соблазнительнымъ мечтамъ: онъ хотѣлъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ вызвать между нимъ и царемъ благородное соревнованіе, въ предположеніи, что имъ захочется превзойти другъ друга и что церковь могла бы отъ этого выиграть.

Вскорѣ Поссевинъ, какъ увидимъ, изложилъ самымъ пространнымъ образомъ свои виды на Москву папѣ Павлу V. Но пока, чтобы не терять времени, онъ хотѣлъ заинтересовать въ нихъ общество и съ этой цѣлью издалъ свое коротенькое, но весьма содержательное Relazione. Эта тоненькая книжечка, переполненная восторженными отзывами о Димитріи, появились въ Венеціи въ исходѣ 1605 года. На обложкѣ ея стояло имя Бареццо-Бареции, но подъ именемъ этого издателя скрывался Поссевинъ.

Изъ итальянцевъ онъ одинъ переписывался съ полковыми священниками, и означенное Relazione представляетъ извлеченіе изъ ихъ писемъ. Пользованіе этими письмами и предпосланное имъ предисловіе изобличаютъ перо іезуита, появлявшагося нѣкогда при московскомъ дворѣ; въ Краковѣ всѣ называли его авторомъ этой брошюры. Онъ самъ заботился о ея распространеніи; она пользовалась одно время довольно большой извѣстностью. Отецъ Москера (Mosquera) издалъ ее на испанскомъ языкѣ, другія лица перевели ее на французскій, нѣмецкій и латинскій языки. Такимъ образомъ исторія Димитрія сдѣлалась популярною на Западѣ [1]).

Іезуиты, находившіеся при арміи Димитрія, со словъ которыхъ говоритъ Поссевинъ, писали обо всемъ, какъ очевидцы; въ этомъ отношеніи ихъ письма имѣютъ несомнѣнное значеніе. Но кромѣ ихъ, въ Краковѣ были придворные, дипломаты и услужливые агенты, которые

---

[1]) Наше собраніе, письмо Поссевина къ Димитрію отъ 10-го іюля 1605 г. Флоренція, государственный архивъ, кол. Урбино, Ci. I. Div. G. f. CLXXI, CCXIX; кол. Медичи, filza 933. Кіампи, Esame crit. стр. 49. Бареццо въ „Русск. Ст.“ Книжечка Бареццо Бареции составляетъ большую рѣдкость. Въ Императорской петербургской публичной библіотекѣ хранятся изданія, появившіяся въ Венеціи, Мюнхенѣ, Грацѣ (на нѣмецкомъ и латинскомъ языкѣ), Прагѣ, Валладолидѣ.

жадно прислушивались ко всѣмъ извѣстіямъ и спѣшили передать ихъ за границу.

Такъ, напримѣръ, маркизъ Мирова, маршалъ королевскаго двора, имѣвшій, по занимаемому имъ положенію, возможность слышать все, что говорилось во дворцѣ, и передать впечатлѣнія, вызываемыя въ немъ событіями, велъ правильную переписку съ кардиналомъ Альдобрандини, великимъ герцогомъ тосканскимъ и герцогомъ мантуйскимъ. Въ Италіи живо интересовались всѣмъ происходившимъ въ другихъ государствахъ; польскій маркизъ охотно разсказывалъ своимъ корреспондентамъ о Борисѣ Годуновѣ и о Димитріѣ Ивановичѣ, и эти чужеземныя имена не пугали людей, читавшихъ Данте и Петрарка. Нѣкоторые италіанцы, проживавшіе въ Польшѣ, также изощряли свои дипломатическія способности по поводу событій, совершавшихся въ Московскомъ государствѣ: такъ, напримѣръ, Нери Джиральди (Neri Giraldi) и Сернинджи (Sernigi) посылали донесенія тосканскому канцлеру Велизарію Винти.

Но самымъ дѣятельнымъ и энергичнымъ изо всѣхъ этихъ охотниковъ до новостей былъ капитанъ Иванъ Ла-Бланкъ (Jean La Blanque), настоящій прообразъ современнаго репортера. Его жизнь была богата событіями; уроженецъ Лангедока, по выраженію Поссевина, кальвинистъ самаго послѣдняго разбора, онъ потерялъ все свое состояніе и оставилъ родину въ 1580 г. Весьма вѣроятно, это была одна изъ жертвъ религіозныхъ войнъ, которыя волновали въ то время Францію. Несчастный нашелъ убѣжище въ Швеціи; Сигизмундъ принялъ его къ себѣ на службу, и Ла-Бланкъ такъ привязался къ своему новому монарху, который былъ впрочемъ ревностнымъ католикомъ, что послѣдовалъ за нимъ изъ Стокгольма въ Краковъ. Военная служба оставляла ему досугъ, коимъ онъ не прочь былъ воспользоваться для увеличенія своихъ средствъ. Въ политикѣ ему не повезло; его проектъ союза Польши со Швеціей подъ покровительствомъ Генриха IV потерпѣлъ полное фіаско; не разсчитывая извлечь болѣе никакой выгоды съ этой стороны, онъ занялся корреспонденціей. Оффиціозное репортерство сдѣлалось его ремесломъ въ 1617 г. Онъ похвалялся Ришелье, епископу люсонскому и будущему кардиналу, что «Генрихъ Великій и затѣмъ царствующій король и его мать возложили на него обязанность сообщать ихъ величествамъ о всѣхъ текущихъ событіяхъ при сѣверныхъ дворахъ». Дѣйствительно, въ 1604 г. въ числѣ его кліентовъ помимо нунція Рангони находились посланники французскій и венеціанскій [1]).

---

[1]) „Calvinista pessimo (La Blanque) se già non èconvertito“, замѣтка, сдѣланная на полѣ Поссевинымъ. Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 66, f. 339. См. тоже II, 223, 230, 234. Canaye, т. II, стр. 399. Парижъ, національная библ., отд. французскія рукоп.; 15967, passim. Данцигъ, государственный архивъ, завѣщаніе Ла-Бланка.

Богатый торговый городъ Лагунъ считался въ то время обсерваціоннымъ постомъ, гдѣ завязывались сношенія съ Востокомъ и даже съ Московіей. Представителемъ наихристіаннѣйшаго короля въ Венеціи былъ Филиппъ Канэ де-Френъ (Canaye de Fresnes), новообращенный гугенотъ, большой другъ Поссевина. Онъ интересовался славянскими странами и старательно изучалъ письма Ла-Бланка, котораго онъ считалъ «человѣкомъ благороднымъ и весьма способнымъ»; письма іезуитовъ довали ему возможность провѣрять сообщенія Ла-Бланка, и онъ описывалъ французскому королю въ своихъ депешахъ исторію Димитрія во всѣхъ ея подробностяхъ. Эти депеши прочитывалъ въ Парижѣ статсъ-секретарь Виллеруа, который представлялъ ихъ Генриху IV.

Усердіе Канэ шло еще далѣе: онъ не только посвящалъ короля во всѣ подробности переворота, совершившагося въ Москвѣ, онъ внушалъ бывшему гугеноту цѣлый планъ католической пропаганды: Генрихъ IV могъ быть, по его словамъ, апостоломъ евангелія въ Россіи, онъ могъ послать въ Кремль, совмѣстно съ Павломъ V, легата, и тотъ іезуитъ, на котораго была бы возложена эта миссія, получилъ бы кардинальскую шапку. «Эта обширная, почти необъятная имперія будетъ большимъ пріобрѣтеніемъ для католической церкви»,—писалъ Канэ статсъ-секретарю Виллеруа, 12-го іюля 1605 г. «И когда это извѣстіе (о вступленіи Димитрія въ Москву) подтвердится, то, я полагаю, было бы вполнѣ согласно съ благочестивыми чувствами, одушевляющими его величество, просить папу о назначеніи о. Поссевина легатомъ въ эту страну, гдѣ онъ такъ долго и благотворно работалъ со временъ Григорія XIII и Сикста V, и возвести его въ кардинальскій санъ, чтобы придать его посольству еще болѣе значенія. Я знаю, что онъ далекъ отъ этой мысли, рѣшивъ провести въ уединеніи цѣлый годъ въ Лорето [1]), какъ только онъ окончитъ печатаніе своихъ сочиненій. Но я забочусь болѣе о благѣ церкви, нежели о личной пользѣ ея членовъ, и прошу васъ извинить меня, м. г., если я вамъ высказываю слишкомъ откровенно то, что, по моему мнѣнію, можетъ послужить къ славѣ Божіей и къ чести и славѣ его величества, если онъ порекомендуетъ человѣка, столь преисполненнаго высокихъ достоинствъ [2]). Генрихъ IV не послѣдовалъ совѣтамъ своего посланника: онъ оставилъ въ покоѣ Поссевина съ его книгами, Москву съ ея православіемъ, но образъ Димитрія запечатлѣлся въ его умѣ и, когда капитанъ Маржеретъ, возвратился изъ Россіи, то онъ выразилъ желаніе выслушать легендарную исторію Димитрія.

При королевскомъ дворѣ въ Прагѣ исторія Кремлевскаго тріумфа-

---

[1]) Городъ въ итальянской провинціи Анкона, куда стекается ежегодно до 50.000 богомольцевъ. Прим. перевод.

[2]) Canaye, т. II, стр. 652 и др.

тора вызвала совершенно иного рода соображенія. Рудольфъ II имѣлъ своими агентами въ Москвѣ нѣкоего Луку Паули и Генриха Логау, которые сообщали ему обо всемъ происходившемъ въ Россіи. Ихъ донесенія, въ томъ видѣ, какъ они дошли до насъ, слишкомъ не полны, чтобы можно было судить о томъ, на сколько они были достовѣрны. Быть можетъ, въ Прагѣ болѣе руководствовались извѣстіями, доходившими изъ Кракова. Нунцій г. Праги, Ферреріо, переписывался иногда со своимъ коллегою Рангони; пармскій агентъ Ѳома Ронкароли препровождалъ своему властителю Рануцію Фарнезе (Ranuce Farnès) письма полковыхъ священниковъ. Венеціанскій посланникъ, Франческо Соранцо, черпалъ свѣдѣнія также изъ польскихъ источниковъ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что Габсбурги внимательно слѣдили за событіями, происходившими въ Москвѣ. Соранцо подмѣтилъ даже, что они выказывали къ новому царю болѣе симпатіи, нежели къ Борису Годунову. Мы имѣемъ весьма вѣрный показатель ихъ настроенія: когда Годуновъ старался всѣми силами заключить брачный союзъ съ австрійскимъ домомъ, то представители габсбургской монархіи уклонялись отъ положительнаго отвѣта; къ Димитрію же они отнеслись совершенно иначе и сами подумывали предложить ему въ невѣсты эрцгерцогиню; въ выборѣ не было затрудненія, такъ какъ у Карла Штирійскаго было множество дочерей. Царь могъ сдѣлаться зятемъ польскаго короля, и послѣдствіемъ этого брачнаго союза было бы заключеніе тройственнаго союза. Но всѣ эти проекты разбились о сильную и неизмѣнную привязанность Димитрія къ Маринѣ [1]).

Восходя такимъ образомъ къ первоначальнымъ источникамъ, откуда шли всѣ слухи, распространявшіеся за границею о московскомъ царѣ, становится понятнымъ, почему они были столь благопріятны ему и какимъ образомъ они доставили ему такую быструю извѣстность. Противники Димитрія не высказывались, они рѣшили молчать до поры до времени; пока раздавались только голоса людей, дружески къ нему расположенныхъ и, все то, что они говорили о немъ, быстро облетало самыя отдаленныя страны. Въ сущности, неопытные наблюдатели поддавались въ этомъ случаѣ неизбѣжному оптическому обману. Перемѣна, казавшаяся Канэ-де-Френу столь желательной и къ достиженію которой Поссевинъ и полковые священники стремились всею душою, была почти неосуществима, хотя Димитрію, несомнѣнно, предстояло заняться вопросомъ о религіи. Онъ не могъ отъ этого уклониться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Вѣна, государственный архивъ, Russica, 1604 и 1605 г. Венеція, государственный архивъ, Germania, Dispacci, 1605 г., f. 31, депеша Соранцо отъ 29-го августа.

Всеволодъ Порфиріевичъ Коховскій.

(Біографическая замѣтка).

Перваго іюня исполнилось 10 лѣтъ со дня кончины организатора Педагогическаго музея, солдатскихъ и народныхъ чтеній, генералъ-лейтенанта Всеволода Порфиріевича Коховскаго.

Въ некрологахъ о немъ была указана выдающаяся его дѣятельность на этомъ поприщѣ.

Прилагая при настоящей книжкѣ портретъ Всеволода Порфиріевича, редакція считаетъ необходимымъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Всеволодъ Порфиріевичъ Коховскій происходилъ изъ древняго и знатнаго дворянскаго рода. Предки рода Коховскихъ были чешскими рыцарями и получили гербъ свой (пень съ 5-ю обсѣченными вѣтвями, пронзенный крестомъ), въ самомъ началѣ христіанства въ Чехіи.

Въ 1100 году рыцарь Дерзславъ Остржевъ перешелъ въ Польшу, гдѣ его фамилія измѣнилась въ Нечуя, и представители этого рода по владѣнію «Коховъ» стали называться Нечуя-Коховскіе.

Коховскіе имѣли свои войска и занимали высокое положеніе при дворѣ и на службѣ, будучи старостами, маршалами, подкоморіями и пр.

Изъ польскихъ представителей этого рода особенно замѣчателенъ исторіографъ короля Яна Казиміра, подкоморій (камергеръ) краковскій.

Веспасіанъ Коховскій—типичный представитель рыцарства конца XVI и начала XVII вѣка. Онъ происходилъ изъ Краковской линіи рода Коховскихъ, другая же линія, изъ коей происходилъ Всеволодъ Порфиріевичъ, въ половинѣ XVI вѣка перешла въ Смоленскъ, а въ 1654 году приняла русское подданство и православіе. Всѣ члены этой линіи были награждены вотчинами и пожалованы царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ стольники ко двору и записаны въ боярскую книгу.

Всѣ представители рода Коховскихъ служили въ военной службѣ, и многіе изъ нихъ награждены георгіевскими крестами. Родъ Коховскихъ находился въ родствѣ съ князьми Друцкими-Соколинскими, Храповицкими, Ермоловыми, Давыдовыми, гр. Хвостовыми, гр. Тышкевичами, Потемкиными, Энгельгардами и др.

Родъ Коховскихъ внесенъ въ 6-ю часть дворянской родословной книги Смоленской губерніи.

Всеволодъ Порфиріевичъ Коховскій родился и выросъ не въ родной Смоленской губерніи, а въ имѣніи своей матери Стародубкѣ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи.

Отецъ Всеволода Порфиріевича, Порфирій Ивановичъ Коховскій, въ молодости служилъ въ военной службѣ, но, вслѣдствіе полученныхъ подъ Силистріей нѣсколькихъ ранъ и контузій, рано вышелъ въ отставку и жилъ въ имѣніи своей жены, со времени назначенія его любимаго брата слободско-украинскимъ (харьковскимъ) губернаторомъ, предоставивъ смоленскія родовыя земли управленію матери своей, рожденной Храповицкой, и братьямъ.

Первое свое образованіе Всеволодъ Порфиріевичъ получилъ въ городѣ Бахмутѣ, въ англійскомъ пансіонѣ Кукъ, о которомъ навсегда сохранилъ благодарное воспоминаніе. Затѣмъ былъ помѣщенъ въ Дворянскій полкъ, откуда вышелъ 18-ти лѣтъ офицеромъ [1]); въ 1854 году участвовалъ въ дѣлѣ подъ Силистріей, былъ контуженъ въ голову и, получивъ Анну 4-й степени за храбрость, перешелъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ, откуда поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Выпущенный изъ академіи по первому разряду, Всеволодъ Порфиріевичъ не перешелъ на службу въ генеральный штабъ, а по совѣту генералъ-адъютанта Исакова, принялъ должность начальника учебнаго отдѣленія въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній и сталъ во главѣ зарождавшагося тогда Педагогическаго музея.

Въ 1870 году, полковникъ Коховскій назначенъ предсѣдателемъ постоянной коммиссіи Педагогическаго музея, и съ тѣхъ поръ, до самой смерти, въ продолженіе 21 года неустанно трудился надъ созданіемъ того учрежденія, которое заслужило себѣ почетную извѣстность въ Россіи и за границей.

Съ 1888 года Педагогическій музей получилъ постоянное существованіе, и генералъ Коховскій былъ назначенъ первымъ его директоромъ. Объ его дѣятельности говорилось уже подробно на страницахъ «Русской Старины» въ годъ его кончины.

---

[1]) Сохранился дневникъ, веденный В. П. во время пребыванія его въ Дворянскомъ полку. Редакція „Русской Старины“ надѣется напечатать его на страницахъ своего журнала.

Достаточно сказать, что при немъ состоялось: 1.768 засѣданій, 1.452 чтенія, 116.854 уроковъ, разсмотрѣно 977 народныхъ и солдатскихъ чтеній, которыхъ Всеволодъ Порфиріевичъ былъ первымъ иниціаторомъ, напечатано 1.500.000 брошюръ, и музей посѣтило 1.165.000 человѣкъ.

Всеволодъ Порфиріевичъ состоялъ почетнымъ членомъ во многихъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ обществахъ, нѣкоторое время былъ предсѣдателемъ Фребелевскаго общества.

Въ 1889 году Всеволодъ Порфиріевичъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и вскорѣ послѣ этого высочайшимъ приказомъ назначенъ членомъ совѣта Императорскаго человѣколюбиваго общества, съ оставленіемъ въ прежней должности. Онъ скончался 1-го іюня 1891 г. послѣ долгой и мучительной болѣзни; но до послѣдняго дня своей жизни Всеволодъ Порфиріевичъ заботился и работалъ надъ своимъ дорогимъ дѣтищемъ, Педагогическимъ музеемъ, раскрывавшимъ широко свои двери всѣмъ желавшимъ познаній. Религіозныя бесѣды, ученыя сообщенія, музыкальные уроки, народныя и солдатскія чтенія, уроки поданія первой помощи при несчастныхъ случаяхъ—все нашло себѣ мѣсто подъ кровомъ музея.

Жизнь и работа кипѣла въ его стѣнахъ.

Къ этимъ немногимъ біографическимъ даннымъ присоединяемъ нѣсколько писемъ, сохранившихся въ семействѣ В. П. Коховскаго.

1.

Письмо Н. В. Исакова—В. П. Коховскому.

26-го декабря 1881 г.

Весьма сожалѣю, что засѣданіе Государственнаго Совѣта лишаетъ меня возможности присутствовать при чтеніи отчета въ коммиссіи о народныхъ чтеніяхъ и привѣтствовать лично ваше превосходительство съ тѣмъ замѣчательнымъ успѣхомъ этого дѣла у насъ въ Россіи, которымъ, по всей справедливости, обязано вашей личной настойчивой и просвѣщенной работѣ.

Вы мнѣ не откажете въ правѣ судить о ней, если примете во вниманіе, что я почти 10 лѣтъ былъ, сознаюсь, какъ-бы только постороннимъ свидѣтелемъ въ ходѣ и борьбѣ ея съ кучею разныхъ препятствій и затрудненій, начиная съ первыхъ шаговъ.

Мотивы, по которымъ я предоставилъ вамъ полную свободу дѣйствій, вполнѣ оправдались на дѣлѣ, и вамъ принадлежитъ вся заслуга этого чрезвычайно полезнаго предпріятія.

Искренно желаю ему дальнѣйшаго, болѣе спокойнаго и широкаго

*

развитія; наши ожиданія могутъ легче исполниться теперь, когда прежнихъ многихъ препятствій не существуетъ и общество вполнѣ расположено къ вашему дѣлу, и вашею заботливостью привлечено уже къ нему столько талантливыхъ и усердныхъ, выше всякихъ похвалъ, сотрудниковъ.

2.

Письмо графа Д. А. Милютина—В. П. Коховскому.

25-го февраля 1882 г.

Вновь приношу вашему превосходительству искреннюю мою благодарность за присылку мнѣ отчета о десятилѣтіи народныхъ чтеній. Меня радуетъ успѣхъ этого полезнаго дѣла, всецѣло принадлежащаго вамъ, иниціативѣ и трудамъ вашимъ.

Отъ всей души желаю, чтобы, съ легкой вашей руки, оно и впредь продолжало развиваться повсемѣстно.

3.

Письмо графа Д. А. Милютина—В. П. Коховскому.

10-го марта 1883 г.

Приношу искреннѣйшую благодарность за присланный мнѣ вашимъ превосходительствомъ «Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея» за послѣдніе два года.

Читая этотъ отчетъ, я не могъ не радоваться тому замѣчательному развитію, которое приняло это учрежденіе подъ разумнымъ руководствомъ вашимъ и при горячей заботливости вашей объ успѣхѣ этого полезнаго дѣла.

4.

Письмо Н. В. Исакова—В. П. Коховскому.

12-го января 1890 г.

Я вамъ мимоходомъ говорилъ о намѣреніи моемъ привлечь васъ къ дѣятельности сродной вамъ и только шире открывающей возможность проявленія вашего опыта и знанія. Я разумѣлъ подъ этимъ привлеченіе васъ въ совѣтъ Человѣколюбиваго общества. Вы на-дняхъ получите

приглашеніе къ тому отъ митрополита, какъ главнаго попечителя общества. Я увѣренъ, что вы дадите ваше согласіе съ твердымъ намѣреніемъ быть дѣятельнымъ членомъ совѣта, что̀ именно совѣту и нужно, чего онъ постоянно ищетъ. Вы найдете, съ одной стороны, учебную часть въ нашихъ благотворительныхъ заведеніяхъ, какъ почву для приложенія раціонально выработанныхъ началъ, съ другой, общіе вопросы по благотворительности общественной и частной, требующіе водворенія какой-нибудь осмысленной организаціи въ нихъ.

Не сомнѣваюсь, что то и другое представитъ вамъ столько серьознаго общественнаго интереса, что вы не откажете положить на нихъ часть вашего труда.

Когда оффиціально вы будете извѣщены, мы постараемся собраться нѣсколько человѣкъ и переговорить о главныхъ основаніяхъ,—пока это только предувѣдомленіе совершенно частнаго характера.

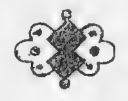
5.

Письмо Н. В. Исакова—В. П. Коховскому.

16-го января 1890 г.

Совѣтъ Человѣколюбиваго общества избралъ вновь четырехъ членовъ кромѣ васъ: Григорія Алекс. Черткова, Юзефовича и адмирала Лисянскаго. Такъ какъ мысль, руководившая избраніемъ состояла въ пріобрѣтеніи лицъ, которыя бы посвятили хотя небольшое время на серьозное вниманіе къ дѣятельности Человѣколюбиваго общества, и такъ какъ первое, что̀ встрѣчаетъ каждый новый членъ,—это совершенную неизвѣстность этой дѣятельности, то предполагаю, что новые члены не откажутъ мнѣ въ разсмотрѣніи всего, касающагося Человѣколюбиваго Общества—сообща.

Я полагалъ бы пригласить новыхъ членовъ одновременно съ тѣмъ, чтобы изложить имъ настоящее положеніе дѣлъ и предстоящія задачи общества и выслушать отъ нихъ всѣ вопросы, могущіе заинтересовать ихъ и поставить въ нѣкоторое знакомство съ ходомъ дѣлъ. Для этого я поджидаю, чтобъ новые члены получили оффиціально предложеніе отъ митрополита на вступленіе въ члены Совѣта общества.

Сіонисты въ 30-хъ годахъ.

Въ 30-хъ годахъ въ Россіи, особенно западной, распространились воззванія сіонистовъ за подписью L. S. Siegfried Justus I, освободителя и искупителя израиля, посланнаго Богомъ для сооруженія храма въ Іерусалимѣ.

Особо уполномоченный, нѣкій Зейфертъ, предлагалъ при этомъ желающимъ дипломы различныхъ степеней:

1) Дѣйствительный тайный совѣтникъ.

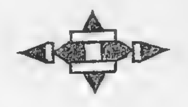
2) Дѣйствительный городовой совѣтникъ правъ и преимуществъ выяснятся по завоеваніи Палестины.

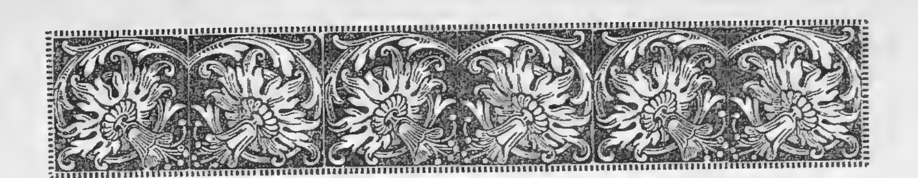
3) Почетный гражданинъ Іерусалима имѣетъ преимущественное право заниматься торговлею и дѣлами.

Цѣнность диплома опредѣлена въ 3.000 талеровъ, впередъ вносится всего лишь 5 проц.

Права обывателей возстановляемаго израильскаго царства имѣютъ быть объявлены во всеобщее свѣдѣніе въ непродолжительномъ времени.

Сообщилъ **А. Мердеръ.**

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императора Александра II и именно въ декабрѣ 1856 года на барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа было возложено собираніе матеріаловъ для исторіи царствованія императора Николая I, и съ этою цѣлію подъ его предсѣдательствомъ была образована особая коммиссія.—Изъ трудовъ этой коммиссіи въ «Русской Старинѣ» (1899—1900) были напечатаны записки самого барона Корфа; нынѣ, съ соизволенія Государя Императора, помѣщаются ниже матеріалы для исторіи цензуры въ царствованіе императора Николая I.

Ред.

I.

Краткій очеркъ цензуры до вступленія на престолъ императора Николая I.— Разрѣшеніе заводить вольныя типографіи. — Подчиненіе цензуры Управѣ Благочинія.—Закрытіе частныхъ типографій въ 1796 г.—Учрежденіе постоянной цензуры.—Цензура при императорѣ Павлѣ.—Новый уставъ при императорѣ Александрѣ I.—Вліяніе на цензуру министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына.—Статьи «Духа Журналовъ», „Дамскаго Журнала“ и другихъ.—Произволъ цензоровъ.—Назначеніе адмирала А. С. Шишкова министромъ народнаго просвѣщенія.—Дѣятельность его въ царствованіе императора Александра I.

Постановленія о цензурѣ, въ настоящемъ значеніи этого слова, начали проявляться у насъ не прежде временъ Петра Великаго; но и тогда, и долго послѣ, они относились лишь къ церковнымъ книгамъ и сочиненіямъ богословскимъ, которыя запрещалось печатать, а напечатанныя за границею обращать въ продажу безъ разрѣшенія Синода. Это объясняется не столько еще предпочтительнымъ количествомъ издавшихся въ то время книгъ духовнаго содержанія, сколько тѣмъ, что всѣ, впрочемъ, очень немногочисленныя

типографіи были тогда казенныя, состоявшія при разныхъ управленіяхъ и вѣдомствахъ; слѣдственно, ничто не могло быть издаваемо въ свѣтъ безъ разрѣшенія этихъ самыхъ вѣдомствъ, конечно, отвѣчавшихъ и за содержаніе всего пропущеннаго ими въ печать.

Первый цензурный законъ по книгопечатанію гражданскому послѣдовалъ въ 1771-мъ году, но лишь для однѣхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ. Онъ былъ изданъ при дозволеніи иностранцу Гартунгу завести, собственно для такихъ книгъ, первую въ Россіи вольную типографію. Ему предоставлялось печатать въ ней единственно то, «что не предосудительно ни христіанскимъ законамъ, ни правительству, ниже добронравію». Гартунгу запрещено было выпускать книги безъ дозволенія Академіи наукъ, а объявленія—безъ разрѣшенія полиціи [1]).

Наконецъ, въ 1783-мъ году сдѣланъ былъ важный шагъ къ распространенію у насъ книжнаго дѣла. Типографіи, въ правѣ ихъ учрежденія и содержанія, приравнены къ фабрикамъ и заводамъ, и, на этомъ основаніи, каждому дана воля заводить ихъ, для печатанія книгъ и на русскомъ языкѣ, гдѣ самъ пожелаетъ, «съ тѣмъ, однакожъ», какъ выражался указъ, «чтобъ ничего въ сихъ типографіяхъ противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ, или же къ явнымъ соблазнамъ клонящагося, издаваемо не было, чего ради отъ Управы Благочинія отдаваемыя въ печать книги свидѣтельствовать, и ежели что въ нихъ противное сему запрещенію явится, запрещать» [2]).

Такимъ образомъ, у насъ на самомъ дѣлѣ были уже и цензурныя правила и цензура. Но первыя ограничивались однимъ основнымъ, весьма широко выраженнымъ началомъ, послѣдняя же лежала не на какихъ-либо особыхъ установленіяхъ или лицахъ, а на общемъ полицейскомъ начальствѣ.

Все это продлилось, однако, не долго. Послѣ извѣстныхъ дѣлъ: Новиковскаго (1784 г.) и Радищевскаго (1790 г.), и всего болѣе подъ вліяніемъ опасеній, навѣянныхъ западными смутами, первоначальныя воззрѣнія Екатерины совершенно измѣнились. Въ самые послѣдніе дни ея царствованія (16-го сентября 1796 г.) состоялось повелѣніе: 1) изъ числа существующихъ типографій оставить только находящіяся при присутственныхъ мѣстахъ и казенныхъ училищахъ, изъ частныхъ же единственно заведенныя съ особеннаго высочайшаго соизволенія, а всѣ прочія «въ разсужденіи происходящихъ отъ того злоупотребленій» уничтожить;

2) учредить постоянную цензуру, въ столицахъ подъ вѣдѣніемъ Сената, а въ прочихъ, указанныхъ для того мѣстахъ, подъ наблюденіемъ

---

[1]) Указъ 1771 г. марта 1-го.

[2]) Указъ 1783 г. января 15-го.

губернскихъ начальствъ, изъ трехъ въ каждомъ мѣстѣ лицъ: духовнаго по выбору Синода, гражданскаго по опредѣленію Сената, и ученаго по назначенію Академіи наукъ;

3) впредь не издавать ничего безъ осмотра въ одной изъ этихъ цензуръ и «безъ одобренія, что въ сочиненіяхъ, или переводахъ ничего закону Божію, правиламъ государственнымъ и благонравію противнаго не находится»;

4) привозъ иностранныхъ книгъ дозволять лишь къ поименованнымъ въ указѣ пунктамъ, и равномѣрно не иначе, какъ по осмотру и одобренію той же цензуры.

Въ царствованіе императора Павла I, упомянутая коренная мѣра получила только нѣкоторыя дополненія, именно учреждено нѣсколько новыхъ цензурныхъ пунктовъ, и всѣ они подчинены с.-петербургской цензурѣ. Сверхъ того, книги, которыя цензура признаетъ недозволенными, или даже сомнительными, велѣно вносить на разсмотрѣніе императорскаго совѣта [1]). Въ числѣ цензурныхъ постановленій этого времени особенно замѣчателенъ указъ 17-го апрѣля 1800 года, которымъ запрещенъ ввозъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ онѣ ни были, безъ всякаго изъятія, «такъ какъ черезъ ввозимыя изъза границы книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія». Со вступленіемъ на престолъ императора Александра, внѣшнія обстоятельства, вынудившія правительство закрыть частныя типографіи, уже не существовали, а пятилѣтній опытъ доказалъ, что средство это было весьма недостаточно для достиженія своей цѣли. По крайней мѣрѣ эти двѣ причины приведены были въ указахъ, которыми: 1) снято было запрещеніе на впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ; 2) дозволялось опять каждому заводить типографіи для печатанія книгъ на всѣхъ языкахъ, наблюдая только, чтобъ въ нихъ «не было ничего противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ, или къ явнымъ соблазнамъ клонящагося, и 3) уничтожались цензуры всякаго рода, по городамъ учрежденныя, и разрѣшеніе книгъ къ печатанію возложено на губернаторовъ, которымъ, для разсмотрѣнія ихъ, предоставлено употреблять директоровъ народныхъ училищъ [2]).

Вскорѣ послѣ того, какъ извѣстно, составъ высшаго государственнаго управленія получилъ новый видъ. Учреждены были министерства, и, съ распредѣленіемъ между ними дѣлъ, цензурная часть передана въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Послѣдствіемъ этого было снабженіе ея особымъ уставомъ, но «не для стѣсненія,—какъ упо-

---

[1]) Указъ 1797 г. іюля 4-го.
[2]) Указъ 1802 г. февраля 9-го.

миналось въ докладѣ министра,—свободы мыслить и писать, а единственно для принятія пристойныхъ мѣръ противъ злоупотребленія оной».

Въ уставѣ 1804 г. іюля 9-го, довольно краткомъ по объему, всего не болѣе 47-ми параграфовъ, главное назначеніе цензуры выражалось тѣмъ, чтобы, «доставить обществу книги и сочиненія, способствующія истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, и удалить книги и сочиненія, противныя сему намѣренію». Съ этою цѣлію запрещено что-либо печатать и обращать въ продажу безъ разсмотрѣнія цензуры, а самая цензура поручена университетамъ, то-есть цензурнымъ при нихъ комитетамъ изъ профессоровъ и магистровъ, въ общемъ вѣдѣніи учрежденнаго тогда же при министерствѣ народнаго просвѣщенія Главнаго управленія училищъ.

Основаніемъ дѣйствій установленной такимъ образомъ цензуры поставлены слѣдующія три главныя начала: 1) наблюдать, чтобъ въ пропускаемыхъ къ печатанію книгахъ, періодическихъ изданіяхъ и представляемыхъ на театрѣ пьесахъ «ничего не было противнаго закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого-либо гражданина»; 2) въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій «руководствоваться благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ-либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію; когда же мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше толковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать»; 3) «скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія».

Въ такомъ видѣ цензурный уставъ оставался безъ измѣненія болѣе 20-ти лѣтъ, т. е. въ продолженіе всего царствованія императора Александра I [1].

Но съ 1817 года, т. е. со времени учрежденія новаго министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и назначенія во главу этого министерства князя Александра Николаевича Голицына, цензура получила особый, вопреки либеральнымъ правиламъ устава, стѣснительный оттѣнокъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго.

Въ самые первые мѣсяцы своего управленія, и именно 4-го апрѣля 1818 года, князь Голицынъ отнесся ко всѣмъ попечителямъ учебныхъ

---

[1]) Цензура духовныхъ книгъ предоставлена была особымъ духовнымъ цензурнымъ комитетамъ.

округовъ съ оффиціальнымъ предписаніемъ, въ которомъ ясно высказалось новое направленіе, наступившее для русской цензуры и русской печатной мысли: «По соображеніямъ моимъ нахожу я,—говорилъ князь Голицынъ,—что какъ до изданія устава о цензурѣ, такъ и послѣ того, вообще выходили и могли выходить у насъ книги, коихъ содержаніе, въ отношеніи къ духу правительства и религіи, могло по тогдашнимъ обстоятельствамъ и времени весьма противно быть принятымъ нынѣ твердымъ правиламъ, кои правительство, по точной волѣ государя императора, вводить и укоренять старается. Вслѣдствіе того, по долгу званія моего, обязываюсь я употребить всѣ зависящія отъ меня мѣры къ недопущенію во вновь печатаемыхъ книгахъ никакихъ мыслей и правилъ, нетерпимыхъ нынѣ правительствомъ. Посему прошу предписать подвѣдомственному вамъ цензурному комитету, чтобы оный, при разсмотрѣніи сочиненій и переводовъ, предполагаемыхъ къ напечатанію вторымъ, третьимъ и вообще возобновляющимся тисненіемъ, наблюдалъ строжайше, дабы подобныя мѣста въ книгахъ сихъ, содержащія въ себѣ мысли и духъ, противные религіи христіанской, обнаруживающіе или вольнодумство безбожничества, невѣрія и неблагочестія, или своевольство революціонной необузданности, мечтательнаго философствованія, или же опорочиванія догматовъ православной нашей церкви, и тому подобное, были непремѣнно запрещаемы къ печатанію, хотя бы въ напечатанныхъ прежде книгахъ и находились».

Что же признавалось, по мысли князя Голицына, вольнодумнымъ, нехристіанскимъ, своевольнымъ и необузданнымъ?

24-го мая 1818 года министръ писалъ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа:

«Примѣчено мною, и даже въ бытность мою въ Москвѣ находилъ я неоднократно, что издатель «Духа Журналовъ» помѣщаетъ въ немъ статьи, содержащія въ себѣ разсужденія о вольности и рабствѣ крестьянъ, о дѣйствіяхъ правительства и многія другія неприличности. Сверхъ того, въ книжкѣ 20-й помѣщена и такая статья, о которой прежде того было именно общее распоряженіе по цензурѣ, чтобы оной не печатать ни въ какомъ журналѣ, все сіе побуждаетъ меня просить ваше превосходительство потребовать отъ упомянутаго издателя объясненія, на какомъ основаніи дозволено ему издавать свой журналъ, который, сколько извѣстно, и по самому названію его судить можно, могъ бы заключать въ себѣ только извлеченія изъ газетъ и другихъ журналовъ, и періодическихъ сочиненій изящнѣйшаго и примѣчанія достойнѣйшаго. На посвященіе же сего «Духа Журналовъ» сужденіямъ о томъ, что касается собственно до правительства, вѣрно не было даваемо ему позволенія. Таковыя матеріи могутъ быть токмо печатаемы, когда правительство по усмотрѣнію своему само находитъ то нужнымъ, и даетъ свое прика-

заніе: ибо ему одному можетъ быть извѣстнымъ, что изъ такихъ матерій и въ какое именно время прилично сообщать для свѣдѣнія публики. Посему издателямъ не слѣдуетъ писать ни въ подкрѣпленіе какой-либо о подобныхъ предметахъ мысли, ни противъ оной: то и другое нерѣдко бываетъ равно вредно, поданіемъ повода къ разнымъ заключеніямъ и толкамъ. Журналъ «Сынъ Отечества» равнымъ образомъ, какъ кажется, отошелъ отъ первоначальной своей цѣли и принимаетъ на себя сужденіе о такихъ же матеріяхъ, о коихъ ему судить не слѣдовало бы вовсе.

«По всѣмъ симъ причинамъ нашелъ я себя въ обязанности препоручить вашему превосходительству обратить вниманіе цензуры на издаваемые журналы и другія сочиненія, дабы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не было печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе вольности, или рабства крестьянъ, не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ, ни вообще матерій, касающихся до распоряженія правительства (какъ то говорится въ статьѣ о крѣпостяхъ на домы въ уѣздахъ, и городахъ той же 20-й книжки «Духа Журналовъ»; или весьма неприличные намеки дѣлаются тамъ же въ смѣси, о всенародныхъ аудіенціяхъ). А какъ книжка сія не была вовсе на просмотрѣніи у цензора статскаго совѣтника Тимковскаго, хотя на ней разрѣшеніе его именемъ и напечатано, то я прошу васъ, милостивый государь мой, потребовать отъ издателя оной статскаго совѣтника Яценкова и отъ содержателя типографіи, въ коей она печаталась, отвѣта, по какому праву приступили они къ тому, уклонясь отъ общихъ законныхъ постановленій. Притомъ нужно подтвердить цензурѣ правило, что никто не имѣетъ права быть самъ цензоромъ подаваемаго имъ въ печать; тотъ же, кто произведетъ цензуру какого-либо сочиненія, долженъ непремѣнно скрѣплять по листамъ оное и отвѣтствовать за сіе; а типографія, напечатавшая что-либо безъ такой подписи цензора, подвергается строжайшему отвѣту, о чемъ я не премину отнестись къ г. санктпетербургскому военному генералъ-губернатору и просить о подтвержденіи сего всѣмъ типографіямъ снова.

«По исполненіи вами сего, я буду ожидать донесенія вашего о распоряженіяхъ, вами вслѣдствіе того учиненныхъ, и отвѣтахъ, какіе вы получите съ собственнымъ вашимъ на все то мнѣніемъ».

На предложенный вопросъ издатель журнала г. Яценковъ отвѣчалъ [1]:

«Во исполненіе предписанія его сіятельства г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ 24-го дня прошлаго мая о истребованіи отъ меня объясненія по разнымъ статьямъ, касательно издаваемаго мною «Духа Журналовъ» честь имѣю представить слѣдующее:

[1]) 7-го іюня 1818 года.

«Во-первыхъ, касательно права печатанія статей, до правительства относящихся.

«Высочайше конфирмованнаго устава о цензурѣ въ § 22-мъ повелѣно: «скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго, или какой бы то ни было отрасли управленія, не токмо не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія».

«На основаніи сего высочайшаго узаконенія, которое никакимъ послѣдующимъ отмѣнено не было, печатались и печатаются во всѣхъ почти журналахъ и даже во многихъ газетахъ сужденія о разныхъ предметахъ, до правительства относящихся. На томъ же основаніи помѣщаемы были таковыя сужденія и въ «Духѣ Журналовъ», въ продолженіе болѣе трехъ лѣтъ. Нѣкоторыя статьи сего рода сообщаемы были оффиціально отъ разныхъ министерствъ для напечатанія въ семъ журналѣ.

«Многократныя повторенія о пользѣ свободнаго книгопечатанія для самаго правительства, читаемыя въ «Сѣверной Почтѣ», газетѣ, издаваемой подъ руководствомъ министра, исправлявшаго должность министра народнаго просвѣщенія, не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобы система сія, въ границахъ благоучрежденной цензуры, измѣнилась.

«Въ началѣ и въ концѣ каждаго года, въ объявленіи о предметахъ, долженствующихъ входить въ составъ «Духа Журналовъ», всегда помѣщалась, между прочими, и сія статья: «Наблюдатель Отечества, или разсужденія о разныхъ предметахъ, до благосостоянія отечества относящихся». Таковыя же объявленія печатались многократно, какъ въ здѣшнихъ, такъ и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» съ дозволенія полицейской цензуры, на основаніи законовъ.

«Во-вторыхъ, касательно напечатанныхъ въ «Духѣ Журналовъ» статей о рабствѣ и вольности. Сужденія о семъ предметѣ печатаемы были и въ прошломъ году несравненно въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ и прямо относительно къ крѣпостному состоянію въ Россіи; но всегда въ защиту того порядка вещей, какой существуетъ нынѣ на основаніи законовъ. Почему и не было сдѣлано противъ статей сего рода никакого замѣчанія отъ начальства. Въ семъ же 1818 году, въ 12-й книжкѣ напечатана статья о рабствѣ въ иностранныхъ государствахъ, о которой менѣе всего можно было опасаться, чтобъ она произвела неблагопріятное впечатлѣніе, какъ потому, что она относится преимущественно до иностранцевъ, и только по сравненію касается до русскихъ, такъ и потому, что она не есть сочиненіе, но заимствована изъ иностранныхъ журналовъ, слѣдовательно, была читана и въ чужихъ

земляхъ и здѣсь, гораздо прежде, нежели явилась въ «Духѣ Журналовъ».

«Когда же въ опроверженіе «Духа Журналовъ» напечатана была въ 19-й книжкѣ «Сына Отечества» статья объ иностранныхъ крестьянахъ, то начальство не только не нашло ничего предосудительнаго въ ученыхъ состязаніяхъ о семъ предметѣ, но еще гласно изъявило за то издателю «Сына Отечества» свое отличное одобреніе.

«Но какъ скоро отъ вышняго начальства сдѣлано распоряженіе, чтобы прекратить всякія пренія о сей матеріи, то болѣе уже ничего о семъ предметѣ печатаемо не было.

«Въ третьихъ, въ разсужденіи 12-й книжки «Духа Журналовъ»: Въ сей книжкѣ напечатана рѣчь г. малороссійскаго военнаго губернатора князя Репнина. Въ ней нѣтъ ничего ни о рабствѣ, ни о свободѣ крестьянъ, а только самое легкое и осторожное напоминовеніе объ улучшенія участи крѣпостныхъ крестьянъ въ томъ кругу гражданскаго ихъ бытія, въ которомъ они законами поставлены. Предметъ не новой: можно указать тысячу узаконеній, то же самое, и еще сильнѣе подтверждающихъ.

«Рѣчь сія прислана къ главному издателю «Духа Журналовъ» печатная. Она говорена была въ торжественномъ собраніи всего малороссійскаго дворянства такимъ лицомъ, которое на своемъ посту есть органъ воли монаршей; слѣдовательно, принята за оффиціальную; а потому и не оставалось никакого сомнѣнія къ напечатанію оной съ печатнаго уже экземляра.

«Мнѣ не было тогда извѣстно словесное приказаніе его высокопревосходительства управлявшаго министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, данное цензору статскому совѣтнику Тимковскому, о недозволеніи печатать рѣчи сей. Если бъ я могъ хотя мало подозрѣвать о такомъ распоряженіи, то бы нарушить онаго не осмѣлился. Но принявъ рѣчь сію за оффиціальную, какъ она и есть, не счелъ необходимымъ испросить цензорскаго одобренія къ напечатанію оной вновь, основываясь на § 38 высочайшаго устава о цензурѣ.

«Въ заключеніе имѣю честь объяснить, что я въ изданіи журнала не полагалъ иной цѣли, кромѣ пользы общественной, бывъ всегда удаленъ не только дѣйствовать, но и мыслить вопреки намѣреніямъ правительства, какъ скоро намѣренія сіи, всегда благотворныя, сдѣлаются явными».

Противъ такихъ возраженій министру, конечно, отвѣчать было нечего, однако же онъ призналъ нужнымъ подвергнуть «Духъ Журналовъ» болѣе строгой цензурѣ и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, именно 3-го февраля 1819 года, остановилъ свое вниманіе на слѣдующихъ двухъ мѣстахъ одной его статьи: 1) «какъ часто мы винимъ людей въ

томъ, въ чемъ виновны гражданскія наши учрежденія»; 2) «Подлинно нельзя не пожалѣть о нашихъ гражданскихъ учрежденіяхъ, которыя наиболѣе благопріятствуютъ тѣмъ, кои и безъ того уже судьбою облагодѣтельствованы. У богатаго тысячи и милліоны растутъ сами собою, какъ будто хлѣбъ въ землѣ, а у бѣднаго малая лепта пропадаетъ, какъ зерно, падшее на камень или на распутіи». Князь Голицынъ нашелъ эти мѣста совершенно непозволительными, и потому, сверхъ выговора издателю, велѣлъ объявить ему, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался отнынѣ издавать въ свѣтъ никакихъ сужденій на счетъ нашего правительства. Наконецъ, въ слѣдующемъ году министръ и окончательно запретилъ журналъ, по разнымъ соображеніямъ, изложеннымъ имъ въ предписаніи попечителю С.-Петербургскаго округа отъ 6-го октября 1820 г.

«Въ періодическомъ изданіи, подъ названіемъ: «Духъ Журналовъ»,—говорилъ онъ,—всегда замѣчаемы были мною мысли и изъясненія непозволительныя и противныя уставу о цензурѣ. Прежде неоднократно позволялъ себѣ издатель онаго возставать на распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ по части мануфактурной, когда не позволялся ввозъ въ Россію чужестранныхъ произведеній; потомъ, когда по новому тарифу послѣдовало разрѣшеніе на свободный ввозъ оныхъ, журналъ сей осмѣлился критиковать и сіе распоряженіе; такъ что съ основательностью можно изъ сего заключить о намѣреніи издателя представлять въ глазахъ читателей своего журнала всѣ распоряженія правительства, какія бы они ни были, необдуманными и противными общей пользѣ, единственно изъ желанія охуждать оное во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Журналъ сей нарушалъ правила устава и самого благоприличія, даже и въ томъ, что осмѣливался судить и хулить разсужденія и соображенія лицъ самыхъ почтенныхъ, именуя ихъ въ своихъ замѣчаніяхъ, вовсе непристойныхъ, и о такихъ предметахъ, о коихъ и самъ не представлялъ ничего, подтверждавшаго лучшія о нихъ свѣдѣнія. Неоднократно уже были дѣлаемы замѣчанія цензурѣ здѣшней за разныя непозволенныя статьи сего журнала, кои ею пропускались къ напечатанію; примѣтно даже, что издатель, пользуясь въ прежнее время званіемъ цензора, поспѣшилъ печатать свои книжки безъ надлежащаго просмотрѣнія другимъ цензоромъ, коему порученъ былъ надзоръ за его журналомъ. Издатель и самъ былъ призываемъ ко мнѣ для личныхъ моихъ ему замѣчаній. Наконецъ, нынѣ вновь оказалось въ книжкѣ № 17 и № 18 сего журнала явное порицаніе имъ монархическаго правленія, такимъ образомъ, что примѣтно безъ наималѣйшаго сомнѣнія постоянное направленіе изданія сего дѣйствовать въ противность видамъ и интересамъ правительства, что ни въ какихъ земляхъ терпимо и попускаемо быть не можетъ.

«Всѣ сіи причины совокупно побуждаютъ меня просить ваше превосходительство о сдѣланіи по цензурному комитету надлежащаго распоряженія, дабы съ начала наступающаго 1821 года журналъ сей былъ прекращенъ; оставляя же изданіе онаго на послѣдніе мѣсяцы сего года единственно для удовлетворенія подписавшихся, препоручаю вамъ предписать цензурѣ, чтобы имѣла строжайшее и особливое за онымъ наблюденіе, подъ точною отвѣтственностью цензора, который просматривать будетъ, предварительно объявивъ о семъ томъ и издателю».

Дѣйствуя точно также прямо вопреки цензурному уставу и, тѣмъ не менѣе, ссылаясь прямо на него, князь Голицынъ писалъ въ 1820 году попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа: «По поводу напечатанныхъ въ разныя времена въ «Духѣ Журналовъ» и въ «Журналѣ древней и новой словесности» статей, касающихся собственно до правительства, неоднократно замѣчаемо было мною С.-Петербургскому цензурному комитету, что таковыя статьи могутъ быть токмо печатаемы, когда правительство, по усмотрѣнію своему, само находитъ то нужнымъ и даетъ свое приказаніе, безъ котораго ни подъ какимъ видомъ не должно быть печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе распоряженій правительства. Несмотря на то, въ книжкѣ журнала «Невскій Зритель», за мартъ, помѣщена опять цѣлая статья, подъ названіемъ: «О вліяніи правительства на промышленность», въ коей дѣлаются замѣчанія правительству въ постановленіяхъ и распоряженіяхъ его, и даются оному наставленія весьма неприличныя ни въ какомъ отношеніи. Такое смѣлое присвоеніе частными людьми себѣ права критиковать и наставлять правительство ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть позволено».

Поэтому министръ предписывалъ «единожды на всегда цензурѣ, ни подъ какимъ видомъ не пропускать никогда подобныхъ сочиненій и переводовъ, подъ отвѣтственностію цензурнаго комитета». Между тѣмъ, всѣ самыя сильныя мѣста статьи «Невскаго Зрителя» были слѣдующія: «...Вліяніе правительства на промышленность, чтобъ быть оной полезнымъ, должно быть основано на благоразуміи и просвѣщеніи; ему слѣдуетъ постоянно руководствоваться однимъ началомъ: общею пользою, быть удалену пристрастія и перемѣнчивости»... «Правительство должно ограничить себя облегченіемъ способовъ къ заготовленію различнаго рода запасовъ для продовольствія, обезпеченіемъ правъ собственности, открытіемъ путей къ сбыту произведеній, доставленіемъ наивозможно большей свободы промышленности. Послѣ сего, оно можетъ покоиться и предоставить все остальное собственному попеченію производителей»... «Въ намѣреніи ободрять собственныя произведенія земли, многіе думаютъ, что должно запретить привозъ иностранныхъ; но кромѣ того, что сія система во многихъ государствахъ будетъ вредна для фабрикъ, она

изсякаетъ драгоцѣннѣйшій источникъ мѣны, отъ котораго существенно пріумножается народное богатство»... «Не менѣе заблуждаются и тѣ, кои предполагаютъ запрещать и вывозъ собственныхъ произведеній земли подъ тѣмъ предлогомъ, что свои фабриканты должны имѣть на нихъ исключительное право: черезъ это средство земледѣлецъ подчиняется фабриканту; опредѣляется цѣнность продуктовъ по промышленности, подверженной частымъ перемѣнамъ»... «Тамъ только обезпечена собственность, гдѣ законодательство не подвержено частымъ перемѣнамъ. Правительство не можетъ увеличить или уменьшить правъ, какъ съ выгодою для одного и потерею для другаго состоянія: лучше имѣть несовершенные законы, нежели безпрестанно ихъ перемѣнять безъ причинъ и по обстоятельствамъ переходящимъ; торговля и промышленность не будутъ имѣть основанія; онѣ сдѣлаются одною игрою случая»... «Вліяніе правительства должно ограничиваться обезпеченіемъ собственности, заготовленіемъ предметовъ продовольствія, покровительствованіемъ произведенію. Если оно желаетъ вмѣшиваться въ способы различныхъ производствъ, установлять куплю и продажу—договоры то симъ оно только приведетъ въ упадокъ промышленность, повредитъ собственнымъ своимъ пользамъ»...

Впрочемъ, въ нѣкоторое оправданіе князя Голицына, надо замѣтить, что въ это время уже вообще измѣнился взглядъ нашего правительства: оно ступило на дорогу, совершенно противоположную той, по которой шло въ первые годы царствованія императора Александра I.

Въ 1821 году было рѣшено въ комитетѣ министровъ знаменитое въ то время дѣло о крестьянахъ князя Кочубея, и при этомъ признано, что возмущеніе этихъ крестьянъ возбуждено одною статьею «Историческаго, статистическаго и географическаго журнала», гдѣ въ апрѣльской книжкѣ за 1820 г. были напечатаны сужденія о томъ, что государь императоръ позволилъ крестьянамъ покупать свою свободу, что для увеличенія благосостоянія въ Россіи необходимо доставить крестьянамъ бо̀льшую гражданскую свободу и т. д. Министру народнаго просвѣщенія было вслѣдствіе того поручено «воспретить пропуски цензурами къ напечатанію всѣхъ сочиненій, кои касаться будутъ какъ настоящаго политическаго состоянія крестьянъ въ Россіи, такъ и будущихъ въ отношеніи къ нимъ видовъ. Ясно, что послѣ такого рѣшенія, утвержденнаго высочайшею властью, нечего уже было думать о той свободѣ печати, которая была дарована цензурнымъ уставомъ 1804 года. Но министерство народнаго просвѣщенія не удовольствовалось однимъ точнымъ исполненіемъ порученія, возложеннаго на него комитетомъ министровъ: мѣру, касавшуюся спеціально однѣхъ статей о крестьянахъ, оно, уже отъ себя, распространило еще дальше, и въ циркулярѣ (отъ 3-го декабря 1821 г.) князь Голицынъ, на основаніи

мнѣнія Главнаго правленія, высказалъ, что «частному человѣку нельзя никогда дозволить публиковать догадокъ своихъ въ дѣлѣ государственномъ, если причины и виды высшей власти ему неизвѣстны, а еще менѣе, если бы оные были ему открыты по какому-либо случаю».

Въ отношеніи религіозномъ, вліяніе князя Голицына на цензуру было еще неблагопріятнѣе и произвольнѣе.

Такъ, еще въ 1819 году, самъ министръ обратилъ особенное вниманіе на извѣстное письмо Ломоносова къ графу И. И. Шувалову (1766 года) «О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа», напечатанное въ мартовской книжкѣ «Журнала древней и новой словесности» за тотъ годъ. Это письмо показалось министру чѣмъ-то совершенно непозволительнымъ. Онъ нашелъ, что въ немъ «содержатся разныя выраженія и мысли, частію предосудительныя ученію и обрядамъ, принятымъ православною грекороссійскою церковію, частію же несправедливыя и оскорбляющія честь нашего духовенства, коихъ ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало бы пропускать къ напечатанію». Между тѣмъ Ломоносовъ въ своемъ письмѣ жаловался только на вредъ, происходящій для размноженія народа русскаго отъ очень разнообразныхъ климатическихъ, мѣстныхъ и бытовыхъ причинъ и, въ томъ числѣ, возставалъ противъ суевѣрія и грубаго упрямства. Здѣсь онъ между прочимъ говорилъ: «...Попы не токмо деревенскіе, но и городскіе, крестятъ младенцевъ зимою въ водѣ самой холодной, иногда и со льдомъ, указывая на предписаніе требника, чтобы вода была натуральная, безъ примѣшенія, и вмѣняютъ теплоту за примѣшанную матерію... Такихъ упрямыхъ поповъ, кои хотятъ насильно крестить холодною водою, почитаю я душегубцами, затѣмъ, что желаютъ, послѣ родинъ и крестинъ, вскорѣ и похоронъ для своей корысти». Далѣе Ломоносовъ жаловался на общее прожорство во время масляницы и св. недѣли, а также на грубую постную пищу, которая и здоровому желудку тягостна; онъ указывалъ, что много вреда приноситъ упаденіе нашего великаго поста на такое время года, когда рыба бываетъ цынготная и мокротная, вслѣдствіе того, что весенняя вода наполнена разными скверностями, накопленными отъ людей и животныхъ. Вслѣдствіе того, Ломоносовъ предлагалъ масляницу положить въ маѣ, великій постъ въ полной веснѣ и началѣ лѣта, а св. недѣлю около Петрова дня, когда бываютъ новые плоды и свѣжая рыба. За всѣ эти мысли, хотя въ основѣ ихъ лежала забота о народномъ здравіи и благосостояніи, князь Голицынъ велѣлъ сдѣлать цензору, пропустившему эту статью, замѣчаніе, объявивъ ему при томъ, что, при первомъ же подобномъ «случаѣ», онъ будетъ уволенъ отъ должности цензора, а журналъ передать для разсматриванія другому цензору; но такъ какъ между тѣмъ письмо Ломоносова было отпечатано отдѣльною брошюрою и поступило въ продажу, то по сношенію князя Голицына съ министромъ

внутреннихъ дѣлъ, упомянутая брошюра была изъята изъ обращенія въ публикѣ.

Въ 1821 году, князь Голицынъ не позволилъ печатать переводъ съ польскаго «Историческихъ записокъ о Россіи въ царствованіе Лжедимитрія», на томъ основаніи, что «польскіе писатели имѣли свои причины писать, будто бы Лжедимитрій былъ истиннымъ царевичемъ, а это совершенно противорѣчитъ преданіемъ нашей церкви».

Въ виду такой строгости князя Голицына во всемъ, относившемся до религіи или ея обрядовъ, тѣмъ болѣе является страннымъ и неожиданнымъ разрѣшеніе, данное имъ же въ 1822 году, вопреки даже мнѣнію Дерптскаго цензурнаго комитета, напечатать небольшое сочиненіе на эстскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Совѣты какъ молиться о изліяніи Св. Духа». Цензурный комитетъ полагалъ запретить эту книгу, потому что въ ней говорилось о совершенной свободѣ не только молитвы и проповѣди, но и устройства самому себѣ, каждымъ частнымъ человѣкомъ, молитвеннаго дома, или моленьи, что, по мнѣнію комитета и на основаніи закона, не могло имѣть мѣста безъ разрѣшенія и вѣдома правительства и духовнаго начальства. Но князь Голицынъ положилъ по этому дѣлу (5-го апрѣля 1822 года) такую резолюцію, писанную рукою директора департамента министерства народнаго просвѣщенія, извѣстнаго В. М. Попова: «Отвѣчать, что сомнѣніе цензурнаго комитета въ дозволеніи къ напечатанію сей рукописи не имѣетъ достаточнаго основанія, ибо оная содержитъ въ себѣ токмо совѣтъ благонамѣренный частнаго человѣка, и при томъ по такому предмету, который не только не противенъ христіанскому ученію вообще, но подтверждается самымъ священнымъ писаніемъ, какъ сіе и приводимые попечителемъ (графомъ Ливеномъ) тексты между прочимъ свидѣтельствуютъ. Моленіе Богу и приглашеніе къ тому другихъ, прошеніе объ изліяніи Духа Святаго суть только существенныя обязанности христіанина и столько извѣстны каждому изъ Слова Божія, что невозможно находить въ томъ ни малѣйшаго основанія къ соблазну; тѣ же, кто могутъ симъ соблазняться, безъ всякаго сомнѣнія, соблазнятся и всѣмъ ученіемъ христіанскимъ. Посему г. министръ признаетъ со своей стороны справедливымъ разрѣшить напечатаніе сей пьесы въ томъ уваженіи, что запрещеніе къ изданію оной было бы и весьма неблаговиднымъ препятствіемъ въ сообщеніи христіанскихъ истинъ. Самое сіе запрещеніе послужило бы скорѣе къ соблазну людей, чтущихъ истины христіанскаго ученія и ожидающихъ отъ правительства по крайней мѣрѣ свободнаго дозволенія въ семъ случаѣ, а не препятствій». Это какъ бы отступленіе князя Голицына отъ обыкновенной его системы по части статей и книгъ, касающихся догматовъ и обрядовъ религіозныхъ, объясняется особенностію личнаго его направленія и настроенія въ дѣлѣ вѣры. Князь Голицынъ былъ нѣчто

*

въ родѣ сектатора, не признававшаго непреложности всѣхъ постановленій православной церкви и замѣнявшаго нѣкоторыя изъ ея учрежденій собственными мистическими и другими измышленіями. Этотъ образъ мыслей раздѣлялъ и его директоръ департамента, В. М. Поповъ: оба они присутствовали на сходкахъ и моленіяхъ, которые мало имѣли общаго съ предписаніями православной церкви, и потому оба могли пропускать въ печать такія книги и статьи, которыя проповѣдывали «свободное изліяніе Св. Духа». Извѣстно, что именно этотъ образъ мыслей впослѣдствіи былъ одною изъ главныхъ причинъ паденія Голицына.

Далѣе, сверхъ дѣлъ политическихъ и религіозныхъ, князь Голицынъ имѣлъ особенный свой взглядъ на то, что слѣдуетъ допускать въ печати для народа и для учащагося юношества. Такъ, напримѣръ, въ 1820 году всюду изъяты были изъ употребленія, по исходатайствованному имъ на то высочайшему повелѣнію, «таблицы чтенія для ученія по ланкастерской системѣ», потому что тутъ, въ числѣ прочихъ примѣровъ, приводились нѣкоторыя народныя пословицы, казавшіяся князю «весьма безнравственными, безполезными или могущими служить поводомъ къ соблазну». Таковы были пословицы: «когда бы не Богъ, кто бы намъ помогъ.—Не всякъ монахъ, на комъ клобукъ.—Урвать да уйти.—Хоть хлѣба крома, да воля своя.—Жаль друга, да не какъ себя.—Что взято, то и свято. Горесть молчать не любитъ.—Хоть биту быть, а за рѣку плыть.—Воды и царь не уйметъ.—Деньги и камень долбятъ.—Тотъ смѣлъ, кто на коня сѣлъ.—Съ кого судья взялъ, тотъ и правъ сталъ.—Сытъ да не пьянъ, такъ и все тутъ». Эти таблицы показались министру дотого вредными и опасными, что онъ вытребовалъ ихъ даже изъ Императорской публичной библіотеки, несмотря на протестъ директора ея, А. Н. Оленина, предлагавшаго хранить тѣ таблицы въ особой, секретной комнатѣ библіотеки.

Въ томъ же 1820 году былъ также сдѣланъ отъ министра выговоръ московской цензурѣ за пропускъ въ печать переводнаго романа «Валентина или беззаботная голова» (книги, повидимому, дѣйствительно не совсѣмъ нравственной), и при этомъ высказано, что большинство романовъ «совершенно ничтожны и для чтенія вредны, равно какъ и сказки волшебныя и простонародныя, не приносящія не только ни малѣйшей пользы, ни чести для жителей государства, но и служащія болѣе къ развращенію вкуса и ума».

Въ 1823 году, князь Голицынъ велѣлъ сдѣлать замѣчаніе князю Шаликову, издателю «Дамскаго журнала», во-первыхъ, за эпикурейское, по его мнѣнію, направленіе этого журнала (ставившаго «цѣлію настоящей жизни и счастія чувственныя наслажденія»), но еще болѣе за насмѣшку, безъ приличія и дерзко, надъ тѣми, кто жаловался на разорительныя послѣдствія моды».

Вообще цензура временъ князя Голицына считала своею обязанностью поправлять слогъ, выраженія и самыя мысли авторовъ, не стѣсняясь въ этомъ отношеніи даже относительно самыхъ знаменитыхъ нашихъ писателей. Такъ, наприм., несмотря на длинное собственноручное письмо Жуковскаго къ князю Голицыну, съ жалобами на цензуру, требовавшую отъ него самыхъ безсмысленныхъ перемѣнъ въ его балладѣ «Ивановъ вечеръ» (переводъ изъ Вальтеръ-Скотта), князь въ 1822 г. согласился съ цензурой и велѣлъ печатать балладу согласно съ ея замѣчаніями, вслѣдствіе чего баллада была сначала переименована въ «Дункановъ вечеръ», а потомъ получила названіе «Смальгольмскій баронъ», при чемъ выпущены въ разныхъ мѣстахъ текста слова: «священникъ, панихида», и т. д., какъ непозволительныя въ свѣтской балладѣ. Далѣе, въ слѣдующемъ 1823 году, князь Вяземскій жаловался также Голицыну на цензора Краевскаго, который «рѣшительно запрещаетъ ему сказать въ своей статьѣ (о «Вѣстникѣ Европы» и Каченовскомъ), почему онъ уважаетъ дарованіе такого-то писателя и почему не раздѣляетъ мнѣній другаго, принимаетъ на себя обязанность рецензента и съ учительскою заботливостью наставляетъ его, Вяземскаго, искусству писать по-своему, замѣняя слова его своими и выкидывая выраженія, по мнѣнію его, некрасивыя или неправильныя». Доказательства неправильныхъ и даже противозаконныхъ дѣйствій цензора были слишкомъ осязательны, и министру слѣдовало бы, казалось, только удовлетворить автора; но онъ сталъ, вмѣсто того, требовать объясненій, дѣло тянулось, нѣсколько мѣсяцевъ и, наконецъ, кончилось ничѣмъ, за выходомъ князя Голицына изъ министерства народнаго просвѣщенія въ половинѣ 1824 года. Уже въ 1826 году, при новомъ министрѣ, адмиралѣ Шишковѣ, велѣно считать это дѣло (впрочемъ, ничѣмъ не разрѣшенное) конченнымъ.

Наконецъ, въ томъ же 1823 году, когда князь Андрей Урусовъ жаловался министру, что цензоръ дѣлаетъ самовольныя поправки слога въ его переводѣ греческихъ и римскихъ пословицъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что «отъ этого перевода *пахнетъ латинствомъ*, и что цензоръ многихъ мѣстъ не понимаетъ», князь Голицынъ не уважилъ жалобу князя Урусова и нашелъ дѣйствія комитета правильными, потому что за 13 лѣтъ до того (въ 1810 г.) Главное училищъ правленіе предписало циркуляромъ, не имѣвшимъ обязательной силы закона, всѣмъ цензурнымъ комитетамъ наблюдать за исправностью слога въ печатаемыхъ сочиненіяхъ.

Преемникомъ князя Голицына въ министерствѣ народнаго просвѣщенія былъ адмиралъ Шишковъ, котораго образъ мыслей, уже и прежде довольно извѣстный, еще болѣе подтвердился не далѣе какъ черезъ двѣ

недѣли (1-го іюня 1824 года) послѣ вступленія его въ должность [1]). Разсматривая статьи, назначенныя для напечатанія въ «Академическихъ Вѣдомостяхъ», Шишковъ нашелъ въ ихъ числѣ одну, извѣстнаго профессора статистики при С.-Петербургскомъ университетѣ Германа, представлявшую статистику смертоубійствъ и самоубійствъ въ Россіи за два послѣдніе года. По поводу этой статьи послѣдовала слѣдующая резолюція новаго министра: «Статью эту я почитаю не токмо ни къ чему не нужною, но и вредною: 1) какая надобность знать о числѣ сихъ преступленій? 2) по какимъ доказательствамъ всякій читатель можетъ удостовѣренъ быть, что число сіе отнюдь не увеличено? 3) къ чему извѣщеніе о семъ можетъ служить? Развѣ къ тому только, чтобъ колеблющійся преступникъ, видя предъ собою многихъ предшественниковъ, могъ почерпнуть изъ того ободреніе, что онъ не первый къ такому дѣлу приступаетъ? Мнѣ кажется, подобныя статьи, неприличныя къ обнародованію оныхъ, надлежало бы къ тому, кто ихъ прислалъ для напечатанія, отослать назадъ съ замѣчаніемъ, чтобъ и впредь надъ такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извѣщать о благихъ дѣлахъ, а такія, какъ смертоубійства и самоубійства, должны погружаться въ вѣчное забвеніе».

Легко понять, какой тонъ былъ данъ цензурѣ этою резолюціею, и въ этомъ отношеніи любопытенъ, какъ примѣръ, слѣдующій фактъ. Извѣстный съ весьма печальной, впрочемъ, стороны Магницкій, въ концѣ 1823 года, т. е. еще во время князя Голицына, прислалъ изъ Казани въ Петербургъ переводъ сочиненія подъ заглавіемъ: «Нѣчто о конституціяхъ», не назвавъ при томъ своего имени. Голицынъ, узнавъ изъ «Ежемѣсячныхъ Вѣдомостей» о поступленіи въ цензуру такого сочиненія, встревожился уже отъ одного его заглавія, потребовалъ рукопись къ себѣ и оставилъ ее въ своемъ кабинетѣ. Такъ на этомъ дѣло и остановилось. Но въ 1824 году, послѣ удаленія Голицына изъ министерства народнаго просвѣщенія, выступилъ на сцену Магницкій, недовольный долгимъ неполученіемъ никакого разрѣшенія. Онъ прямо объявилъ себя переводчикомъ этого сочиненія и сталъ требовать отъ цензурнаго комитета объясненія, какимъ послѣдній руководствуется закономъ, не дозволяя печатать его перевода. Цензурный комитетъ не колеблясь призналъ сочиненіе, переведенное Магницкимъ, за написанное вполнѣ «въ духѣ самодержавнаго монархическаго правленія», но въ то же время нашелъ, въ числѣ причинъ, по которымъ этотъ переводъ не могъ быть допущенъ въ печать, слѣдующія: «во-первыхъ, нѣтъ ни нужды, ни пользы, ниже приличія, разсуждать публично о конституціяхъ въ государствѣ, благоденствующемъ

---

[1]) Адмиралъ Шишковъ утвержденъ въ званіи министра народнаго просвѣщенія именнымъ высочайшимъ указомъ 15-го мая 1824 года.

подъ правленіемъ самодержавнымъ; во-вторыхъ, нѣкоторыя сужденія о семъ предметѣ политики могутъ показаться непріятными и для союзныхъ съ Россіею иностранныхъ державъ, имѣющихъ правленіе конституціонное; въ третьихъ, изданіе въ свѣтъ сего сочиненія на русскомъ языкѣ можетъ подать поводъ издателямъ періодическихъ сочиненій и другихъ книгъ писать о конституціяхъ, а публикѣ—дѣлать свои заключенія и, можетъ быть, превратныя толкованія на счетъ появленія сихъ особаго рода сочиненій». Наконецъ, комитетъ всего болѣе затруднялся потому, что имѣлъ въ виду предписаніе князя Голицына, которымъ было велѣно пропускать лишь тѣ разсужденія о правительствѣ, которыя само оно сочтетъ нужными, «потому что никто другой не въ состояніи судить, которыя изъ подобныхъ матерій и въ какое именно время прилично сообщать для свѣдѣнія публики». Прочитавъ все это, министръ Шишковъ нашелъ доводы комитета совершенно удовлетворительными и утвердилъ ихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поправки:

Въ статьѣ „Радецкій и Скобелевъ“, помѣщенной въ іюньской книжкѣ, вкрались слѣдующія неточности:

Стр. 597	строка	19 сверху	напечатано: Сельвинскій перевалъ, должно быть: Сельчинскій перевалъ.
„ 601	„	7 снизу	напечатано: предупреждено, должно быть: предупреждаю.
„ 607	„	26 сверху:	Онъ въ 12 часовъ дня энергично атаковалъ, должно быть: Онъ и принялъ рѣшеніе въ 12 часовъ дня энергично атаковать.
„ 615	„	11 сверху:	колоннъ, и генералъ Скобелевъ: должно быть: колоннъ, а генералъ Скобелевъ.

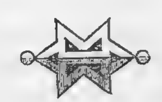
Собственноруч. письмо И. И. Дмитріева графу Н. П. Румянцову съ благодарностью за радушный пріемъ Н. М. Карамзина.

11-го апрѣля 1816 г. Москва.

Исполняя пріятный для меня долгъ, поспѣшаю принести вашему сіятельству усерднѣйшее поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ всего христіанства.

Между тѣмъ позвольте мнѣ, м. г., какъ другу Карамзина, изъявить вамъ и сердечную благодарность мою за весьма лестное для него ваше гостепріимство. — Онъ растроганъ вашимъ благоволительнымъ пріемомъ и исполненъ къ вамъ искренняго почтенія.—Теперь свиданія мои съ нимъ стали для меня еще пріятнѣе прежнихъ: я могу говорить съ нимъ часто о васъ, говорить съ тѣмъ, который одинаково со мною чувствуетъ.

Примите, м. г., увѣреніе въ душевномъ почтеніи и признательности и проч.

Удаленіе В. И. Даля изъ Николаева.

Другъ и біографъ знаменитаго автора «Толковаго словаря» П. И. Мельниковъ-Печерскій разсказываетъ о причинѣ удаленія молодаго Даля изъ Николаева весьма немного. «Случилось», — разсказываетъ Мельниковъ [1], — «что про одну еврейку, пользовавшуюся особеннымъ покровительствомъ тогдашняго командира Черноморскаго флота вице-адмирала Грейга, написано было хоть не очень складное, но мѣтко попавшее въ цѣль стихотвореніе. Горячо вступившійся за милую дщерь израиля посѣдѣлый адмиралъ захотѣлъ, во что бы ни стало, узнать имя дерзкаго, что̀ осмѣлился пошутить надъ усладою позднихъ дней его... Кому же написать стихи? Разумѣется, «сочинителю» [2]). Дѣло кончилось тѣмъ, что мичманъ Даль волей-неволей долженъ былъ оставить Черноморскій флотъ и перейти на службу въ Балтійскій». Объ этой еврейкѣ, по слухамъ, шинкаркѣ Ліи (или Лейкѣ), сперва любовницѣ, а потомъ законной женѣ А. С. Грейга, разсказываетъ нѣкоторыя интересныя подробности Ф. Ф. Вигель въ своихъ «Запискахъ» [3]).

Какимъ же образомъ, спрашивается, дознались, что сатирическіе стишки на «усладу позднихъ дней» адмирала написалъ В. И. Даль? Вотъ что̀ разсказалъ мнѣ по этому поводу одинъ мой знакомый, человѣкъ преклоннаго возраста, долго подвизавшійся въ Николаевѣ на педагогическомъ поприщѣ:

Сперва на Даля, какъ на «сочинителя», пало только подозрѣніе. Такъ какъ оно ничѣмъ не подкрѣплялось, то тогдашній николаевскій полиціймейстеръ Ѳеодоровъ (впослѣдствіи новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ) придумалъ устроить у него обыскъ. Но явиться

---

[1]) „Полное собраніе сочиненій В. И. Даля". Томъ I (СПб., 1897, стр. XVIII).

[2]) Такъ, по словамъ Мельникова, прозывали Даля въ Николаевѣ.

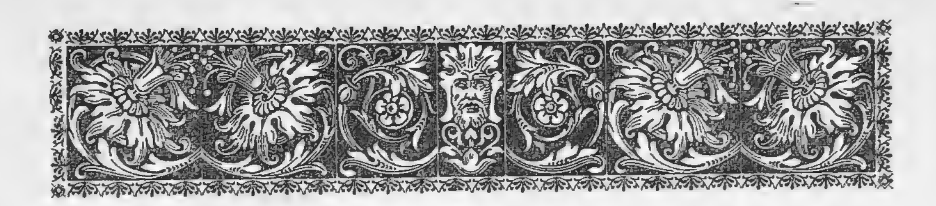
[3]) „Записки Ф. Ф. Вигеля". Часть VII (Москва, 1897, стр. 199—202).

прямо съ обыскомъ къ офицеру было дѣло невозможное. Θеодоровъ придумалъ хитрость. Съ цѣлой ватагою чиновниковъ, съ различными инструментами, явился онъ къ дому, гдѣ жили Даль и его матушка; компанія разставила свои приборы, принялась измѣрять троттуаръ веревкою и продѣлывать разныя странныя махинаціи. Самого Даля дома не было (нечего и говорить, что время его отсутствія изъ дому было выбрано нарочно), а была только его мать. Увидѣвъ Θеодорова съ его спутниками, любопытная женщина отворила окно и стала внимательно смотрѣть на происходившее. Чиновники дѣлали свое «дѣло» какъ ни въ чемъ не бывало, съ самымъ серьезнымъ видомъ. Вдругъ Θеодоровъ озабоченно принялся шарить у себя по карманамъ, будто чего-то ища, и, наконецъ, словно не найдя, обратился къ матери Даля съ просьбой дать ему листъ бумаги: свою, дескать, забылъ дома, а тутъ дѣло важное и спѣшное. Г-жа Даль не только предложила ему бумаги, но попросила безъ стѣсненій войти въ кабинетъ сына и тамъ написать что нужно. Θеодорову этого только и хотѣлось. Попавъ въ кабинетъ Даля, онъ быстро и ловко нашелъ въ его бумагахъ черновикъ сатирическаго стихотворенія. Подозрѣніе подтвердилось, виновность Даля была, такимъ образомъ, доказана, и онъ понесъ заслуженное возмездіе».

За достовѣрность этой исторіи вполнѣ поручиться нельзя, но въ ея пользу говоритъ то обстоятельство, что лицо, передавшее мнѣ этотъ разсказъ, слышало его въ Николаевѣ отъ одного старожила. Разсказъ этотъ, конечно, мало прибавляетъ къ біографіи автора «Толковаго словаря живаго великорусскаго языка», но онъ живо рисуетъ нравы русской провинціи въ «доброе, старое время».

Николай Лернеръ.

Изъ архива И. Е. Великопольскаго [1].

14.

Графъ А. А. Закревскій—М. Я. Мудрову.

23-го апрѣля 1831 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь Матѳій Яковлевичъ. Получивъ послѣднее письмо вашего превосходительства отъ 18-го сего мѣсяца, спѣшу равнымъ образомъ поздравить васъ съ наступившимъ праздникомъ Воскресенія Христова и повторить желаніе мое о скорѣйшемъ пріѣздѣ вашемъ, вмѣстѣ съ прочими членами Совѣта въ Петербургъ [2]. Удивляюсь, что гг. Дядьковскій и Чеботаревъ такъ замедлили доставленіемъ мнѣній своихъ; но, не смотря на сомнѣніе въ выполненіи ими обѣщанія своего, не могу согласиться на отъѣздъ вашъ, до совершеннаго окончанія статей, къ «Трактату» [3]) относящихся; почему и прошу ваше пре-

---

[1]) См. „Русскую Старину", 1901 г., іюнь.

[2]) Мудровъ, въ сопровожденіи троихъ студентовъ Московскаго университета и А. Х. Чеботарева, выѣхалъ изъ Москвы 12-го мая, а уже 8-го іюля умеръ въ Петербургѣ отъ болѣзни, бороться съ которой онъ былъ вызванъ.

[3]) Сочиненіе это вышло въ свѣтъ уже послѣ смерти Мудрова—въ декабрѣ 1831 г. подъ заглавіемъ: „Трактатъ о повально-заразительной болѣзни холерѣ, бывшей въ Россіи въ 1830 и 1831 году, сочиненный членами Медицинскаго Совѣта при Центральной коммиссіи и разсмотрѣнный Медицинскимъ Совѣтомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ" С.-Пб. 1831 8°. Сюда вошли статьи членовъ Совѣта: Дядьковскаго, Нагумовича, Венедиктова и Мудрова; послѣднему принадлежатъ главы о „Способѣ лѣченія повально-заразительной холеры, который принятъ большинствомъ членовъ Медицинскаго Совѣта при Центральной коммиссіи" (стр. 382—504), о „Простонародномъ лѣченіи" (стр. 539—561) и „Заключеніе трактата" (стр. 562—566).

восходительство пригласить отъ имени моего гг. Дядьковскаго и Чеботарева къ принятію всѣхъ мѣръ для немедленнаго окончанія занятій своихъ, по исполненіи коихъ всему Совѣту надо будетъ поспѣшить отъѣздомъ своимъ. Очень радъ вступленію къ «Трактату», вами вновь составленному, и увѣренъ, что оно совершенно оправдаетъ ожиданія мои.

Зная чувства глубокаго уваженія, вами казанскому архіерею Филарету всегда оказываемыя, спѣшу увѣдомить ваше превосходительство о наградѣ его брилліантовымъ крестомъ на клобукъ, которую, къ удовольствію моему, я успѣлъ испросить у его величества столь достойному во всѣхъ отношеніяхъ пастырю.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою графъ А. Закревскій.

Рукою М. Я. Мудрова помѣтка: «Г. членъ Дядьковскій обѣщался кончить къ 4-му мая, ученый секретарь—къ 5-му мая».

15.

Влад. Раф. Зотовъ [1])—Ив. Ерм. Великопольскому.

15-го іюня 1865 г. [С.-Петербургъ].

М. Г. Иванъ Ермолаевичъ! Вслѣдствіе изъявленнаго вами желанія имѣть ручательство членовъ посреднической коммиссіи [2]), что если вы отправитесь за границу, то вернетесь къ сроку или по востребованію, разумѣется кромѣ случаевъ болѣзни или другихъ законныхъ препятствій,—изъявляю на это полную готовность. Владиміръ Зотовъ.

16.

Ал. Н. Иконниковъ [3])—А. Ѳ. Лабзину.

9-го іюля 1817 г.

Ваше превосходительство милостивый государь Александръ Ѳедоровичъ! Вы изволите ѣхать въ Царское Село. Тамъ удостойте про-

---

[1]) Плодовитый писатель, переводчикъ и журналистъ, род. въ 1821 г., ум. въ 1896 году.

[2]) См. выше, письмо № 1.

[3]) Алексѣй Николаевичъ Иконниковъ состоялъ гувернеромъ Царскосельскаго лицея со дня его основанія. По словамъ гр. М. А. Корфа, „въ этомъ добромъ, благородномъ, умномъ и образованномъ человѣкѣ всё хоро-

честь посвящаемое мое вамъ слабое упражненіе, которое честь имѣю поднести вамъ.—Я написалъ мысли мои о истинномъ воспитаніи [1]), служа гувернеромъ при питомцахъ Императорскаго лицея; мысли сіи почерпнуты изъ нѣкоторыхъ статей изданнаго вашимъ превосходительствомъ прежняго «Сіонскаго Вѣстника».

Вы, мой милостивый благодѣтель, повѣрьте сіи «Мысли о истинномъ воспитаніи», кои, право, собраны въ лицеѣ и въ садахъ Царскосельскихъ.

Ваше превосходительство! не оставьте сіе упражненіе мое вашимъ благосклоннымъ вниманіемъ.

Съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ, благодарностію и преданностію честь имѣю быть вашего превосходительства милостиваго государя всепокорнѣйшій слуга Ал. Иконниковъ.

17.

П. М. Капцевичъ [2])—М. Я. Мудрову.

29-го іюля 1809 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь мой Матвѣй Яковлевичъ! Присланную вами при письмѣ къ г. военному министру [3]) сочиненія вашего подъ заглавіемъ «Слово съ пользою (sic) о предметахъ военной гигіены, или науки сохранять здравіе военно-служащихъ» [4]), по приказанію его сіятельства возвращая къ вамъ, имѣю честь увѣдомить, что слѣдуетъ представить

шія качества подавлялись неодолимою страстью къ вину... Литераторъ и писатель, Иконниковъ сочинялъ для насъ, въ началѣ нашего лицейскаго поприща, небольшія піесы, которыя разыгрывались нами, съ ширмами вмѣсто кулисъ и въ форменныхъ нашихъ сюртукахъ и мундирахъ, передъ всею Царскосельскою публикою". Иконниковъ пробылъ въ лицеѣ недолго и вышелъ изъ него уже въ 1812 г. Юноша-Пушкинъ записалъ въ своемъ дневникѣ любопытную характеристику этого страннаго человѣка (см. Соч. Пушкина, изд. Литер. Фонда, т. V, стр. 3—4; Я. К. Гротъ. „Пушкинъ и его лицейскіе товарищи и наставники". С.-Пб. 1899, стр. 242—243).

[1]) Эта объемистая (48 страницъ въ листъ) тетрадь, сохранившаяся доселѣ въ бумагахъ Мудровыхъ, состоитъ изъ 3 главъ и носитъ заглавіе «Мысли о истинномъ воспитаніи; писаны 1815 года. Всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходяй отъ Отца свѣтовъ» и имѣетъ посвященіе „Его Прев-ву Александру Ѳедоровичу Лабзину посвящаетъ вѣрнопреданнѣйшій и покорнѣйшій Алексѣй Иконниковъ, 23-го апрѣля 1817 г.".

[2]) Петръ Михайловичъ Капцевичъ (р. въ 1772, ум. 27-го іюля 1840 г.), тогда дежурный генералъ, а впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Западной Сибири и Оренбургскій.

[3]) Графу А. А. Аракчееву.

[4]) См. письмо № 2.

оную вамъ чрезъ свое начальство [1]). Пребывая съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашъ покорный слуга Петръ Капцевичъ.

18.

А. Ѳ. Лабзинъ—А. Х. Чеботареву [2]).

16-го сентября 1820 г. [С.-Петербургъ].

Любезный другъ Андрей Харитоновичъ! [3]). Видя, что мнѣ не кончить моего дѣла съ московскими книгопродавцами, я рѣшаюсь печатать книгу [4]) здѣсь подъ собственнымъ надзоромъ и на свой коштъ; почему и прошу васъ ее ко мнѣ выслать, московскимъ же книгопродавцамъ объявить, что ежели изъ нихъ кто имѣть ее желаетъ, тотъ, внеся по 40 р. ассигнаціями за экземпляръ, по числу внесенной нынѣ каждымъ суммы, такое число и экземпляровъ «Ключа» получитъ. А еслибъ кто захотѣлъ взять вдругъ 100 экземпляровъ, тому уступится книга по 30 р. экземпляръ. По выпускѣ же ея она продаваться будетъ не ниже 50 рублей.

Вашъ покорнѣйшій слуга А. Лабзинъ.

P. S. Именинницу [5]) поздравляемъ.

---

[1]) Когда формальность эта, потребованная Аракчеевымъ, была исполнена Мудровымъ въ точности, онъ получилъ отъ графа слѣдующее письмо отъ 18-го августа 1809 года:

Милостивый государь мой Матвѣй Яковлевичъ! Благодаря васъ покорно за доставленное мнѣ чрезъ г. Данилова слово ваше о пользѣ и предметахъ военной гигіены, и отдавая полную справедливость талантамъ вашимъ, честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ вашъ покорный слуга г. Аракчеевъ.

[2]) Все письмо писано безъ ъ.

[3]) Андрей Харитоновичъ Чеботаревъ, братъ жены М. Я. Мудрова—Софьи Харитоновны, былъ въ это время въ отставкѣ и проживалъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ. Съ Лабзинымъ онъ былъ знакомъ черезъ семью Мудровыхъ.

[4]) „Ключъ къ таинствамъ натуры". Сочиненіе г. Эккартсгаузена. 4 части. С.-Пб., въ Морской типографіи. 1821, 8°, съ гравюрами (цензурное дозволеніе дано въ Москвѣ, 24-го мая 1820 года); въ каталогѣ Плавильщикова цѣна указана 150 р. асс.; первое изданіе этого сочиненія въ переводѣ Лабзина вышло въ 1804 году, въ Москвѣ.

[5]) Софью Харит. Мудрову.

19.

К. А. Лохвицкій [1])—А. Х. Чеботареву.

19-го января 1830 г. Кіевъ.

Милостивый государь, Андрей Харитоновичъ! По вашему порученію я все исполнилъ, и въ доказательство прилагаю въ полученіи г-мъ Дюлу извѣстныхъ вещей росписку. Напрасно вы въ такую сумму написали заемное письмо,—и Боже меня сохрани, чтобъ мы взяли проценты!

---

[1]) Кодратъ Андреевичъ Лохвицкій (род. 9-го марта 1774 или 1775 г., ум. послѣ 1843 г.), малороссъ по происхожденію, бывшій сначала пѣвчимъ въ Москвѣ, а съ 1787 г. воспитывавшійся въ семьѣ Х. А. и С. И. Чеботаревыхъ вмѣстѣ съ ихъ сыномъ Андреемъ (къ которому и обращено это письмо), съ 1793 года находился въ военной службѣ и былъ поручикомъ, затѣмъ, въ чинѣ тит. сов., съ 1796 года служилъ стряпчимъ уголовныхъ дѣлъ въ Вознесенскомъ намѣстничествѣ (нынѣ Херсонская губ.), въ 1798 году былъ опредѣленъ форштмейстеромъ въ Московскую губ., откуда уволенъ былъ за сдѣланный имъ на кого-то доносъ, проживалъ, затѣмъ, въ Петербургѣ, а съ 1809 по 1816 годъ былъ совѣтникомъ Кронштадтскаго портоваго отдѣленія вѣдомства Главнаго управленія ревизіи государственныхъ счетовъ (Мѣсяцесловъ на 1796, 1812—1816 гг.). Въ это время онъ сблизился съ кружкомъ мистиковъ и былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Лабзина и Татариновой, собранія коихъ часто посѣщалъ. Попавъ снова подъ судъ въ 1817 году, за доносъ же, Лохвицкій послѣ того долго не служилъ, а числился при Герольдіи въ чинѣ статскаго совѣтника. Въ 1823 году онъ переселился въ Кіевъ и началъ заниматься археологическими изысканіями, совершенно не будучи подготовленъ къ нимъ въ научномъ смыслѣ. Въ октябрѣ 1824 года, по указанію и порученію митр. Евгенія Болховитинова, Лохвицкій открылъ въ Кіевѣ камни фундамента древней Десятинной церкви и часть мозаическаго ея пола (см. «Отеч. Зап.» 1825 года, ч. XXI, № 59, стр. 380—403), за что былъ избранъ соревнователемъ Московскаго общества Исторіи и Древностей; вскорѣ послѣ того онъ открылъ также фундаментъ Ильинской церкви и Золотыя ворота. Съ этихъ поръ Лохвицкій непрестанно производилъ различныя раскопки, безъ стѣсненія при этомъ фантазируя и всѣми силами стараясь придать своимъ открытіямъ значеніе первостепенной важности; онъ ссорился со всѣми, кто пытался работать въ томъ же направленіи, и въ 1826 году не постѣснился послать доносъ на своего соперника—художника Н. Е. Ефимова, командированнаго въ Кіевъ изъ Академіи художествъ А. Н. Олепинымъ для производства раскопокъ и снятія рисунковъ (сообщ. Вс. И. Срезневскій). Впослѣдствіи, Лохвицкій, состоявшій уже при кіевскомъ военномъ губернаторѣ по особымъ порученіямъ, собралъ довольно большую коллекцію древностей, часть которой въ 1836 году пожертвовалъ въ только что открытый при Кіевскомъ университетѣ Музей древностей, который онъ и устроилъ и котораго первымъ хранителемъ состоялъ. Уволенный уже 29-го января 1838 года отъ завѣдыванія музеемъ, вслѣдствіе

Взаимно обще съ женою моею Маріею Гавриловною васъ и любезнѣйшую сестрицу вашу Софію Харитоновну, а супругу друга моего Матвѣя Яковлевича поздравляемъ съ новымъ наступившимъ годомъ.—Дай Боже, въ тріединой любви сущій! чтобъ и мы всѣ причастники были существа Твоего!

Благодарю васъ, любезнѣйшій другъ и братъ, за радостное ваше увѣдомленіе о благодѣтельномъ внесеніи въ исторію Россійскую полезнымъ сыномъ отечества нашего, Николаемъ Алексѣевичемъ г-мъ Полевымъ имя мое и мой посильный трудъ, Богомъ подкрѣпленный въ разсужденіи раскрытія церкви въ старомъ Кіевѣ, Святодесятинной [1]). Описаніе объ ней, планы и рисунки я послалъ прямо къ г-ну издателю «Телеграфа Московскаго», Н. А. Полевому прошлаго года; но онъ мнѣ ничего не отвѣчалъ и не знаю, получилъ ли онъ всѣхъ тѣхъ рисунковъ. Древнія вещи сей церкви государыня императрица, въ проѣздъ чрезъ Кіевъ, разсматривала; посредствомъ поднесенія графинею Анною Алексѣевною Орловою-Чесменской нѣкоторыя вещи удостоила принять на память, а прочія мнѣ возвратила. Но государыня великая княгиня Елена Павловна, въ проѣздъ также чрезъ Кіевъ истекшаго года въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не только разсматривала тѣ всѣ древности, въ

полной къ тому неспособности, Лохвицкій въ 1843 году пытался продать часть своихъ коллекцій М. П. Погодину. Дальнѣйшая его судьба намъ не извѣстна.

Въ молодости Лохвицкій напечаталъ двѣ своихъ оды: «На покореніе Варшавы» (С.-Пб. 1794) и «На рожденіе в. к. Михаила Павловича» (С.-Пб. 1798). Въ библіотекѣ Кіевской духовной академіи находятся записки Лохвицкаго, извлеченіе изъ которыхъ сдѣлалъ проф. Ф. М. Терновскій въ «Трудахъ Кіевск. Дух. Ак.» 1863 г., № 10 и въ «Кіевлянинѣ» 1865 г., № 144—146. О Лохвицкомъ см. еще: В. С. Иконниковъ. Истор.-статист. записки объ ученыхъ и учебно-вспомогат. учрежденіяхъ университета св. Владиміра, Кіевъ. 1884, стр. 60—66 (въ ст. проф. В. Б. Антоновича); его же, Опытъ русской исторіографіи, т. I, стр. 192—193; Н. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. II и VII; „Кіевская Старина“ 1889 года, № 7 („Изъ бумагъ Л.“); Н. В. Закревскій. Описаніе Кіева, изд. 3-е, М. 1868; Н. И. Гречъ. Путевыя письма... ч. III, С.-Пб. 1839, стр. 196—197; Сборникъ статей, читанныхъ въ отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. V, вып. I, стр. 33, 36.

[1]) Полевой, говоря въ своей „Исторіи русскаго народа“ (т. I, М. 1829, стр. 232) объ основаніи св. Владиміромъ Десятинной церкви въ Кіевѣ, замѣчаетъ въ подстрочной выноскѣ: „Десятинная церковь много терпѣла при бѣдствіяхъ Кіева, а въ 1240 году Батый совершенно разорилъ и разрушилъ оную. Изъ остатковъ одной стѣны устроена была впослѣдствіи церковь небольшая. Остальное пространство заросло землею и было въ семъ запустѣніи до 1824 г. Тогда, по благословенію митрополита Евгенія, знаменитаго любовію своею къ отечественнымъ древностямъ, чиновникъ 5-го класса г-нъ Лохвицкій разрылъ землю, и подъ нею найдено было все основаніе древней Десятинной церкви“ и т. д.

Десятинной церкви освященныя, въ присутствіи великаго князя Михаила Павловича,—даже всѣ удостоила взять къ себѣ въ музеумъ и къ нимъ принадлежащіе документы подлинные и мнѣ тутъ же лично вручили брилліантовый перстень за раскрытіе сей церкви; и все уже къ ея высочеству отправлено, а о полученіи она увѣдомила здѣшняго губернатора.

Прошу васъ, какъ удостоенный и утвержденный корреспондентъ Общества Московскаго Исторіи и Древностей [1]), повидаться съ Николаемъ Алексѣевичемъ и спросить его, получилъ ли онъ мое описаніе сей церкви, и меня увѣдомить. Я ему послалъ 1-ю часть раскрытія; 2-я же у меня будетъ готова по первому вашему отзыву съ согласія Н. А. Полевого; а 3-я часть заключать будетъ вновь строющуюся на мѣстѣ Десятинной [2]).—Для любителей сея Святодесятинной матери всѣхъ церквей и святыхъ угодниковъ россійскихъ, я увѣренъ, что пріятно знать болѣе и болѣе объ ней; и точно, никто болѣе меня не можетъ знать о вѣрности сихъ раскрытій.

Благодарите за меня благодѣтеля моего издателя «Телеграфа» за подарокъ его журнала. Мы восхищаемся, читая его.

Его сіятельство г-нъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ у меня въ домѣ остановился съ своею супругою на время настоящихъ контрактовъ [3]) Кіевскихъ и въ знакъ памяти и своего ко мнѣ благорасположенія подарилъ мнѣ свою булатную саблю, которою защищалъ Россію во всѣ кампаніи своего вѣрнаго служенія. Этотъ мечъ (вотъ моя рѣчь) да будетъ памятникомъ раскрытія Богородичной, Святодесятинной церкви въ Кіевѣ. По времени, сію саблю сего великаго героя и защитника Санкпетербургской столицы да удостоитъ Московское Общество Исторіи и Древностей принять и внести въ исторію настоящихъ событій [4]).

Я слышалъ, что въ газетѣ Санктпетербургской публикуется о изданіи книги о раскрытіи Десятинной церкви. Мнѣ хотѣлось бы знать, кто ее издаетъ, и, о семъ узнавъ отъ Николая Алексѣевича, также прошу меня почтить извѣстіемъ.

---

[1]) Это званіе Лохвицкій получилъ за раскопки на мѣстѣ Десятинной церкви.

[2]) Этимъ занялся на свои средства богатый помѣщикъ, отставной гвардіи поручикъ А. С. Анненковъ, у котораго съ Лохвицкимъ были неоднократныя столкновенія.

[3]) То-есть, ярмарки.

[4]) Саблю эту Лохвицкій пожертвовалъ въ Музей древностей при университетѣ св. Владиміра (В. С. Иконниковъ. Ист.-статист. записки объ ученыхъ и учебно-воспитат. учрежденіяхъ университета св. Владиміра, Кіевъ. 1884).

Ваша любовь ко мнѣ, въ письмахъ излiянная, для меня радость и награда за постоянную взаимно братскую дружбу. Съ симъ чувствомъ привѣтствуя благодарностiю, есмь и пребуду вѣрный въ братолюбiи слуга Кодратъ Лохвицкiй.

20.

С. А. Мудрова [1])—М. Я. Мудрову.

1-го iюня [1819 г.].

Любезнѣйшiй дядинька, Матвѣй Яковлевичъ! Пишу къ вамъ сiи малыя строки съ однимъ отъѣзжающимъ очень умнымъ и добрымъ человѣкомъ и бывшимъ нѣкогда моимъ учителемъ, котораго прошу васъ покорнѣйше, милой дядинька, принять и не оставить, ежели ему будетъ нужда, въ помощи или совѣтахъ вашихъ. Надѣюсь на доброту сердца вашего, что вы въономъ ему не откажете и, вѣрно, его полюбите, потому что онъ весьма хорошо говоритъ по-латыни. При семъ цѣлуя васъ мысленно, милой дядинька, отъ всего моего сердца поздравляю васъ съ чиномъ статскаго совѣтника [2]), желая вамъ болѣе и болѣе милостей отъ царя Небеснаго и земного.

Вѣрно уже теперь любезная тетенька [3]) со всѣмъ семействомъ въ деревнѣ? Итакъ, прошу васъ покорнѣйше, когда будете писать къ нимъ, засвидѣтельствовать имъ мое усердное почтенiе. Моля Господа о сохраненiи драгоцѣннаго для меня, милой дядинька, здоровья вашего, остаюсь съ совершеннымъ почтенiемъ ваша покорнѣйшая слуга и племянница Софья Мудрова.

---

[1]) Софья Алексѣевна Мудрова, родная племянница Матвѣя Яковлевича, дочь родного его брата Алексѣя Яковлевича, умершаго въ 1801 году; Софья Алексѣевна была принята А. Ѳ. Лабзинымъ и его женою Анной Евдокимовной и воспитана, какъ родная дочь. (Словарь профессоровъ Московскаго университета, т. II, М. 1855, стр. 120).

[2]) Полученъ Мудровымъ 19-го апрѣля 1819 г. за составленiе проектовъ Медицинскаго института и Клиническаго института при Московскомъ университетѣ.

[3]) Софья Харитоновна Мудрова (род. въ 1786 г. † 10-го августа 1833 г.), рожд. Чеботарева, дочь профессора и ректора Московскаго университета Х. А. Чеботарева; въ это время у нея было двое дѣтей: дочь Софья (род. 1815 г. † 1897 г.), впослѣдствiи бывшая замужемъ за Иваномъ Ермолаевичемъ Великопольскимъ, и сынъ Нилъ (род. 1816 г.), умершiй въ малолѣтствѣ.

Приписка А. Е. Лабзиной [1].

И я васъ, мой милый другъ, поздравляю съ полученіемъ монаршей милости и желаю отъ сердца моего болѣе и болѣе получить!

Рекомендую вамъ сего человѣка, хорошаго нашего пріятеля и насъ любящаго Дмитрія Ефимыча Василевскаго [2]. Приласкай же его, мой другъ; онъ, можетъ быть, покажется тебѣ страннымъ, но какъ узнаете его, то увидите, что онъ—добрый, умный и честный человѣкъ. Можетъ быть, ему надобность будетъ съ кѣмъ-нибудь познакомиться,—то прошу васъ рекомендовать его. Онъ теперь ѣдетъ въ чужіе края при одномъ молодомъ человѣкѣ, а по возвратѣ думаетъ жить въ Москвѣ и познакомиться съ университетомъ; тогда-то вы можете ему быть полезны. Я этого человѣка очень люблю; онъ съ нами часто дѣлилъ длинные осенніе вечера: мы всѣ—за работой, а онъ намъ читалъ книжку и говорилъ свои сужденія. Не знавши человѣка, я бы вамъ не рекомендовала. Вы мнѣ все это сдѣлаете; оказанная ему ласка примется мною такъ, какъ бы это было мнѣ сдѣлано. Онъ же нѣкогда былъ учителемъ и Сонѣ, которую онъ очень любилъ и прилагалъ большое объ ней стараніе, безо всякихъ интересовъ, хотя самъ бѣдный человѣкъ.

Я знаю, что теперь твоего семейства нѣтъ въ Москвѣ, то прошу отъ меня написать мое истинное почтеніе, а малюточекъ за меня пусть почтенная и любезная Софья Ивановна поцѣлуетъ, особливо Нила, ко-

---

[1]) Анна Евдокимовна Лабзина (род. въ 1758 г., ум. въ 1827 г.), жена извѣстнаго мистика, вице-президента Академіи художествъ Александра Ѳедоровича Лабзина (род. въ 1766 г., ум. въ 1825 г.). Записки Анны Евдокимовны вскорѣ появятся на страницахъ „Русской Старины".

[2]) Д. Е. Василевскій (род. въ 1781 г., ум. ?), впослѣдствіи (съ 1822 г.) ординарный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ правъ политическаго и народнаго; сынъ священника Калужской губерніи, воспитанникъ духовной семинаріи и Педагогическаго института, по окончаніи котораго служилъ преподавателемъ (1810—1819 г.) русской словесности, миѳологіи и всеобщей исторіи въ Академіи художествъ, въ которой А. Ѳ. Лабзинъ занималъ сначала должность конференцъ-секретаря, а затѣмъ—вице-президента. Въ это время Василевскій, по рекомендаціи князя А. Н. Голицына (министра народнаго просвѣщенія), отправлялся въ Германію и Францію на три года съ отставнымъ маіоромъ Александромъ Ермолаевичемъ Мельгуновымъ въ качествѣ воспитателя его сына—Николая Александровича (род. 1804 г., умеръ 4-го февраля 1867 г.), впослѣдствіи извѣстнаго литератора, о которомъ см. очеркъ А. И. Кирпичникова „Между славянофилами и западниками" въ „Русской Старинѣ" 1898 г., № 11 и 12 („С.-Пб. Вѣдомости" 1820 г., № 38, стр. 467; Словарь профессоровъ Московскаго университета, т. I, М. 1855, стр. 145—въ біографіи Д. Е. Василевскаго; Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. I, стр. 105).

*

тораго очень много сердце мое любитъ: видно, во мнѣ осталась старая привычка любить мужчинокъ болѣе, нежели женщинъ.

Да утѣшитъ васъ Господь ими: они оба милы и для васъ драгоцѣнны. Андрею Харитоновичу [1]) мое усердіе прошу сказать; я слышала, что онъ съ вами въ Москвѣ.

Что за лѣнь, мой другъ, на тебя напала, что ты не отвѣчаешь на мое письмо ничего? Кажется, не мудрено сказать два слова: «да» или «нѣтъ», и дать мнѣ знать участь той, которая живетъ въ сердцѣ моемъ и для которой, кажется, я живу. Горько будетъ умирать мнѣ, не знавши ея участи! Съ чѣмъ и какъ она останется? Я бы желала, чтобы она ни отъ кого не зависѣла и никому не была въ тягость, и это меня, признаюсь вамъ, сокрушаетъ очень. Никто ея не знаетъ такъ хорошо, какъ я, и чувствъ ея никто не будетъ знать безъ меня.

Прости, мой милый другъ, болѣе писать не могу; я же нездорова ужъ нѣсколько дней. Мы остались всѣ живы. Александръ Ѳедоровичъ [2]), благодареніе Богу, теперь здоровъ.

Остаюсь навсегда съ чувствомъ любви и дружбы ваша вѣрная услужница А. Лабзина.

Прошу покорно доставить приложенное письмо, куда надписано: оно нужное для меня.

21.

М. Я. Мудровъ—С. Х. Мудровой [3]).

28-го іюля 1830 г.

Желаю всѣмъ добраго здравія и веселія. Софью Харитоновну прошу гулять не до устатку, Софьѣ Матвѣевнѣ [4]) вдоволь. Надеждѣ Ивановнѣ [5]) гулять съ отдыхомъ.

Dominus vobiscum!

Посылаю вамъ изображеніе внутренности единственной въ своемъ

---

[1]) Чеботареву, шурину Мудрова.

[2]) Лабзинъ.

[3]) Жена М. Я. Мудрова—Софья Харитоновна, рожд. Чеботарева.

[4]) Дочь Мудрова, въ 1831 г. вышедшая замужъ за Ивана Ермолаевича Великопольскаго.

[5]) Н. И. Венсовичъ, дочь доктора и ординарнаго профессора анатоміи, физіологіи и судебной медицины Московскаго университета Ивана Ѳедоровича Венсовича, товарища Мудрова по университету; послѣ смерти Венсовича (11-го февраля 1811 г., 42 лѣтъ) Мудровъ взялъ подъ свое покровительство двухъ его дѣтей—сына Александра и дочь Надежду, которые и проживали въ домѣ Мудровыхъ, воспитываясь съ ихъ дѣтьми.

родѣ церкви св. Констанціи [1]); съ оной взята круглая форма внутренности Пехринской церкви, съ тою разницею, что вмѣсто колоннъ—арки на стѣнкахъ. Смотри № 10 въ Пиранези [2]). Описаніе церкви сей въ «Itinéraire de Rome» [3]) находится на 185-й страницѣ. Самая церковь стоитъ на разстояніи италіанской мили за «Porta Pia», или, по-древнему,—«Porta Numentana». Улица туда идетъ мимо Квиринальскаго дворца. Для сего прилагаю планъ Рима. Римскія дороги весьма важны въ ученомъ свѣтѣ.

Dominus vobiscum iterum, iterumque et semper. Благословеніе всѣмъ. Препокорный и послушный Матѳей Мудровъ.

Церковь Пехринскую прошу выстудировать и сдѣлать видъ внутренности, также списать надпись на мраморной доскѣ.

Приписка А. Х. Чеботарева.

Любезная сестра! Мы всѣ, слава Богу, живы и здоровы. Очень пріятно было читать описаніе встрѣчи вашей въ Пехрѣ. Просьбу твою помню и, въ исполненіе ея, домовничаю и никуда изъ дому не отлучаюсь.

Завтра свезутъ изъ Краснаго Села Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова [4]) на Ваганьково. «Юбилеемъ» заключилъ свои пѣсни [5]).

---

[1]) Batistero e sepolcro di Santa Constanza—въ Римѣ, построена въ первые вѣка христіанства; она представляетъ изъ себя круглое въ основаніи зданіе съ куполомъ, поддерживаемымъ 24-мя колоннами. Описаніе и рисунокъ ея—въ книгѣ Jules Gailhabaud: „Monuments anciens et modernes". t. II, Paris, 1853.

[2]) Иванъ-Батистъ Пиранези (род. въ 1720 г., ум. въ 1778 г.),—извѣстный итальянскій граверъ, издатель большого числа атласовъ съ рисунками и видами, относящимися до архитектуры, древностей, топографіи и т. п. Работы его, вмѣстѣ съ сочиненіями его сына Франческо Пиранези (род. въ 1748 г. ум. въ 1810 г.) были изданы въ 1836 г. фирмою F. Didot въ 29 томахъ.

[3]) Это извѣстное сочиненіе Mariano Vasi многократно издавалось на итальянскомъ и другихъ языкахъ; здѣсь, вѣроятно, имѣется въ виду французскій переводъ, напечатанный въ 1819 году въ Римѣ подъ заглавіемъ „Itinéraire instructif de Rome à Naples, ou description général des monumens anciens et modernes et des ouvrages les plus remarquables en peinture, sculpture et architecture de cette ville célèbre et de ses environs".

[4]) А. Ѳ. Мерзляковъ умеръ 26-го іюля 1830 г. на своей дачѣ въ Сокольникахъ; 29-го числа гробъ съ останками его былъ перенесенъ на рукахъ товарищами и учениками его до церкви Тихвинской Богоматери, что въ Красномъ Селѣ (гдѣ нынѣ Алексѣевскій монастырь), а оттуда—на Ваганьково кладбище.

[5]) 26-го іюня 1830 г., на торжествѣ празднованія 75-тилѣтняго юбилея Московскаго университета, Мерзляковъ, уже больной и слабый, читалъ стихи

Мадамъ Делиль [1]) свидѣтельствуетъ тебѣ свое почтеніе.

Мы вчера весьма встревожились, увидя, что узелъ съ бѣльемъ забытъ, и хотѣли посылать нарочнаго съ онымъ въ Пехру; теперь отправляемъ съ онымъ Егора.

Цѣлую мысленно твои ручки, пребываю со всегдашнею преданностью и братнею любовью твоимъ покорнѣйшимъ братомъ и слугою А. Чеботаревъ.

Софьѣ Матвѣевнѣ низко кланяюсь.

22.

М. Я. Мудровъ—С. Х. Мудровой.

6-го декабря 1830 г. Пенза.

Любезный милый другъ Софья Харитоновна! Опять пріѣхали въ Пензу на Николинъ день. Помолились въ соборѣ за дражайшаго имянинника, да Господь возвеселитъ его радостью. Были у преосвященнаго Іоанна [2]) и, пообѣдавъ, отправились въ Тамбовъ. Софьѣ Матвѣевнѣ и Надеждѣ Ивановнѣ—благословеніе, а madame Delille—низкій поклонъ съ воплемъ крѣпкимъ: Oremus! Атинькѣ и всѣмъ домашнимъ поклонъ.

Весь вашъ Матвѣй Мудровъ.

P. S. Декабря 2-го былъ въ Болгарахъ, т. е. въ развалинахъ великаго града болгаръ, древней столицы болгарскаго царства. Накупилъ древностей и обломковъ, съ тѣмъ пріятнымъ намѣреніемъ, чтобы Софью Матвѣевну нарядить болгаркою въ маскарадѣ. Это будетъ ходячая древность на юныхъ ногахъ.

Прощайте! М. Мудровъ.

Приписка А. Х. Чеботарева.

Любезная сестра! Вотъ мы и въ Пензѣ. Сегодня были на молебнѣ за здравіе великаго нашего государя. Послѣ заѣзжали къ новому здѣшнему архіерею, который былъ студентомъ въ Нижнемъ во время пріѣзда туда Матвѣя Яковлевича [3]) и его тотчасъ узналъ. Сдѣлалъ одно только

свои „Юбилей“ (Словарь профессоровъ Московскаго университета, ч. II, М. 1855, стр. 96—97).

[1]) Гувернантка, жившая у Мудровыхъ.

[2]) Іоаннъ Доброзраковъ (ум. 23-го іюня 1872 г.), сынъ священника Нижегородской губерніи, съ 5-го августа 1830 г. епископъ пензенскій, съ 1835 г.—нижегородскій, а съ 1847 по 1867 г.—архіепископъ донской.

[3]) Это было въ 1812 году, когда Мудровъ, вмѣстѣ съ ректоромъ и другими профессорами, покинулъ Москву, чтобы въ Нижнемъ-Новгородѣ провести все смутное время непріятельскаго нашествія.

замѣчаніе, что тогда у Матвѣя Яковлевича волосы были черные, а впрочемъ не находитъ большой въ немъ перемѣны.

О Болгарахъ прочтите подробнѣе въ Карамзиновой «Исторіи Россійскаго Государства». Графъ [1]) такъ милостивъ къ Матвѣю Яковлевичу, что, замѣтя желаніе его видѣть Болгары, назначилъ для медицинскаго совѣта особый маршрутъ, только чтобъ доставить Матвѣю Яковлевичу возможность удовлетворить свое любопытство, а самъ поѣхалъ чрезъ Нижній Новгородъ.

Мы не могли безъ сердечнаго восхищенія читать въ послѣднемъ письмѣ твоемъ описаніе материнскихъ чувствъ твоихъ при взглядѣ на любезную Софью Матвѣевну. Дай Богъ, чтобъ она всегда утѣшала отца и мать! Кланяясь ей низехонько и цѣлуя твои ручки, оканчиваю, ибо лошади заложены и садимся въ кибитки! Весь твой братъ и слуга А. Чеботаревъ.

23.

М. Я. Мудровъ—С. Х. Мудровой.

9-го декабря 1830 г. Тамбовъ.

Любезный милый другъ Софья Харитоновна! Декабря 8-го дня, благодареніе Господу Богу, пріѣхали мы въ Тамбовъ. Его сіятельство графъ Арсеній Андреевичъ [2]) возвѣстилъ мнѣ о письмѣ и посылкѣ, а вчера, декабря 8-го дня, получилъ отъ его самого письмо твое во Владиміръ, отъ 3-го декабря; и посылку, то-есть, книги мнѣ передали. Сегодня же вечеромъ получилъ и второе письмо твое отъ 5-го декабря. Премного благодарю за любопытныя для меня вѣсти медицинскія, которыя ты, мой милый другъ, умѣла написать. Но скоро, скоро, мы будемъ, аще восхощетъ Богъ, разговаривать съ тобою и со всѣми присными не письменно, но viva voce. Исторію сію ты будешь читать въ письмѣ Андрея Харитоновича.

Теперь поговоримъ о важномъ дѣлѣ, и безъ пристрастій. Мнѣ не хочется въѣхать въ Прѣсненскій домъ [3]). Обдумай все хорошенько и сдѣлай консиліумъ, съ кѣмъ тебѣ угодно. Резоны суть слѣдующіе, о которыхъ и прежде къ тебѣ писалъ: 1) Мой дорожный домъ, моя свита домашняя, прошли сквозь огнь холерной и по сихъ поръ не опалился, но не знаю, нѣтъ ли искры изъ насъ въ комъ-ни-

---

[1]) А. А. Закревскій.

[2]) Закревскій.

[3]) Собственный домъ Мудрова на Прѣсненскихъ прудахъ, перешедшій потомъ къ его зятю И. Е. Великопольскому и послѣднимъ проданный.

будь и въ нашихъ домашнихъ вещахъ, несмотря на то, что мы жестоко были окуриваемы Андреемъ Харитоновичемъ [1]. Итакъ, боюсь, чтобъ не привезти въ домъ холеры!!! Думай и гадай! 2) По пріѣздѣ моемъ вся Москва ко мнѣ повалитъ съ визитами, и ворота не будутъ заперты. За кого можно поручиться, что въ посѣтителяхъ нѣтъ холеры? 3) Присылки отъ больныхъ начнутся, и передняя опять наполнится лакеями и больными. За кого можно поручиться, что въ людяхъ нѣтъ холеры? 4) Москва осталась не окуренною, а мы выкурили и Саратовъ, и Казань. 5) Въ Москву я ѣду, но остаюсь въ службѣ у министра внутреннихъ дѣлъ, хотя его сіятельство и ѣдутъ въ Петербургъ: ибо еще Медицинскій совѣтъ не кончилъ своихъ дѣлъ. Итакъ, я долженъ пріѣхать, по-моему, либо въ Арбатскій домъ, ежели онъ пустъ, либо въѣхать въ трактиръ. А намъ квартиры будутъ отведены казенныя. Одинъ членъ, г. Дядьковскій, только въѣдетъ въ свой домъ, а два члена—г. Нагумовичъ и г. Венедиктовъ [2]) станутъ на квартирахъ. И мы всѣ съ ученымъ секретаремъ нашимъ должны будемъ продолжать нѣсколько времени нашъ Медицинскій совѣтъ, пока не докончимъ назначеннаго намъ дѣла. По секрету же скажу, что мнѣ предстоитъ и сочиненіе нѣкоторыхъ артикуловъ для «Трактата». Когда же все сіе удастся мнѣ сдѣлать, ежели я начну путешествовать утромъ и вечеромъ по Москвѣ? Я уже не говорю объ университетскихъ моихъ занятіяхъ, которыя прекращены будутъ, дондеже меня возвратитъ въ министерство просвѣщенія теперешній мой благодѣтельный, рѣдкій начальникъ — графъ Арсеній Андреевичъ, господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ, къ которому я принадлежу точно такъ, какъ ножны къ его шпагѣ. Итакъ, вотъ тебѣ, мой другъ, задача! Андрей Харитоновичъ взялся къ тебѣ продолжать ту же матерію. Распоряженіемъ сего дѣла не медли, ибо мы въ дорогѣ не спимъ, иначе, какъ въ повозкахъ, а выходимъ только пить чай и обѣдать. Несмотря на то, графъ Арсеній Андреевичъ еще скорѣе насъ ѣздитъ, и вдвое скорѣе: у него впередъ фельдъегери скачутъ, а у меня лошади готовятся по моемъ пріѣздѣ. И такъ,—мы близко отъ Москвы, какъ ты, мой милый другъ, читаешь сіи полуночныя строки.

Софьѣ Матвѣевнѣ и Надеждѣ Ивановнѣ благословеніе. Наденькину нарыву я радуюсь; это кончитъ всѣ ея болѣзни. Наденька, будь здорова къ моему пріѣзду! Попроси Михаила Вильмовича [3]), чтобъ

---

[1]) Чеботаревымъ, ученымъ секретаремъ Центральной коммиссіи по борьбѣ съ холерой.

[2]) О нихъ см. примѣч. къ письму 11-му.

[3]) Михаилъ Вильгельмовичъ Рихтеръ, д-ръ медицины, профессоръ Московскаго университета.

онъ разрѣзалъ нарывъ, ежели онъ готовъ, либо пусть попроситъ онъ Федора Андреевича [1]).

Madame Delille! Gratias agamus Domino Deo nostro, который возвращаетъ насъ здоровыхъ послѣ трехмѣсячнаго путешествія, и путешествія не безопаснаго.

Препрощайте! Атинькѣ и всѣмъ домашнимъ кланяюсь.

Totus vester, semper devotissimus.

Matth. Mudrow.

Приписка А. Х. Чеботярева.

P. S. Вотъ тебѣ и еще рацея:

Матвѣю Яковлевичу гораздо бы пріятнѣе было пріѣхать въ свой кабинетъ, въ которомъ онъ еще не жилъ, и жить на Прѣснѣ, гдѣ холеры не было,—но разсуди сама, любезная сестра, что каковы должны быть чувства Матвѣя Яковлевича! Пріятно ли ему мыслить, что при его возвращеніи занесутъ къ вамъ въ домъ холеру или мы сами въ вещахъ своихъ привеземъ ее? По чести, однѣ эти мысли, одно такое опасеніе сокрушатъ его! И потому, не лучше ли, чтобъ на первое время онъ не въѣзжалъ въ Прѣсненскій домъ? Если Арбатскій домъ пустъ, то онъ въѣдетъ въ него, и ты заблаговременно прикажешь его отапливать, и вѣроятно, въѣдетъ въ оный съ двумя членами совѣта; если жъ княгиня Барятинская живетъ еще въ немъ, то не лучше ли будетъ намъ въѣхать въ трактиръ, пока отведутъ намъ, какъ членамъ Медицинскаго совѣта при Центральной коммиссіи, казенную квартиру. Вы будете пріѣзжать къ намъ всякій день, пока минется всякая боязнь заразительности; отъ сего сердце Матвѣя Яковлевича будетъ успокоено, и онъ будетъ вдвое здоровѣе прежняго; если же пріѣдетъ на Прѣсню, то внутренное безпокойство и опасенье безпрестанно будетъ тревожить духъ его, что̀ можетъ имѣть вредное вліяніе на его силы физическія.

Думаемъ и раздумываемъ, и сами не знаемъ, какъ съ симъ сладить и сообразиться, но все выходитъ одинъ и тотъ же результатъ, что безопаснѣе въ Прѣсненской домъ не въѣзжать. И поэтому, любезная сестра, пришли, если будетъ почта — по оной, а если не будетъ почтоваго дня, — то пришли съ нарочнымъ 14-го числа въ Бронницы письмо, и извѣсти насъ, порожденъ ли Арбатскій домъ, чтобы мы знали, въ него ли, или въ трактиръ пріѣхать.

Прощай! до радостнаго свиданія.

---

[1]) Ѳедоръ Андреевичъ Гильдебрандтъ (род. въ 1773 г., ум. въ 1845 г.), докторъ медицины и хирургіи, ординарный профессоръ хирургіи въ Московскомъ университетѣ.

Приписка М. Я. Мудрова.

1 часъ по-полуночи. По разсчету надѣемся выѣхать 11-го числа изъ Тамбова и быть 14-го декабря въ Бронницахъ, куда не вздумайте сами выѣхать, ибо можемъ запоздать днемъ, и, упаси Богъ! непредвидѣнные случаи могутъ, какъ и въ прошедшій разъ, еще бросить насъ въ другую сторону; и потому Матвѣй Яковлевичъ проситъ, чтобъ отнюдь не выѣзжали къ нему на встрѣчу. Аминь. Матвѣй Мудровъ.

Приписка А. Х. Чеботарева.

Тамбовъ. 10-го декабря 1830 г. Матвѣй Яковлевичъ у графа и теперь съ нимъ работаетъ въ послѣдній разъ въ Тамбовѣ. Сегодня получимъ отправленіе и прогонныя деньги. Завтра, если Богъ дастъ, вѣроятно, выѣдемъ. Впрочемъ, если не успѣемъ уложиться, то можемъ выѣхать и 12-го числа, но я постараюсь, чтобъ выѣхать завтра, хоть вечеромъ. До Москвы отсюда только 467 верстъ; полагаю, что будемъ ѣхать день и ночь (развѣ сдѣлаемъ только маленькій роздыхъ въ Рязани), — слѣдовательно, можемъ въ четвертыя сутки пріѣхать въ Москву, что̀, по разсчету должно быть, если выѣдемъ завтра, — 15-го, а если выѣдемъ послѣ-завтра, — то 16-го декабря. И потому пришли 15-го числа въ Бронницы письмо или нарочнаго, насъ увѣдомить, пустъ ли Арбатскій домъ, или занятъ, дабы знали, въ него ли, или въ трактиръ къ madame Obert въѣхать. Этому непремѣнно такъ быть должно, ибо Матвѣй Яковлевичъ, зная, что Москва не окурена, боится возрожденія въ ней холеры и не хочетъ быть поводомъ занесенія ея въ нашъ домъ; и несмотря на то, что мы довольно окурены, но, по пріѣздѣ въ Москву, я вновь подвергну сильной окуркѣ все, до послѣдней вещи, съ нами бывшее въ дорогѣ... Надежда Ивановна Тимоѳеева отъ холеры изъ Тамбова уѣхала въ Москву, а изъ Москвы въ С.-Петербургъ, вмѣстѣ съ дочерью, г. Чубаровою, и имѣла несчастіе тамъ ея лишиться. Она избѣжала холеры, но умерла отъ простудной горячки.

Теперь вы, я думаю, радуетесь, что оцѣпленіе снято и Москва объявлена благополучною. Всѣ московскія дамы, я думаю, въ запуски пустились дѣлать визиты, но Матвѣй Яковлевичъ очень доволенъ, что ты ворота Прѣсненскаго дома еще не растворила; пусть дурачутся другіе, сколько хотятъ, а мы побережемся еще нѣкоторое время, ибо береженаго, по пословицѣ, самъ Богъ бережетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо кн. Багратіона Барклаю-де-Толли объ отставномъ полковникѣ графѣ Виттѣ.

19-го октября, 1811 г. Житоміръ.

Прежде сего сообщалъ я вамъ свѣдѣнія, полученныя мною отъ отставнаго полковника графа Витта, а сей разъ упомяну и о немъ самомъ. Сколько я его знаю, онъ лжецъ и самый неосновательный человѣкъ; но жена его какъ умная и хорошая женщина, управляетъ его поступками такъ, чтобы не лишился онъ довѣренности у насъ, равно и въ герцогствѣ Варшавскомъ не потерялъ хорошаго о себѣ мнѣнія.

По моему замѣчанію, кажется, что онъ двуличка. Сіе не дурно бъ было, когда бъ справедливо обо всемъ насъ извѣщалъ и показанія его со стороны ихъ были бы вѣрны. Я сидѣлъ съ нимъ глазъ на глазъ довольно долго и всячески выспрашивалъ, какимъ образомъ знаетъ онъ всѣ обстоятельства таможняго края и по какой связи такъ часто туда ѣздитъ? На сіе отвѣчалъ мнѣ, что имѣетъ тамъ много дѣлъ по домашнимъ оборотамъ и при томъ тѣсную связь съ многими особами, да и будто о каждомъ отъѣздѣ его извѣстно и всѣмъ. Между прочимъ обѣщевается онъ доставить намъ хорошую и весьма вѣрную связь, посредствомъ которой можетъ получать обо всѣхъ происшествіяхъ не токмо въ Варшавѣ, но и въ кабинетѣ самого Наполеона происходящихъ. Есть въ Варшавѣ одна женщина по фамиліи мадамъ Вобанъ—я самъ ее знаю лично; но большаго знакомства съ нею не имѣю. Графъ же Виттъ даетъ мнѣ слово, что, бывъ съ нею весьма знакомъ и на дружеской ногѣ, непремѣнно склонитъ ее на нашу сторону. Женщина сія хитрая, умная и интриганка, находится безотлучно при князѣ Понятовскомъ, который къ ней такъ привязанъ и столь слѣпо во всемъ довѣряетъ, что безъ ея совѣта ничего не предпринимаетъ, какъ по дѣламъ военнымъ, такъ и гражданскимъ. Словомъ сказать—она истинный его другъ и совершенный для него законъ.

Особа сія предвидитъ, что герцогство Варшавское не что иное есть какъ одно мечтаніе, слѣдовательно охотно пожелаетъ убѣдить и князя Понятовскаго придерживаться стороны вѣрной и надежной.

Все сіе графъ Виттъ обѣщаетъ устроить чрезъ одного хорошаго своего знакомаго италіанца, сущаго врага французской націи, живущаго теперь въ Вѣнѣ и котораго онъ хочетъ для сего вызвать, какъ человѣка, имѣющаго большую связь и дружбу съ мадамъ Вобанъ. Что все непремѣнно выполнено имъ будетъ, коль скоро примется въ нашу службу.

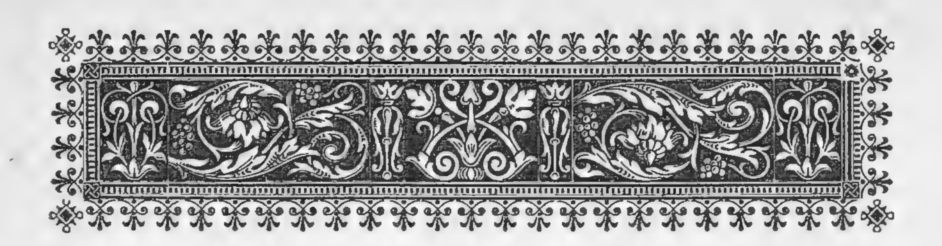
Изъ сихъ объясненій замѣчаю я, что единственная цѣль исканій и одно желаніе графа Витта есть войти въ нашу службу какими бы то средствами ни было. По мнѣнію моему, изъ виду его упускать не должно. А потому всепокорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, написать ко мнѣ: что будто уважая представленіе мое, свидѣтельствуемое о усердіи и приверженности графа Витта, неоднократно намъ оказанныя, охотно желаете явить въ томъ свое пособіе; но полагая, что намѣренія его такого рода, что гораздо легче ему и удобнѣе произвести оное въ дѣйствіе, имѣя всю свободу отлучаться во всякое время куда угодно. Коль же скоро обѣщанное имъ будетъ выполнено и связь предполагаемая дѣйствительно устроится, то за большое удовольствіе почтете исходатайствовать ему у государя императора высочайшее соизволеніе о принятіи его въ службу.

Открывая симъ мысли мои о графѣ Виттѣ, полагаю я, что, обольщая его таковымъ обнадеживаніемъ, употребитъ онъ всѣ силы къ выполненію, и ежели предпринимаемое успѣхъ возымѣетъ, то большею послужитъ для насъ выгодою.

P. S. Отъ человѣка достойнаго всякаго вѣроятія, который получилъ равно отъ надежныхъ же людей, имѣю я свѣдѣніе, что Наполеонъ единственно тѣмъ только занятъ и всѣ напрягаетъ силы, чтобы склонить ласкою, либо понудить угрозами прусскаго короля присоединиться къ Рейнскому союзу.

Свѣдѣніе сіе, хотя конечно уже вамъ извѣстно, но, получа за достовѣрное, вамъ сообщаю. Въ такомъ положеніи дѣлъ весьма нужно, чтобъ и наши не дремали.

Изъ записокъ стараго преображенца [1].

1858 годъ.

XVI [2].

Назначеніе ротнымъ командиромъ. — Введеніе въ войскахъ гимнастики, фехтованія и стрѣльбы.—Смотръ государемъ стрѣльбы въ лагеряхъ 1858 года.— Моя женитьба.

6-го сентября 1857 года я былъ назначенъ командиромъ 2-й стрѣлковой роты. Это назначеніе очень меня поощрило и позволило надѣяться на лучшую будущность. Незавидная служба младшимъ, заштатнымъ офицеромъ, казалось, кончилась безповоротно, и я попалъ въ число ротныхъ командировъ, да еще при крайне благопріятныхъ условіяхъ. Стрѣлковыя роты должны были всю зиму,—до поздней весны, оставаться въ загородномъ расположеніи. Ихъ приводили въ Петербургъ только для большихъ парадовъ. Затѣмъ, начальство, не исключая и полковаго, почти не вмѣшивалось въ дѣло обученія стрѣлковъ.

— Вотъ вамъ рота, учите какъ хотите, только придерживайтесь общимъ требованіямъ, а тамъ,—въ лагеряхъ, на смотрахъ, видно будетъ, какъ и чему вы учили!

При такой постановкѣ дѣла, ротному командиру необходимо было подумать, прежде всего, о томъ, чему и какъ слѣдуетъ учить? Программы, инструкціи, приказы, конечно, рѣшали эти вопросы болѣе или менѣе удовлетворительно, но не мѣшаетъ, однакоже, присмотрѣться къ

---

[1]) См. «Русскую Старину» іюнь 1901 г.

[2]) Промежуточныя главы напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ", 1884 г. т. III и 1885 г. т. I.

нимъ пристальнѣе. Крымская война и осада Севастополя дали внушительный отвѣтъ на 1-й вопросъ: «чему учить?»

Перехожу, стало быть, ко второму вопросу: «какъ учить?» На этотъ вопросъ могъ тоже всякій себѣ отвѣтить, что, прежде всего, надобно учиться самому, чтобы знать, какъ учить солдатъ. Вотъ мы всѣ и стали учиться и я со всѣми. Началъ-то я самообученіе гораздо раньше,—еще въ походѣ. Все, что было издано или написано о теоріи стрѣльбы, гимнастики, фехтованія и объ обученіи грамотѣ, было просмотрѣно, прочтено, затвержено.

За практикою въ стрѣльбѣ дѣло не становилось. Стрѣлковыя роты упражнялись въ ней каждый день, и ротный командиръ могъ практиковаться, когда и сколько ему угодно. О грамотѣ нечего и говорить. На столько-то, слава Богу, хватало у меня грамотности. Другое дѣло: гимнастика и фехтованіе. Тутъ надобно было ѣздить въ Петербургъ. Противъ Михайловскаго манежа и на концѣ Инженернаго плаца, стояли и теперь стоятъ два круглыхъ павильона. Въ одномъ изъ нихъ помѣщалась гимнастическая и фехтовальная зала. Обученіе гимнастикѣ поручено было спеціалисту шведу—де-Роону.

Мысль о необходимости тѣлеснаго развитія обуяла не только военныхъ, но и все высшее общество. Въ началѣ 60-хъ годовъ частное гимнастическое заведеніе Роона очень напоминало понятіе объ адѣ или чистилищѣ. Сильные и слабые, старики и дѣти присѣдали, вытягивались, коверкались, прыгали и лазали на всѣ лады. Увлеченіе было общее. Изреченіе древнихъ о необходимости «здороваго духа въ здоровомъ тѣлѣ» было у всѣхъ на языкѣ. Дошло до того, что на царскомъ смотру Образцоваго баталіона многіе офицеры ходили по канату и выдѣлывали на немъ штуки. Помню наше общее негодованіе.

— Ну, ужъ это черезъ чуръ,—говорили мы всѣ,—вѣдь это ужъ просто паясничество. Вѣчно пересолятъ!

Такъ и случилось. Молодой, сильный, богатый, знатный человѣкъ искалѣчилъ себя на всю жизнь. Это—Демидовъ, преображенецъ, стрѣлокъ; онъ прыгнулъ въ ширину, но на какое-то неслыханное разстояніе. Слѣдствіемъ былъ переломъ ноги, въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ,—на вершокъ ниже колѣна. Я помню, какъ несли Демидова на носилкахъ черезъ весь городъ до собственнаго дома въ собственномъ переулкѣ. Будь это скромный армейскій офицеръ, исторія его не имѣла бы большой огласки; но мать Демидова была знатная барыня съ большимъ вѣсомъ при дворѣ и въ высшемъ обществѣ. Она стала кричать на всѣхъ перекресткахъ и бранить безъ пощады начальство и самихъ офицеровъ. Тогда и припадки неистоваго самообученія вошли нѣсколько въ свои берега.

Поговорю о высшей фехтовальной школѣ. Корпусное начальство

наняло француза г. Даве́ и водворило его въ Михайловскомъ павильонѣ. Французъ все дѣлаетъ съ граціею и со вкусомъ. Даве́ облекся въ изящный костюмъ, напоминавшій гладіаторовъ или бродячихъ жонглеровъ; между прочимъ онъ надѣлъ мягкіе башмаки и вмѣсто рутиннаго топанья и стука ногами онъ выступалъ, двигался и отступалъ мягко, плавно, граціозно. Вмѣсто прежней прямой постановки корпуса, онъ нагибалъ его впередъ и выставлялъ голову, скрывая грудь. Его прямые и косвенные удары и отбивы были мѣтко направлены, крѣпко ударялись въ цѣль и отличались ловкостью и быстротою. Онъ имѣлъ и завѣтные удары, которые приберегались для знатоковъ, но съ другой стороны у него было множество шарлатанскихъ пріемовъ, разсчитанныхъ на то, чтобы пустить пыль въ глаза. На него сбѣгались смотрѣть толпами, и желающіе учиться умножались съ каждымъ днемъ. Прозелиты старыхъ учителей дезертировали къ Даве́. Старые же, обиженные и задѣтые за живое, встрепенулись. Соколовъ вызвалъ Даве́ на состязаніе. Зрѣлище было любопытное. Даве́ нагнетъ тѣло впередъ головою,—и Соколовъ тоже. Даве́ начнетъ кружить и ёрзать концомъ рапиры, чтобы спутать противника,—Соколовъ тихо и спокойно высвободитъ свою, найдетъ незащищенное мѣсто и кольнетъ мѣтко и удачно. Даве́, видя, что фокусами ничего тутъ не выиграешь, возьметъ да присядетъ. Смотримъ,—и Соколовъ присѣлъ. Подползаютъ другъ къ другу, сходятся, расходятся, ловятъ каждую оплошность, пускаютъ въ ходъ лучшіе удары, но въ концѣ концовъ силы не только оказались равными, но многіе утверждали съ гордостію, что русскій отплатилъ французу каждый ударъ съ процентами. Слѣдствіемъ было, что множество учениковъ перекочевало отъ Даве́ обратно къ Соколову. Я всегда любилъ рапирный бой, не переставалъ учиться ему съ пажескихъ временъ, между прочими и у Соколова, по старой пажеской памяти. Теперь я попробовалъ взять нѣсколько уроковъ у Даве́, въ надеждѣ, не передастъ ли онъ чего новаго, особенно въ штыковомъ бою, нужномъ для обученія солдатъ. Но прежде всего слѣдовало умѣть задобрить учителя. Дѣло въ томъ, что ни Соколовъ, ни прочіе изъ прежнихъ учителей не брали денегъ ни въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, ни въ Инженерномъ павильонѣ; они имѣли частные уроки, но на дому; въ фехтовальной же залѣ они считали труды свои оплаченными правительствомъ, и преподаваніе свое—службою. Я имѣлъ наивность думать, что Даве́ тѣхъ же правилъ. Только, вдругъ, замѣчаю, что французъ что-то долго не допускаетъ меня къ очереди, а если и допуститъ, то учитъ вяло, неохотно и крайне дорожитъ временемъ. Я сконфузился, воображая, что онъ считаетъ меня мало способнымъ, но одинъ адъютантъ штаба, спасибо, открылъ мнѣ глаза. Онъ, разъ, при Даве́ обратился ко мнѣ, вынулъ кошелекъ, поднялъ его на воздухъ, зазвенѣлъ деньгами и запѣлъ:

— J'ai de l'argent, j'ai de l'argent. Ah, que mon coeur est content! Я растерялся и ждалъ, что французъ обидится. Ничуть не бывало. Давé любезно захихикалъ, замоталъ утвердительно головою и мило проговорилъ:

— Oui, oui, c'est ça... c'est ça!

Мы тоже шутя условились въ цѣнѣ, и я сталъ учиться у Давé на рапирѣ и на штыкахъ. Успѣхи же свои я провѣрялъ въ практическомъ штыковомъ бою съ однимъ изъ вице-инструкторовъ, лейбъ-гусарскимъ унтеръ-офицеромъ. Этотъ уже не училъ, а иногда только проучивалъ. Случалось мнѣ, бывало, слишкомъ грубо и сильно кольнуть его и больно зашибить ему руку или ногу, онъ разсердится, но смолчитъ и какъ только замѣтитъ, что я гдѣ-нибудь плохо закрылся, онъ вдругъ, сильнымъ ударомъ плашмя, такъ жутко шлепнетъ меня, что искры изъ глазъ посыпятся; вспомнишь бывало слова писанія: «Ею же мѣрою мѣрите,—возмѣрится вамъ». Но, кажется, довольно о самоубученіи. Вѣдь оно только средство для достиженія цѣли, а цѣлью моею было умѣнье обучить солдатъ. Приступаю къ этой существенной части разсказа.

По однимъ книгамъ и книжнымъ толкованіямъ нельзя выучиться ремеслу; практика учитъ; объ ней и пойдетъ рѣчь. Простолюдинъ или вообще человѣкъ, не бравшій никогда въ руки ружье, побаивается его. Эта старая и простая истина вдругъ бросилась теперь въ глаза. Вотъ и придумали очень хорошее пробное средство: тушеніе свѣчей капсюлями. Прошу представить длинный деревянный столъ и на немъ пять или десять свѣчей—въ линію. Противъ каждой стоитъ солдатикъ, а подлѣ него—оффиціальная нянька, въ лицѣ ротнаго или отдѣленнаго командира, фельдфебеля, унтеръ-офицера и проч. Раздается съ фланга первый починъ: Пафъ! Ротный командиръ разводитъ руками и начинаетъ увѣщевать:

— Помилуй, да зачѣмъ же ты оба глаза зажмурилъ! Какъ же ты цѣлить будешь съ закрытыми глазами? И на что такъ сильно дергать за спускъ? Чего ты боишься?....

Не успѣлъ онъ договорить, какъ рядомъ: Пафъ! Фельдфебель свиститъ.

— Фю-ю-ю! Этакъ ты, братъ, мѣтишь въ свѣчку, а попадешь въ печку! На что рвешь за спускъ? Ты помалу тяни!

Трудно было искоренить эти инстиктивные порывы могучаго чувства самосохраненія. Положимъ, удавалось, наконецъ, доводить солдата до спокойнаго спуска курка при капсюльной пробѣ. Но на стрѣльбищѣ, когда бывало онъ станетъ стрѣлять боевымъ зарядомъ (сначала учили,—сидя), откуда вдругъ возьмутся старыя привычки дергать и жмуриться. Эти привычки держались довольно долго и упорно. У иныхъ стрѣлковъ онѣ оставались навсегда.

Такихъ старались спустить въ линейныя роты.

Поведу теперь рѣчь о гимнастикѣ. Приготовительную гимнастику (одни движенія, безъ машинъ) солдаты не любили. Русскій человѣкъ терпѣть не можетъ непроизводительнаго труда или такой работы, гдѣ онъ не видитъ прямой пользы и ощутительныхъ результатовъ. А кто знаетъ солдатскую манеру выражаться, тотъ сейчасъ же замѣтитъ, чего ребятушки не долюбливаютъ.

— Ну, что, кончили?—спросишь, бывало, встрѣчнаго.

— Точно такъ; отмахались!—отвѣчаетъ стрѣлокъ.

Прибавляю еще, что комнатную гимнастику они называли: «гимназическій фрунтъ» (гимнастическій фронтъ). Этихъ двухъ словъ, кажется, довольно для характеристики дѣла.

Гимнастика съ машинами была другая статья. Солдаты не обзывали ее «фрунтомъ», а просто: «гимназіею» и говорили, что она: «не въ примѣръ занятнѣе». То же подтверждаю и я. Мнѣ самому она служила развлеченіемъ. Тутъ проявлялась, во-первыхъ, народность солдата. Я хочу сказать, что новгородца, тверитянина, орловца и прочихъ изъ внутренней Россіи, сейчасъ можно было узнать по полету. Сила, ловкость, удаль, смётка били въ глаза. Истый же руссакъ—охотникъ любоваться досужествомъ земляковъ; это порождало соревнованіе, а оно всему дѣлу голова! Бывало, старый солдатъ добродушно осклабится и пробурчитъ.

— Ишь ты, анаѳема, какъ онъ сигаетъ (т. е. прыгаетъ), безпремѣнно долженъ быть изъ ярославскихъ!

Такое изреченіе стоило десяти похвалъ начальника. Молодежь слушала и, не говоря ни слова, спѣшила безъ команды сигать, покрикивая:—Эге.... а ну-ка и я!—Командиры и офицеры стрѣлковыхъ частей не были педантами (исключенія не знаю), а всего менѣе на гимнастикѣ. Они занимались только со слабыми и неумѣлыми, да и то терпѣливо и непринужденно и заботливо. Остальные могли лазить, прыгать, шутить, смѣяться безъ стѣсненія. Кстати о неумѣлыхъ поясню примѣромъ. Какъ я сказалъ о ярославцѣ, костромичѣ и проч., такъ же и еще легче было узнать чухонца, литовца, заголодалаго, забитаго бѣлорусса, а въ особенности хохла.

Стоитъ деревянная лошадь (кобыла) и передъ нею трамплинъ [1]). Малороссъ стоитъ шагахъ въ двадцати. Его учатъ:

— Смотри же, не зря разбѣгайся... примѣрь, сколько тебѣ нужно... Какъ, значитъ, разбѣжишься къ доскѣ... тутъ ты руки на кобылу, какъ можно подальше, а ногами объ доску... и норови въ сѣдло! Понимаешь?

— Слушаю-съ! Понимаю-съ!

---

[1]) Деревянный наклонный треугольникъ, дающій силу и эластичность прыжку.

Малороссъ нашъ начинаетъ «примѣряться», то-есть—пучить глаза и подпрыгивать, страшно махая руками. Вдругъ онъ пускается бѣжать въ перевалку, немилосердно топая ногами. Казалось, трамплинъ разлетится въ дребезги отъ огромныхъ ступней его, но объ рукахъ-то онъ и позабылъ, а безъ рукъ вскочить на кобылу—дѣло непосильное. Манежъ дрожитъ отъ хохота и прибаутокъ.

— Ого... го... го! ай да полтавскій! Эхъ, жаль, хвоста у кобылы нѣтъ, а то бы и осѣдлалъ! Эге... ге..., землячекъ, лѣсенку припаси, да нѣтъ, братцы, на что лѣсенку... онъ и безъ нея... Ну-ка, ну-ка еще... катай черезъ голову!..

Озадаченный хохолъ плетется назадъ. Иногда онъ самъ смѣется, а иногда страшно переконфузится. Въ послѣднемъ случаѣ я подходилъ бывало и говорилъ:

— Не слушай ты ихъ, Кравчукъ, плюнь на нихъ, что они зубы скалятъ! А вотъ ты на зло имъ не прыгай... пускай они прыгаютъ сами, а мы съ тобой посмотримъ.

Солдатикъ ободрялся.

— Точно такъ, ваше сіятельство, нехай бы я побачивъ, якъ вòны сигаютъ. Може́-бъ и потрафилъ.

Тогда я обращаюсь къ публикѣ.

— Эй, вы, смѣшливые: легко смѣяться, а ну-ка покажите намъ, какъ надо прыгать, мы, ужъ нечего дѣлать, поучимся у васъ!

Вся компанія съ гамомъ бѣжитъ на дистанцію. Еще секунда, и трамплинъ грохочетъ, кобыла стонетъ отъ молодецкихъ прыжковъ. Большинство прядаетъ черезъ всю лошадь и опускается на другомъ концѣ. Кравчукъ мой оживляется. По лицу его видно, какъ онъ, по-своему, хвалитъ молодцовъ:

— Ахъ, не хай ихъ!.. А щобъ подралъ ихъ бисъ!

Пользуясь его вдохновеніемъ, я вдругъ говорю:

— Эхъ была не была, качнемъ и мы!

Затѣмъ прыгаю самъ, и не успѣлъ я слѣзть,—смотрю: летитъ Кравчукъ и на этотъ разъ его грузная фигура взмахнула уже на лошадь и даже не очень далеко отъ сѣдла. Но что̀ уморительнѣе всего: въ ту же минуту, какъ онъ взобрался на кобылу, Кравчукъ молодецки подбоченился и оглядывалъ всѣхъ кругомъ необыкновенно гордо. Солдаты, да, признаюсь, и я съ ними, покатывались со смѣху. Но въ этихъ случаяхъ, они никогда не забывали апплодировать по-своему:

— Гляди-ка... гляди... ай да хохликъ! Нѣтъ, братцы, нѐче надъ нимъ смѣяться... вишь, какъ бра́во на конѣ сидитъ! Онъ, гляди, еще ена̀рала заслужитъ!

Теперь на очередь выступаетъ ф е х т о в а н і е. Вслѣдствіе особенностей, свойственныхъ ему элементарныхъ правилъ и учебныхъ пріе-

мовъ, фехтованіе легко могло впасть въ рутину, тѣмъ болѣе, что начинающихъ ставили во фронтъ и учили по темпамъ и по командѣ. Задача была, стало быть, въ томъ, чтобы не дать дѣлу выродиться въ прежнюю темпистику, а учить осмысленно. Для этого я становился противъ солдата съ рапирою и, удостовѣрившись, что онъ нѣсколько знаетъ основанія, приказывалъ ему надѣть маску и говорилъ:

— Ну, смотри, я буду колоть, а куда, самъ замѣчай и отбивай.

Затѣмъ, бывало, быстро пододвинешься и только сильно топнешь ногою. Смотришь,—солдатъ неистово начинаетъ махать палкою вправо и влѣво, но, замѣтивъ, что рапира моя опущена и что я вовсе не кололъ, а только топнулъ, онъ самъ усмѣхается.

— Помилуй,—говорю ему,—неужто ты и въ сраженіи такъ-то будешь?

Конечно, такой фокусъ удавался только по разу и то не со всякимъ, но суета увеличивалась при настоящихъ ударахъ. Они воображали, что главное дѣло отбивать крѣпче и размашистѣе. Отучивалъ же я отъ того тѣмъ, что крайне быстро покажу ударъ въ правую сторону. Солдатъ махнетъ туда же и откроетъ всю грудь. Тогда тихонько трогаю концомъ палки въ открытую грудь и говорю:

— Видишь, какъ ворота настежь, а ты такъ закрой, чтобы ни въ ворота, ни въ калитку, ни даже въ щель бы не пройти штыку!

И это глупѣйшее толкованіе помогало лучше всего! Нападенію я самъ учить не могъ по странной причинѣ. Солдатикъ никакъ не могъ понять, что ему позволительно колоть или, какъ онъ говорилъ, «ш п ы р я т ь», ротнаго командира. Напрасно я уговаривалъ и убѣждалъ. Удары были вялы, нерѣшительны, и я, боясь еще вкоренить дурныя привычки, ставилъ за себя инструктора-солдата, а самъ только наблюдалъ и училъ.

Заканчиваю очеркъ обученія (боюсь сказать, образованія) оговоркою. Предоставлять каждому ротному командиру вводить свою систему и учить безусловно какъ онъ хочетъ, конечно, немыслимо. Еще въ 1857 году появились руководства по всѣмъ отраслямъ учебнаго дѣла, даже съ чертежами и рисунками. Я ничего своего не вводилъ, не создавалъ, не умствовалъ, а старался только держаться не буквы, а разума. Да и эта заслуга не моя. Многимъ я обязанъ былъ барону Андрею Николаевичу Корфу, завѣдывавшему Царскосельскою стрѣлковою школою. Въ его рукахъ былъ клубокъ руководящихъ нитей стрѣлковаго обученія. Корфъ— мой товарищъ вдвойнѣ: по Пажескому корпусу (онъ вышелъ годомъ позже меня) и по Преображенскому полку. Сверхъ того, еще болѣе сблизились мы у дяди его барона (послѣ графа) Модеста Андреевича Корфа. Поэтому я не упускалъ ѣздить въ стрѣлковую школу и пользовался указаніями и совѣтами самого Корфа и помощника его Герстфельда 2-го, тоже преображенскаго товарища. Поясню примѣромъ ска-

занное мною сейчасъ. Намъ дали къ руководству подробнѣйшія правила для обученія стрѣльбѣ. Постановка тѣла, держаніе ружья, прицѣливаніе, спускъ, ну, словомъ, все до мельчайшихъ указаній, было изложено тамъ и даже очень толково. Казалось бы, держись буквально и ба́ста! Но отъ знающихъ людей я скоро услышалъ и узналъ по опыту, что всѣ эти правила прекрасны только для начинающихъ. Но чуть солдатъ станетъ порядочно стрѣлять, надобно предоставить ему волю. Доказать не трудно. Короткоручка будетъ держать ружье ближе къ казенной части; длиннорукій,—напротивъ. Приземистый и малорослый станетъ такъ; худой и высокій,—иначе. Кому достанется ружье съ твердымъ спускомъ, будетъ тянуть за спускъ. Въ противномъ случаѣ — выйдетъ обратное и т. д.

Царскосельскую стрѣлковую школу я описывать подробно не буду. Чтобы дать понятіе о ея значеніи въ общемъ строѣ стрѣлковаго дѣла, достаточно сказать, что она была разсадникомъ учителей, инструкторовъ, средоточіемъ всѣхъ знаній, словомъ,—авторитетомъ и руководителемъ дѣла, какъ капельмейстеръ въ оркестрѣ. Напримѣръ, всѣ донесенія военныхъ агентовъ нашихъ за границею сообщались Корфу, и мы могли легко справляться о нихъ. Но самъ Корфъ, полагаю, относился къ нимъ осторожно, а обо мнѣ уже и говорить нечего. Не такъ думалъ товарищъ мой, командиръ 1-й стрѣлковой роты. Онъ узналъ, что агентъ нашъ въ Лондонѣ, генералъ Игнатьевъ, сообщилъ, что англійскіе стрѣлки прижимаютъ лѣвый локоть къ груди и лѣвою рукою поддерживаютъ ружье подъ спусковою скобкою, такъ что весь стволъ остается на вѣсу. Это дѣйствительно даетъ устойчивость прицѣливанію, но только въ тихую погоду. При вѣтрѣ,—дѣло дрянь. Командиръ 1-й стрѣлковой роты, не обинуясь, принялъ англійскую прикладку къ руководству и исполненію для всей роты. Результаты оказались на царскомъ смотрѣ въ лагерѣ 1858 года, о чемъ рѣчь впереди.

Скажу нѣсколько словъ о досугахъ, увеселеніяхъ и развлеченіяхъ солдатъ. Многіе изъ читающихъ, конечно, сейчасъ же скажутъ: «Ага, вѣрно, о кабакахъ!» Ну, пожалуй! Во всей деревнѣ Славянкѣ, то-есть въ обѣихъ слободахъ, не было ни одного открытаго кабака. Это строго воспрещалось дворцовымъ управленіемъ. Зато въ каждомъ почти домѣ былъ потайной кабакъ. Это даже плохо скрывалось. Не было того дня (даже и въ будни), чтобы по всей слободѣ, далеко за полночь, не слышались пьяныя пѣсни. Буйные, безпутные, развратные славянскіе парни, цѣлыми шеренгами, ходили съ конца въ конецъ, горланили, ругались, дрались. Но никогда съ ними не показывалось ни одного солдата; я даже не помню случая, гдѣ бы встрѣтилъ на улицѣ хмѣльнаго стрѣлка. Правда, что они меня знали и по наслышкѣ и по опыту; даже не одни солдаты, а и славянскіе мужики знали меня. Слухомъ земля полнится.

Ѳедоровское отъ Славянки не очень далеко, а тамъ каждый ребенокъ зналъ, что при мнѣ пьянство или столкновеніе съ солдатами не сошло бы даромъ съ рукъ не только мужику, но и волостному головѣ. Впрочемъ, авторитетъ мой тутъ ни при чемъ. Въ 1-й стрѣлковой ротѣ можно было замѣтить то же явленіе. Дѣло въ томъ, что умѣнье, гдѣ и когда пить, доходило у солдатъ до геніальности. Фельдфебели и унтеръ-офицеры пили по ночамъ. Всѣ же вообще придерживались всенародной политики: «Въ своей слободѣ ни, ни! а въ чужой пожалуй, тяни!» Повторяю, что я придраться даже ни къ кому не могъ.

Только по понедѣльникамъ (тяжелый день), да послѣ праздниковъ видишь, бывало, въ манежѣ лица крайне унылыя, блѣдныя, усталыя. Если замѣтишь, что пріунылъ исправный солдатъ, подойдешь и скажешь:

— Ну, братъ, ты что-то сегодня не въ духѣ. Иди-ка домой, займись грамотою, да смотри, чтобы угару не было въ хатѣ, а то голова разболится.

Солдатъ сейчасъ же пойметъ, взглянетъ какъ-то благодарно, но никогда не поблагодаритъ. У нихъ тоже свой тактъ! Да и какъ къ нимъ было придираться? Читатель самъ видитъ, какія были требованія, какая была ихъ служба, какъ тутъ и не погулять человѣку. Напротивъ, мы старались, какъ бы и въ будни развлечь нашихъ тружениковъ. Дорога изъ Большой слободы въ Малую тянулась крутымъ спускомъ. По наступленіи холодовъ, мы приказывали поливать спускъ водою, завели санки, и вся рота съ наслажденіемъ пользовалась этимъ развлеченіемъ, которое такъ любитъ лихая русская натура.

Въ 1858 г. въ военныхъ кружкахъ много толковали объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній. Очень можетъ быть, что уже и въ ту пору полковые командиры имѣли секретныя инструкціи о смягченіи карательныхъ мѣръ, но рѣшительно не могу припомнить, чтобы намъ было внушено или предписано что-либо новое въ этомъ смыслѣ.

Во время ученій офицеры часто разсуждали о системахъ тѣлесныхъ наказаній въ иностранныхъ арміяхъ. Солдаты, лежа вблизи на травѣ, прислушивались и, когда мы шли домой, послѣ ученья, до меня доходили курьозные комментаріи.

— Слыхали братцы,—повѣствовалъ какой-то балагуръ,—что господа-то сказывали, вишь, у людей не то, какъ у насъ... тамъ вишь, и сѣкуцій, почитай, что не полагается...

— Ну, нѣтъ, братъ,—ему возражали,—безъ порки не обойдешься. Какъ же... коли, къ примѣру, кто тамъ у нихъ дюжо напра́кудитъ (т. е. нашалитъ), по головкѣ, штоль, они его гладятъ?..—Гладятъ не гладятъ, а тамъ у нихъ все жъ не какъ у насъ. У насъ, напримѣръ, провинился... сейчасъ ложись... отдерутъ... шабашъ. У нихъ, значитъ, разряды подѣланы; первымъ дѣломъ запишутъ... и по второму разу

опять таки запишутъ, а, наконецъ,—по третьему, извѣстно выдерутъ такъ само̀, какъ и нашего брата. Одначе, есть, вишь, у нихъ и вольготные... ну, тѣмъ, значитъ, сѣкуціи вовсе не полагается.... а высидка...

Тутъ старый солдатъ перебилъ разсказчика и вставилъ словцо:

— И чево, чево люди не придумаютъ! Нѣтъ, землячекъ, коли вашего брата не пороть, такъ што съ нимъ подѣлаешь? На высидку, вишь, да што ему высидка? Еще крѣпчае проспится, да покорно тебя поблагодаритъ! А то еще запишутъ... поди, страхъ какой. Э... Эхъ, чудеса. Нѣтъ, а вотъ, какъ бывало, Александра Васильичъ Жарковъ, такъ тотъ, первымъ дѣломъ, всю спину такъ тебѣ распишетъ, что по другому разу и писать не придется.... Такой письменный станетъ, што ахъ!

Солдаты захохотали, и разговоръ прекратился.

Изъ лагерной жизни, о которой я также повѣствовалъ съ избыткомъ и достаточно, я выберу только самое существенное. Это смотръ стрѣльбы государя. На немъ вѣдь должны были оказаться результаты трудовъ нашихъ въ цѣломъ году. Можно представить себѣ, съ какимъ волненіемъ мы его ожидали. Наконецъ, наступилъ и смотръ. Государь пріѣхалъ, сталъ за линіею стрѣлковъ, велѣлъ дать сигналъ,—испытаніе началось. У солдатъ былъ предразсудокъ, что та часть, изъ которой грянетъ первый выстрѣлъ, притянетъ счастье на свою сторону. Былъ у меня солдатикъ, нѣкто Павловъ, старый, грязный и сильно пьющій. Когда-то онъ хорошо стрѣлялъ, но теперь руки дрожали у него отъ пьянства, такъ что онъ даже не ходилъ и на домашнюю учебную стрѣльбу, а занимался литьемъ пуль.

Въ ту пору позволялось стрѣлкамъ палить стоя, лежа, сидя,—какъ кому угодно. Присутствовавшій тутъ какой-то иностранный принцъ могъ увидѣть странный казусъ. Иные стрѣлки вовсе снимали каску; другіе надѣвали ее задомъ напередъ (задній козырекъ меньше и не такъ мѣшаетъ цѣлиться), наконецъ, и, что̀ смѣшнѣе всего, иные надѣвали каску по фронту. Государь смѣялся и показывалъ принцу; принцъ тоже улыбался, но желательно бы знать, что онъ думалъ про нашъ головной уборъ? Я искалъ глазами Павлова. Онъ спокойно растянулся на землѣ, надѣлъ каску по фронту, сдѣлалъ изъ лѣвой руки подставку и прислушивался. Порядокъ на смотру былъ такой. Государь давалъ знакъ штабъ-горнисту, который трубилъ сигналъ «стрѣлять»; всѣ прочіе горнисты подхватывали, и дѣло начиналось. Едва успѣлъ штабъ-горнистъ протрубить первый тактъ сигнала, такъ что прочіе рожки еще не смѣли и начать, смотрю, въ одной моей ротѣ сверкнулъ огонекъ, забѣлѣлъ и разостлался легкій клубокъ дыма. Выстрѣлъ щелкнулъ: это былъ знаменитый п е р в ы й. Павловъ успѣлъ таки р а с п о ч а т ь. Долго трещалъ и переливался огонь восьми ротъ 1-й дивизіи, наконецъ, послѣдняя пуля зыкнула. Ударили отбой. Государь поѣхалъ къ ми-

шенямъ. Мои мишени были предпослѣднія; 1-ой стрѣлковой роты— послѣднія съ фланга. Государь взглянулъ на мои, сказалъ что-то принцу, показывая на отверстія, потомъ кивнулъ мнѣ головою со словами: «очень хорошо стрѣляли... сколько всего?» Я выговорилъ цифру попавшихъ пуль. Государь обернулся и поблагодарилъ стрѣлковъ.

Затѣмъ онъ подъѣхалъ къ 1-ой стрѣлковой ротѣ, но, къ общему удивленію, посмотрѣлъ и, ничего не сказавъ, повернулъ лошадь и поѣхалъ назадъ къ линіи. Принцъ дипломатически отвернулся въ сторону, вынулъ платокъ и сталъ сморкаться. Когда мы шли назадъ отъ мишени къ линіи, я слышалъ, какъ командиръ 1-ой роты бранилъ солдатъ, вслѣдствіе чего они еще болѣе растерялись. Слѣдующая стрѣльба происходила, помнится, съ наибольшей дистанціи.

Въ концѣ, государь опять смотрѣлъ мишени, и я съ моими стрѣлками, во второй разъ услышалъ царское «спасибо!». 1-я стрѣлковая рота потерпѣла окончательную и сильнѣйшую неудачу. Въ мишени едва виднѣлись кое-гдѣ слѣды пуль. На этотъ разъ, государь покачалъ головою и сказалъ: «Ну, это уже очень... и очень незавидно!».

30-го августа я получилъ орденъ Анны 3-й степени. Это самая лучшая и крупная точка, какую могу поставить въ концѣ моей записи о стрѣлковой службѣ.

Чтобы не бросать службы тотчасъ по полученіи награды, я выжидалъ шесть мѣсяцевъ (съ августа 1858 по февраль 1859). 9-го февраля 1859 г. мнѣ разрѣшенъ былъ 11-ти мѣсячный отпускъ, но я остался въ Петербургѣ и недолго искалъ невѣсты, такъ какъ она давно была у меня на примѣтѣ. Съ малыхъ лѣтъ былъ я знакомъ съ однимъ почтеннымъ, прекраснымъ семействомъ, даже состоялъ съ нимъ въ дальнемъ родствѣ. Суженую свою я зналъ еще ребенкомъ, а въ то время ей было уже 18 лѣтъ, а мнѣ 29.

Въ мартѣ 1859 года, въ самый день Благовѣщенія, я сдѣлалъ предложеніе, а въ іюлѣ былъ уже женатъ. О семействѣ жены моей и о ней самой буду имѣть случай упомянуть, но о женитьбѣ много говорить не буду; она не можетъ имѣть общественнаго интереса, тѣмъ болѣе, что я былъ женатъ всего одинъ годъ. Въ то же самое лѣто была высочайше утверждена коммиссія для соображенія способовъ о будущемъ устройствѣ членовъ бывшихъ царскихъ домовъ грузинскаго и имеретинскаго. Я принялъ въ ней участіе, въ качествѣ выборнаго депутата.

Объ этомъ дѣлѣ, мало кому въ Россіи извѣстномъ, но весьма любопытномъ я далъ себѣ обѣтъ разсказать со всѣми мнѣ извѣстными подробностями. Поэтому слѣдующая XVII глава выдѣлится изъ моихъ записокъ особымъ, самостоятельнымъ трудомъ, подъ заглавіемъ «Багратиды въ Россіи».

Князь **Н. К. Имеретинскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо О. Козодавлева къ В. Н. Каразину по поводу устройства въ Москвѣ конторы Филотехническаго общества.

17-го апрѣля 1815 г., С.-Петербургъ.

Отношеніе ко мнѣ Филотехническаго общества о послѣднемъ съѣздѣ онаго въ генварѣ мѣсяцѣ, съ приложеніемъ протоколовъ двухъ собраній онаго, и ваше письмо съ первою частію отчета я получилъ. Изъявляя вамъ за сіе мою благодарность, съ немалымъ удовольствіемъ нахожу я во всемъ томъ свидѣтельство о стараніи членовъ сего сословія къ распространенію полезныхъ хозяйственныхъ свѣдѣній. Я не могу при семъ случаѣ не признать, что вездѣ видны усердіе и дѣятельность ваши въ исполненіи порученій общества и во многихъ опытахъ, служащихъ къ улучшенію разныхъ предметовъ домоводства. Для меня будетъ всегда пріятно содѣйствовать по моей возможности трудамъ и успѣхамъ Филотехническаго общества и по званію моему доводить объ оныхъ до свѣдѣнія его императорскаго величества.

Впрочемъ, изъ означенныхъ протоколовъ явствуетъ также, что общество имѣло въ предположеніи учрежденіе въ Москвѣ конторы. Въ разсужденіи сего я долгомъ считаю повторить вамъ, милостивый государь мой, то самое, о чемъ было писано мною въ прошедшемъ году къ бывшему г. главнокомандующему въ Москвѣ, для сообщенія вамъ, то-есть, что заведеніе коммерческихъ конторъ и торговыхъ оборотовъ въ разныхъ городахъ, не только россійскихъ, но и иностранныхъ, выходитъ изъ круга ученыхъ и экономическихъ обществъ, и подлежитъ непосредственному вѣдомству установленныхъ для того начальствъ. Слѣдовательно, если бы Филотехническое общество желало учредить что-либо подобное въ свою пользу и принять на себя новыя обязательства сверхъ тѣхъ, о коихъ первоначально было мнѣ представлено отъ онаго и мною доведено до высочайшаго его императорскаго величества свѣдѣнія, то я полагаю, что на основаніи высочайшаго рескрипта 10-го марта 1811 года, г. Слободско-украинскому гражданскому губернатору, даннаго, коимъ правила и упражненія сего общества предоставлены обыкновенному покровительству законовъ, оно можетъ въ такомъ случаѣ испросить позволеніе отъ мѣстныхъ начальствъ.

Все сіе я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, довести до свѣдѣнія Филотехническаго общества при будущемъ его съѣздѣ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашимъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшимъ слугою Осипъ Козодавлевъ.

Поклоненіе тѣлу императора Павла I.

Весьма цѣнный историческій трудъ Н. К. Шильдера «Императоръ Павелъ Первый» заслуживаетъ самаго внимательнаго къ себѣ отношенія.

По всей вѣроятности, книга эта останется надолго настольною для всѣхъ приступающихъ къ занятіямъ русскою исторіею конца XVIII вѣка.

Именно вслѣдствіе этого необходимо теперь же, на первыхъ порахъ, сдѣлать дополненія, которыя вызываются небольшими пробѣлами, столь извинительными и естественными въ такомъ громадномъ трудѣ.

Однимъ изъ такихъ пробѣловъ является неполное и не вполнѣ точное изложеніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ поклоненіе тѣлу императора Павла Петровича и прощаніе съ нимъ народа.

Вотъ что говоритъ объ этомъ Н. К. Шильдеръ (стр. 501):

«Послѣ перенесенія тѣла императора Павла въ малую Тронную залу (состоявшагося 17-го марта), народъ допущенъ былъ въ Михайловскій за̀мокъ для прощанія. Въ первый же день посѣтили за̀мокъ 11.118 человѣкъ; въ одинъ изъ слѣдующихъ дней эта цифра возросла до 19.600 человѣкъ. Очевидецъ, Николай Ивановичъ Гречъ пишетъ: «Едва войдешь въ дверь, указывали на другую съ увѣщаніемъ: извольте проходить. Я разъ десять отъ нечего дѣлать ходилъ въ Михайловскій за̀мокъ и могъ видѣть только подошвы ботфортовъ императора и поля широкой шляпы, надвинутой ему на лобъ». Къ этому Н. К. Шильдеръ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Такъ какъ Гречъ не говоритъ ничего о коронѣ (возложенной императоромъ Александромъ I на голову покойнаго императора 17-го марта, передъ самымъ перенесеніемъ тѣла

изъ опочивальной), то, слѣдовательно, нужно предположить, что онъ видѣлъ тѣло императора Павла, когда оно еще находилось въ опочивальнѣ. Въ то время голова была дѣйствительно накрыта шляпою».

Спрашивается: если Гречъ могъ видѣть тѣло императора въ опочивальной, да еще «разъ десять», то какъ же это согласовать со словами автора, что народъ былъ допущенъ въ Михайловскій замокъ для прощанія лишь «послѣ перенесенія тѣла императора Павла въ малую Тронную залу», т. е. послѣ 17-го марта? Далѣе: какой это «первый день», въ который посѣтили замокъ 11.118 человѣкъ? 17-е или 18-е марта? Какъ поклонялись всѣ эти лица, такъ же, какъ Н. И. Гречъ или иначе? Наконецъ, что же было между 12-мъ и 17-мъ марта, т. е. въ теченіе пяти дней? Неужели же народъ не допускался? Но въ такомъ случаѣ какъ же Н. И. Гречъ попалъ въ замокъ 10 разъ?

Всѣ эти недоразумѣнія разрѣшаются слѣдующимъ образомъ.

Съ 12-го по 31-е марта 1801 года, былъ веденъ, по неизвѣстной причинѣ, двойной камеръ-фурьерскій журналъ. Второй изъ нихъ значительно подробнѣе перваго. Оба они отпечатаны въ нынѣшнемъ году. Всѣ неясности въ изложеніи даннаго вопроса въ 15-й главѣ книги «Императоръ Павелъ Первый» произошли оттого, что Н. К. Шильдеръ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи втораго камеръ-фурьерскаго журнала.

Вотъ какъ происходило дѣло въ дѣйствительности.

Приведенный разсказъ Греча относится лишь къ первымъ днямъ, т. е. отъ 12-го до 17-го марта, когда тѣло императора оставалось въ «обыкновенной бывшей его почивальной комнатѣ» [1]). Это подтверждается и словами Греча, которыхъ Н. К. Шильдеръ не приводитъ: «тѣло покойнаго императора было выставлено въ длинной проходной комнатѣ, ногами къ окнамъ» [2]). Дѣйствительно, *уже съ 12-го марта* допускались всякаго состоянія люди для поклоненія тѣлу, но они не цѣловали его, а, «проходя мимо тѣла, каждый дѣлалъ благоговѣйный низкій поклонъ» [3]). Такимъ образомъ было допущено 12-го марта 582 человѣка, 13-го—1.192, 14-го—11.993, 15-го—12.918 и 16-го—15.768, всего 42.453 человѣка. Весьма вѣроятно, что весь этотъ народъ пропускался черезъ комнату съ однимъ лишь поклономъ только вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія (о чемъ упоминаетъ и Гречъ), такъ какъ послѣ перенесенія тѣла императора въ большія залы замка всѣ «подходили къ рукѣ покойнаго» [4]).

---

[1]) Камеръ-фурьерскій журналъ, 1801 года, январь — іюнь. Спб. 1900, стр. 297.

[2]) Н. И. Гречъ, „Записки изъ моей жизни“, Спб. 1886, стр. 154.

[3]) Камеръ-фурьер. журн., стр. 285.

[4]) Камеръ-фурьерскій журналъ, стр. 303 и слѣд.

17-го марта въ 5 часовъ тѣло императора, «которое до того лежало въ его почивальной на обыкновенной кровати, было одѣто въ императорскую мантію и положено на парадную кровать, близъ которой по ту сторону на небольшомъ столѣ, покрытомъ малиновымъ бархатомъ съ золотымъ гасомъ на такой же подушкѣ, приготовлена была императорская золотая корона». Въ 7 часовъ императоръ Александръ Павловичъ возложилъ корону на голову покойнаго императора. Послѣ литіи тѣло было перенесено въ аудіенцъ-камеру и поставлено на тронъ подъ балдахиномъ.

Въ этотъ день, въ виду церемоніи, было допущено къ поклоненію всего 72 человѣка утромъ и 171 человѣкъ вечеромъ, которые «подходили къ рукѣ покойнаго» [1]).

Въ слѣдующіе два дня, 18-го и 19-го марта, было «допущено къ рукѣ» 11.118 и 19.600 человѣкъ, «въ томъ числѣ воспитанницы благороднаго общества» [2]).

20-го марта тѣло покойнаго императора было «съ парадной на тронѣ кровати положено во гробъ, до того близъ трона приготовленный» и перенесено «черезъ парадные покои и большое аудіенцъ-зало въ Траурный залъ, на пріуготовленный тутъ катафалкъ»; по сторонамъ были размѣщены императорскія регаліи и ордена [3]).

На слѣдующій день, 21-го марта было «допущено къ рукѣ» 16.071. человѣкъ [4]).

Въ послѣдній день передъ погребеніемъ, 22-го марта, «допущено къ поклоненію 9.573 человѣка, изъ коихъ къ рукѣ допускались точію состоящіе въ рангахъ двухъ классовъ и таковыхъ фамиліи, прочіе-жъ, проходя мимо катафалка, каждый свидѣтельствовалъ тѣлу благоговѣйный поклонъ» [5]).

Въ Петропавловскомъ соборѣ 23-го марта послѣ отпѣванія присутствовавшіе подошли къ рукѣ покойнаго императора, а затѣмъ тѣло было опущено въ могилу [6]).

Маршрутъ траурнаго шествія 23-го марта переданъ въ трудѣ Н. К. Шильдера очень кратко: «по Невскому проспекту, мимо Гостинаго двора, черезъ Исакіевскій и Тучковъ мосты въ Петропавловскую крѣпость». Вотъ какъ опредѣляетъ этотъ маршрутъ второй камеръ-фурьерскій журналъ, говоря о распредѣленіи войскъ. Войска собрались въ 5 часовъ утра и «построились шпалерникомъ отъ воротъ Ми-

---

[1]) Тамъ же, стр. 303.
[2]) Тамъ же, стр. 311.
[3]) Тамъ же, стр. 315.
[4]) Тамъ же, стр. 324.
[5]) Тамъ же, стр. 325.
[6]) Тамъ же, стр. 260 и 329.

хайловскаго замка, именуемыхъ Троицкими, до Кабинета, отъ онаго по Невскому проспекту, мимо Гостинаго двора, Казанскаго собора и по глазису Адмиралтейской крѣпости до Исаакіевскаго черезъ рѣку Неву моста, оный миновавъ, Васильевскаго острова по набережной улицѣ и по первой линіи до моста Тучкова, а сей миновавъ по главнымъ улицамъ Санктъ-Петербургской стороны и Большому проспекту, ведущему къ Троицкому собору и до воротъ Петропавловской крѣпости, именуемыхъ Троицкими» [1]).

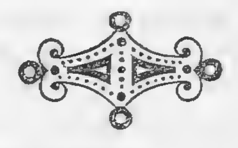
Не совсѣмъ ясно въ этомъ маршрутѣ указаніе на Большой проспектъ, ведущій къ Троицкому собору. Въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ теперь, Большой проспектъ ведетъ въ другую сторону, а къ Троицкому собору подходитъ Каменноостровскій проспектъ.

Любопытно также, что Іоанновскія ворота крѣпости, названныя такъ въ честь Іоанна Антоновича, о чемъ свидѣтельствуетъ находящаяся на нихъ дата «1741», именуются въ маршрутѣ траурнаго шествія «Троицкими».

И такъ: къ прощанію съ тѣломъ императора Павла Петровича было допущено «благоговѣйнымъ поклономъ» съ 12-го по 17-е марта 42.453 человѣка и 22-го марта около 9.000 человѣкъ, всего болѣе 50.000 человѣкъ и «допущено къ рукѣ» съ 17-го по 21-го марта включительно 46.978 человѣкъ, да 22-го и 23-го марта около 1.000, а всего до 48.000 человѣкъ.

Показанія Н. И. Греча вполнѣ точны, но пока ихъ пріурочивали не къ тѣмъ днямъ, къ которымъ они относятся—они вводили въ заблужденіе.

А. В. Половцовъ.

¹) Тамъ же, стр. 326.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XL [1]).

Свиданіе съ генераломъ Лапланомъ.—Фигнеръ и его италіанскій легіонъ.—Свиданіе русскаго императора съ королемъ прусскимъ и шведскимъ королевскимъ принцемъ.—Организація союзныхъ армій.—Приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ.—Движенія войскъ.—Планъ кампаніи.—Заслуги Бернадотта.—Генералъ Ланской.—Моро.—Дѣйствія Левенштерна въ окрестностяхъ Бѣлицы.—Особенность казачьей службы.

Районъ, опредѣленный актомъ о перемиріи для крѣпостей, равнялся $^1/_4$ нѣмецкой мили; эту черту надобно было считать границею нашихъ позицій.

Генералъ Лапланъ хотѣлъ занять пространство, равное одной французской милѣ, противъ чего я возсталъ, и это повело къ нескончаемымъ переговорамъ и перепискѣ.

Я послалъ капитана Колычева, дѣльнаго молодаго офицера, тщательно вымѣрить мѣстность, которую я считалъ принадлежащею намъ и, убѣдившись въ томъ, что я былъ правъ, писалъ генералу Лаплану:

«Ваше превосходительство! Судя по рапорту, представленному мнѣ капитаномъ Колычевымъ, я вижу съ прискорбіемъ, что вы заняли мѣстность, которую я не намѣренъ вамъ уступить.

«Мнѣ предписано поставить цѣпь аванпостовъ въ разстояніи четверти нѣмецкой мили отъ ввѣренной вамъ крѣпости.

«Поэтому я поручилъ капитану Колычеву условиться на этотъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюнь 1901 г.

счетъ съ уполномоченнымъ вами офицеромъ, и не торговаться о какихъ-либо ста саженяхъ, лишь бы деревни Ленгенбергъ и Раабзенъ и высоты, лежащія впереди Чопица (Tchopitz), остались въ моихъ рукахъ.

«Прошу ваше превосходительство сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе, дабы означенные пункты были немедленно переданы въ мое распоряженіе. Честь имѣю быть и пр. Левенштернъ.

Фрауныштадтъ, 22-го іюля 1813 г.

Послѣ того какъ мы обмѣнялись нѣсколькими письмами, генералъ Винценгероде уполномочилъ меня предложить генералу Лаплану свиданіе, чтобы рѣшить возникшія между нами недоразумѣнія полюбовно.

Для опредѣленія границъ мѣстности, которая въ силу заключеннаго перемирія должна была остаться нейтральной, были назначены уполномоченные: маіоръ Коста, начальникъ штаба Матенъ (Matin) и инженеръ Делюве.

Я съѣхался съ ними въ Лехенфельдсѣ (Lechenfelds); многіе французскіе офицеры, любопытствовавшіе видѣть вблизи казаковъ, сопровождали чиновъ этой коммиссіи.

Я принялъ ихъ любезно; спорный вопросъ былъ быстро улаженъ; обмѣнявшись всевозможными любезностями, мы разстались наилучшими друзьями въ мірѣ.

Генералъ Лапланъ былъ очень доволенъ исходомъ этого свиданія и прислалъ мнѣ со своимъ адъютантомъ письмо для передачи его брату, который находился въ плѣну въ Россіи. Этого адъютанта сопровождалъ молодой графъ де-Шампаньи, бывшій впослѣдствіи, временно, военнымъ министромъ во Франціи, котораго я имѣлъ удовольствіе видѣть въ Мобежѣ и Парижѣ, адъютантомъ герцога Ангулемскаго; въ то время онъ и не подозрѣвалъ, какую видную роль ему суждено было играть со временемъ.

Перемиріе протекло для меня весьма быстро; хотя я былъ постоянно занятъ, но, по сравненію съ моей предъидущей безпокойной партизанской службою, мои новыя занятія были для меня отдохновеніемъ.

Отрядъ Фигнера былъ расформированъ; эскадроны, входившіе въ его составъ, возвратились къ своимъ полкамъ, но онъ не сидѣлъ сложа руки и проявилъ изумительную дѣятельность, занявшись организаціей испано-италіанскаго легіона. Ему удалось, съ разрѣшенія Барклая-де-Толли, организовать отрядъ изъ 700 или 800 плѣнныхъ и дезертировъ, отданныхъ въ его распоряженіе. Они были обмундированы какимъ-то чудомъ: у нихъ были мундиры изъ зеленаго сукна, съ чернымъ воротникомъ и обшлагами, шитыми серебромъ; на каскахъ было написано крупными буквами: «Легіонъ мести».

Фигнеръ говорилъ очень хорошо по-италіански и льстилъ себя надеждою увеличить свой отрядъ, какъ только возобновятся военныя дѣйствія; онъ былъ весь поглощенъ мыслію освободить Италію отъ ига Наполеона, надѣялся проникнуть въ эту страну и возбудить тамъ возстаніе.

Мы нерѣдко посмѣивались надъ его мечтами, но невольно преклонялись передъ его организаторскимъ талантомъ. Его отрядъ, походившій въ началѣ на шайку разбойниковъ, пріобрѣталъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе видъ прекрасно организованнаго войска. Къ сожалѣнію, этотъ отрядъ не оправдалъ надеждъ, которыя возлагалъ на него Фигнеръ, всѣ его старанія пропали даромъ. При первомъ же серьезномъ дѣлѣ солдаты покинули своего командира, и Фигнеръ, чтобы спастись, былъ вынужденъ броситься въ Эльбу; онъ былъ убитъ въ то время, какъ переплывалъ рѣку.

Нашъ отдыхъ былъ только предвѣстникомъ новой бури. Дѣятельность, съ какою реорганизовывалась наша армія, была по истинѣ изумительна. Къ намъ непрерывно подходили резервные батальоны, рекруты, ремонтныя лошади; Наполеонъ сдѣлалъ большую ошибку, не употребивъ всевозможныхъ усилій, чтобы заключить миръ до тѣхъ поръ, пока не были сосредоточены всѣ силы, которыя мы поспѣшили стянуть во время перемирія.

Онъ не остановился вô-время у Смоленска въ 1812 г., а тутъ остановился не кстати въ 1813 г. Ему слѣдовало или заключить миръ немедленно или преслѣдовать насъ по пятамъ до самой Вислы.

Ловкое движеніе, совершенное нами на Швидницъ (Schviedniz), напоминавшее фланговое движеніе, совершенное на Калужскую дорогу въ 1812 г., конечно, могло напугать Наполеона, но все таки ему не слѣдовало останавливаться; ничто не мѣшало ему съ однимъ или двумя корпусами отдалиться на время отъ операціонной линіи къ Вислѣ, снять осаду крѣпостей и предоставить ходу событій сдѣлать остальное.

Политическія соображенія заставили его сдѣлать огромную ошибку, которой воспользовались Пруссія и Австрія.

Со временемъ трудно будетъ повѣрить, что, проигравъ два сраженія (при Люценѣ и Бауценѣ), мы были сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

Начались переговоры; въ Прагѣ долженъ былъ состояться конгрессъ; онъ собрался только для вида. Между тѣмъ населеніе Пруссіи возстало поголовно; Австрія успѣла вооружиться.

Въ Трахенбергѣ состоялось свиданіе русскаго императора съ королемъ прусскимъ и со шведскимъ королевскимъ принцемъ. Послѣдній командовалъ арміей, въ составъ которой входили русскіе отряды барона Винценгероде и графа Воронцова, прусскіе корпуса Бюлова и Табунцина и двадцатипятитысячный шведскій армейскій кор-

пусъ подъ командою маршала Штединга (Steding); вся совокупность этихъ силъ называлась сѣверо-германской арміей (armée du Nord de l'Allemagne).

Князь Шварценбергъ принялъ начальство надъ большой арміей, сформированной изъ австрійскихъ корпусовъ, изъ русскихъ войскъ подъ командою Барклая и Витгенштейна, русской гвардіи, пруссаковъ и прусскаго корпуса Клейста.

Маршалъ Блюхеръ командовалъ Силезской арміей, въ составъ которой входилъ корпусъ Сакена, графа Ланжерона и генерала Іорка.

Главная квартира арміи находилась въ Рейхенбахѣ. Главнокомандующимъ всей русской арміи былъ Барклай.

Эта новая комбинація была результатомъ свиданія, состоявшагося въ Трахенбергѣ; она сохранялась въ величайшей тайнѣ; объ ней никто не зналъ до окончанія перемирія, которое имѣло самыя благія послѣдствія для коалиціи.

Всѣ разсчеты Наполеона были разстроены. Онъ хотѣлъ сочинить миръ на подобіе того, который былъ предложенъ имъ въ Тильзѣ и Вѣнѣ послѣ битвы при Маренго. Всѣ его планы разбились о желѣзную волю императора Александра.

Перемиріе было заключено по мысли Австріи, предложившей свое вооруженное посредничество.

Съ этимъ предложеніемъ былъ посланъ къ Наполеону тотъ самый графъ Бубна, котораго я едва не взялъ въ плѣнъ въ тылу непріятельской арміи. Если бы я имѣлъ несчастіе задержать его, то все дѣло приняло бы иной оборотъ. Было бы потеряно драгоцѣнное время. Слѣдовательно, все дѣлается къ лучшему въ этомъ мірѣ и то, что показалось мнѣ неудачею, было заранѣе намѣчено Провидѣніемъ, если только оно занимается жалкими муравьями, именуемыми людьми.

Разсчетъ Австріи оказался вѣренъ. Ей надобно было выиграть время для того, чтобы окончить свои вооруженія и быть въ состояніи объявить войну Наполеону въ случаѣ, если бы онъ не согласился заключить миръ на предложенныхъ ему условіяхъ.

Россія также воспользовалась перемиріемъ, такъ какъ она успѣла получить подкрѣпленіе; Пруссія сохранила пока свою территорію, которую ей пришлось бы иначе оставить; такимъ образомъ она имѣла въ своемъ распоряженіи всѣ необходимыя для нея средства продовольствія. Три державы рѣшили употребить въ дѣло всѣ средства, коими они располагали, зная по опыту, что при подобныхъ обстоятельствахъ необходимо располагать чрезвычайными силами.

Проигравъ сраженіе при Люценѣ и Бауценѣ, русская и прусская арміи не могли льстить себя надеждою, что при ихъ тогдашнемъ положеніи побѣда могла бы склониться на ихъ сторону въ третій разъ.

Поэтому если бы русской арміи пришлось тогда еще разъ сразиться съ Наполеономъ, то она перешла бы, по всей вѣроятности, на правый берегъ Одера. Что же сдѣлала бы тогда армія короля прусскаго?

Трудно повѣрить, что она отдѣлилась бы отъ русской арміи. Сраженіе, проигранное на берегахъ Вислы, имѣло бы неисчислимыя послѣдствія.

Таково было положеніе дѣлъ передъ заключеніемъ перемирія; къ счастью, оно было заключено, и дѣла приняли совершенно оной оборотъ.

Во время перемирія къ намъ присоединились Австрія и Швеція, и наша армія увеличилась на 225.000 человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ успѣли подойти резервы и подкрѣпленія; они удвоили численность нашихъ силъ, и Пруссія сдѣлала такое усиліе, коему подобнаго нѣтъ примѣра въ исторіи.

Слѣдовательно, перемиріе было во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно выгодно для союзныхъ войскъ; оно было счастіемъ для Пруссіи и спасеніемъ для Европы.

Невольно задаешь себѣ вопросъ, почему Наполеонъ заключилъ столь невыгодное для него перемиріе, въ такой моментъ, когда всѣ шансы были на его сторонѣ? Наполеонъ испыталъ уже не мало неудачъ. Начиная кампанію 1813 г., онъ весьма мало разсчитывалъ на успѣхъ.

Впрочемъ, собравъ всѣ войска, которыя были у него подъ рукою, онъ все еще имѣлъ въ своемъ распоряженіи грозную армію и надѣялся окончить войну, давъ непріятелю рѣшительное сраженіе. Но онъ ошибся. Дважды одержавъ побѣду, онъ не могъ ею воспользоваться: у него было для этого слишкомъ мало кавалеріи.

Союзныя войска, медленно отступая передъ его побѣдоносной арміей, приблизились къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ въ ихъ распоряженіи были продовольственныя средства; Наполеона испугало поголовное ополченіе пруссаковъ, а фланговое движеніе, совершенное изъ Лигница къ Швейдницу, окончательно смутило его. Онъ припомнилъ фланговое движеніе, погубившее его въ 1812 году.

Наполеону было извѣстно о вооруженіяхъ Австріи; сопоставивъ фланговое движеніе на Швейдницъ съ этими вооруженіями, онъ увидѣлъ, что союзники имѣли совершенно опредѣленный планъ дѣйствій.

Тогда онъ счелъ нужнымъ дѣйствовать осторожно и рѣшилъ остановиться на берегу Эльбы, чтобы прикрыть тѣ мѣстности, которыя были имъ завоеваны, обучить новобранцевъ и дѣйствовать на союзниковъ дипломатическимъ путемъ.

Коммиссары или уполномоченные обѣихъ воюющихъ армій съѣхались на совѣщаніе въ Неймаркъ, въ Силезіи.

Со стороны Пруссіи были назначены: генералъ-лейтенантъ Клейстъ и полковникъ Валентини; со стороны Россіи генералъ-лейтенантъ, гене-

ралъ-адъютантъ графъ Шуваловъ и полковникъ Михаилъ Орловъ; со стороны Франціи: дивизіонный генералъ графъ Дюмустье (?) и генералъ-адъютантъ графъ Флаго (Flahault).

Города Бреславль и Неймаркъ были объявлены нейтральными.

Одно время надѣялись, что миръ будетъ заключенъ. Въ союзной арміи никто этого не желалъ.

Пораженіе, понесенное подъ Люценомъ и Бауценомъ, обмануло всѣ надежды, одушевлявшія войска въ началѣ кампаніи 1813 года. Крови было пролито много, лавровъ пожато весьма мало; всѣ усилія не привели ни къ чему. Наполеонъ, не одержавъ ни одной рѣшительной побѣды, все же двигался впередъ; былъ моментъ, когда можно было подумать, что его звѣзда снова восходила.

Перемиріе приближалось къ концу; французскіе уполномоченные еще не пріѣхали въ Прагу, а войска уже начали свои движенія.

Корпусъ барона Винценгероде, въ которомъ я находился, получилъ приказаніе идти къ Берлину, гдѣ сосредоточилась сѣверная армія.

Новый планъ кампаніи былъ выработанъ русскимъ императоромъ, королемъ прусскимъ, шведскимъ королевскимъ принцемъ Бернадоттомъ, и англійскимъ и австрійскимъ посланниками, въ Трахенбергѣ.

Было рѣшено, что шведскій королевскій принцъ двинетъ 20.000 корпусъ противъ маршала Даву и сосредоточитъ около 70.000 человѣкъ русскихъ, пруссаковъ и шведовъ въ окрестностяхъ Берлина, чтобы идти тотчасъ по окончаніи перемирія къ Эльбѣ, переправиться черезъ эту рѣку между Торгау и Магдебургомъ и направиться къ Лейпцигу.

Странно было видѣть бывшаго французскаго маршала, товарища боевой славы Наполеона, воевавшаго теперь противъ него. Побужденія, руководившія Бернадоттомъ, когда онъ принялъ участіе въ этой грандіозной борьбѣ, были весьма разнообразны. Ему надобно было отразить нашествіе непріятеля, осуществить соединеніе Норвегіи съ Швеціей и содѣйствовать возстановленію независимости Европы.

По договору, заключенному съ Россіей и Англіей, Швеція обязалась выставить армію въ 30.000 человѣкъ. Державы гарантировали ей въ свою очередь соединеніе съ Норвегіей.

Позиція сѣверной арміи была слишкомъ выдвинута по сравненію съ положеніемъ, занятымъ остальными войсками. Извѣстный генералъ Моро обратилъ на это вниманіе Бернадотта; сами прусскіе генералы полагали, что нельзя будетъ спасти Берлинъ, находившійся слишкомъ близко къ району дѣйствій непріятеля.

Сравнивая этотъ городъ со старой проституткой, пруссаки говорили, что онъ не стоитъ того, чтобы о немъ заботиться, и что его надобно покинуть.

Бернадоттъ былъ противъ этого: онъ понялъ, что эта проститутка

все же имѣла великое значеніе для Пруссіи, какъ средоточіе ея матеріальныхъ средствъ, какъ очагъ, поддерживавшій воодушевленіе народа, и какъ центръ, изъ котораго исходило побужденіе для защиты королевства.

Поэтому онъ рѣшилъ двинуться впередъ, взять на себя иниціативу движенія и воспользоваться тѣми преимуществами, какія всегда бываютъ связаны съ этой иниціативою. Планъ его увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

Кампанія, веденная шведскимъ королевскимъ принцемъ, замѣчательная по проницательности, съ какою онъ угадывалъ движенія непріятеля, быстротѣ, съ какою онъ предупреждалъ ихъ, цѣлесообразности его диспозицій и энергіи, съ какою онъ приводилъ въ исполненіе свои намѣренія, всегда будетъ предметомъ изученія для генераловъ, командующихъ арміями.

Въ этой кампаніи Бернадоттъ проявилъ изумительную осторожность и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлость, коихъ требовали обстоятельства; отдавая приказанія съ изумительною ясностью, онъ никогда не ставилъ подчиненныхъ въ затруднительное положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлялъ корпуснымъ командирамъ необходимую свободу дѣйствій, намѣчая имъ только крупныя стратегическія движенія, которыя должны всегда совершаться по указанію командующаго арміей. Онъ высказывалъ всегда величайшее попеченіе о солдатахъ и заботился вмѣстѣ съ тѣмъ объ интересахъ мѣстныхъ жителей; словомъ, онъ проявилъ всѣ качества, отличающія доблестнаго воина, мудраго политика и истиннаго друга человѣчества.

Впослѣдствіи, и даже во время самой кампаніи, многіе критиковали дѣйствія Бернадотта, не думая о томъ, что онъ былъ не только командующимъ арміей, но вмѣстѣ съ тѣмъ шведскимъ королевскимъ принцемъ, отвѣтственнымъ за тѣ 30 тысячъ шведовъ, которые были ему нужны впослѣдствіи для завоеванія Норвегіи.

Всѣ приготовленія къ дальнѣйшему движенію арміи были сдѣланы въ величайшей тайнѣ. Только одному начальству было извѣстно, въ какомъ направленіи двинутся войска.

Мнѣ было приказано передать наблюденіе за демаркаціонной линіей и блокадою Глогау генералу Ланскому, сосредоточить мой отрядъ, идти съ нимъ къ Франкфурту на Одерѣ и ожидать тамъ прибытія генерала Винценгероде.

Я былъ очень радъ увидѣться съ моимъ бывшимъ начальникомъ, храбрымъ и честнымъ генераломъ Ланскимъ, которому я сообщилъ всѣ необходимыя свѣдѣнія относительно блокады Глогау и демаркаціонной линіи. Я не видалъ его со времени сраженія при Бауценѣ; но любилъ его всею душою, и время, которое я служилъ подъ его начальствомъ, всегда будетъ для меня незабвеннымъ.

*

Онъ былъ еще молодъ, красивъ собою, храбръ, одѣвался изысканно, былъ очень проницателенъ и обладалъ здравымъ сужденіемъ. Живой, даже вспыльчивый, онъ ненавидѣлъ людей медлительныхъ и педантичныхъ. Самое скорое рѣшеніе всегда было, по его мнѣнію, наилучшимъ. Недоступный зависти, онъ любилъ выдвигать своихъ подчиненныхъ.

Вслѣдъ за мною пріѣхалъ во Франкфуртъ генералъ Винценгероде.

Я остановился на денекъ въ замкѣ принцессы Гогенцоллернской, сестры княгини de Sagan, у которой былъ очень хорошо принятъ въ Вѣнѣ. Я встрѣтилъ у нея графа Ностица, который поступилъ впослѣдствіи на русскую службу и съ которымъ я очень сошелся; наши дружескія отношенія не прекращались до его смерти. Это былъ человѣкъ выдающійся; я еще буду имѣть случай говорить о немъ.

Генералъ Винценгероде приказалъ мнѣ перейти Шпре у Кёпника (Koepnik), оставить Берлинъ вправо и направиться на Тельтовъ, Саармюнде, Бѣлицъ и Трейенбризенъ къ границѣ Саксоніи.

Будучи такъ близко къ Берлину, я не могъ не заѣхать въ этотъ городъ, гдѣ провелъ двое сутокъ самымъ пріятнѣйшимъ образомъ.

Обстоятельства благопріятствовали мнѣ; я познакомился въ Берлинѣ съ знаменитымъ генераломъ Моро, только-что пріѣхавшимъ изъ Америки.

Въ его наружности не было ничего выдающагося. Онъ былъ очень простъ въ обращеніи, носилъ голубой фракъ, высокіе сапоги съ желтыми отворотами, говорилъ скромно, безъ всякой претензіи. По его наружности никто не могъ бы заподозрѣть въ немъ героя Гогенлиндена.

Генералъ Винценгероде, коего я встрѣтилъ случайно у генерала Моро, не сдѣлалъ мнѣ никакого замѣчанія по поводу того, что я пріѣхалъ въ Берлинъ безъ его позволенія; онъ даже былъ видимо доволенъ увидѣться со мною и совѣтовалъ мнѣ поспѣшить въ Трейенбризенъ, чтобы принять командованіе демаркаціонной линіей на границѣ Саксоніи.

Это новое порученіе, свидѣтельствовавшее объ его довѣріи ко мнѣ, показывало, что онъ былъ доволенъ моими дѣйствіями на Одерѣ.

Остановившись въ Берлинѣ, въ Петербургскомъ отелѣ, подъ Липами, я познакомился съ извѣстной г-жей де-Лихтенау, бывшей Рисъ (Riez). Она уже не походила на ту красавицу, которая кружила голову покойному королю; это была просто-на-просто кумушка, сохранившая нѣкоторые слѣды прежней красоты.

Проѣхавъ не останавливаясь чрезъ Шарлоттенбургъ и Потсдамъ, я вошелъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Трейенбризенъ, въ непосредственное сношеніе съ генераломъ Тюменомъ (Thümen), командовавшимъ постами влѣво отъ моей позиціи, и просилъ его относиться по-сосѣдски къ маіору Ребрееву, котораго я поставилъ съ полкомъ въ самомъ Трейенбризенѣ.

Моя главная квартира находилась въ Бѣлицѣ.

При первомъ же осмотрѣ передовыхъ постовъ я увидѣлъ, что французскій кордонъ былъ весьма слабо занятъ войсками; сообразно съ этимъ и я разставилъ свои посты.

Войсками, стоявшими противъ меня, командовалъ генералъ Домбровскій; его главная квартира находилась въ Ютербокѣ (Jüterbock).

Главная квартира Винценгероде находилась въ Бранденбургѣ.

Въ Бѣлицѣ меня ожидала депутація берлинскихъ купцовъ, пріѣхавшихъ просить, чтобы я оказалъ имъ содѣйствіе для того, чтобы провезти чрезъ Саксонію повозки, нагруженныя колоніальными товарами, ввозъ которыхъ былъ воспрещенъ во всѣ государства, занятыя войсками Наполеона.

Я отлично понималъ, какія выгоды это сулило берлинскимъ торговцамъ и какой ущербъ это могло нанести континентальной системѣ, поэтому я не колеблясь донесъ о просьбѣ негоціантовъ генералу Винценгероде, прося его разрѣшенія исполнить ихъ просьбу.

Онъ одобрилъ все, что я ему предложилъ, и предоставилъ мнѣ принять всѣ мѣры, какія будутъ признаны мною необходимыми для того, чтобы провезти повозки съ товаромъ незамѣтно чрезъ линію французскихъ аванпостовъ. Это было самое трудное; я взялся за это дѣло и приказалъ подвезти къ ночи всѣ телѣги къ моему послѣднему пикету, находившемуся на Виттенбергской дорогѣ; затѣмъ я велѣлъ своимъ патрулямъ дѣлать всю ночь разъѣзды.

Французы, привыкшіе къ этимъ разъѣздамъ, которые повторялись каждую ночь, отодвинули свои аванъ-посты, чтобы избѣжать столкновенія; телѣги проѣхали полемъ по указанію опытныхъ проводниковъ и выѣхали снова на большую Виттенбергскую дорогу позади французскихъ постовъ. Купцы съ помощью звонкой монеты быстро столковались съ французскими властями, оставленными въ Виттенбергѣ; телѣги были переправлены черезъ Эльбу и, минуя Лейпцигъ и Франкфуртъ, прибыли во Францію, гдѣ торговцы продали свой товаръ съ огромнымъ барышемъ.

Единственное условіе, поставленное мною купцамъ, было: доставлять мнѣ всѣ свѣдѣнія о французской арміи, какія они могли получить.

Они исполнили это требованіе очень искусно, и я имѣлъ такимъ образомъ возможность доставить шведскому королевскому принцу самыя точныя свѣдѣнія до начала кампаніи, что выставило меня въ его глазахъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, какъ онъ неоднократно высказывалъ генералу Винценгероде.

Когда я уѣзжалъ изъ Берлина, то генералъ Винценгероде приказалъ выдать мнѣ 200 дукатовъ въ вознагражденіе шпіонамъ. Я возвратилъ ему эту сумму, такъ какъ купцы служили мнѣ безвозмездно лучше, нежели шпіоны за плату.

Я воспользовался пріостановкою военныхъ дѣйствій, чтобы произвести подробный смотръ моему отряду и заготовить все необходимое для его обмундированія, на что мною было употреблено сукно, которое я захватилъ въ Саксоніи и въ Силезіи, такъ что правительству не пришлось истратить на это ни гроша. Я оставилъ при своемъ отрядѣ только тѣхъ лошадей, которыя были въ состояніи выносить тѣ, подъ часъ безумные разъѣзды, которые я совершалъ; всѣхъ же остальныхъ, признанныхъ мною негодными, я отослалъ въ тылъ арміи, разсчитывая укомплектовать свои эскадроны лошадьми, которыя должны были придти съ Дона.

Особенно тщательно были осмотрѣны мною походные ранцы; я приказалъ также снять съ сѣделъ подушки, подъ которыми хитрые казаки прячутъ обыкновенно свою добычу; ибо хотя я признавалъ эту добычу ихъ собственностью, но строго требовалъ, чтобы они складывали ее въ узлы и посылали въ свой кошъ, подъ присмотръ выборнаго казака.

Начальникъ казацкаго отряда долженъ всегда строго слѣдить за этимъ и неоднократно подтверждать это приказаніе во время похода, ибо казакъ, несмотря на всѣ свои прекрасныя свойства, все же остается человѣкомъ, а тотъ, кто имѣетъ при себѣ все свое имущество, само собою разумѣется, не можетъ быть столь смѣлъ и рѣшителенъ, какъ тотъ, кому приходится защищать только свою шкуру.

Не обремененный никакой заботою, казакъ смѣло пойдетъ на всякое предпріятіе, и когда ему удастся захватить добычу, онъ охотно отсылаетъ ее въ обозъ, такъ какъ онъ увѣренъ, что все будетъ цѣло. Не было примѣра, чтобы казацкій кошъ былъ взятъ непріятелемъ, или чтобы тѣ, кому было поручено слѣдить за цѣлостью добычи, не оправдали довѣрія своихъ товарищей.

Не слѣдуетъ однако думать, что эти казацкіе коши организованы наподобіе обоза регулярныхъ войскъ. Это кочевое войско, за которымъ не идетъ ни одной телѣги, всѣ вещи укладываются на вьючныхъ лошадей, а иной разъ на верблюдовъ или на ословъ.

Кошевые казаки не останавливаются въ деревняхъ, а всегда въ открытомъ полѣ и, лежа на травѣ, прислушиваются къ малѣйшему подозрительному шуму. Предвидя опасность, они немедленно переѣзжаютъ въ другое мѣсто; находясь всегда въ сношеніи съ полкомъ, они знаютъ о всѣхъ его движеніяхъ. Эти молодцы избѣгаютъ всѣхъ опасностей только благодаря своему уму и смѣтливости, развитой до высокой степени.

Я боюсь, что, стараясь упорядочить казацкое войско, его лишатъ самаго драгоцѣннаго свойства, отличающаго казаковъ, т. е. той замѣчательной смѣтливости и сообразительности, которой ни гусары, ни уланы никогда не достигнутъ; это свойство весьма цѣнно для тѣхъ задачъ,

которыя приходится выполнять легкой кавалеріи; прочія націи по справедливости завидуютъ намъ въ этомъ отношеніи.

Въ ожиданіи возобновленія непріязненныхъ дѣйствій, французская армія начала совершать передвиженіе.

Въ приказѣ генерала Винценгероде отъ 14-го августа, привезенномъ мнѣ его адъютантомъ барономъ Строгоновымъ, говорилось: «по полученіи этого приказанія вы соберете вашъ отрядъ и послѣ завтра, 16-го августа, въ 5 часовъ по-полудни, начнете непріязненныя дѣйствія.

«Ожидайте отъ меня дальнѣйшихъ приказаній въ Трейенбризенѣ и доносите мнѣ все, что вы узнаете тѣмъ временемъ интереснаго, посылая ваши донесенія съ курьеромъ въ Гольцовъ, гдѣ я буду находиться».

«P. S. Завтра, около 5 часовъ по-полудни, я двинусь изъ Гольцова въ Бельцигъ, откуда я тотчасъ войду въ сношеніе съ вами и сообщу вамъ свои дальнѣйшія приказанія. Винценгероде».

XLI.

Открытіе военныхъ дѣйствій. — Порученіе Левенштерну захватить Наполеона.—Партизанскія дѣйствія.—Парадный обѣдъ въ Герцбергѣ.—Захватъ депешъ и непріятельской кассы.

Война возобновилась. На мою долю выпало сдѣлать первые выстрѣлы.

Предчувствіе, никогда меня не обманывавшее, подсказало мнѣ, что я и этотъ разъ выйду благополучно изъ борьбы, которая обѣщала быть кровопролитной. Поэтому я со спокойнымъ сердцемъ перекрестился и началъ непріязненныя дѣйствія.

Взявъ съ собой двѣсти человѣкъ казаковъ, я вышелъ съ ними на Виттенбергскую дорогу, чтобы вызвать непріятеля на бой, но онъ отъ этого уклонился и отступилъ на всѣхъ пунктахъ. Такимъ образомъ я дошелъ безпрепятственно до Марцана (Marzahn). Тутъ я остановился и, опасаясь засады со стороны поляковъ, стоявшихъ напротивъ меня и имѣвшихъ время изучить мѣстность, я повернулъ обратно и разослалъ въ разныхъ направленіяхъ небольшіе отряды.

Ночь прошла спокойно; на разсвѣтѣ я получилъ отъ генерала Винценгероде слѣдующій приказъ:

«Я проведу ночь въ Бельцигѣ (Belzig); по полученіи настоящаго письма вы отправитесь въ Ютербокъ, гдѣ находилась главная квартира генерала Домбровскаго, прогоните непріятеля, если онъ еще на-

дится тамъ, и разошлете оттуда по всѣмъ направленіямъ развѣдчиковъ, чтобы имѣть извѣстія о непріятелѣ, который старается скрыться съ нашихъ глазъ.

«Направляйте мнѣ всѣ извѣстія въ Нименъ.

«Мѣстность между Нименомъ (Niemen) и Бельцигомъ будетъ занята моими войсками.

«Я буду сообразовать свои дальнѣйшія движенія съ тѣми извѣстіями, какія получу отъ васъ изъ Ютербока, который, я полагаю, будетъ занятъ вами».

Брюкъ,
16-го августа 1813 г. въ $8^3/_4$ ч. вечера.

Я пошелъ немедленно въ Ютербокъ, откуда прогналъ слабый отрядъ уланъ, оставленный тамъ Домбровскимъ, чтобы наблюдать за нами.

Остановившись въ этомъ мѣстечкѣ, я разослалъ развѣдчиковъ по разнымъ направленіямъ.

Между Трейенбризеномъ и Ютербокомъ я встрѣтилъ сильный отрядъ гусаръ; мои передовые казаки атаковали ихъ и были весьма удивлены, узнавъ въ нихъ прусскихъ гусаръ изъ отряда Гельвига. Эта ошибка очень насмѣшила насъ; гусары, понявъ, что мы приняли ихъ за непріятеля, не тронулись съ мѣста и кричали казакамъ: «Prussen, Pruss, Pruss».

Прежде нежели мои развѣдчики успѣли вернуться, я получилъ отъ генерала Винценгероде приказаніе совершить новую экспедицію, если будетъ возможно, обойти непріятеля съ лѣваго фланга и съ тыла и захватить въ плѣнъ Наполеона.

Этотъ документъ слишкомъ любопытенъ, чтобы не привести его здѣсь; мнѣ кажется, никому другому не давали подобнаго порученія:

«Мною только-что получено отъ шведскаго королевскаго принца извѣстіе,—писалъ мнѣ Винценгероде,—что императоръ Наполеонъ отправится лично къ арміи маршала Удино.

«Онъ направляется изъ Дрездена въ Барутъ (Baruth), съ намѣреніемъ идти оттуда прямо на Берлинъ, разбить насъ и торжественно вступить въ эту столицу.

«Необходимо теперь же тревожить его лѣвый флангъ, а если окажется возможнымъ, и его тылъ.

«Эту экспедицію поручаютъ выполнить вамъ; ваша предъидущая дѣятельность служитъ мнѣ порукою въ томъ, что вы оправдаете возлагаемое на васъ довѣріе.

«Королевскій принцъ сообщилъ мнѣ, что императоръ Наполеонъ будетъ слѣдовать за арміей подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя гвардейской кавалеріи (по всей вѣроятности, л.-гв. конныхъ егерей).

«Если бы вамъ посчастливилось взять его въ плѣнъ, то королевскій принцъ обѣщаетъ вашему отряду 500.000 р. вознагражденія и пропорціональную этому сумму вамъ и вашему штабу.

«Вы занимаете позицію весьма благопріятную для того, чтобы совершить эту экспедицію. Вы пойдете изъ Ютербока къ Баруту, гдѣ находится главная квартира Удино; потревожите, насколько будетъ возможно, лѣвый флангъ противника, проскользнете затѣмъ въ тылъ непріятельской арміи, постараетесь выйти на большую Дрезденскую дорогу, а далѣе будете поступать по своему усмотрѣнію; отрядъ, который можетъ вамъ оказать поддержку, будетъ находиться въ Бѣлицѣ; этимъ отрядомъ командуетъ генералъ графъ Орурк, подъ непосредственнымъ начальствомъ коего вы будете состоять, и которому вы обязаны посылать свои донесенія.

«Въ случаѣ, если вамъ не удастся пробраться въ Ютербокъ и если настоящій приказъ будетъ полученъ вами по пути между этимъ послѣднимъ пунктомъ и Трейенбризеномъ, постарайтесь все-таки достигнуть намѣченной цѣли, идя по направленію къ Люкенвальде».

Бѣлицъ, 17-го августа 1813 г. 4 часа по полудни.

«P.S. По повелѣнію королевскаго принца, я иду со всей моей кавалеріей (за исключеніемъ 300 лошадей, которыя будутъ стоять въ Бѣлицѣ подъ командою графа Орурка) чрезъ Потсдамъ въ Шарлотенбургъ».

Мнѣ было очень лестно, что на меня возлагали подобное порученіе, но я не заблуждался относительно опасности, съ коей это было сопряжено. Во-первыхъ, очень трудно предпринимать что-либо въ самомъ началѣ новой кампаніи въ тылу непріятельской арміи, когда она еще свѣжа и хорошо организована, когда всѣ мѣры предосторожности еще строго соблюдаются и каждый горитъ желаніемъ сразиться съ непріятелемъ, поэтому надобно быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ и столкновеніямъ.

Но, несмотря на все это, я былъ очень радъ, что мнѣ было поручено преслѣдовать Наполеона; сердце трепетало у меня отъ радости при мысли, что быть можетъ мнѣ посчастливится встрѣтить его по пути.

Конные егеря, конвоировавшіе его, были старые воины, которые заставили бы меня, конечно, дорого поплатиться за мою смѣлость, но это не помѣшало бы мнѣ атаковать ихъ, гдѣ бы я ихъ ни встрѣтилъ. Чтобы придать себѣ бодрости, я говорилъ себѣ мысленно, что преимущество бываетъ всегда на сторонѣ атакующаго. Къ тому же мнѣ были извѣстны силы французовъ, тогда какъ они не имѣли понятія о численности моего отряда; имъ приходилось защищать драгоцѣнное сокровище;

заслышавъ шумъ, они навѣрно остановились бы, чтобы построиться въ боевой порядокъ и оказать упорное сопротивленіе, между тѣмъ, какъ Наполеонъ и его свита постарались бы ускакать къ арміи Удино и къ войску, которое стояло въ Дрезденѣ.

Въ этомъ предположеніи, я выбралъ 200 отборныхъ лошадей и офицеровъ, извѣстныхъ своею отвагою, такъ какъ простой храбрости не достаточно въ подобномъ случаѣ, и предупредилъ ихъ, чтобы они были наготовѣ и, не принимая участія въ битвѣ, которуя я начну, зорко слѣдили бы за всѣмъ происходящимъ и бросились бы опрометью за тою группою, которая отдѣлится объ общей массы, и преслѣдовали бы ее неутомимо, между тѣмъ какъ я съ главными силами отряда займусь остальными.

Мои казаки горѣли желаніемъ оказать себя достойными того довѣрія, которое возлагалось на нихъ; обѣщанная награда была для нихъ хорошею приманкою. А я! Развѣ я нуждался въ наградѣ, когда вся Европа была бы мнѣ благодарна за плѣненіе Наполеона.

Но пора было приступить къ дѣлу. Для того, чтобы скрыть свое фланговое движеніе, мнѣ слѣдовало прежде всего отдалиться отъ указаннаго мнѣ направленія.

Господа генералы и ихъ штабные офицеры не имѣютъ никакого понятія о дѣйствіяхъ подобнаго рода. Они воображаютъ, что можно тревожить флангъ непріятеля и въ то же время съ тѣмъ же отрядомъ пробраться незамѣтно на его коммуканиціонную линію. Надобно дѣлать то или другое, но совершить оба движенія одновременно невозможно.

То же самое можно сказать и объ инструкціяхъ, которыя главнокомандующіе даютъ легкой кавалеріи, возлагая на нее какое-нибудь чрезвычайное порученіе. Поэтому я рѣшилъ уклониться отъ исполненія первой части данныхъ мнѣ инструкцій и, сдѣлавъ большой объѣздъ, пробраться на коммуникаціонную линію непріятельской арміи, коей командовалъ маршалъ Удино.

Я пошелъ изъ Ютербока въ Рорбекъ, гдѣ перешелъ черезъ маленькую мутную рѣчку съ намѣреніемъ направиться оттуда на Швейницъ или Эссенъ (Iessen), смотря по обстоятельствамъ; моей цѣлью было перейти р. Шварцъ-Эльстеръ и перерѣзать такимъ образомъ коммуникаціонную линію французской арміи, по которой она сообщалась съ Виттенбергомъ и Іоргау.

Въ Она (Ohna) развѣдчики донесли мнѣ, что они замѣтили пѣхотную колонну, направляющуюся въ Графендорфъ. Я тотчасъ оставилъ принятое мною направленіе и поспѣшилъ ей на встрѣчу.

Завидѣвъ меня, непріятель построился въ карре, но я не далъ ему времени на размышленіе, атаковавъ его съ полкомъ Попова 13-го; колонна была мигомъ смята и цѣликомъ взята въ плѣнъ: въ наши руки

достались 450 человѣкъ съ оружіемъ и обозомъ. Это была колонна шедшая на соединеніе съ арміей и выступившая изъ Виттенберга наканунѣ.

Моя экспедиція началась удачно.

Я отослалъ плѣнныхъ съ ихъ оружіемъ къ графу Орурку; генералъ Винценгероде и шведскій королевскій принцъ были весьма довольны этимъ началомъ, при чемъ первый писалъ графу Орурку:

«Ваше сіятельство! Я получилъ ваше донесеніе изъ Треббина (Trebbin), равно донесеніе барона Левенштерна изъ Графендорфа.

«Королевскій принцъ очень доволенъ поведеніемъ этого храбраго офицера и приказалъ мнѣ высказать ему это, что я и поручаю сдѣлать вамъ.

«Объ этомъ славномъ подвигѣ будетъ упомянуто въ дневномъ приказѣ.

«Такъ какъ армія идетъ впередъ и я сегодня же займу съ своей кавалеріей Бѣлицъ, Соармюнде и Треббинъ, то мы должны занять съ девятью казацкими полками, состоящими подъ вашимъ начальствомъ, Ютербокъ и произвести рекогносцировки по всѣмъ направленіямъ отъ Виттенберга до Барута такъ далеко, какъ окажется возможно.

«Завтра пріѣдетъ въ Трейенбризенъ генералъ Чернышевъ, и его казаки произведутъ рекогносцировку всей мѣстности между Виттенбергомъ и Цербстомъ.

«Сегодня же пріѣдетъ въ Треббинъ генералъ Иловайскій; онъ вышлетъ развѣдчиковъ изъ Миттвальда до Барута, слѣдовательно, вашъ лѣвый флангъ долженъ находиться въ непрестанномъ сообщеніи съ корпусомъ Чернышева.

«Ваши пять батальоновъ егерей и артиллерія останутся въ Бѣлицѣ, впредь до полученія приказаній.

«Моя главная квартира будетъ сегодня въ Саармюнде, а завтра въ Бѣлицѣ».

Отославъ плѣнныхъ и написавъ донесеніе, я далъ моему отряду нѣсколько часовъ отдыха и, отобѣдавъ въ замкѣ, по приглашенію его владѣлицы, направился къ Швейницу и безпрепятственно перешелъ Эльстеръ. Я оставилъ въ замкѣ арьергардъ, которому было приказано выступить четверть часа спустя и слѣдовать за мною.

Можно себѣ представить мой гнѣвъ, когда я узналъ отъ одного слуги, которому удалось пробраться ко мнѣ, что этотъ арьергардъ разграбилъ замокъ и напугалъ его гостепріимныхъ владѣльцевъ.

Я поспѣшилъ обратно и, заставъ казаковъ на мѣстѣ преступленія, приказалъ имъ возвратить награбленное и тотчасъ наказалъ виновныхъ.

До назначенія военнаго суда офицеръ былъ арестованъ, унтеръ-офицеръ разжалованъ, и каждому казаку было дано по моему приказа-

нію сто ударовъ нагайкой во дворѣ замка. Кромѣ того, я приказалъ имъ слѣдовать за отрядомъ пѣшкомъ во все время экспедиціи, не принимать никакого участія въ дѣлежѣ добычи. Идти пѣшкомъ есть величайшее наказаніе и величайшій позоръ для казака, который родится, такъ сказать, на лошади.

Но ихъ слѣдовало строго наказать, и я надѣялся, что ничего подобнаго впредь не случится. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ мои казаки не позволяли себѣ болѣе грабить мирныхъ гражданъ.

Узнавъ въ Швейницѣ, что въ Шенвальде находилось кавалерійское депо, я отправился въ ту же ночь, чтобы напасть на него врасплохъ, и захватилъ 150 лошадей и 40 кавалеристовъ.

Это былъ конскій лазаретъ; я взялъ только 35 здоровыхъ лошадей и всѣхъ людей, дозволивъ крестьянамъ взять остальныхъ лошадей въ свою пользу.

Совершивъ эту экспедицію, я возвратился въ ту же ночь въ Швейницъ и направился въ Герцбергъ, приближаясь къ большой дорогѣ, которая идетъ въ Торгау.

Мнѣ удалось такимъ образомъ перерѣзать вторую коммуникаціонную линію непріятеля, тогда какъ онъ и не подозрѣвалъ еще о моемъ присутствіи у него въ тылу.

Я отрядилъ полковника Барнекова съ полкомъ Ребреева, приказавъ имъ обойти Герцбергъ, а самъ пошелъ прямо, чтобы никто не могъ ускользнуть отъ меня, и все находившееся на этомъ пути попало въ мои руки, какъ рыба въ неводъ; Барнековъ прибылъ въ Герцбергъ съ одной стороны, въ то время, какъ я вступалъ туда съ другой.

Я взялъ по пути въ плѣнъ 10 офицеровъ, большой обозъ запасныхъ лафетовъ, повозокъ, фургоновъ и госпиталь, нагруженный на 30 повозкахъ и направлявшійся въ Виттенбергъ.

Этотъ походный госпиталь крайне стѣснилъ меня; что было дѣлать со столькими повозками? Я быстро принялъ рѣшеніе. Не имѣя возможности увезти ихъ, я написалъ французскому коменданту Виттенберга, что, благодаря случайности военнаго времени, я очутился между нимъ и французской арміей и благодаря той же случайности завладѣлъ госпиталемъ, но, воюя со здоровыми людьми, я отсылаю ему больныхъ, чтобы онъ ухаживалъ за ними, чего въ моемъ положеніи не могу сдѣлать.

Я поручилъ одному саксонскому чиновнику сопровождать этотъ транспортъ и, освободившись отъ этой обузы, занялся уничтоженіемъ лафетовъ и провіантскихъ повозокъ, въ чемъ просилъ жителей помочь мнѣ, разрѣшивъ имъ оставить себѣ фуражъ и все то, что могло быть имъ полезно.

Я остановился на нѣсколько часовъ въ одномъ изъ великолѣпнѣй-

шихъ домовъ Герцберга, на городской площади. Этотъ домъ принадлежалъ вдовѣ, дочь которой, очаровательная дѣвушка, была въ тотъ день именинница. Весь домъ имѣлъ праздничный видъ, но мое появленіе нарушило торжество.

Я увидѣлъ парадно сервированный столъ, но гостей не было; хозяйка дома отвѣчала на мой вопросъ, что дамы живутъ въ сосѣднемъ замкѣ, узнали вѣроятно о моемъ появленіи и боялись пріѣхать.

— Напишите этимъ дамамъ,—сказалъ я,—успокойте ихъ и попросите ихъ пріѣхать подъ конвоемъ моихъ казаковъ, которыхъ я пошлю за ними.

Я приказалъ тотчасъ отправить за дамами 60 человѣкъ казаковъ и офицера съ письмомъ; онъ вернулся съ многочисленной компаніей и, пока мои люди и лошади подкрѣпляли свои силы, мы провели нѣсколько часовъ весьма пріятно.

Барнековъ, нашъ поэтъ, написалъ подходящіе къ обстоятельствамъ стихи. Во время обѣда я обдумывалъ, какимъ образомъ добраться до третьей коммуникаціонной линіи непріятеля, т. е. выйти на Дрезденскую дорогу, по которой долженъ былъ проѣхать Наполеонъ, чтобы попасть въ главную квартиру Удино.

Самое главное было выѣхать на эту дорогу, не бывъ замѣченнымъ непріятелемъ.

Я избралъ центральнымъ пунктомъ моихъ операцій городъ Зонневальде (Sonnewalde), окрестности котораго были очень лѣсистыя, и надѣялся, что мнѣ удастся устроить тамъ засаду.

Прибывъ въ Зонневальде, я послалъ два отряда, по 50 человѣкъ въ каждомъ, проселочными дорогами съ хорошими проводниками, приказавъ имъ стать такъ, чтобы ихъ не могли увидѣть, и помѣстить ведеты на деревьяхъ; одинъ изъ этихъ отрядовъ долженъ былъ находиться по близости отъ меня, возлѣ большой дороги, которая вела изъ Зонневальда въ главную квартиру Удино, и составить мой крайній лѣвый флангъ, между тѣмъ, какъ второй отрядъ долженъ былъ стоять въ такомъ же разстояніи на моемъ правомъ флангѣ, возлѣ дороги, идущей изъ Зонневальде въ Дрезденъ, по которой долженъ былъ ѣхать Наполеонъ.

Въ разставленныя мною такимъ образомъ сѣти неминуемо должно было попасть все, что очутилось въ районѣ, занятомъ этими отрядами.

Но, чтобы не обратить преждевременно вниманія непріятеля, я приказалъ казакамъ пропустить всѣ отдѣльные маленькіе отряды, и людей, которые будутъ идти одни, и задерживать только курьеровъ или генераловъ, которые будутъ ѣхать въ каретѣ, приказавъ ни въ какомъ случаѣ не вступать въ бой, такъ какъ и одинъ ружейный выстрѣлъ могъ выдать мое присутствіе.

Особенно важно было задержать курьеровъ, которые должны были, по всей вѣроятности, ѣхать впереди Наполеона.

Не прошло и получаса, какъ ко мнѣ привели кабинетнаго курьера, мундиръ котораго былъ съ верху до низу обшитъ галунами; онъ ѣхалъ въ почтовой каретѣ, на которой была слѣдующая надпись: «великая армія, главная квартира арміи, кабинетъ императора (grande armée grand quartier général, cabinet de l'empereur)».

Этотъ курьеръ спалъ въ каретѣ и не успѣлъ уничтожить своихъ депешъ; я получилъ ихъ въ такомъ же неприкосновенномъ видѣ, какъ если бы я былъ самъ маршалъ Удино.

Въ одной изъ депешъ принцъ Невшательскій сообщалъ маршалу Удино, что императоръ не поѣдетъ къ его арміи, а отправится въ Силезію, чтобы разбить маршала Блюхера.

Четверть часа спустя мнѣ привели втораго курьера, везшаго дубликатъ этой депеши, всю корреспонденцію, полученную изъ Франціи, небольшой серебряный сервизъ маршала Удино, ящикъ превосходнаго краснаго вина и 260 крестовъ Почетнаго Легіона съ патентами на нихъ, подписанными гросмейстеромъ ордена, графомъ Ласепедомъ.

Содержаніе этихъ депешъ въ высшей степени огорчило меня. Никогда въ жизни я не испытывалъ столь тягостнаго чувства. Всѣ мои старанія, вся моя хитрость пропали даромъ. Но все же я не могъ сидѣть сложа руки; надобно было что-нибудь предпринять.

Познакомившись съ содержаніемъ главнѣйшихъ депешъ, такъ какъ не было никакой возможности прочитать то безчисленное количество писемъ, которыя были присланы изъ Франціи, я собралъ своихъ казаковъ и, оставивъ отрядъ, который занималъ дорогу, ведшую въ главную квартиру Удино, въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ былъ поставленъ, чтобы прикрывать мое движеніе, и пошелъ на Дрезденскую дорогу, открыто, не прячась, съ цѣлью атаковать непріятеля, гдѣ бы онъ ни попался мнѣ, и захватить все, что попалось бы мнѣ въ руки, и затѣмъ вернуться обратно тою же дорогою; если же я встрѣтилъ бы какое-нибудь препятствіе, то рѣшилъ идти прямо на Добрылукъ и оттуда на соединеніе съ силезской арміей.

Едва успѣлъ я проѣхать съ четверть версты, какъ мнѣ донесли, что намъ на встрѣчу двигалась колонна пѣхоты, въ головѣ которой шли лейбъ-гренадеры въ медвѣжьихъ шапкахъ, а за нею двигался обозъ.

Я тотчасъ послалъ подполковника Барнекова и храбраго маіора Ребреева, съ тремя сотнями казаковъ, чтобы отрѣзать этой колоннѣ отступленіе къ Дрездену, а самъ съ остальной частью отряда поспѣшилъ ей на встрѣчу.

Результатъ этого маневра былъ весьма благопріятный, колонна повернула обратно, но Барнековъ и Ребреевъ уже успѣли преградить ей

путь. Тогда колонна построилась въ каре и прислонилась своими повозками къ живой изгороди, росшей по краю широкаго рва. Но храбрые казаки Попова 13-го, не боявшіеся никакой опасности, окутанные столбомъ пыли, который мѣшалъ что-либо видѣть на разстояніи трехъ шаговъ, храбро атаковали эту массу пѣхоты.

Чрезъ нѣсколько минутъ вся колонна была взята въ плѣнъ, ни одинъ человѣкъ не успѣлъ ускакать. Въ моихъ рукахъ очутилась цѣлая рота гренадеръ саксонской гвардіи въ ихъ великолѣпныхъ красныхъ мундирахъ и мѣховыхъ шапкахъ и походвая колонна въ 550 человѣкъ солдатъ съ 20 офицерами, военные интенданты, врачи, саксонскіе фельдъегеря и касса, въ которой было 800 тысячъ франковъ.

Я потерялъ не много людей, но мнѣ пришлось оплакивать убитаго, во время этой атаки, превосходнаго офицера, капитана Персіанова; моей лошади попала въ ноздрю пуля, и она сдѣлалась съ тѣхъ поръ боязлива.

Взявъ столь богатую добычу, окруженный плѣнными, я не зналъ, что дѣлать, и находился въ весьма затруднительномъ положеніи; не трудно было взять плѣнныхъ, но трудно было ихъ удержать и выпутаться изъ западни, въ которую я попалъ по собственной своей винѣ.

Возможно ли было стѣсненному плѣнными и добычею ускользнуть отъ непріятельской арміи, которая, заслышавъ выстрѣлы, конечно, догадалась бы о моемъ присутствіи. Какимъ образомъ было возстановить сообщеніе съ нашей арміей?

Эта экспедиція замѣчательна не по количеству золота, которое досталось въ мои руки,—это было дѣло счастія и удачи,—она замѣчательна тѣмъ, что я благополучно выпутался изъ бѣды; въ этомъ была, мнѣ кажется, нѣкоторая доля заслуги, но никто не принялъ этого во вниманіе; золото, взятое мною, возбудило зависть; если бы люди знали, какъ мало я придавалъ ему значенія! Меня не радовало обладаніе сокровищемъ, взятымъ мною съ бою, я былъ въ отчаяніи, что отъ меня ускользнулъ какимъ-то чудомъ Наполеонъ, этотъ великій полководецъ, смущавшій покой Европы.

Но я горевалъ одинъ, всѣ остальные ликовали, думая только о захваченныхъ деньгахъ.

Послѣ этой блестящей экспедиціи я отступилъ къ Зонневальде и старался внести нѣкоторый порядокъ въ тотъ хаосъ, который водворяется обыкновенно въ отрядѣ послѣ одержанной подобнаго рода побѣды, которая сулитъ такія положительныя выгоды всѣмъ принимавшимъ въ нѣй участіе.

Замѣтивъ, что казаки бросали алчные взгляды на три повозки, нагруженныя золотомъ и запряженныя каждая прекрасною осьмеркою лошадей, я боялся, чтобы при малѣйшей тревогѣ они не кинулись на нихъ, чтобы опустошить ихъ; въ такомъ случаѣ небольшаго непрія-

тельскаго отряда, человѣкъ въ 100 уланъ, было бы достаточно, чтобы перевернуть у насъ все верхъ дномъ.

Чтобы предупредить подобную случайность, я приказалъ развязать одну повозку, вынулъ изъ нея нѣсколько маленькихъ боченковъ, которые всѣ были снабжены изящными ярлычками съ надписями и содержали каждый по 100 франковъ, кои приказалъ раздать казакамъ.

Мои молодцы были въ восторгѣ, каждый изъ нихъ получилъ свою долю добычи. Черезъ полчаса въ отрядѣ водворилось спокойствіе; тогда я рѣшилъ выступить изъ Зонневальде, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ непріятелемъ, который, конечно, не замедлилъ бы преслѣдовать меня.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

лѣтніе дни. Японская горница. Спальня строительницы Шарлоттенбурга, жены Фр(идриха) I, Соф(іи) Шарлотты. Круглая зала съ видомъ на аллею и прудъ. Горницы наслѣднаго принца; его спальня въ той комнатѣ, гдѣ была прежде ванная покойной королевы: на столѣ нѣсколько книгъ и рисунковъ, между которыми забавныя каррикатуры. Въ горницы короля должно проходить черезъ билліардную, въ которой показывали кій Фридриха II съ чернымъ дерев(омъ) и перламутромъ. Онъ былъ увезенъ французами. Далѣе находятся двѣ горницы съ живописными картинами Фр(идриха)-Вильг(ельма) I, которыя не показываютъ, чтобы онъ былъ великій художникъ и имѣлъ живое чувство красоты. Лучшее произведеніе его кисти есть ужасный русск(ій) гренадеръ съ подписью: Redianow и еще Курительное общество. Комната съ моделями прусскихъ мундировъ; здѣсь показывали намъ маленькое ружье, принадлежавшее Фридриху II какъ младенцу. Королевскія комнаты просты; въ одной часть библіотеки Фридриха, стаканъ, сдѣланный Луизою, съ ея подписью; въ другой ея портретъ. Подлѣ китайская галлерея и кабинетъ Фридр(иха)-Виль(гельма) II. Спальня короля, отдѣланная кисеею; на столѣ его фуражка и афишки театр(альныя) [онъ быв(аетъ) часто въ Шарл(оттенбургѣ) и всегда въ театрѣ]; на креслѣ лежитъ синяя венгерка, старая и очень поношенная; онъ носилъ ее, бывши въ Мемелѣ съ королевою. Черезъ огромныя сѣни, гдѣ нах(одятся) замѣч(ательно) прекрасныя мр(аморныя) статуи Экиры и Иген [бывшія добыч(ею) франц(узовъ)], всходятъ вверхъ въ комнаты Фр(идриха) II, въ которыхъ жилъ ве(ликій) кн(язь) женихомъ. Бѣлая галлерея съ статуями; мраморная съ золотомъ, напоминающая царскосельскую. Зеленая горница съ пюпитромъ Фр(идриха) II, передъ которымъ онъ игралъ на флейтѣ; его спальня и постель. Его бюро. Горницы королевы на противной сторонѣ: онѣ принадлежали королю Фр(идриху)-В(ильгельму) II. Въ первой, украшенной обоями, на которыхъ вытк(ана) исторія Д. К. [1]), наход(ится) бюстъ императора Ал(ександра). Вторая украшена такими же обоями. Третья съ альковомъ, въ котор(омъ) находится постель короля. Четвертая большая горница, въ которой обыкновенно сидѣла королева; тутъ есть простыя мебели изъ краснаго дерева съ краснымъ сафьяномъ, подаренныя государемъ. На столѣ ея оставлены чернильница, бумага и два ея пера; въ углу чашки и самоваръ; передъ зеркаломъ въ рамкѣ нарисованные глаза корол(евы) съ четырьмя изъ дѣтей. Я узналъ глаза в(еликой) княгини. Изъ этой горницы входишь въ ея спальню. Она передѣлана. Въ то время, когда несчастная семья короля находилась въ Мемелѣ, король велѣлъ ее тайно о(тъ) королевы передѣлать. Наполеонъ, бывши въ Шарлоттенбургѣ, велѣлъ

[1]) Т. е. Донъ-Кихота.

перенести въ эту спальню постели Фридр(иха) II и Фр(идриха)-В(ильгельма) II и изъ трехъ составилъ себѣ одну; всѣ мебели изъ этой горницы были выброшены; она прекрасно убрана бѣлою кисеею, просто и со вкусомъ; но королева могла только три раза ночевать въ ней; она поѣхала къ своимъ роднымъ [1]) и не возвращалась уже [2]). Мое путешествіе по замку я заключилъ комнатами в(еликой) княгини. Самыя простыя горницы, обитыя обыкновенными обоями; постель ея, съ простымъ ситцевымъ занавѣсомъ, оставлена въ спальнѣ принцессы Александрины; тутъ я видѣлъ бюстъ королевы, сдѣланный съ ея маски; лице мертвое, но прекрасное. Я видѣлъ часть сада; онъ простъ, но милъ; прудъ, островъ, видъ на Шпандау.—Ввечеру былъ въ театрѣ Гропіуса [3]). Ничего необыкновеннаго.

23-го (ноября 4-го) [4]). Въ экспозиціи. Мало дост(ойнаго) примѣч(анія). Работы Рауха и Шадова. Рисунки Гаммера. Ввечеру въ театрѣ: Stille Wasser sind tief, von Schröder [5]). Ужиналъ въ ресторацій у Ягора.

24-го (ноября 5-го). У обѣдни. Горницы принцессы Вильгельмъ [6]). Ла-Мотъ-Фукэ [7]). Въ новомъ театрѣ [8]). Об(ѣдалъ) у вел(икой) княг(ини). Разговоръ съ принц(ессою) Фредер(икъ) [9]), съ принц(ессою) Вильгельмъ, съ герц(огинею) Кумберландск(ою). Въ театрѣ: Марія Стуартъ [10]).—Въ лицѣ Ла-Мота-Фукэ нѣтъ ничего, останавливающаго вниманіе. Есть живость въ глазахъ: онъ имѣетъ талантъ, и талантъ необыкновенный, онъ способенъ, разгорячивъ воображеніе, написать

---

[1]) Въ Стрелицъ.

[2]) Скончалась въ замкѣ Hohenzieritz 19-го іюля н. ст. 1810 года.

[3]) Въ этомъ мѣстѣ дневника фамилія владѣльца театра написана Жуковскимъ ошибочно: Групіуса. О театрѣ Гропіуса, который Жуковскій посѣтилъ вечеромъ 22-го октября, см. выше, стр. 79, прим. 4-е.

[4]) Въ подлинникѣ число выставлено ошибочно 22-го (5-го ноября), и затѣмъ, вслѣдствіе этой допущенной ошибки, невѣрныя даты идутъ и далѣе, по 6-е ноября включительно.

[5]) Комедія Фридриха-Лудвига Шредера (р. 1744†1816).

[6]) Принцессы Маріанны, супруги принца Вильгельма, брата прусскаго короля.

[7]) Извѣстный писатель баронъ Фридрихъ-Генрихъ-Карлъ де Ламоттъ-Фукэ (р. 1777†1843). Изъ его произведеній Жуковскій, какъ извѣстно, перевелъ впослѣдствіи Ундину.

[8]) Въ новомъ зданіи театра, которое строилъ знаменитый архитекторъ Шинкель и которое было открыто 26-го мая н. ст. 1821 года (см. R. Genée, Hundert Jahre des Königlichen Schauspiels in Berlin 1786—1886, Berlin. 1886, стр. 120 и 123).

[9]) Съ супругою принца Фридриха Прусскаго, принцессою Вильгельминою-Луизою.

[10]) Шиллера.

прекрасное; но это не есть всегдашнее, зависитъ отъ расположенія, находитъ вдохновеніемъ; авторъ и человѣкъ не одно, и лице его мало изображаетъ того, что чувствуетъ и мыслитъ авторъ въ нѣкоторыя минуты. Разговоръ нашъ состоялъ изъ комплиментовъ и продолжался недолго. Въ горницѣ принцессы Вильгельмъ много достойнаго примѣчанія. Два окна, въ которыхъ половина стеколъ писанныя и древнія: удивительная яркость цвѣтовъ; лучи солнца, падая сквозь на бюстъ и на лавры, стоящіе въ окнѣ, производятъ радужное сіяніе. Множество картинъ. Столъ раздѣленъ на-двое: одна половина для мужа, другая для жены. На столѣ бездна рѣдкостей, и каждая есть воспоминаніе! Ларчикъ, осыпанный камнями, изъ которыхъ каждый о чемъ-нибудь напоминаетъ. Сама хозяйка не послѣднее украшеніе своей горницы. Ее находятъ принужденною; я этого не скажу; въ лицѣ ея много пріятнаго выраженія: она величественно прекрасная женщина.—Осматр(ивалъ) театръ вмѣстѣ съ гр(афомъ) Брюлемъ [1]); зданіе великолѣпное; театръ самъ не великъ, но чрезвычайно удобенъ: всѣ украшенія кстати и со вкусомъ. Еще было бы, кажется, лучше, когда бы всѣ фигуры были писаны не красками, а въ видѣ барельефовъ: онѣ пестрятъ слишкомъ. Всѣ принадлежащія залы очень хорошей архитектуры—просто и богато; особливо зала для концертовъ прелестна своимъ скромнымъ великолѣпіемъ. Предосторожности противъ пожара; переходы; зала для репетицій; зала для писанія декорацій.—Ввечеру Марія Стуартъ. Я воображалъ, что представленіе покажется слишкомъ длиннымъ и что эта трагедія лучше для чтенія, нежели для представленія,—напротивъ; я не чувствовалъ скуки; вѣрность въ подробностяхъ пріятна; хотя иное и не принадлежитъ къ дѣйствію, но дополняетъ картину. Не скажу, что я былъ пораженъ игрою актеровъ; нѣтъ ни одного чрезвычайнаго; и въ этой піесѣ мало разительно-трагическаго; нѣтъ происшествія, котораго развязки ждешь съ любопытствомъ и страхомъ; Марія трогаетъ какъ жертва; трагедія ея есть картина ея страданій въ разныхъ оттѣнкахъ: это, можетъ быть, есть еще и недостатокъ, тяжелое и непріятное чувство видѣть слабую жертву безъ надежды спасенія въ рукахъ торжествующаго убійцы. Главныя роли были играны хорошо. Елизавета (М-е Wolff) имѣла все то благородство и величіе, котораго требуетъ ея характеръ; Лейстеръ (Wolff) также имѣлъ въ игрѣ своей много благородства [2]). М-е Schrök [3]), Марія,

---

[1]) Графъ Карлъ Брюль (Brühl) (р. 1772†1837) былъ главноуправляющимъ королевскимъ театромъ съ 1815 по 1828 годъ.

[2]) Пій-Александръ Вольфъ (р. 1782†1828) и его жена, г-жа Амалія Вольфъ, были выдающимися представителями драматическаго искусства на Берлинскомъ театрѣ. Вольфъ писалъ также и пьесы для театра.

[3]) Луиза Шрёкъ—тоже извѣстная актриса.

*

была очень трогательна въ пятомъ актѣ, въ сценѣ прощанія, въ сценѣ исповѣди; но, кажется мнѣ, она испортила минуту встрѣчи съ Лейстеромъ: здѣсь и авторъ впалъ въ погрѣшность; онъ заставляетъ ее слишкомъ много говорить.—Ніенштетъ [1]).

Герцогиня Кумберландская напоминаетъ нашу Елизавету [2]) своими манерами; она не имѣетъ ея прекраснаго стана и величества, но имѣетъ ея привлекательность. Королевское семейство вообще мило тою дружбою, которою всѣ въ немъ связаны: они веселятся вмѣстѣ жизнію; король между ими есть добрый отецъ семейства. При дворѣ много нѣмецкаго этикета, но между собою они просты, дружны, счастливы. Принц(есса) Александрина доброе, милое твореніе; принцесса Фредерика имѣетъ что-то нѣжное и тонкое; Альбрех(т)ъ живъ и необыкнов(енно) уменъ (какъ говорятъ); онъ не ходитъ, а прыгаетъ; Карлъ доброе дитя; Вильгельмъ степеннѣе; принца наслѣднаго я не знаю. Но всѣхъ милѣе наша в(еликая) к(нягиня); она идеалъ привлекательнаго добродушія: весело видѣть, какъ она здѣсь счастлива. Въ ея душѣ все прекрасное на своемъ мѣстѣ. Ее надобно чувствовать, тогда будешь и знать ее.

25-го (ноября 6-го). Поутру у в(еликой) к(нягини). Съ M-elle Wildermeth и граф(инею) Шуваловой въ Шарлоттенбургѣ. Шувалова получила письмо изъ Петербурга отъ Ушаковой [3]), которая описываетъ ей радости гатчинскія и фарсы Плещеева [4]). Х. [5]) играла на театрѣ;

---

[1]) Извѣстенъ Вильгельмъ Ніенштедтъ (Nienstädt), авторъ драмы „Die Hohenstaufen", вышедшей въ свѣтъ въ Лейпцигѣ въ 1826 году. — То же ли это лицо, которое упоминается въ дневникѣ Жуковскаго, сказать трудно.

[2]) Императрицу Елизавету Алексѣевну.

[3]) Варвары Павловны Ушаковой, фрейлины великой княгини Александры Ѳеодоровны.

[4]) Александра Алексѣевича.

[5]) Ниже, подъ 31-мъ октября и 1-мъ ноября, встрѣчаются еще двѣ записи о лицѣ, означенномъ буквою Х. Подъ 9-мъ (21-мъ) ноября въ дневникѣ Жуковскаго занесено еще слѣдующее: „У в(еликой) к(нягини). Разговоръ о Хилковой". Вѣроятно, рѣчь идетъ о фрейлинѣ княжнѣ Прасковіи Александровнѣ Хилковой. Этою княжною Хилковою въ 1823 году были пѣты на музыкальномъ вечерѣ, данномъ въ Гатчинѣ 6-го октября по случаю пріѣзда невѣсты великаго князя Михаила Павловича, слова ангела въ стихахъ Жуковскаго „Ангелъ и пѣвецъ", положенныхъ на музыку Мауреромъ (см. „Отечественныя Записки" 1823 года, ч. XVI, стр. 314—316). Впослѣдствіи княжна П. А. Хилкова вышла замужъ за графа Александра Ивановича Гендрикова.— Въ письмѣ Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, отъ 20-го сентября 1820 года встрѣчаются слѣдующія строки о Жуковскомъ: „Жуковскій ѣдетъ въ Берлинъ. Увы! онъ влюбленъ, но не женихъ! Ему хотѣлось бы жениться, но при дворѣ не легко найти невѣсту для стихотворца, хотя и любимаго" (Письма Карамзина къ Дмитріеву, Спб. 1866, стр. 294). Съ графинею С. А.

воображаю, что она была прелестна, и радуюсь, что не видалъ ее. Я говорилъ объ ней и объ себѣ съ Ш(уваловой). Чего я хочу? Ничего болѣе, какъ только, чтобы она думала обо мнѣ какъ должно. Далѣе этому итти не надобно. Будешь смѣшонъ и жалокъ. Теперь главное занятіе, главная надежда путешествіе; насладиться вполнѣ шестью мѣсяцами; остальное на волю Божію. — Обѣд(алъ) у к(нягини) Волхонской. Ввечеру дома и у Модена, съ которымъ все по прежнему чувствую большое принужденіе.

26-го (ноября 7-го). У вел(икой) княг(ини). Урока не было. У Шуваловой. У Ніенштета: кажется, человѣкъ прямодушный и откровенный. Мнѣ съ нимъ было ловко. Говорили о воспитаніи, о семействѣ короля, о нѣмецкой и русской литературѣ. Обѣдалъ у Крейтона [1]). Ввечеру въ театрѣ: Моцартова Cosi fan tutte.

27-го (ноября 8-го). У вел(икой) княг(ини). У Шуваловой.—Вмѣстѣ съ Перовскимъ къ Рауху. Прекрасное лице: глубокость, благородство; что-то тихое и живое; простота истиннаго артиста. Онъ показывалъ намъ свои работы съ любезною готовностью; говорилъ о своемъ искусствѣ съ жаромъ, но безъ надутости. Памятникъ Шарнгорста [2]) болѣе всѣхъ мнѣ понравился: онъ представленъ въ размышленіи; положеніе спокойное; на него накинутъ плащъ, котораго складки, весьма живописныя, оживля(ютъ) сухость нынѣшней одежды; впрочемъ костюмъ сохраненъ. Раухъ въ отчаяніи отъ того, что ему попался для этого памятника удивительно прекрасный и чистый кусокъ мрамора: нѣтъ ни одного пятна, и этотъ кусокъ долженъ быть жертвою дождя и тучъ. Гораздо было бы приличнѣе сдѣлать оба памятника изъ бронзы: она только пріобрѣтаетъ красоты отъ вліянія воздуха. Памятникъ Бюлова [3]) обыкновеннѣе; складки плаща не такъ живы; есть въ нихъ что-то тяжелое и однообразное; характеръ лица общій. Въ первомъ памятникѣ болѣе личнаго. Послѣ Шарнгорстова памятника лучшіе два Блюхеровы [4]), одинъ бронзовый маленькій, дающій понятіе о большомъ, уже

Самойловою Жуковскій имѣлъ передъ отъѣздомъ за границу какое-то объясненіе, о чемъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій писалъ своей дочери 8-го октября 1820 года (см. Хроника недавней старины. Изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго, Спб. 1876, стр. 241—242).

[1]) Василія Петровича Крейтона, доктора при дворѣ великаго князя Николая Павловича.

[2]) Знаменитаго прусскаго генерала и создателя „ландвера", Гергарда-Давида Шарнгорста (р. 1755†1813).

[3]) Графа Фридриха-Вильгельма Бюлова (р. 1755†1816), тоже извѣстнаго прусскаго генерала. Памятники Шарнгорсту и Бюлову, работы Рауха, находятся въ Берлинѣ.

[4]) Знаменитаго прусскаго фельдмаршала Блюхера (р. 1742†1819), одержавшаго рядъ побѣдъ надъ французами.

вылѣпленномъ и находящемся гдѣ, не знаю; другой, слѣпленный для отлитія. Въ обоихъ поэтически выражена живость генерала Vorwärts [1]), который въ послѣдній разъ хотѣлъ такъ сильно—во Франціи, что послѣ него еще бы сто лѣтъ—[2]). Памятникъ государя [3]) менѣе другихъ удаченъ: онъ представленъ въ порфирѣ, накинутой на мундиръ, вынимаетъ шпагу, на которой видна надпись: «За Русь и славу»; у ногъ двуглавый орелъ. Намъ стыдно передъ пруссаками: сколько уже у нихъ памятниковъ народной славѣ; они и Кутузова и Барклая не забыли, а мы строимъ храмъ [4]), который вѣчно не достроится, хотимъ благодарить Бога, Которому не нужна благодарность, и не думаемъ отдать чести тѣмъ, которые положили за отечество жизнь свою. Настоящее мѣсто для народныхъ памятниковъ не Петербургъ, а Москва: она была свидѣтельницею русскихъ подвиговъ; Петербургъ ни о чемъ не напоминаетъ: въ немъ долженъ быть одинъ памятникъ Петру.—Обѣдалъ у к(нягини) Волхонской. Въ театрѣ; новая трагедія Der Leuchtthurm von Ouwald [5]). Много поэзіи, есть сцены разительныя; но родъ этихъ трагедій есть уродство: цѣль ея для меня еще не очень понятна.

28-го. Поутру таблицы [6]). Обѣдалъ у Волхонской. Послѣ обѣда былъ у графа Грёбена [7]) съ Бокомъ [8]).

---

[1]) Это прозвище („General Vörwärts") стяжала Блюхеру быстрота его наступательныхъ дѣйствій.

[2]) Два слова въ этой фразѣ при печати выпущены.

[3]) Императора Александра I.

[4]) Храмъ Спасителя въ Москвѣ.

[5]) Трагедія Эрнста фонъ Houwald'а (р. 1778†1845).

[6]) Таблицы по русской грамматикѣ, которыя Жуковскій составлялъ при преподаваніи русскаго языка великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[7]) Вѣроятно, у графа Карла-Іосифа Грёбена (Gröben, р. 1788†1876), въ то время подполковника прусскаго генеральнаго штаба, впослѣдствіи генерала. Въ 1813 году гр. Грёбенъ служилъ, какъ доброволецъ, въ русской арміи и принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Люценомъ, Бауценомъ, Лейпцигомъ и Кульмомъ.

[8]) Тимоѳей Егоровичъ Бокъ, родомъ лифляндскій дворянинъ, находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ. Получивъ воспитаніе подъ руководствомъ извѣстнаго ученаго Лерберга, онъ вступилъ затѣмъ въ военную службу и участвовалъ въ походахъ 1805, 1807 и 1813 — 1815 гг. Въ Германіи онъ познакомился со многими замѣчательными людьми (въ томъ числѣ съ Гёте) и въ Берлинѣ часто являлся ко двору. О Бокѣ см. въ статьѣ Н. Лыжина: „Знакомство Жуковскаго съ романтическою школою" въ Лѣтописяхъ русск. литературы и древности, изд. Н. С. Тихонравовымъ, т. I, М. 1859, изслѣдованія, стр. 61—78. Въ этой статьѣ (стр. 77) говорится, что въ 1818 году Бока постигло несчастіе: „слишкомъ смѣло и рѣзко высказанныя убѣжденія лишили его на 9 лѣтъ свободы, которую не могли возвратить ему всѣ старанія Жуковскаго и другихъ вліятельныхъ особъ". Между тѣмъ, въ

29-го. Весь день дома за таблицами. Валленштейнъ [1]).

30-го. Таблицы. Обѣдалъ у Крейтона. Послѣ обѣда въ литейной. Ввечеру въ театрѣ: Hund von Obri [2]), Das Vorlegeschloss [3]), Beinahe verloren [4]).

31-го. Поутру у обѣдни. Бокъ представлялся в(еликой) княгинѣ. Домой. Посѣщеніе русскаго священника; онъ былъ долго въ Дрезденѣ, гдѣ крестилъ X. [5]). Исторія его дочери. Обѣдъ у принцессы Александрины: сидѣлъ за столомъ подлѣ Ансильона [6]), съ которымъ познакомился. Литература есть родство. M-e Bock. Милая принцесса Александрина. Послѣ обѣда познакомился съ Гуфландомъ [7]): лице его много выражаетъ; глубокомысленность и добродушіе. Въ театрѣ глупѣйшая піеса Коцебу [8]) Деодата и прелестныя декораціи, особенно декорація подземелья и въ послѣднемъ актѣ пожаръ, которымъ піеса заключается.

1-го ноября. У великой княгини. У Шуваловой: разговоръ о X. [9]). Съ Моденомъ въ католицкой церкви, въ лотерейной конторѣ, въ казино. Алопеусъ. Обѣд(алъ) у Волхонской. Въ театрѣ: Aline, die Königin von Golkonde [10]). Ужиналъ у в(еликаго) князя; лотерея, въ которую и я даже выигралъ.

2-го. У вел(икой) княгини. Первый урокъ. Хотѣлъ ѣхать съ визитами къ Ансильону, къ Боку, къ Брюлю, къ M-e Kleist, но засидѣлся у M-elle Wildermeth. Мы проговорили часа съ полтора: о вел(икой) княгинѣ, о путешествіи. У ней много ума и при немъ есть какое-то дѣтское простосердечіе. Нарышкинъ [11]) не правъ; она болѣе, нежели

1820 году, какъ видно изъ дневника Жуковскаго, Бокъ находился на свободѣ, жилъ за границею и даже представлялся въ Берлинѣ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (см. запись подъ 31-мъ октября). Съ 1827 года Бокъ жилъ въ своемъ имѣніи, лишенный разсудка.

[1]) Т. е. видѣлъ въ театрѣ трагедію Шиллера „Смерть Валленштейна".

[2]) Заглавіе не вполнѣ вѣрное; слѣдуетъ читать: Der Hund des Aubry, — фарсъ П.-А. Вольфа.

[3]) См. выше, стр. 77, прим. 10-е.

[4]) Beinah verloren—комедія Abt'a.

[5]) Ср. выше, стр. 84, прим. 5-е.

[6]) Іоганнъ-Фридрихъ Ансильонъ (Ancillon, р. 1767†1837), прусскій государственный дѣятель и писатель. Онъ былъ воспитателемъ Прусскаго кронпринца, будущаго короля Фридриха-Вильгельма IV.

[7]) Христіанъ-Вильгельмъ Гуфеландъ (Hufeland, р. 1762†1836), извѣстный врачъ, профессоръ и писатель; онъ былъ лейбъ-медикъ прусскаго короля. Съ его сочиненіями Жуковскій былъ знакомъ давно: изъ его „Makrobiotik" онъ дѣлалъ извлеченія еще въ 1804 году (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 49).

[8]) Извѣстнаго Августа Коцебу.

[9]) Ср. выше, стр. 84, прим. 5-е.

[10]) Опера Бертона.

[11]) Вѣроятно, Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ, о которомъ см. выше, стр. 52, прим. 8-е.

кто-нибудь, удалена отъ интриги. Обѣдалъ у Алопеуса безъ хозяина: съ Ансильономъ, Перпонше [1]) и Германомъ [2]). Послѣдній имѣетъ умъ и знанія и любезный характеръ добродушія. Ансильонъ, мнѣ кажется, изображенъ какъ нельзя лучше счастливымъ словомъ княжны Туркестановой [3]): «Il a beaucoup d'esprit, beaucoup de connaissance et d'éloquence, mais il fait sur moi l'effet d'un homme qui dicte» [4]). Et d'un homme, qui dicte bien, надобно прибавить. Этотъ человѣкъ много знаетъ, изъ пріобрѣтеннаго сдѣлалъ нѣчто цѣлое и порядочное; одаренъ памятью, и въ немъ, кажется, до сихъ поръ сохранился прежній проповѣдникъ [5]); но онъ проповѣдуетъ по правиламъ краснорѣчія на заданную матерію, которую всю употребилъ; изъ него не родится собственнаго; его души не чувствуешь, и душа къ нему не стремится. Знакомство съ нимъ есть узнаніе рѣдкости, которую хорошо видѣть разъ, но не встрѣча съ человѣкомъ, съ которымъ радъ бы пройти часть дороги. Я сказалъ слово о Ніенштетѣ; кажется по тому, какъ онъ объ немъ говорилъ, что онъ не совсѣмъ его жалуетъ. Но Ніенштетъ, какъ человѣкъ, болѣе имѣетъ для меня привлекательнаго. Былъ разговоръ о Бонапартѣ. Они, кажется, судили его не какъ люди, а какъ люди, имѣющіе мѣсто у двора. Одно только слово было сказано съ чувствомъ. Говорили, что онъ теперь работаетъ въ саду и любитъ стрѣлять птицъ, которыя къ нему залетаютъ. «Il faut avouer, qu'il a eu un beau jardin à cultiver, mais il n'a pas su le conserver [6])», сказалъ Ансильонъ и съ чувствомъ сожалѣнія о Франціи и Европѣ.—Въ театрѣ: Die Brüder von Terenz [7]). Съ масками. Девріенъ въ роли невольника Спруса былъ несравненъ и костюм(ом)ъ, и игрою.—Вечеръ у Модена. Разговоръ о печати, библіотекахъ и о русскомъ просвѣщеніи.

---

[1]) Генрихъ-Георгъ Перпонше (р. 1771†1856), нидерландскій генералъ и посланникъ въ Берлинѣ.

[2]) Съ полковникомъ Александромъ Ивановичемъ Германомъ (см. выше, стр. 75, прим. 3-е).

[3]) Фрейлина императрицы Маріи Θеодоровны, княжна Варвара Ильинична Туркестанова (р. 1775†1819), переписка которой, на французскомъ языкѣ, съ Фердинандомъ Кристиномъ напечатана въ „Русскомъ Архивѣ" 1882 и 1883 гг.

[4]) Т. е. у него много ума, много познаній и краснорѣчія, но онъ производитъ на меня впечатлѣніе человѣка, который проповѣдуетъ.—И который хорошо проповѣдуетъ.

[5]) Ансильонъ, по окончаніи богословскаго образованія въ Женевѣ, былъ нѣкоторое время проповѣдникомъ французской общины въ Берлинѣ.

[6]) Т. е. надо сознаться, что у него былъ для обработки прекрасный садъ, но онъ не сумѣлъ его сохранить.

[7]) Комедія Теренція „Братья", въ переводѣ Фридриха-Гильдебранда фонъ Эйнзидела (Einsiedel, р. 1750†1828).

3 ноября. Поутру съ в(еликою к(нягинею) въ кунсткаммерѣ: множество любопытнаго, но въ большой толпѣ видѣть всего порядочно не можно, или, лучше сказать, ничего видѣть не можно. Особенно достойны примѣчанія: сосуды и блюда изъ слоновой кости съ превосходными барельефами; серебряный сосудъ Родольфа II, который одинъ есть поэма; магдебургскій ящикъ, который я мало видѣлъ, но который можетъ дать точное понятіе о нѣкоторыхъ обычаяхъ 16-го вѣка, въ которомъ онъ сдѣланъ; маска Фридриха 2-го и Морò [1]); восковая фигура великаго курфирста; цѣлая мумія; собраніе одеждъ и оружій разныхъ дикихъ народовъ; собраніе рѣзныхъ камней и медалей. Но все въ худомъ приборѣ и весьма худо разставлено.—Обѣдалъ у к(нягини) Волхонской. Видѣлъ первый актъ Kauffmann von Venedig [2]) и сожалѣю, что не могъ всю эту піесу досмотрѣть. Игра Девріена есть совершенство: онъ учитъ роли свои, какъ человѣкъ, глубоко разбирающій человѣческое сердце; разборъ его игры былъ бы разборъ человѣческой натуры; сравнивая оригиналъ и списокъ, много можно найти истинъ нравственныхъ. Можно объ немъ сказать, что онъ актеръ добросовѣстный; онъ привязанъ съ удивительною вѣрностью, съ удивительнымъ уваженіемъ къ роли своей; разъ ее постигнувъ, онъ уже ни для чего и ни для кого ея не забудетъ: онъ не мыслитъ о партерѣ и его рукоплесканіяхъ и никогда истиною не пожертвуетъ успѣху.—Я не жалѣю, что пожертвовалъ Девріеномъ для Гуфланда. Я провелъ прекрасный вечеръ. Гуфландъ привлекательный старикъ. Въ первый разъ, когда я его увидѣлъ, сердце невольно къ нему склонилось; оно рѣдко обманывается. Я былъ счастливъ и доволенъ самимъ собою, говоря съ этимъ старикомъ, смотря ему въ лице, на которомъ глубокомысленная важность, тонкость слита съ какимъ-то привѣтливымъ простодушіемъ. Былъ разговоръ о Гёте (которому, какъ говорятъ, сдѣлался ударъ—но это извѣстіе невѣрно). Онъ зналъ его въ молодости и говоритъ, что никогда не встрѣчалъ человѣка, въ которомъ бы физическое и моральное было въ такомъ совершенствѣ и гармоніи, какъ въ немъ. Его кто-то прекрасно теперь назвалъ О л и м п і й с к и м ъ Ю п и т е р о м ъ б е з ъ б о р о д ы. Говорилъ и о Шиллерѣ. Бюсты обоихъ у него въ гостиной. Бюстъ сорокалѣтняго Гёте: удивительно прекрасный профи(ль)—это работа Тика [3]).

---

[1]) Извѣстный французскій генералъ, вызванный въ 1813 году императоромъ Александромъ изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ онъ проживалъ съ 1805 года. Онъ участвовалъ въ совѣтахъ о направленіи военныхъ дѣйствій союзниковъ противъ Наполеона. Тяжело раненый въ сраженіи подъ Дрезденомъ, онъ умеръ 20-го августа 1813 года.

[2]) Трагедія Шекспира, въ переводѣ извѣстнаго поэта и критика Августа-Вильгельма Шлегеля (р. 1767 † 1845).

[3]) Христіанъ-Фридрихъ Тикъ (Tieck, р. 1776†1851), извѣстный скульпторъ.

Г(уфландъ) говорилъ прекрасно о ложныхъ мѣрахъ правительствъ насчетъ притѣсненія свободы печатанія (объ этомъ предметѣ заговорили мы послѣ Стурдзы) [1]; кончилось разговоромъ о религіи; я сказалъ ему мысль Вейрауха [2]) о Троицѣ, которой красота меня поразила. Онъ съ милою довѣренностью сообщилъ мнѣ свою собственную мысль о томъ же, которая разительна своею простотою. «Все понятіе объ Троицѣ заключилъ я въ трехъ нѣмецкихъ L. Leben—Богъ Отецъ (Создатель и Хранитель), Liebe—Богъ Сынъ, Licht—Святый Духъ. Въ этихъ трехъ L вся жизнь человѣчества и ея великое назначеніе; ея начало и конецъ». Этотъ вечеръ прошелъ для меня прекрасно, его можно причислить къ хорошимъ минутамъ жизни; я былъ сначала обрадованъ радушнымъ пріемомъ хозяина, можетъ быть это сняло съ меня ту застѣнчивость, съ которою я къ нему поѣхалъ; можетъ быть, это же расположеніе было причиною и того, что мнѣ хозяинъ показался лучшимъ, или такимъ, каковъ онъ есть. Встрѣча съ человѣкомъ по сердцу есть то же, что вдругъ открывшійся глазамъ прекрасный видъ съ горы на поля, долины и рѣки. И то и другое удивительно дѣйствуетъ на душу, и то и другое пробуждаетъ въ ней все хорошее; становишься чувствительнѣе, выше, пробуждается мысль о Богѣ, о счастіи, объ друзь(яхъ), пробуждается возвышенная довѣренность къ самому себѣ. Смотря въ глаза старику Гуфланду, у меня вертѣлось на языкѣ слово Vater; онъ имѣетъ для меня прелесть Краузе [3]), но онъ въ другомъ родѣ. Но въ чемъ же эта прелесть?—Не въ умѣ, не въ знаніи, но въ сердцѣ, которымъ мы живемъ сами и которое въ другихъ животворитъ насъ и притягиваетъ. Сердце есть истинный магнитъ человѣка, имѣющій свою отрицательную и притягательную силу. Прощаясь съ старикомъ, я отъ души пожалъ его руку, а онъ мнѣ сказалъ съ какимъ то прелестнымъ доброжелательствомъ: «Adieu, Sie haben mich sehr erfreuet!» [4]). Эти слова звучали въ моей душѣ: дома невольная меланхолія меня наполнила; не могу ее изъяснить, но я готовъ былъ плакать; я увѣренъ, что въ моемъ путешествіи все трогающее будетъ имѣть надо мною это дѣйствіе.—У Гуфланда я познакомился съ докторомъ Кольраушемъ, который любитъ

---

[1]) А. С. Стурдза своею брошюрою „Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne“ возбудилъ противъ себя ненависть нѣмецкой университетской молодежи и былъ принужденъ покинуть Германію.

[2]) Вѣроятно, дерптскій знакомый Жуковскаго, „человѣкъ съ необыкновенными дарованіями, поэтъ въ обширномъ значеніи сего слова“, какъ отзывался о немъ Жуковскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ сентября или октября 1816 года (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 162). Этимъ Вейраухомъ были также положены на музыку нѣкоторыя пѣсни Жуковскаго (см. тамъ же, стр. 162, прим. 4-е).

[3]) Нѣмецкаго философа Карла-Христіана-Фридриха Краузе (р. 1781†1832).

[4]) Т. е. Прощайте, вы меня очень порадовали.

В(альтеръ) Скота и не любитъ Байрона; еще съ двумя русскими медиками, которые учились въ Берлинѣ, были въ Вѣнѣ и въ Англіи.

4 ноября. У в(еликой) к(нягини). Дома. У к(нягини) Волхонской. Споръ.—Въ театрѣ: Der grade Weg ist der beste [1]). Девріенъ какъ пасторъ. Вечеръ у Модена. Германъ.

5 ноября. Поутру былъ у Ансильона и Алопеуса. Обѣдалъ у в(еликаго) князя. Въ театрѣ: Jean de Paris [2]) и Der Freimaurer [3]).

6 (18) ноября. Поутру у M-elle Bischoffswerder [4]) и M-elle Wildermeth. Разговоръ о вояжѣ [5]). M-e Lestock [6]), которая капризничаетъ. M-e Bock. Обѣд(алъ) дома. Вечеръ у M-e Kleist, довольно скучный: Rauch, Tie(c)k, Schinkel [7]). Дочь M-e Kleist.

7, воскресенье. Обѣд(алъ) у велик(аго) князя. Pandore [8]). Вечеръ у графа Грёбена. Гофманъ [9]). Арнольдъ съ невѣстою [10]). Молодой офицеръ. Адъютантъ кронпринца [11]). Переливъ отъ дурнаго расположенія къ хорошему.

8. Михайловъ день. Обѣдъ у вел(икаго) князя. Ужинъ и маленькій балъ у принцессы Александрины.

9. У в(еликой) к(нягини). Урокъ. Вмѣстѣ съ в(еликой) к(нягиней) въ королевскихъ горницахъ. Слишкомъ скоро ходили, и я не могъ ничего разсмотрѣть; надобно пойти въ другой разъ. На верху горницы королевы оставлены, какъ онѣ были. Въ ея кабинетѣ записная книжка, сдѣланная вел(икою) княг(инею) для матери, чтобъ въ нее прятать ея письма. Портреты. Начатое шитье. Билетъ. Фридриховы [12]) картины—Монахъ на штрандѣ; Погребеніе ночью; Вершина горы съ крестомъ. Списки съ Рафаелевыхъ картинъ. Маленькій кабинетъ короля; кабинетъ, гдѣ онъ работаетъ съ министрами.—Прелестный обѣдъ у в(ели-

---

[1]) Комедія Августа Коцебу.

[2]) Опера Боельдье (Boieldieu).

[3]) Комедія Августа Коцебу.

[4]) Вѣроятно, у одной изъ дочерей извѣстнаго прусскаго генерала и государственнаго дѣятеля Іоганна-Рудольфа фонъ Бишофсвердера (р. 1741†1803).

[5]) Т. е. о предстоящемъ путешествіи Жуковскаго.

[6]) Жена прусскаго генерала.

[7]) Знаменитый архитекторъ и живописецъ Карлъ-Фридрихъ Шинкель (р. 1781†1841).

[8]) Быть можетъ, мелодрама „Pandore“, музыка которой была написана Бекомъ.

[9]) Вѣроятно, извѣстный писатель Эрнестъ-Теодоръ-Вильгельмъ Гофманъ (р. 1776†1822). Онъ былъ также музыкантомъ.

[10]) Піанистъ Арнольдъ (отправившійся вскорѣ въ Петербургъ) и его невѣста, Генріетта Kisting, пѣвица, дававшая нѣсколько концертовъ въ Берлинѣ.

[11]) Полковникъ Вильгельмъ-Карлъ фонъ Шакъ (Schack) (р. 1786†1831), впослѣдствіи генералъ-маіоръ, считавшійся выдающимся офицеромъ.

[12]) Живописца Фридриха (о немъ см. выше, стр. 74, прим. 7-е).

кой) княгини: M-elle Wildermeth, M-e Truchsess [1]). Въ театрѣ König Yngurd [2])—великолѣпная безсмыслица. Прекрасныя декораціи.

10. У в(еликой) к(нягини). Разг(оворъ) о Хилковой. Къ герцогинѣ Кумберландской и къ Брюлю. Обѣдалъ у герцогини Кумберландской. Въ театрѣ Д(онъ) Жуанъ [3]).

11. У в(еликой) к(нягини). У Грёбена. Въ горницѣ принца Прусскаго: Библіотека въ горницѣ Фредерика II. Кабинетъ. Двѣ Фридриховы картины: Церковь и Берегъ моря. Кабинетъ древностей: писанныя стекла; Юпитеръ, найденный въ Одерѣ. Консульское стуло. Фридриховъ пюпитръ. Прекрасное расположеніе. Кельнекова картина. Спальня: шкапъ съ игрушками; постель: Тайная вечеря; круглый столъ.—Шакъ.—Обѣдалъ дома. Ввечеру въ театрѣ: Torquato Tasso [4]). Ужинъ у в(еликой) княгини.

12 (24). У в(еликой) княгини. Обѣдъ въ ресторации. У Гофмана. Въ театрѣ: Heinrich der IV [5]).

13 (25). У в(еликой) княг(ини). Урока не было.—Дома. Обѣдалъ у Волхонской. Въ театрѣ: Joseph [6]) и концертъ на кларнетѣ. Ужинъ у Грёбена. Hoffman. Triumph der Ironie.

14 (26). Обѣд(алъ) у короля. Въ театрѣ: Barbier de Séville [7]). У Модена.

15 (27). Катался въ саняхъ. У Шуваловой. Обѣд(алъ) у Модена—споръ.—Гамлетъ [8]).—Кронпринцъ.

16 (28). У в(еликой) к(нягини). Дома. Об(ѣдалъ) у Модена. Въ театрѣ: Армида [9]).

17 (29). У кронпринца. У в(еликой) к(нягини). Обѣдалъ у в(еликой) к(нягини); за столомъ съ Ніенштетомъ: о кронпринцѣ; о королѣ; о Гамлетѣ. Въ театрѣ: Drouet [10]). M-e Seidler [11]).

---

[1]) Графиня Трухзесъ, оберъ-гофмейстерина королевскаго прусскаго двора.

[2]) Трагедія Амадея-Готфрида-Адольфа Мюльнера (Müllner, род. 1774† 1829).

[3]) Опера Моцарта.

[4]) Драма Гёте.

[5]) Драма Шекспира, переработанная для сцены Ламоттомъ-Фукѐ.

[6]) Опера французскаго композитора Мегюля.

[7]) Опера итальянскаго композитора Паизіелло.

[8]) Шекспира, въ переработкѣ для сцены А. В. Шлегеля.

[9]) Опера Глюка.

[10]) Извѣстный флейтистъ. Въ этотъ вечеръ Drouet исполнялъ въ театрѣ концертъ для флейты своего сочиненія.

[11]) Пѣвица Берлинской оперы.

18 (30). У в(еликой) к(нягини). У Блока [1]).—Обѣд(алъ) дома. У ворожеи. Бокъ. Грёбенъ.

19 (1 декабря). Письма къ Машѣ и Сашѣ [2]). Обѣдъ у принца Вильгельма. Въ театрѣ: Die falsche Primadonna [3]). Ужин(алъ) дома.

20 (2). Обѣд(алъ) у короля. Ужиналъ съ Пер(овскимъ) у Ягора.

21 (3), воскресенье. У обѣдни. У Шуваловой. Обѣд(алъ) у пр(инцессы) Александрины. Гуфландъ. Ансильонъ. Альцеста [4]) въ театрѣ.

22 (4). У в(еликой) к(нягини). Обѣд(алъ) у к(нягини) Волх(онской). Балъ: графиня Бернсторфъ [5]).

23 (5). У в(еликой) к(нягини). Кронпринцъ. Самойловой помолвка [6]). У Шуваловой. Обѣдалъ съ Моденомъ у Ягора. Singakademie. Leuchtthurm [7]). Der bestrafte Narcissos [8]).

24 (6). У в(еликой) к(нягини). Урока не было. Гулялъ. Обѣд(алъ) у Модена. Въ театрѣ: Joconde [9]). Дурно.

25 (7). У в(еликой) к(нягини). Въ галлереѣ картинной. Гиртъ [10]): Рафаелева Мадонна; Гольбейновъ и Тиціановъ портретъ; Мадонна; складныя картины Ванъ-Ейка. Обѣдалъ дома. Вечеръ у герцога Кумберландскаго: Ich bin mein Bruder [11]). Der Schein trügt. Балетъ. Ужиналъ съ Брюлемъ. Вольфъ. Грёбенъ. Актеры вмѣстѣ съ другими за столомъ.

26 (8). У в(еликой) к(нягини). Урока не было. Грёбенъ. Сынъ принца Фридриха [12]). Обѣдалъ у к(нягини) Волхонской. Въ театрѣ: Johanna vo(n) Orlean(s) [13]), игранная въ первый разъ M-elle Franz. Нельзя

---

[1]) Одинъ Блокъ, Александръ Ивановичъ, управлялъ придворною конторою великаго князя Николая Павловича.—Въ Берлинѣ находился въ это время еще другой Блокъ, русскій генералъ-маіоръ. Наконецъ, былъ еще прусскій генералъ Блокъ.

[2]) Къ М. А. Мойеръ и А. А. Воейковой.

[3]) Фарсъ съ пѣніемъ, соч. Юліуса Фосса; музыка Шустера.

[4]) Опера Глюка.

[5]) Вѣроятно, жена прусскаго министра графа Бернсторфа.

[6]) Графини С. А. Самойловой съ графомъ А. А. Бобринскимъ.—Извѣстіе объ этомъ находится также въ письмѣ А. И. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому отъ 17-го ноября 1820 года (см. „Остафьевскій Архивъ“, т. II, стр. 104).

[7]) См. выше, стр. 86, прим. 5-е.

[8]) Der neue Narcissos, bestraft durch Venus, балетъ Ф. Тальони (р. 1777 † 1871).

[9]) Joconde, oder die Abenteuer, комическая опера съ танцами.

[10]) Вѣроятно, Эмиль Гиртъ (Hirt, р. 1759 † 1837), археологъ и историкъ искусствъ, профессоръ Берлинскаго университета.

[11]) Комедія C. W. Contessa (р. 1777†1825).

[12]) Маленькій сынъ принца Фридриха Прусскаго, принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ-Лудвигъ-Александръ, родившійся 21-го іюня н. с. 1820 года.

[13]) Шиллера.

сказать рѣшительно, чтобы она имѣла, что называется, великій талантъ; этого не видно изъ ея игры, особливо изъ ея чтенія, но она играла хорошо, особливо много дѣйствовало ея прелестное лице, которымъ она дѣйствуетъ лучше, нежели языкомъ и руками. Въ большомъ монологѣ пролога она не сохранила надлежащей постепенности. «Исполнилось и шлемъ сей посланъ имъ»—этотъ стихъ и прочіе послѣдніе были мало отдѣлены. Въ четвертомъ актѣ въ началѣ ей не должно выходить, а уже быть на сценѣ; во время марша она не должна такъ театрально шататься, а итти въ глубокой задумчивости и шагомъ, отличнымъ отъ другихъ. Роль Раймонда я далъ бы Вольфу. «Mit was denn?» сказано было не такъ, какъ должно: это слово она должна произносить не съ удивленіемъ и неудовольствіемъ, а съ чувствомъ дружескаго сожалѣнія къ товарищу, котораго вопросъ есть величайшее доказательство любви и пожертвованія. Она рано встаетъ въ послѣдней сценѣ. Надобно непремѣнно, чтобы зритель чувствовалъ, что она держится на ногахъ не собственною, а сверхъестественною силою. Дѣйствіе этой трагедіи имѣетъ что-то магическое, отличное отъ всякаго другаго дѣйствія. Мнѣ жаль сцены съ Монгомери; въ прологѣ многое напрасно выпущено; особенно сердитъ облако, или свѣтлая тряпка, которая спускается такъ некстати и разрушаетъ дѣйствіе послѣдняго монолога.—Nichts von Verträgen.

27 (9). Письма къ Машѣ [1]) и Тургеневу [2]). Обѣд(алъ) дома. Въ театрѣ: Joseph [3]) и Drouet [4]).

28 (10). Дома. Обѣдалъ съ Германомъ у Ягора. Гулялъ въ Thiergarten и въ Bellevue. Въ театрѣ: Sa(p)pho [5]). Кубе [6]).

29 (11). Обѣдалъ у Кубе. Въ театрѣ: Parteiwuth [7]). Удивительный Девріенъ.

30 (12). Обѣдалъ у Алопеуса. Johanna von Orlean(s).

---

[1]) Къ М. А. Мойеръ.

[2]) Письмо Жуковскаго къ А. И. Тургеневу отъ 27 ноября (9 декабря) 1820 года напечатано въ „Письмахъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 192—194.

[3]) Опера Мегюля.

[4]) Drouet опять исполнялъ концертъ для флейты.

[5]) Трагедія Грильпарцера.

[6]) Ср. выше, стр. 72, прим. 8-е.

[7]) Parteiwuth, oder die Kraft des Glaubens, драма Фридриха-Вильгельма Циглера (Ziegler, р. 1759†1827).

1 (13) декабря. У в(еликой) к(нягини). Разговоръ о приказѣ [1]). Hufeland. Обѣд(алъ) у Волхонской. Der neue Sonntagskind [2]).

2 (14). У в(еликой) к(нягини). Съ Ш. [3]) въ книжную лавку. Gallerie Justiniani [4]). Весталка [5]).

3 (15). У в(еликой) к(нягини). Принцъ. Об(ѣдалъ) у Модена. Der Theaterdichter [6]).

4 (16). Дома обѣд(алъ). Карта. Schweizerfamilie [7]). У ...... [8]).

5 (17). Поутру у Гирта [9]). Обѣд(алъ) у в(еликой) к(нягини). Ввечеру на дѣтской ярмонкѣ.

6 (18). Им(енины) в(еликаго) к(нязя). У в(еликой) к(нягини). Déjeuner dînatoire. Вечеръ у короля: Le ci-devant jeune homme [10]), Le coin de rue [11]). Балъ. Фр(анцузская) кадр(иль) в(еликой) к(нягини). Въ ночь пріѣздъ в(еликаго) к(нязя) [12]).

7 (19). У в(еликой) к(нягини). Обѣд(алъ) у короля. Потомъ у Алопеуса: M-e Seidler [13]), Borgondin, Hatzfeld, Drouet [14]). Въ театрѣ Fluch und Segen [15]) и Die eifersüchtige Frau [16]). Вольфъ [17]).

---

[1]) По всему вѣроятію, о приказѣ императора Александра I по арміи отъ 2 (14) ноября, по поводу извѣстной Семеновской исторіи. Этимъ приказомъ повелѣно было всѣхъ нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка распредѣлить по разнымъ полкамъ арміи; виновнѣйшихъ же изъ нихъ, преданныхъ суду, подвергнуть наказанію по всей строгости законовъ; штабъ- и оберъ-офицеровъ Семеновскаго полка перевести въ армейскіе полки, а полковаго командира Шварца предать военному суду. Переводъ этого приказа явился въ № 151 „Berlinische Zeitung“, отъ 16 декабря н. с. 1820 года.

[2]) Das Neusonntagskind, комическая опера Венцеля Миллера (Müller, р. 1767†1835).

[3]) Вѣроятно, съ гр. Шуваловою; а можетъ быть, съ И. П. Шамбо.

[4]) Galleria Giustiniana—знаменитая картинная галлерея, находившаяся въ Римѣ и распроданная въ 1807 году; часть ея поступила въ Берлинскій королевскій музей.

[5]) См. выше, стр. 78, прим. 6-е.

[6]) Комедія, передѣланная съ англійскаго Адальбертомъ фонъ-Тале (псевдонимъ Карла фонъ Деккера, см. выше, стр. 77, прим. 10-е).

[7]) Die Schweizerfamilie—опера Іосифа Вейгля (Weigl, р. 1766†1846).

[8]) Фамилія написана неразборчиво.

[9]) См. выше, стр. 93, прим. 10-е.

[10]) Комедія, въ одномъ актѣ, соч. Jean Merle и Nicolas Brazier.

[11]) Водевиль, въ одномъ актѣ, соч. Dumersan и Brazier.

[12]) Великій князь Николай Павловичъ ѣздилъ въ Троппау, гдѣ находился на конгрессѣ императоръ Александръ.

[13]) Извѣстная пѣвица.

[14]) Извѣстный флейтистъ (см. выше, стр. 92, прим. 10-е).

[15]) Драма Houwald'а (о немъ см. выше, стр. 86, прим. 5-е).

[16]) Комедія Августа Коцебу.

[17]) Извѣстный актеръ (см. выше, стр. 83, прим. 2-е).

8 (20). У в(еликой) к(нягини). Урокъ. Съ Германомъ и Фурманомъ гулялъ. Обѣд(алъ) у Герм(ана). Домой.

13 (25) и 14 (26). Въ Потсдамѣ. Эйлертъ [1]). Der Schneider Fips. Die Drillinge [2]). Die Geheimnisse [3]). C(a)esario [4]).

15 (27). Возвращеніе въ Берлинъ. Обѣд(алъ) у Модена съ Пер(овскимъ), Герм(аномъ), Олсуф(евымъ) [5]) и Крейт(ономъ). Уж(иналъ) дома.

16 (28). Обѣдъ у Алопеуса. Разговоръ за столомъ съ Шакомъ [6]). Ввечеру у короля трогательный семейный праздникъ.

17 (29). Обѣд(алъ) у Германа. Разговоръ о религіи съ Олсуфьев(ымъ). Въ театрѣ: Romeo und Julia [7]). M-e Stich [8]). Вечеръ у герц(огини) Кумберландск(ой). Дома. Моденъ.

18 (30). У в(еликой) к(нягини). Дома: Германъ, Олсуфьевъ, Моденъ. У короля: Coin de rue [9]). Tableaux.

19 (31). Дома. Гулялъ. У Модена. У Грёбена.

20 (1 января 1821). Въ Потсдамѣ. Поздравленія за столомъ. Въ театрѣ: Die beiden Gutsherrn [10]).

21 (2). Прогулка въ городѣ. Гробъ Фридриха. За обѣдомъ разгов(оръ) съ гр(афиней) Трухзесъ [11]). Въ театрѣ: Fluch und Segen [12]). Der Gefangene [13]).

22 (3). Прогулка съ M-elle Wildermeth и гр(афиней) Шув(аловою). Комнаты Фридриха: портретъ Барберини; концертная зала и столъ, накрытый бархатомъ; зеркальная комната и ободранный столъ; спальня;

---

[1]) Rulemann Friedrich Eylert (р. 1770 † 1852), ранѣе придворный проповѣдникъ въ Потсдамѣ, а съ 1817 года евангелическій епископъ и членъ Государственнаго Совѣта, довѣренное лицо и совѣтникъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, о которомъ впослѣдствіи онъ издалъ воспоминанія („Characterzüge und historische Fragmente aus dem Leben Friedrich Wilhelm's III").

[2]) Комедія (передѣлка съ французскаго) Бонина (Bonin).

[3]) Комедія (передѣлка съ французскаго оригинала Melesville) Ломберта.

[4]) Комедія П.-А. Вольфа.

[5]) Вѣроятно, съ Василіемъ Дмитріевичемъ Олсуфьевымъ (р. 1796 † 1858), впослѣдствіи гофмаршаломъ двора цесаревича Александра Николаевича, а затѣмъ оберъ-гофмейстеромъ, съ 1856 года графомъ.

[6]) Адъютантомъ кронпринца прусскаго (см. выше, стр. 91, прим. 11-е).

[7]) Шекспира.

[8]) Извѣстная актриса Августа Düring, вышедшая въ 1817 году замужъ за Stich'a.

[9]) См. выше, стр. 95, прим. 11-е.

[10]) Комедія съ танцами, соч. Юліуса фонъ Фосса.

[11]) См. выше, стр. 92, прим. 1-е.

[12]) См. выше, стр. 95, прим. 15-е.

[13]) Опера французскаго композитора Доминика Della-Maria (р. 1764 † 1800).

въ государственно-правовомъ положеніи обѣихъ земель.

Жестокія репрессивныя мѣры, объявленныя англійскимъ главнокомандующимъ со времени состоявшагося (на бумагѣ) присоединенія республикъ, являются безпримѣрными въ современной военной исторіи. Гдѣ видано, чтобы изгнанію были подвергаемы женщины и дѣти, кормилицы которыхъ находятся на поляхъ битвъ! Гдѣ бывало, чтобы у населенія безъ дальнихъ разговоровъ отбирались лошади, волы, мулы, повозки; чтобы людей хватали какъ преступниковъ только за то, что отказываются дать подъ присягою обѣщаніе не нарушать нейтралитета?..

На войну съ бурами смотрѣли въ Англіи какъ на игру, которая, во всякомъ случаѣ, окончится къ Рождеству; побѣду считали дѣломъ заранѣе рѣшеннымъ; между тѣмъ, англійскіе генералы поочередно претерпѣвали пораженія, отчасти при невѣроятныхъ обстоятельствахъ. Главнокомандующаго Буллера замѣнили лордомъ Робертсомъ, а Робертсъ все требовалъ войскъ, войскъ и войскъ. Когда дѣла буровъ пошли хуже, въ Англіи раздались крики радости по поводу миновавшей опасности, хотя, въ сущности, говорить объ этомъ было еще преждевременно.

Бурская война,—говоритъ д-ръ Тилле въ заключеніе,—является свидѣтельствомъ безсилія Англіи въ сухопутной войнѣ: она обнаружила передъ всѣмъ свѣтомъ печальное состояніе британской арміи и ея управленія. Англія утратила всякій военный престижъ; кромѣ того, сильно пострадала ея репутація культурной страны, вслѣдствіе варварскихъ мѣръ, принятыхъ англійскими главнокомандующими какъ противъ мирныхъ буровъ, такъ и противъ жившихъ въ южно-африканскихъ республикахъ иностранцевъ.

Не мало интересныхъ свѣдѣній сообщается въ книгѣ д-ра А. Тилле объ англійской арміи вообще.

Англійскій офицеръ не любитъ своего мундира; онъ снимаетъ его тотчасъ же, какъ только освободится отъ служебныхъ занятій, и вообще избѣгаетъ появляться въ формѣ на бойкихъ улицахъ... Британская постоянная армія слагается изъ отбросовъ англійскаго народа, сохранившихъ лишь столько энергіи, сколько требуется для того, чтобы за обильное продовольствіе и около 30 к. карманныхъ денегъ въ сутки продѣлывать воинскія упражненія въ теченіе трехъ часовъ ежедневно. Да и эти люди бунтуютъ и сбѣгаютъ, если казенная ѣда окажется случайно невкусною. Въ армію стекается всякій сбродъ: тутъ и какой-нибудь приказчикъ, уволенный отъ должности за воровство, и какой-нибудь забредшій въ городъ молодой бродяга, и юноша, котораго ограбили мошенники и который не знаетъ, гдѣ преклонить голову; тутъ и человѣкъ, опасающійся на завтра ареста за совершенное воровство со взломомъ. Такимъ образомъ, при всѣхъ своихъ отрицательныхъ сторонахъ, англійская армія приноситъ Великобританіи и извѣстнаго рода пользу въ томъ смыслѣ, что освобождаетъ ее отъ наиболѣе испорченныхъ и нравственно опустившихся общественныхъ элементовъ.

Со службою въ арміи сопряжено безбрачіе, которое, при семи, двѣнадцати и двадцати одномъ годахъ службы, получаетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ при всеобщей воинской повинности.

Корпуса офицеровъ въ британской арміи не существуетъ: въ ней есть только единичные, разрозненные офицеры, лишенные духа общности, какъ члены арміи. Большинство стыдится своего положенія и по возможности скрываетъ его. Офицеры одного и того же гарнизона бываютъ часто незнакомы между собою; они стекаются въ армію со всевозможныхъ поприщъ и обладаютъ лишь очень незначительнымъ спеціально-военнымъ образованіемъ. Съ весны 1900 г. общественное положеніе ихъ еще болѣе понизилось въ глазахъ публики вслѣдствіе производства въ офицеры очень большаго числа унтеръ-офицеровъ.

Въ смыслѣ нравственныхъ качествъ милиція стоитъ гораздо выше постоянной арміи, но зато она ниже ея въ отношеніи солдатской выучки и стрѣльбы; конная милиція называется іоманри; она слагается исключительно отъ земельныхъ арендаторовъ, коневодовъ, хозяевъ извоза, содержателей манежей, бывшихъ конныхъ полисменовъ, владѣльцевъ омнибусовъ и т. п., людей, которые могутъ поставить въ строй лошадь и умѣютъ ѣздить верхомъ. Офицеры этого войска состоятъ почти сплошь изъ мелкихъ дворянъ-землевладѣльцевъ и отставныхъ кавалерійскихъ офицеровъ.

Что касается волонтеровъ, то этого рода войско имѣется только въ Англіи и Шотландіи; въ Ирландіи ихъ нѣтъ. До лѣта 1900 г. волонтеры обязаны были службою лишь на британскихъ островахъ; но потомъ ихъ обязали нести службу какъ внутри, такъ и внѣ Соединеннаго королевства. Волонтеръ содержитъ себя, обмундировывается и нанимаетъ себѣ квартиру на собственныя средства, государство же даетъ ему оружіе и боевые припасы и принимаетъ на себя всѣ прочія издержки по баталіону. Вѣнцомъ волонтеровъ является ихъ артиллерія въ составѣ 98-ми батарей; вооружены онѣ отчасти 6-ти-фунтовыми полевыми орудіями, но ни одна изъ этихъ батарей не была отправлена въ Южную Африку.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мельє и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. —V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно.**

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

